

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

**WORLDS
OF CLIFFORD
D. SIMAK**

SHORT STORIES

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

РАССКАЗЫ

Издательская фирма «Полярис»
1994

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
составление

© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

Перепечатка отдельных рассказов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данного
издания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя

УТРАЧЕННАЯ ВЕЧНОСТЬ

МАРСИАНИН

Из дальнего космоса возвращался домой «Привет, Марс—IV» — первый звездолет, достигший Красной планеты. Его обнаружили телескопы Лунной обсерватории, что располагалась в кратере Коперник; на Землю сразу же ушло сообщение с координатами корабля. Несколько часов спустя земные приборы засекли в небе крохотную мерцающую точку

Два года назад те же самые телескопы провожали звездолет в путь — до тех пор пока серебристый корпус корабля не затерялся среди звезд. С того дня «Привет, Марс—IV» не подавал никаких сигналов; и вот теперь Лунная обсерватория, заметив вдалеке пятнышко света, известила Землю о его появлении.

Поддерживать с кораблем связь во время полета не представлялось возможным. На Луне находились мощные радиостанции, способные передавать ультракоротковолновые сообщения на расстояние в четверть миллиона миль, отделявшее Луну от Земли. Но это был предел: о связи через пятьдесят миллионов миль не приходилось и мечтать. Так что звездолет словно сгинул в пространстве, оставив людей на Земле и Луне гадать об участии экипажа.

Madness from Mars, 1939

© 1994 К. Королев, перевод на русский язык

Ныне же, когда Марс вновь очутился напротив Земли, корабль возвращался, корректируя курс — из дюз то и дело вырывалось пламя; стальной комарик мчался к родной планете, прочь из таинственного безмолвия, резво преодолевая милю за милей. Он возвращался победно, его корпус покрывал слой красной марсианской пыли.

На борту звездолета находилось пятеро отважных мужчин — Томас Делвени, начальник экспедиции; рыжеволосый навигатор Джерри Купер, лучший кинооператор мира Энди Смит и еще двое астронавтов, Джимми Уотсон и Элмер Пейн — суровые ветераны, принимавшие когда-то участие в покорении Луны.

Этот «Привет, Марс» был четвертым — три предыдущих корабля так и не вернулись, три запуска окончились неудачей. Первый звездолет в миллионе миль от Луны столкнулся с метеоритом. Второй — это было видно в телескопы — полыхнул пламенем и превратился в алое пятно: взорвались топливные баки. Третий попросту исчез — летел себе и летел, пока не пропал из виду; шесть лет подряд специалисты ломали головы над тем, что же произошло, но так и не пришли ни к какому выводу.

Тем не менее четыре года спустя — то есть два года назад — с Земли стартовал «Привет, Марс—IV». Теперь он возвращался — серебристая точка в черном небе, — сверкающий символ человеческого стремления к другим планетам. Он достиг Марса — и вот теперь возвращается. За ним полетят другие; некоторые погибнут, сгинут без следа, однако кому-то посчастливится, и человечество, столь настойчиво и слепо пытающееся разорвать земные путы, наконец-то ступит на дорогу к звездам.

— Как по-вашему, док, что они там нашли?

Джек Вуд, корреспондент «Экспресс», закурил сигарету.

Доктор Стивен Гилмер, председатель Комиссии по межпланетным сообщениям, выпустил клуб дыма — он курил сигару — и ответил, не скрывая раздражения:

— Откуда, черт побери, мне знать? Надеюсь, что хоть что-то. Эта прогулка обошлась нам в миллион баксов.

— Ну а все-таки, док? — не отступался Вудс. — Что они могли там обнаружить? Без подробностей, в общих чертах. На что похож Марс?

— Я скажу, а потом вы поместите мои слова на первой странице, — брюзгливо отозвался Гилмер, пожевав сигару. — Не желаю ничего придумывать. Вечно вам невтерпех. Знаете, ребята, порой вы меня изрядно достаете.

— Док! — умоляюще воскликнул Гэри Хендерсон из «Стар». — Скажите нам хоть что-нибудь.

— Точно, — поддержал коллегу Дон Бакли из «Спейсуэйз». — Какая вам разница? Вы ведь всегда можете заявить, что мы неправильно вас поняли. Такое случается сплошь и рядом.

Гилмер указал на стоящую чуть поодаль группу — членов официального комитета по встрече.

— Почему бы вам не пообщаться с мэром? Он наверняка не откажется.

— Конечно, — согласился Гэри, — но опять отделяется пустыми фразами. И потом, мы так часто печатали его фотографию на первой полосе, что он, похоже, решил, будто владеет газетой.

— Как вы думаете, почему они не выходят на связь? — спросил Вудс. — Корабль уже несколько часов в зоне слышимости.

— Может у них сломался передатчик, — предположил Гилмер, перекатив сигару из одного уголка рта в другой.

Чувствовалось, что он обеспокоен молчанием звездолета. Доктор наморщил лоб. Неужели передатчик поврежден настолько серьезно, что его невозможно починить?

Шесть часов назад корабль вошел в атмосферу и принялся кружить по орбите, гася огромную скорость. Весть о прибытии звездолета быстро распространилась по планете, и на космодром хлынули любопытные. Людей становилось все больше, на близлежащих шоссе возникли громадные пробки, полицейские кордоны с трудом удерживали толпу зевак, что норовили попасть на посадочную площадку. День выдался жаркий, прохладительные напитки шли нарасхват. У кого-то из

женщин случился обморок; кого-то нечаянно повалили наземь и затоптали. Какое-то время спустя завывала сирена «скорой помощи».

— Уф! — выдохнул Вудс. — Посылаем корабли на Марс, а управлять толпой до сих пор не научились. — Он выжидающе уставился в ярко-голубое небо. — Скоро должен появиться.

Конец фразы репортера заглушил нарастающий рев, от которого, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Из-за горизонта вынырнул звездолет; сверкнув на солнце, он пронесся над космодромом, сопровождаемый восторженным ревом толпы, который на мгновение как будто даже перекрыл грохот двигателей, и исчез в отдалении, полыхнув носовыми дюзами.

— Купер выжимает все, что может, — благоговейно произнес Вудс. — Корпус того и гляди расплавится.

Он поглядел на запад, вслед исчезнувшему из виду кораблю. Сигарета, про которую Вудс совсем забыл, обожгла ему пальцы. Краем глаза он заметил фотокорреспондента «Экспресс» Джимми Эндрюса.

— Ты успел снять? — рявкнул Вудс.

— Еще чего! — крикнул в ответ Эндрюс. — Попробуй-ка сними молнию!

Звездолет показался снова. Он летел медленнее, однако его скорость по-прежнему ужасала. На какой-то миг корабль словно завис в воздухе, после чего клюнул носом и устремился к космодромю.

— Он не сядет на такой скорости! — завопил Вудс. — Он же разобьется!

— Осторожно!

Этот звук вырвался сразу из доброй дюжины глоток. Корабль приземлился — вонзился носом в землю, оставив позади себя глубокую дымящуюся борозду. Корма задралась высоко вверх: чудилось, что звездолет в любой момент может опрокинуться.

Толпа на дальнем конце поля, охваченная паническим страхом при виде надвигающегося на нее стального монстра, мгновенно рассыпалась в разные стороны. Люди бежали, толкались, спотыкались, сбивали друг друга с ног. Однако «Привет, Марс—IV» замер в непосредственной близости от полицейского кордона, уже не способный перевернуться, — потрепанный, побывавший в переделках звездолет, первым достигший Марса и вернувшийся домой.

Корреспонденты и фотографы кинулись вперед. Толпа завизжала. Визг смешался с гудками автомобилей и воем сирен. Издалека, с окраины города, доносились пронзительные свистки и перезвон колоколов.

На бегу Вудсу пришла шальная мысль, в которой было что-то от дурного предчувствия. Такая посадка... Управляй кораблем Джерри Купер, он ни за что не стал бы сажать звездолет на столь чудовищной скорости. Это было сущим безумием, а Джерри — опытный навигатор, не из тех, кто любит играть со смертью. Джек видел его пять лет назад, на Лунном дерби, и не мог не восхититься искусством, с каким Джерри пилотировал свой корабль.

Люк в борту звездолета медленно открылся, лязгнул металл. Из корабля вышел человек — вышел, покачнулся, упал и не поднимался.

Доктор Гилмер подбежал к нему и подхватил на руки.

Вудс мельком увидел запрокинутую голову и лицо астронавта. Лицо принадлежало Джерри Куперу, но черты исказились настолько, что узнать того было почти невозможно. Это лицо запечатлелось в памяти Вудса, будто вытравленное кислотой — кошмарный образ, при воспоминании о котором бросало в дрожь: глубоко запавшие глаза, ввалившиеся щеки, стекающая слюна, и с губ слетают какие-то нечленораздельные звуки...

— Уйди с дороги! — гаркнул Эндрюс, отталкивая Вудса. — Или как прикажешь снимать.

Джек услышал тихое гудение. Затем раздался щелчок. Все, снимок есть.

— Где остальные? — крикнул Гилмер. Купер бессмысленно уставился на него; лицо навигатора исказилось гримасой страха и боли сильнее прежнего. — Где остальные?

Во внезапно наступившей тишине голос Гилмера прозвучал неожиданно громко.

— Там, — прошептал Купер, мотнув головой в сторону корабля. Его шепот резанул уши всем, кто стоял поблизости. Он вновь забормотал что-то невразумительное, а потом с усилием прибавил: — Мертвы. — И повторил в тишине. — Все мертвы.

Остальных членов экипажа обнаружили в жилом отсеке, позади запертой рубки. Все они были мертвы, причем умерли достаточно давно.

Энди Смиту кто-то размоzzил могучим ударом череп. Джимми Уотсона задушили: на шее до сих пор виднелись синие, вздувшиеся отпечатки чьих-то пальцев. Элмер Пейн скрючился в уголке: на его теле не нашли никаких следов насилия, хотя лицо выражало отвращение — этакая маска боли, страха и страдания. Томас Делвени распростерся у стола на полу с перерезанным горлом — похоже, старомодной бритвой с побуревшим от крови лезвием, которую крепко сжимал в правой руке.

У стены жилого отсека стоял большой деревянный ящик, на котором кто-то написал дрожащей рукой одно-единственное слово — «Животное»... Судя по всему, надпись должна была иметь продолжение: ниже виднелись диковинные закорючки, нацарапанные тем же черным мелком. Они змеились по доскам — и не сообщали ничего сколько-нибудь полезного.

К вечеру буйнопомешанный, который был когда-то Джерри Купером, умер. Банкет, организованный городскими властями в честь покорителей космоса, отменили, ибо чествовать оказалось некого.

Кто же сидит в деревянном ящике?

— Животное, — заявил доктор Гилмер. — Все остальное меня, по большому счету, не касается. Кажется, оно живо, но сказать наверняка трудно. Даже передвигаясь быстро — быстро для нее, разумеется, — эта тварь, пожалуй, ленивца заставит поверить, что он способен носиться мухой.

Джек Вудс поглядел на существо, которое доктор Гилмер обнаружил в ящике с надписью «Животное». Оно находилось внутри стеклянного аквариума с толстыми стенками и весьма смахивало на ком шерсти.

— Свернулось себе и спит, — заметил корреспондент.

— Как же! — фыркнул Гилмер. — Просто у него такая форма тела — сферическая. Вдобавок оно все обросло мехом. Если придумать название поточнее, то ему больше подходит имя Меховушка. Да, с таким мехом не страшен и Северный полюс в разгар зимы. Густой, теплый... Вы ведь не забыли, что на Марсе чертовски холодно?

— Может, отправить туда охотников и организовать фабрики? — предложил Вудс. — Я уверен, марсианские меха будут продаваться по бешеным ценам.

— Если до этого дойдет, — отозвался Гилмер, — меховушек моментально перестреляют всех до единой. По-моему, максимальная скорость, с какой они в состоянии передвигаться — не более фута в день. Кислорода на Марсе, судя по всему, в обрез. Значит, жизненную энергию добыть не так-то легко, а потому вряд ли кто-либо способен тратить ее на пустую беготню. Должно быть, меховушки сидят сиднями, не позволяя никому и ничему отвлекать себя от основного занятия — борьбы за выживание.

— Что-то я не вижу у него ни глаз, ни ушей — вообще ничего похожего, — проговорил Вудс, напрягая зрение, чтобы получше разглядеть марсианина.

— Возможно, его органы чувств коренным образом отличаются от наших, — сказал Гилмер. — Не забывайте, Джек, он — продукт совершенно иной среды. Вполне вероятно, что таких, как он, на Земле нет и в помине. У нас нет никаких свидетельств, подтверждающих параллельность эволюции на столь разных планетах, какими являются Земля и Марс. Из того немногого, что нам известно о Марсе, — продолжал он, жуя сигару, — можно заключить, что это животное оправдывает наши предположения. Воды на Марсе мало — по земным меркам, ее там практически нет. Обезвоженный мир. Кислород имеется, но воздух настолько разрежен, что больше подходит под земное определение вакуума. Иными словами, марсианские животные должны были как-то приспособиться к почти полному отсутствию воды и кислорода. И то и другое для них — великие ценности, которые необходимо во что бы то ни стало сберечь. Отсюда сферическая форма тела, что обеспечивает минимальное соотношение «площадь-объем» и облегчает сохранение усвоенных воды и кислорода. Может статься, наш марсианин представляет собой изнутри одни громадные легкие. Меха защищает его от холода. На Марсе чертовски холодно. Ночами температура опускается так низко, что замерзает углекислый газ, в который, кстати, и упаковали на корабле этого зверюгу.

— Шутите? — хмыкнул Вудс.

— Ни капельки, — откликнулся Гилмер. — Внутри деревянного ящика помещался стальной резервуар, внутри которого, в свою очередь, находилось животное. Туда накачали немного воздуха, превратили его в

частичный вакуум, а затем обложили резервуар замороженным углекислым газом. Пространство же между деревом и льдом заполнили бумагой и войлоком, чтобы замедлить таяние. Скорее всего, во время перелета воздух приходилось менять несколько раз заодно с упаковкой. В последние дни перед приземлением животное, похоже, бросили на произвол судьбы: воздух стал разреженным даже для него, а лед почти растаял. По-моему, ему не слишком хорошо. Может, оно слегка приболело. Чересчур много углекислого газа, а температура гораздо выше обычной...

— Полагаю, вы его устроили как положено? — справился Вудс, махнув рукой в сторону аквариума. — Кондиционер и все такое прочее?

— Оно, наверно, чувствует себя как дома, — отозвался со смешком Гилмер. — Атмосфера разрежена до одной тысячной земного стандарта, озона вполне достаточно. Не знаю, так ли ему это нужно, однако, по всей вероятности, кислород на Марсе присутствует прежде всего как озон. Я сужу по природным условиям на поверхности планеты, которые как нельзя лучше годятся для воспроизводства озона. Температура в аквариуме — минус двадцать по Цельсию. Ее я установил наобум, поскольку понятия не имею, где именно поймали нашего гостя, а климат там в каждой области свой. — Он вновь пожевал сигару. — В общем, у нас тут появился Марс в миниатюре.

— Вы нашли на корабле какие-нибудь записи? — поинтересовался Вудс. — Я разумею такие, в которых бы говорилось о животном?

Гилмер покачал головой и откусил кончик сигары.

— Только бортовой журнал, вернее, то, что от него осталось. Кто-то залил страницы кислотой. Прочсть невозможно.

Корреспондент уселся на стол и забарабанил пальцами по крышке.

— Черт побери! С какой стати?

— С той же самой! — пробурчал Гилмер. — Почему кто-то... наверно, Делвени, прикончил Пейна и Уотсона? Почему Делвени, после всего, убил себя? Что случилось со Смитом? Почему Купер сошел с ума и умер в судорогах, будто не мог дышать? Кто нацарапал на ящике то единственное слово, пытаюсь написать еще, но не сумел? Кто ему помешал?

Вудс мотнул головой в сторону аквариума.

— Интересно, а не замешан ли тут наш приятель?

— Джек, вы спятили! — воскликнул Гилмер. — Какого черта вам понадобилось приплести сюда еще и его? Ведь это всего-навсего животное, не слишком, по-видимому, разумное. В марсианских условиях ему было не до того, чтобы совершенствовать свой мозг. Впрочем, мне пока не представилась возможность изучить его как следует, но на следующей неделе прибудут доктор Уинтерс из Вашингтона и доктор Лэтроп из Лондона. Вместе мы наверняка что-то узнаем.

Вудс спрыгнул со стола, подошел к окну и выглянул наружу. Здание, в котором находилась лаборатория, стояло на вершине холма. Внизу расстилалась лужайка, за которой начинался парк. В нем виднелись обнесенный изгородью выгул, каменные насыпи со рвами по периметру и обезьяньи острова — эта территория принадлежала «Метрополитен-зоопарку».

Гилмер выплюнул очередной огрызок сигары.

— Значит, на Марсе есть жизнь, — проговорил он. — Правда, отсюда ничего не следует.

— А если пофантазировать? — усмехнулся Вудс.

— Фантазируют газетчики, — проворчал Гилмер. — Приличные люди этим не занимаются.

Близился полдень. Папаша Андерсон, смотритель львятника, печально покачал головой и почесал подбородок.

— Кошечки чем-то встревожены, — сказал он. — Будто у них что-то на уме. Почти не спят, знай себе ходят туда-сюда, туда-сюда.

Эдди Ригтс, корреспондент «Экспресс», сочувственно прищелкнул языком.

— Может, им не хватает витаминов? — предположил он.

— Нет, — возразил папаша Андерсон. — Мы кормим их, как всегда, сырым мясом, а они почему-то нервничают. Знаешь, львы — твари ленивые, спят чуть ли не днями напролет. А теперь... Рычат, грызутся между собой. На днях мне пришлось отколотить Нерона, когда он сцепился с Перси. И этот стервец кинулся на

меня, хотя я ухаживаю за ним с тех пор, когда он был совсем крохотным!

Нерон, стоявший по ту сторону рва с водой, угрожающе зарычал.

— Видишь? Все еще злится. Если не утихомирится, придется снова поучить его уму-разуму. Тоже мне, герой нашелся. — Папаша опасливо поглядел на львов. — Надеюсь, они все-таки уймутся. Сегодня суббота, придет много народу... Толпа их бесит, даже когда они спокойны, а уж сейчас...

— С другими животными все в порядке? — спросил Ригтс.

— Утром умерла Сьюзен, — ответил папаша, почесав подбородок.

Сьюзен звали жирафу.

— Я и не знал, что она заболела.

— Она и не болела. Просто взяла и сдохла.

Ригтс вновь повернулся к львам. Нерон, громадный самец с черной гривой, сидел на краю рва, словно собирался прыгнуть в воду. Перси боролся еще с одним самцом; оба порывались, причем достаточно злобно.

— Нерон, похоже, замышляет перебраться через ров, — заметил корреспондент.

— Ерунда, — отмахнулся папаша. — У него ничего не выйдет. Кишка тонка. Вода для львов хуже яда.

Из слоновьего загона, что находился в миле с лишним от львятника, внезапно донесся трубный рев, а затем прозвучал исполненный ярости клич.

— Вот и слоны взбеленились, — изрек папаша.

Послышался топот. Из-за львиных клеток выбежал человек без шляпы, взгляд которого выражал ужас. На бегу он крикнул:

— Слон спятил! Мчится сюда!

Громко зарычал Нерон. Завизжал кугуар. Вдалеке показалась громадная серая туша. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, слон двигался удивительно быстро: обогнул заросли кустарника, выскочил на лужайку, высоко задрал хобот, захлопал ушами и, яростно трубя, устремился ко львятнику. Ригтс повернулся и опрометью кинулся к административному зданию. Следом бежал отдуваясь Андерсон.

Отовсюду раздавались истошные вопли первых посетителей зоопарка. Шум стоял невообразимый: крики, рев, визг...

Слон неожиданно свернул в сторону, промчался через загон площадью в два акра, в котором обитали три пары волков, снес ограду, растоптал кусты и свалил несколько деревьев.

Взбежав на крыльцо административного здания, Ригтс оглянулся. Со шкуры Нерона капала вода! Та самая вода, которая — по теории — должна была удерживать льва на площадке не хуже стальных прутьев!

Мимо Ригтса прогрохотал по ступенькам служитель с винтовкой.

— Конец света! — крикнул он.

Белые медведи затеяли кровавую схватку: двое уже погибли, двое умирали, остальные были изранены настолько, что вряд ли смогут выжить. Два оленя с ветвистыми рогами сошлись лоб в лоб. Обезьяний остров превратился в хаос — половина животных погибла неизвестно от чего; служитель предположил — от чрезмерного волнения. Нервы, нервы...

— Такого не может быть! — воскликнул Андерсон, когда они с Ригтсом очутились внутри. — Животные так никогда не дерутся!

Ригтс что-то кричал в трубку телефона, когда снаружи прогремел выстрел. Папаша моргнул.

— Нерон! — простонал он. — Нерон! Я воспитывал его с первых дней, кормил из бутылочки...

В глазах старика блеснули слезы.

Это и впрямь оказался Нерон. Однако перед тем как умереть, лев дотянулся до человека с винтовкой и одним страшным ударом лапы размозил тому череп.

В тот же день, несколько позже, доктор Гилмер стукнул кулаком по расстеленной на столе газете.

— Видели? — спросил он Джека Вудса.

— Видел. — Корреспондент мрачно кивнул. — Сам написал. По городу носятся обезумевшие, ополоумевшие животные. Убивают всех подряд. В больницах полно умирающих. Морги забиты трупами. На моих глазах слон задавил человека. Полицейские его пристрелили, но было уже поздно. Весь зоопарк сошел с ума. Кошмар! Дикая джунгли! — Он вытер рукавом пиджака лоб, дрожащими пальцами достал из пачки сигарету и закурил. — Я могу вынести многое, но ни-

чего подобного до сих пор не испытывал. Ужасно, док, просто ужасно! И животных тоже ведь жалко. Бедняги! Они все не в себе. Скольких пришлось прикончить...

— Зачем вы явились? — справился Гилмер, перегнувшись через стол.

— Да так, подумалось кое о чем, — ответил Вудс, кивнув на аквариум, в котором находился марсианин. — Этот переполох напомнил мне... — Он помолчал и пристально поглядел на Гилмера. — ...о том, что произошло на борту «Привет, Марс—IV».

— Почему? — холодно осведомился Гилмер.

— Экипаж корабля обезумел, — заявил Вудс. — Только сумасшедшие способны на такое. А Купер умер буйнопомешанным. Не знаю, как ему удалось сохранить частичку разума, чтобы посадить звездолет.

Гилмер вынул изо рта жеваную сигару и принялся сосредоточенно отделять наполовину откушенные куски. Закончив, он снова сунул сигару в рот.

— По-вашему, все животные в зоопарке спятили?

— Безо всякой причины, — прибавил Вудс, утвердительно кивнув.

— Вы подозреваете марсианина, — проговорил Гилмер. — Но каким, черт побери, образом беззащитная Меховушка, что лежит вон там, могла свести с ума людей и животных?

— Послушайте, док, кончайте притворяться. Вы не пошли играть в покер, остались в лаборатории. Вы заказали две цистерны с окисью углерода. Целый день не выходили из кабинета, связались с Эпплменом из акустической лаборатории и попросили у него кое-какое оборудование. Тут что-то кроется. Давайте рассказывайте.

— Чтоб вам пусто было! — пробурчал Гилмер. — Даже если я не пророню ни одного слова, вы все равно узнаете! — Он откинулся на спинку кресла, положил ноги на стол, швырнул раскуроченную сигару в корзину для бумаг, взял из коробки новую, пару раз укусил и поднес к ней зажигалку. — Сегодня я собираюсь выступить палачом. Мне не по себе, но я утешаюсь мыслью, что это, вполне возможно, будет не казнь, а акт милосердия.

— То есть вы хотите прикончить Меховушку? — От неожиданности у Джека перехватило дыхание.

— Да. Для того мне и потребовалась окись углерода. Я закачаю ее в аквариум. Меховушка даже и не поймет, что происходит. Ее потянет в сон, она заснет — и не проснется. Весьма гуманный способ убийства, вы не находите?

— Но почему?

— Дело вот в чем. Вы, должно быть, знаете, что такое ультразвук?

— Звук, чересчур высокий для человеческого уха, — откликнулся Вудс. — Его применяют в различных областях. Для подводной сигнализации и картографирования, для контроля за высокоскоростной техникой — он предупреждает о поломках, которые вот-вот произойдут...

— Да, человек научился использовать ультразвук, — подтвердил Гилмер. — Нашел ему множество применений. Мы можем создавать звуки частотой до двадцати миллионов вибраций в секунду. Звук частотой миллион герц убивает бактерии. Некоторые насекомые общаются между собой на частоте тридцать две тысячи герц, а человеческое ухо способно воспринять частоту максимум около двадцати тысяч герц. Но всем нам далеко до Меховушки, которая испускает ультразвук частотой приблизительно тридцать миллионов герц. — Сигара переместилась в противоположный угол рта. — Звук высокой частоты можно направлять узкими пучками, отражать, как свет, контролировать его. Мы в основном пользуемся жидкими средами, хотя знаем, что лучше всего — нечто плотное. Если пропустить ультразвук через воздух, он быстро ослабевает и затихнет. Разумеется, я говорю о звуке частотой до двадцати миллионов герц. Но звук частотой тридцать миллионов герц явно проходит через воздух, причем такой, который разреженнее нашей атмосферы. Понятия не имею, в чем тут причина, но какое-то объяснение, безусловно, должно существовать. Нечто подобное не могло не появиться на Марсе, чья атмосфера, по нашим меркам, больше напоминает вакуум. Ведь тамошние обитатели, как теперь известно, обладают слуховым восприятием.

— Меховушка издает звуки частотой тридцать миллионов герц, — сказал Вудс. — Это понятно. Ну и что?

— А то, — произнес Гилмер, — что, хотя звук такой частоты услышать невозможно, — слуховые нер-

вы не воспринимают его и не передают информацию мозгу, — он оказывает на человеческий мозг непосредственное воздействие. И с мозгом, естественно, что-то случается. Сумятица в мыслях, жажда крови, безумие...

Затаивший дыхание Вудс подался вперед.

— Значит, вот что произошло на борту звездолета и в зоопарке!

Гилмер печально кивнул.

— В Меховушке нет злобы, я уверен в этом, — сказал он. — Она не замышляла ничего дурного. Просто немножко испугалась и устала от одиночества, а потому попыталась установить контакт с другими разумами, поговорить хоть с кем-нибудь. Когда я забирал ее из корабля, она спала, точнее, находилась в психическом обмороке. Возможно, заснула как раз вовремя, чтобы Купер успел слегка оправиться и посадить звездолет. Наверно, спит она долго, благо так сохраняется энергия. Вчера проснулась, но ей потребовалось время, чтобы полностью прийти в себя. Я целый день улавливал исходившие от нее вибрации. Сегодня утром вибрации усилились. Я клал в аквариум пищу — то одно, то другое, — думал, она что-нибудь съест и тогда удастся определить, чем такие твари питаются. Но есть она не стала, разве что слегка пошевелилась, на мой взгляд, хотя для нее, пожалуй, движение было быстрым и резким. А вибрации продолжали усиливаться, и в результате в зоопарке начало твориться черт-те что. Сейчас она, похоже, снова заснула — и все потихоньку приходит в норму. — Гилмер взял со стола коробку, соединенную проводом с наушниками. — Одолжил у Эпплена. Вибрации меня изрядно озадачили. Я никак не мог установить их природу. Только потом сообразил, что тут какие-то звуковые штучки. Это Эппленова игрушка. До готовности ей еще далеко, но она позволяет «слышать» ультразвук. Слышать мы, конечно, не слышим, однако получаем впечатление о тональности звука. Нечто вроде психологического изучения ультразвука или перевода с «ультразвукового» на привычный язык.

Он протянул Вудсу наушники, а коробку поставил на аквариум и принялся двигать взад-вперед, стремясь перехватить ультразвуковые сигналы, что исходили от

крохотного марсианина. Вудс надел наушники и замер в ожидании.

Корреспондент рассчитывал услышать высокий и тонкий звук, но не услышал ничего вообще. Внезапно на него обрушилось ужасное одиночество; он ощутил себя сбитым с толку, утратившим способность понимать, испытал раздражение. Ощущения становились все сильнее. В мозгу отдавался беззвучный плач, исполненный брли и тоски — щемящий сердце плач по дому. Вудс понял, что «слышит» причитания марсианина, который скулил, как скулит оставленный на улице в дождливый вечер щенок.

Руки сами потянулись к наушникам и сорвали их с головы. Вудс потрясенно уставился на Гилмера.

— Оно тоскует по дому. По Марсу. Плачет, как потерявшийся ребенок.

— Теперь оно уже не пытается войти в контакт, — отозвался Гилмер. — Просто лежит и плачет. Оно не опасно сейчас, однако раньше... Впрочем, дурных намерений у него не было с самого начала.

— Послушайте! — воскликнул Вудс. — Вы провели здесь целый день, и с вами ничего не случилось. Вы не спятили!

— Совершенно верно, — сказал Гилмер кивая. — Спятили животные, а я сохранил рассудок. Между прочим, со временем привыкли бы и они. Дело в том, что Меховушка разумна. Ее отчаянные попытки связаться с другими живыми существами порой приводили к тому, что она проникала в мозг, но не задерживалась там. Я ей был ни к чему. Видите ли, на корабле она уяснила, что человеческий мозг не выдерживает контакта с ультразвуком такой частоты, а потому решила не тратить попусту силы. Она попробовала проникнуть в мозг обезьян, слонов и львов в безумной надежде отыскать разум, с которым сможет поговорить, который объяснит, что происходит, и уверит ее, что она сумеет вернуться на Марс. Зрения у нее, я убежден, нет; нет почти ничего, кроме ультразвукового «голоса», чтобы изучать окружающее пространство. Возможно, дома, на Марсе, она разговаривала не только с родичами, но и с иными существами. Двигается она крайне медленно, но, может, у нее не очень много врагов, следовательно, вполне хватает одного органа чувств.

— Разумна, — повторил Вудс. — Разумна до такой степени, что к ней трудно относиться как к животному.

— Вы правы, — сказал Гилмер. — Быть может, она разумна ничуть не меньше нас с вами. Быть может, это — выродившийся потомок великой расы, что некогда правила Марсом... — Он выхватил изо рта сигару и швырнул ее на пол. — Черт побери! Предполагать можно что угодно. Правды мы с вами, вероятно, не узнаем, как не узнает и человечество в целом.

Доктор поднялся, ухватился руками за край резервуара с окисью углерода и подкатил его к аквариуму.

— А надо ли ее убивать, док? — прошептал Вудс. — Неужели надо?

— Разумеется! — рявкнул Гилмер, резко повернувшись на каблуках. — Представляете, какой поднимется шум, если узнают, что Меховушка прикончила экипаж звездолета и свела с ума животных в зоопарке? А что, если такое будет продолжаться? В ближайшие годы полетов на Марс явно не предвидится — общественное мнение не позволит. А когда следующая экспедиция все же состоится, ее члены, во-первых, будут готовы к ультразвуковому воздействию, а во-вторых, им строго-настрого запретят брать на Землю таких вот меховушек. — Он отвернулся, потом снова посмотрел на корреспондента. — Вудс, мы с вами старые приятели. Знаем друг друга давным-давно, выпили вместе не одну кружку пива. Пообещайте, что ничего не опубликуете. А если все-таки напечатаете, — зычно прибавил он и широко расставил ноги, — я вас в порошок сотру!

— Обещаю, — сказал Вудс. — Никаких подробностей. Меховушка умерла. Не вынесла жизни на Земле.

— Вот еще что, Джек. Нам с вами известно, что ультразвук частотой тридцать миллионов герц превращает людей в безмозглых убийц. Нам известно, что его можно передавать через атмосферу — вероятно, на значительные расстояния. Только подумайте, к чему может привести использование такого оружия! Наверно, те, кто бредит войной, рано или поздно узнают этот секрет, но только не от нас.

— Поторопитесь! — с горечью в голосе произнес Вудс. — Поспешите, док. Вы слышали Меховушку. Не длите ее страданий. Ничем другим мы ей помочь не можем, хотя втянуть втянули. Ваш способ — единственный. Она поблагодарила бы вас, если бы знала.

Гилмер повернулся к резервуару, а Вудс снял трубку и набрал номер редакции «Экспресс».

В его мозгу по-прежнему звучал тот щенячий скулеж — горький, беззвучный крик одиночества, скорбный плач по дому. Бедная, бедная Меховушка! Одна в пятидесяти миллионах миль от дома, среди чужаков, молящая о том, чего никто не в силах ей предложить...

— «Дейли экспресс», — послышался в трубке голос ночного редактора Билла Карсона.

— Это Джек, — сообщил Вудс. — Слушай, у меня есть кое-что для утреннего выпуска. Только что умерла Меховушка... Да, Меховушка, то животное, которое прилетело на «Привет, Марс—IV». Ну да, не выдержала, понимаешь... — Он услышал у себя за спиной шипение газа: Гилмер открыл клапан.

— Слушай, Билл, я вот о чем подумал. Можешь написать, что она умерла от одиночества... Точно, точно, от тоски по Марсу... Пускай ребята постараются, чем слезливей, тем лучше...

СТРАШИЛИЩА

Новость сообщил мох. Весточка преодолела сотни миль, распространяясь различными путями, — ведь мох рос не везде, а только там, где почва была скудной настолько, что ее избегали прочие растения: крупные, пышные, злобные, вечно готовые отобрать у мха свет, заглушить его, растерзать своими корнями или причинить иной вред.

Мох рассказывал о Никодиме, живом одеяле Дона Макензи; а все началось с того, что Макензи вздумалось принять ванну.

Он весело плескался в воде, распевая во все горло разные песенки, а Никодим, чувствуя себя всего-навсего половинкой живого существа, мыкался у двери. Без Макензи Никодим был даже меньше чем половинкой. Живые одеяла считались разумной формой жизни, но на деле становились таковой, только когда оборачивались вокруг тех, кто их носил, впитывая разум и эмоции своих хозяев.

На протяжении тысячелетий живые одеяла влачили жалкое существование. Порой кому-то из них удавалось прицепиться к какому-нибудь представителю растительности этого сумеречного мира, но такое случалось нечасто, и потом, подобная участь была немногим лучше прежней.

Однако затем на планету прилетели люди, и живые одеяла воспрянули. Они как бы заключили с людьми взаимовыгодный союз, превратились в мгновение ока в одно из величайших чудес Галактики. Слияние человека и живого одеяла являлось некой разновидностью симбиоза. Стоило одеялу устроиться на человеческих плечах, как у хозяина отпадала всякая необходимость заботиться о пропитании; он знал, что будет сыт, причем кормить его станут правильно, так, чтобы поддержать нормальный обмен веществ. Одеяла обладали уникальной способностью поглощать энергию окружающей среды и преобразовывать ее в пищу для людей; мало того, они соблюдали — разумеется, в известной степени — основные медицинские требования.

Но если одеяла кормили людей, согревали их и выполняли обязанности домашних врачей, люди давали им нечто более драгоценное — осознание жизни. В тот самый миг, когда одеяло окутывало человека, оно становилось в каком-то смысле его двойником, обретало рассудок и эмоции, начинало жить псевдожизнью, куда более полной, чем его прежнее унылое существование.

Никодим, помыкавшись у двери в ванную, в конце концов рассердился. Он ощущал, как утончается ниточка, связывающая его с человеком, и оттого злился все сильнее. Наконец, чувствуя себя обманутым, он покинул факторию, неуклюже выплыл из нее, похожий на раздуваемую ветром простыню.

Тусклое кирпично-красное солнце, сигма Дракона, стояло в зените над планетой, которая выглядела сумеречной даже сейчас. Никодим отбрасывал на землю, зеленую с вкраплениями красного, причудливую багровую тень. Ружейное дерево выстрелило в него, но промахнулось на целый ярд. Нелады с прицелом продолжались вот уже несколько недель: дерево давало промах за промахом; единственное, чего ему удавалось добиться, — это напугать Нелли — так звали робота, отличавшегося привычкой говорить правду и являвшегося бухгалтером фактории. Однажды выпущенная деревом пуля — подобие земного желудя — угодила в металлическую стенку фактории. Нелли была в ужасе, однако никто не потрудился успокоить ее, ибо Нелли недолголюбивали. Пока она находилась поблизости, нечего было и думать о том, чтобы позаимствовать со счета

компании энную сумму. Кстати говоря, именно поэтому Нелли сюда и прислали.

Впрочем, пару недель подряд она никого не задевала, поскольку все увивалась вокруг Энциклопедии, который, должно быть, мало-помалу сходил с ума, пытаясь разобраться в ее мыслях.

Никодим высказал ружейному дереву все, что он о нем думал — мол, спятило оно, что ли, раз стреляет по своим, — и направился дальше. Дерево, мнившее Никодима отступником, растительным ренегатом, выстрелило снова, промахнулось на два ярда и решило, по-видимому, не тратить зря патроны.

Тут-то Никодим и узнал, что Олдер, музыкант из Чаши Гармонии, создал шедевр. Это событие произошло, по всей видимости, пару-тройку недель тому назад, — Чаша Гармонии располагалась чуть ли ни на другом конце света, и новости оттуда шли долго; тем не менее Никодим круто развернулся и устремился обратно.

О таких новостях нужно извещать немедленно. Скорее, скорее к Макензи! Оставив за собой облако пыли, которую умудрился поднять, Никодим ворвался в дверь фабрики. Висевшая над ней грубая вывеска гласила: «Галактическая торговая компания». Для чего она понадобилась, никто не знал: прочесть ее было под силу только людям.

Никодим с ходу врезался в дверь ванной.

— Ладно, ладно! — отозвался Макензи. — Уже выхожу. Потерпи чуток, я сейчас.

Никодим улегся на пол, весь трепеща от переполнявшего его возбуждения.

Макензи вышел из ванной, позволил Никодиму устроиться на привычном месте, выслушал его, а затем направился в контору, где, как и ожидал, обнаружил фактора Нельсона Харпера. Тот сидел, задрав ноги на стол и вперив взгляд в потолок; во рту у него дымилась трубка.

— Привет, — буркнул он и указал чубуком трубки на стоявшую рядом бутылку. — Угощайся.

Макензи не заставил себя упрашивать.

— Никодиму стало известно, что дирижер по имени Олдер сочинил симфонию. Мох уверяет, что это шедевр.

— Олдер, — повторил Харпер, убирая ноги со стола. — Никогда о таком не слышал.

— Кадмара тоже никто не знал, пока он не сочинил симфонию Алого Солнца, — напомнил Макензи. — Зато теперь он — знаменитость.

— Что бы ни сотворил Олдер, пускай даже крохотную пьеску, мы должны заполучить это. Народ на Земле сходит с ума от музыки деревьев. Взять хотя бы того парня... ну, композитора...

— Его зовут Уэйд, — сказал Харпер, — Дж. Эджертон Уэйд, один из величайших композиторов Земли всех времен. Перестал писать музыку после того, как услышал отрывок симфонии Алого Солнца. Затем исчез; никто не знает, куда он делся. — Фактор задумчиво повертел в пальцах трубку и продолжил: — Забавно, черт побери. Мы прилетели сюда, рассчитывая отыскать, в лучшем случае, новые наркотики или какой-нибудь необычный продукт, словом, нечто вроде деликатеса для первоклассных ресторанов по цене десять баксов за тарелку, — на худой конец, новый минерал, как на эте Кассиопеи. И вдруг на тебе — музыка! Симфонии, кантаты... Жуть!

Макензи снова глотнул из бутылки, поставил ее обратно на стол и вытер губы.

— Не то чтобы мне нравилось, — проговорил он. — Правда, в музыке я разбираюсь постольку поскольку, но все равно: от того, что мне доводилось слышать, прямо выворачивает наизнанку.

— Главное — запастись сывороткой, — посоветовал Харпер. — Если не воспринимаешь музыку, знай себе коли укол за уколом, и все будет в порядке.

— Помните Александра? — спросил Макензи. — Он пытался столковаться с деревьями в Чаше, и у него кончилась сыворотка. Эта музыка ловит человека... Александр не желал уходить, вопил, отбивался, кусался. Я еле справился с ним. Он так и не вылечился полностью. Врачи на Земле привели его в норму, но предупредили, чтобы он и не думал возвращаться сюда.

— А он вернулся, — заметил Харпер. — Грант углядел его в фактории грумми. Представляешь, землянин связался с грумми?! Предатель! Не следовало тебе спасать его, пускай упивался бы своей музыкой.

— Что будем делать? — спросил Макензи.

— А что тут поделаешь? — отозвался Харпер, пожимая плечами. — Или ты ждешь, что я объявлю грумми войну? И не надейся. Ты разве не слышал, что

между Землей и Грумбриджем-34 теперь сплошные мир и дружба? Вот почему обе фактории убрали из Чаши. Компании заключили перемирие и соревнуются, кто честнее. Тьфу, до чего ж противно! Даже заслать к грумми шпиона и то не смей!

— Однако они заслали, — хмыкнул Макензи. — Да, мы его так и не обнаружили, но нам известно, что он здесь и следит за каждым нашим шагом.

— Грумми доверять нельзя, — заявил Харпер. — За ними нужен глаз да глаз. Музыка им ни к чему, она для них не ценность; скорее всего, они понятия не имеют, что такое музыка, ведь у них нет слуха. Однако чтобы насолить Земле, они готовы на все, а птички вроде Александра помогают им. Я думаю, у них такое разделение обязанностей: грумми добывают музыку, а Александр ее продает.

— Что, если мы столкнемся с Александром, шеф? — поинтересовался Макензи.

— Все будет зависеть от обстоятельств. — Харпер постучал черенком трубки по зубам. — Можно попробовать переманить его. Он неплохой торговец. Компания наверняка одобрит.

— Не выйдет, — покачал головой Макензи. — Он ненавидит компанию. По-моему, с ним несправедливо обошлись несколько лет назад. Сдается мне, на сделку с нами он не пойдет.

— Времена меняются, — буркнул Харпер, — и люди тоже. Может, он теперь благодарен вам за спасение.

— Что-то мне сомнительно, — пробормотал Макензи.

Фактор протянул руку, пододвинул поближе увлажнитель воздуха, а затем принялся заново набивать трубку.

— Меня вот еще что беспокоит, — проговорил он. — Как поступить с Энциклопедией? Он желает отправиться на Землю. Видно, наши мысли разожгли его аппетит. Утверждает, что хочет изучить нашу цивилизацию.

— Этот шельмец прочесывает наши головы частым гребнем, — фыркнул Макензи, соорудив гримасу. — Он порой докапывается до того, о чем мы и сами давно позабыли. Я понимаю, что он не со зла, просто так устроен, однако мне все равно не по себе.

— Сейчас он обхаживает Нелли, — сказал Харпер.

— Ему повезет, если он сумеет выяснить, о чем думает Нелли.

— Я тут пораскинул мозгами, — продолжал Харпер. — Мне его манера нравится не больше, чем тебе, но если взять Энциклопедию на Землю, оторвать, так сказать, от родной почвы, может, мы сумеем кое-чего добиться. Он знает много такого, что наверняка пригодится нам. Мы с ним беседовали...

— Не обманывайте себя, шеф, — перебил Макензи. — Он рассказал вам ровно столько, сколько требовалось, чтобы убедить, что играет в открытую, то есть ничего сколько-нибудь ценного. Он ловкач, каких мало. Чтобы он вот так, за здорово живешь, выложил важные сведения...

— Пожалуй, тебе не мешало бы слетать на Землю проветриться. — Фактор пристально поглядел на Макензи. — Ты теряешь перспективу, ставишь эмоции впереди рассудка. Или ты забыл, что мы не дома? Здесь следует принаравливаться к чужой логике.

— Знаю, знаю, — отмахнулся Макензи, — но признаться откровенно, шеф, я сыт по горло. Стреляющие деревья, говорящий мох, электрический виноград, да еще и Энциклопедия!

— А что Энциклопедия? — справился Харпер. — Естественное хранилище знаний, только и всего. Разве ты не встречал на Земле людей, которые учатся ради учебы, вовсе не собираясь пользоваться полученным образованием? Им доставляет удовольствие сознавать, что они великолепно информированы. Если сочетать подобное стремление к знаниям с феноменальной способностью запоминать и упорядочивать усвоенное, то вот тебе Энциклопедия.

— Но у него должна быть какая-то цель, — стоял на своем Макензи. — Я уверен, существует причина, которая все объясняет. Ведь к чему накапливать факты, если ты не намерен их использовать?

— Я согласен, цель должна быть, — произнес Харпер, попыхивая трубкой, — однако мы вряд ли сможем ее распознать. Мы находимся на планете с растительной цивилизацией. На Земле растения не имели возможности развиваться, их опередили животные. Но здесь все наоборот: эволюционировали именно растения.

— Мы просто обязаны установить, какую цель преследует Энциклопедия, — заявил Макензи. — Нель-

зя же все время шарить вслепую! Если он затеял какую-то игру, надо выяснить, что это за игра. Действует ли он по собственной инициативе или по указанию здешнего, ну, я не знаю, правительства, что ли? Или он принадлежит к представителям прежней, погибшей цивилизации? Этакая разновидность живого архива, которая продолжает собирать сведения, хотя необходимость в том уже отпала?

— Ты волнуешься по пустякам, — заметил фактор.

— Да как же не волноваться, шеф? Разве можно допустить, чтобы нас обставили? Мы относимся к здешней цивилизации, если это и впрямь цивилизация, свысока, что вполне логично, поскольку на Земле от деревьев, кустарников и цветов не приходится ждать никакого подвоха. Однако мы не на Земле, а потому должны спросить себя: что такое растительная цивилизация? К чему она стремится? Сознает ли свои стремления и, если да, каким образом намерена реализовывать их?

— Мы отвлеклись, — сказал Харпер. — Ты упоминал о какой-то новой симфонии.

— Что ж, как вам угодно, — буркнул Макензи.

— Наша задача — завладеть ею, — продолжал Харпер. — У нас не было ничего приличного с тех самых пор, как Кадмар сочинил «Алое Солнце». А если мы замешкаемся, грумми могут перебежать нам дорогу.

— Если уже не перебежали, — вставил Макензи.

— Пока нет, — отозвался Харпер, выпуская из рта дым. — Грант сообщает мне обо всем, что они затевают.

— Так или иначе, — проговорил Макензи, — надо исключить ненужный риск. Ведь шпион грумми тоже не спит.

— Есть предложения? — осведомился фактор.

— Можно взять вездеход, — размышлял вслух Макензи. — Он медленнее, чем флайер, но с флайером грумми уж точно заподозрят что-то неладное. А на вездеходе мы выезжаем по десять раз на дню, так что все должно пройти гладко.

— Логично, — признал Харпер после недолгого раздумья. — Кого берешь с собой?

— Я предпочел бы Брэда Смита, — ответил Макензи. — Мы с ним оба старички и прекрасно справимся вдвоем.

— Хорошо, — Харпер кивнул. — На всякий случай возьми еще Нелли.

— Ни за что на свете! — так и взвился Макензи. — С какой стати? Или вы замыслили аферу, а потому хотите сплавить ее?

— Увы, увy, — покачал головой Харпер. — Она заметит, даже если на счету не будет хватать одного несчастного цента. К сожалению, незапланированные расходы остались в прошлом. И кто только придумал этих роботов с их пристрастием к правде?!

— Я не возьму ее, — объявил Макензи. — Не возьму, и все. Она же изведет меня рассуждениями о правилах Компании. И потом, за ней наверняка увяжется Энциклопедия, а у нас и без того возникнет достаточно хлопот с ружейными деревьями, электровиноградом и прочими прелестями, чтобы тащить с собой ученую капусту и напичканную законами жестянку!

— Тебе придется взять ее, — возразил Харпер. — Теперь при заключении сделок с аборигенами обязательно должны присутствовать роботы — чтобы никому не вздумалось ущемить права туземцев. Кстати говоря, сам виноват. Если бы ты не вел себя как осел с Алым Солнцем, Компания и пальцем бы не шевельнула.

— Я всего лишь сохранил Компании деньги, — запротестовал Макензи.

— Ты ведь знал, что стандартная цена за симфонию — два бушеля удобрений, — оборвал его Харпер. — Тем не менее Кадмар недосчитался половины бушеля.

— Да ему-то было без разницы! — воскликнул Макензи. — Он только что не расцеловал меня за полтора бушеля.

— В общем, — проговорил Харпер, — Компания решила, что лукавить не годится, пусть даже ты имеешь дело всего-навсего с деревом.

— Чертова инструкция, — вздохнул Макензи.

— Значит, Нелли едет с тобой, — подытожил Харпер, окинув Макензи изучающим взглядом. — Если что забудешь, обращай к ней: она подскажет.

Человек, которого на Земле знали под именем Дж. Эджертона Уэйд, притаился на вершине невысокого холма; полого спускавшегося в Чашу Гармонии. Тусклое

алое солнце клонилось к багровому горизонту; скоро должен был начаться вечерний концерт. Уэйд надеялся вновь услышать чудесную симфонию Олдера. Подумав о ней, он задрожал от восторга — и от мысли о том, что солнце вот-вот зайдет и наступят холодные сумерки.

Живого одеяла у него не было. Контейнер с пищей, оставшийся в крохотной пещерке под утесом, почти опустел. Пополнения запасов не предвиделось: Уэйд давно уже собрал все, что уцелело после катастрофы. Звездолет, на котором он прилетел с Земли, разбился при посадке и превратился в грудку покореженного металла. С того времени миновал без малого год, и Уэйд сознавал, что скоро испытаниям придет конец. Впрочем, как ни странно, ему было все равно. Он прожил этот год в мире красоты и благозвучия, слушая из вечера в вечер грандиозные концерты. Их очарование было столь велико, что смерть представлялась чем-то совсем не страшным.

Уэйд посмотрел на долину, что образовывала Чашу. Стройные ряды деревьев производили впечатление искусственных насаждений. Возможно, так оно и было; возможно, их посадило некое разумное существо, обожавшее, как и он сам, слушать музыку. Правда, подобная гипотеза не выдерживала никакой критики. Здесь не было ни намека на развалины древних городов, ни признака иной цивилизации — в земном смысле этого слова, а потому вряд ли кто приложил руку к планировке долины, к преобразованию ее в Чашу. Однако откуда же тогда взялись загадочные письмена на отвесном склоне утеса, над пещеркой, в которой ютился Уэйд? Таинственные символы не имели ни малейшего сходства с любыми из виденных им прежде. Может статься, сказал он себе, их вырезали в камне какие-нибудь инопланетяне, прилетевшие сюда вроде него — наслаждаться музыкой — и нашедшие тут свою смерть.

Уэйд покачался на пятках, чтобы размять ноги, уставшие от долгого сидения на корточках. Может, ему тоже нацарапать что-нибудь на утесе? Ни дать ни взять, книга записи приезжающих. А что, неплохая идея. Одинокое имя на одинокой скале — единственном надгробии, которое ему, похоже, суждено обрести. Ладно, скоро зазвучит музыка, и тогда он забудет о пещерке, о скудных остатках еды, о корабле, что уже не доставит его на Землю, даже если бы он того захотел. Но он не

хочет! Он не может вернуться! Чаша зачаровала его, он словно угодил в невидимую паутину. Уэйд знал, что без музыки погибнет. Она стала неотъемлемой частью его существования. Забрать ее — останется шелуха, пустая скорлупа; музыка теперь составляла смысл жизни Уэйда, проникла в его плоть и кровь, объединила в себе все прежние побуждения и устремления.

В Чаше пока царила тишина. Возле каждого дерева возвышался приземистый бугорок, нечто вроде подиума для дирижера, а рядом виднелись черные зевы туннелей. Дирижеры прятались внутри, дожидаясь назначенного часа, отдыхали, поскольку принадлежали к животной форме жизни. Деревьям же отдыха не требовалось. Они никогда не спали и не ведали усталости, эти серые музыкальные деревья, которые пели под вечерним небом о давно минувших днях и о тех, что уже не наступят, о поре, когда сигма Дракона была ослепительно яркой звездой, и о времени, когда она обратится в космическую пыль. Они пели об этом и о многом другом, чего землянину не дано было постичь; он мог лишь чувствовать и томиться желанием понять. Пение деревьев будило странные мысли, переворачивало рассудок, заставляло ощущать то, чему не существовало названия ни в одном из человеческих языков. Чужие мысли, чужие эмоции, которые, однако, овладевали человеком, подчиняли его себе, запечатлевались, непознанные, в душе и сознании...

Если рассуждать с технической точки зрения, пели, разумеется, не сами деревья. Уэйд знал о том, но предпочитал не задумываться. Ему было удобнее считать, что поют они. Он редко отделял музыку от деревьев и намеренно забывал о крошечных существах, что обитали внутри стволов и творили волшебство, используя деревья для улучшения звучания. Существа? Ну да, существа — возможно, колонии насекомых или нимфы, духи, феи — словом, персонажи детских сказок. Хотя какие там духи? Он вышел из того возраста, когда верят в духов.

Существа, как их ни называй, играли каждое как бы на своем инструменте, повинуюсь мысленным указаниям дирижеров, а те выдумывали музыку, сочиняли ее в голове и представляли для исполнения.

И почему размышления губят красоту, спросил себя Уэйд. Нет, лучше не думать, а просто принимать ее как данное, наслаждаясь, и не искать объяснений.

Сюда порой заглядывали люди, агенты торговой компании, обосновавшейся на планете. Они записывали музыку и уходили. Уэйд не понимал, откуда у человека, слышавшего пение деревьев, брались силы уйти из Чаши. Он смутно припомнил разговоры о сыворотке, притуплявшей восприятие; якобы она делала людей нечувствительными к музыке, устанавливала некое подобие иммунитета. Уэйд невольно содрогнулся. Какое кощунство! Впрочем, разве запись музыки для того, чтобы ее потом могли исполнять земные оркестры — не кощунство? Зачем нужны оркестры, когда музыка звучит здесь из вечера в вечер? Если бы только меломаны Земли услышали чарующие звуки, плывущие над древней Чашей!

Завидев людей, Уэйд обычно прятался. С них станется забрать его с собой, разлучить с музыкальными деревьями!

Слабый ветерок донес непривычный звук, звук, которому здесь поистине не было места — звяканье металла о камень. Уэйд привстал, пытаясь определить источник звука. Шум повторился; он раздавался на дальней стороне Чаши. Уэйд заслонил глаза от солнца и взгляделся в наползающие сумерки.

Чужаков было трое. Одного Уэйд сразу же причислил к землянам, тут не приходилось и сомневаться; двое других отдаленно напоминали жуков. Их хитиновые панцири поблескивали в последних лучах ситмы Дракона, головы походили на оскалившиеся в ухмылке черепа. Оба чудовища надели на себя нечто вроде упряжи, с которой свешивались то ли инструменты, то ли оружие.

Грумбриджиане! Но что общего может быть у грумбриджиан с человеком? Ведь две расы вели затяжную торговую войну, не останавливаясь, когда конкуренция слишком уж обострялась, перед неприкрытым насилием!

Что-то сверкнуло на солнце, вонзилось в почву, поднялось и вонзилось снова. Дж. Эджертон Уэйд замер, не веря собственным глазам. Невероятно, нет, нет! Троица на дальней стороне Чаши выкапывала музыкальное дерево!

Лоза возникла из шелестящего моря травы, осторожно растопырила щупальца, протянула их к жертве. Гнусная тварь появилась буквально ниоткуда. Она надвигалась медленно и неотвратно, не отвлекаясь на изучение местности, начисто игнорируя возможность неожиданной контратаки. Ее действия обескураживали: таким образом по поверхности этой планеты никто не передвигался. На мгновение она застыла, словно в сомнении — стоит ли нападать на того, кто кажется столь уверенным в себе? Однако сомнение не устояло перед предвкушением поживы, которое и заставило растение выползти из логова в чаще ружейных деревьев. Лоза затрепетала; ее пьянили вибрации, проникавшие по щупальцам. Мало-помалу трепет сошел на нет, растение напрялось, готовясь к схватке. Только бы ухватиться, только бы достать... Жертва между тем приближалась. На единый миг лозе почудилось, что растение окажется чересчур большим, но тут жертва вильнула, ее слегка подкинуло на кочке, и лоза прыгнула вперед, вцепилась, свернулась и потащила, поволокла на себя, пустив в ход всю крепость своего тела протяженностью в добрых четверть мили.

Дон Макензи ощутил рывок, надал газу и бешено закрутил «баранку». Вездеход завертелся волчком, стараясь вырваться из ловушки. Брэдфорт Смит издал сдавленный вопль и нырнул за энергоизлучателем, который вылетел из кобуры и покатился по полу кабины. Нелли отшвырнуло в угол, где она и лежала, задрав кверху ноги. Энциклопедия в решающий момент умудрился обвиться стержневым корнем вокруг тянувшейся под потолком трубы и повис на ней, похожий одновременно на маятник и на привязанную за лапу черепаху.

Звякнуло стекло, послышался металлический скрежет, — Нелли кое-как ухитрилась подняться. Вездеход встал на дыбы, из-под гусениц летели в разные стороны громадные комья земли.

— Лоза! — крикнул Смит.

Макензи кивнул. Плотно сжав губы, он пытался овладеть положением. Снаружи мелькали щупальца; растение обхватывало машину тугими кольцами. Что-то врзалось в лобовое стекло и рассыпалось облачком пыли, — похоже, здешние ружейные деревья не страдали сбитостью прицела.

Макензи немного сбросил обороты, развернул вездеход так, чтобы лоза провисла, а затем надавил на педаль и направил машину прочь от леса. Лоза яростно извивалась в воздухе. Макензи был уверен: если разогнаться до приличной скорости и ударить с маху в натянутую лозу, та не выдержит и лопнет. Состязаться же, кто кого пересилит, было чистым безумием — вцепившаяся в жертву лоза обладала прочностью стали.

Смит исхитрился опустить боковое стекло и палил теперь из излучателя. Машину бросало из стороны в сторону, скорость все возрастала, пули ружейных деревьев так и свистали вокруг. Макензи рывкнул на Смита. Столкновения следовало ожидать в любую секунду, — вездеход двигался по широкой дуге, неумолимо приближаясь к тому месту, откуда началась сумасшедшая гонка. Удар! Макензи кинуло на лобовое стекло; он каким-то чудом, инстинктивно успел выставить перед собой руки. В его мозгу словно вспыхнуло пламя, затем наступила темнота, прохладная, успокаивающая... Он подумал, что все будет в порядке, все... все...

Едва очнувшись, он убедился, что до порядка далеко. Над ним нависало нечто невообразимое. Долгие секунды он лежал не шевелясь, даже не пытаясь сообразить, что произошло, потом двинул ногой и тут же вскрикнул от боли. Он медленно согнул ногу в колене; затрещала ткань, брючина порвалась, и сразу стало легче: нога оказалась вне досягаемости зазубренного куска железа.

— Лежи спокойно, — велел чей-то голос, исходивший будто изнутри его тела.

— Выходит, ты цел, — хмыкнул Макензи.

— Конечно, цел, — отозвался Никодим. — А вот ты заработал кучу синяков и пару царапин. Вдобавок тебе не избежать головной...

Никодим не закончил фразы, ему было некогда. Сейчас он заменял бригаду «скорой помощи» — подпитывал Макензи энергией, излечивая тем самым синяки, царапины и прочие неприятные последствия крушения. Макензи принялся разглядывать хаос у себя над головой.

— Интересно, как мы отсюда выберемся? — проговорил он.

Внезапно обломки задрожали, затряслись, один из них оторвался от общей массы, упал и оцарапал Макензи щеку. Дон выругался без особого энтузиазма. Кто-то

окликнул его по имени. Он ответил. Обломки разлетелись в разные стороны. Длинные металлические руки схватили Макензи за плечи и выволокли наружу.

— Спасибо, Нелли, — проговорил он.

— Заткнись, — бросила Нелли.

Макензи ощущал слабость в коленках, а потому вставать не рискнул. Он осторожно уселся и посмотрел на вездеход. Тот смело можно было списывать в утиль, поскольку он наскочил на полном ходу на валун и превратился в грудку металла. Сидевший неподалеку Смит захихикал.

— Что с тобой? — буркнул Макензи.

— Выдрали с корнем! — воскликнул Смит. — Раз — и готово! Эта лоза уже никому не страшна.

Макензи недоверчиво огляделся по сторонам. Лоза лежала на земле, вся какая-то обмякшая и, без сомнения, мертвая. Ее щупальца по-прежнему цеплялись за обломки вездехода.

— Она выдержала! — изумился Макензи. — Мы ее не порвали!

— Верно, — согласился Смит, — не порвали, но какая тебе разница?

— Нам повезло, что она не была электрической, — проговорил Макензи, — иначе — поминай как звали.

— Да уж, — мрачно кивнул Смит. — Она и так наделала дел. Вездеход разбился в лепешку, а до дома две тысячи миль.

Нелли вынырнула из обломков машины с Энциклопедией под мышкой и радиопередатчиком в кулаке. Она швырнула спасенных на землю. Энциклопедия откатилась на несколько футов, внедрил корнем в почву и очутился в родной стихии. Нелли повернулась к Макензи.

— Я сообщу обо всем, будь уверен, — заявила она. — Ты разбил новую машину! Тебе известно, сколько стоит такой вездеход? Ну конечно, конечно, нет. Тебя это не интересует! Надо же было додуматься! Эка невидаль, вездеход! Компания ведь не обеднеет, правда? Ты никогда не задавался вопросом, кто тебе платит? На месте руководства я бы заставила тебя оплатить покупку вездехода из собственного кармана, вплоть до последнего цента!

— Слушаю я, слушаю, — сообщил Смит, не сводя глаз с Нелли, — и так меня и подмывает выбрать молот поувесистей и задать тебе хорошую взбучку.

— Точно, — поддержал приятеля Макензи. — Сдается мне, компания еще наплачется с этими роботами.

— Не смейте говорить так! — взвизгнула Нелли. — По-вашему, я — машина, на которую можно не обращать внимания? Сейчас ты скажешь, что твоей вины тут нет, что все случилось само собой, да?

— Мы ехали в четверти мили от леса, — огрызнулся Макензи. — Откуда мне было знать, что эта тварь такая длинная?

— А Смит? — не унималась Нелли. — Зачем ему понадобилось сжигать ружейные деревья?

Мужчины дружно обернулись к лесу. Нелли ничуть не преувеличивала. Над немногими уцелевшими деревьями, которые выглядели так, словно побывали под арт-обстрелом, вился полупрозрачный дымок. Смит с деланным сожалением прищелкнул языком.

— Они стреляли в нас, — сказал Макензи.

— Ну и что? — грозно справилась Нелли. — В инструкции сказано...

— Знаю, знаю, — перебил Макензи, жестом призывая ее замолчать. — Правило 17 главы «Взаимоотношения с инопланетными формами жизни»: «Никто из служащих Компании не имеет права применять оружие или каким другим способом причинять вред или угрожать причинением онгого коренным жителям иных планет за исключением случаев самообороны, при том условии, что все прочие способы убеждения оказались недейственными».

— Мы должны возвратиться в факторию, — объявила Нелли. — Нам придется вернуться, хотя мы почти у цели. О ваших подвигах скоро станет известно всей планете! Мох, вероятно, уже распространяет новость. Надо окончательно спятить, чтобы выдергивать лозы и расстреливать ружейные деревья! Собирайтесь! Нужно идти, иначе мы никогда не доберемся до дома, потому что вся здешняя растительность ополчится на нас.

— Лоза виновата сама, — возразил Смит. — Она пыталась поймать нас, хотела украсть нашу машину, наверняка бы прикончила нас ради того, чтобы завладеть несколькими паршивыми унциями радия из двигателя. А радий наш, он принадлежит твоей ненаглядной Компании.

— Зря ты ей сказал, — заметил Макензи. — Теперь она будет вырывать лозу за лозой, налево и направо.

— А что, разумно, — одобрил Смит. — Будем надеяться, ей попадется электрическая. Нелли, ты провоняешь жженой краской.

— Что с передатчиком? — спросил Макензи.

— Готов, — лаконично ответила Нелли.

— А записывающее оборудование?

— Как будто в порядке.

— Колбы с сывороткой?

— Одна уцелела.

— Вот и хорошо, — проговорил Макензи. — Тащи сюда два мешка с удобрениями. Мы идем дальше. До Чаши Гармонии всего-навсего около пятидесяти миль.

— Никуда мы не пойдём, — заупрямилась Нелли. — Каждое дерево, каждая лоза...

— Вперед безопаснее, чем назад, — прервал Макензи. — Когда мы не выйдем на связь, Харпер поймет, что что-то произошло, и вышлет за нами флайер. — Он поднялся с земли и вынул из кобуры пистолет. — Тащи мешки. Если откажешься, расплаваю на месте.

— Ладно, ладно, — пошла на попятную Нелли, — вовсе незачем так волноваться.

— Еще одно слово, — прорычал Макензи, — и ты у меня схлопочешь.

По дороге они старались держаться открытой местности, избегали приближаться к рощам и лескам и настороженно поглядывали по сторонам. Макензи шел первым, за ним вприпрыжку ковылял Энциклопедия, следом шагала Нелли, нагруженная оборудованием и мешками с удобрениями. Замыкал шествие Смит. Одно ружейное дерево выстрелило в них, но расстояние было слишком велико. Раз позади разрядилась с треском электрическая лоза. Идти было тяжело. Густая трава сильно затрудняла движение. Невольно возникало впечатление, что приходится брести по воде.

— Вы пожалеете, — бормотала Нелли, — вы...

— Заткнись! — прикрикнул Смит. — В кои-то веки ты занимаешься тем, для чего и предназначены роботы, а не роешься в своих отчетах, проверяя, кому достался лишний цент!

Они подошли к холму. Начался утомительный подъем по травянистому склону. Внезапно тишину нарушил

звук, похожий на тот, с каким рвется ткань. Они оставались и прислушались. Звук повторился, еще и еще.

— Выстрелы! — воскликнул Смит.

Мужчины, не сговариваясь, побежали вперед. Нелли устремила следом. Мешки с удобрениями нещадно колотили ее по плечам.

Очутившись на вершине, Макензи с первого взгляда оценил ситуацию.

Ниже по склону притаился за валуном человек, с отчаянностью обреченного выпускавший из пистолета пулю за пулей в сторону перевернутого кверху дном вездехода, за которым прятались трое — землянин и двое насекомоподобных существ.

— Грумми! — вырвалось у Смита.

Прицельный выстрел из-за машины снес верхушку валуна, за которым скрывался одиночка, вынудив того прильнуть к земле. Смит кинулся вниз, в направлении другого валуна, что находился наискосок от первого, на фланге троицы. Его заметили. Послышался крик, мелькнуло пламя, и не далее чем в десяти футах за спиной Смита в земле появилась дымящаяся борозда. Тут же последовал новый залп, на сей раз — в Макензи. Дон нырнул за кочку. Луч прошел у него над головой. Он прижался к траве, будто норовя внедриться в почву. Снизу донеслись раздраженные восклицания грумбриджан.

Макензи рискнул осмотреться. Он увидел, что вездеход — отнюдь не единственное транспортное средство в долине. Неподалеку стоял прицеп, к которому было привязано дерево. Щурясь от солнца, Макензи пытался разобраться, что к чему. Дерево, судя по всему, выкапывала опытная рука: под тряпкой, несомненно влажной, которой были обернуты корни, угадывались необбитые комья земли. Прицеп наклонился набок, и потому дерево касалось макушкой травы, а корневище задралось высоко в воздух.

Смит яростно палил по вражескому лагерю, троица тоже не оставалась в долгу, отвечая шквальным огнем. Если так пойдет и дальше, подумалось Макензи, через минуту-другую они в буквальном смысле слова поджарят Смита. Вырутавшись сквозь зубы, он высунулся из-за кочки и тщательно прицелился, жалея, что в руках у него пистолет, а не винтовка. Человек за валуном продолжал стрелять по вездеходу, но помощи от него

ожидать не приходилось. Макензи понимал, что сражаться по-настоящему будут только они со Смитом.

Интересно, спросил он вдруг себя, где сейчас Нелли? Верно, мчится на всех парах в факторию. Ну и черт с ней! Макензи устроился поудобнее, готовясь присоединиться к перестрелке.

Но прежде чем он успел нажать на курок, стрельба из-за вездехода прекратилась. Раздались истошные вопли. Грумбриджиане вскочили и бросились бежать, но тут что-то просвистело по воздуху, ударило одного из них в грудь и повергло на землю. Второй заметался, словно вспугнутый заяц, не зная, как ему поступить; пока он раздумывал, наступила развязка. Отзвук глухого удара достиг укрытия Макензи. Грумбриджианин повалился навзничь, и в этот миг Макензи заметил Нелли. Она поднималась по склону, прижимая левой рукой к груди кучу камней; правая же рука Нелли действовала с отлаженностью поршня. Один камень пролетел мимо цели и угодил в вездеход; окрест раскатилось звучное эхо.

Спутник грумми улепетывал во все лопатки, старательно увертываясь от снарядов Нелли. Отбежав на известное расстояние, он остановился и хотел было выстрелить в нее, однако на него вновь обрушился град камней. Он кинулся дальше, споткнулся, упал, выронил винтовку, кое-как поднялся и побежал снова, подвывая от ужаса. Живое одеяло на его плечах топорщилось таким крохотным парусом. Нелли метнула последний камень, а затем ринулась вдогонку.

Макензи гаркнул на нее, однако она не подчинилась и вскоре исчезла за гребнем холма. Беглецу было не уйти.

— Ты только погляди на Нелли! — вопил Смит. — Ну и задаст она ему жару, когда поймает!

— Кто он такой? — справился Макензи, протирая глаза.

— Джек Александер, — отозвался Смит. — Грант говорил, что он вернулся.

Человек, прятавшийся за валуном, вышел на открытое место и направился к своим спасителям. Он не имел живого одеяла, одежда его представляла собой лохмотья, а лицо заросло бородой чуть ли не по самые брови.

— Великолепный маневр, — заявил он, тыкая пальцем в сторону холма, за гребнем которого скрылась Нелли. — Ваш робот застал их врасплох.

— Если она потеряла мешки с удобрениями и записывающее оборудование, я ее расплавлю, — мрачно пообещал Макензи.

— Вы из фактории, джентльмены? — спросил незнакомец.

Они утвердительно кивнули.

— Моя фамилия Уэйд. Дж. Эджертон Уэйд...

— Секундочку, — перебил Смит. — Не тот самый Дж. Эджертон Уэйд? Не пропавший композитор?

— Именно он, — человек поклонился. — Правда, насчет пропавшего... Я никуда не пропадал, просто прилетел сюда и провел здесь целый год, наслаждаясь чудесной музыкой. — Он окинул их испепеляющим взглядом. — Я человек мирный, но, когда эти трое выкопали Делберта, я понял, что должен вмешаться.

— Делберта? — переспросил Макензи.

— Да, музыкальное дерево.

— Чертовы воришки, — проворчал Смит. — Наверняка надеялись спихнуть его на Земле. «Шишки» не пожалели бы никаких денег за удовольствие видеть у себя во дворе такое дерево!

— Мы подросли вовремя, — сказал Макензи. — Если бы им удалось улизнуть, вся планета вступила бы на тропу войны. Нам пришлось бы закрывать лавочку. Кто знает, когда бы мы сумели вернуться?

— Предлагаю посадить дерево обратно, — заявил Смит, потирая руки. — Из благодарности они отныне будут снабжать нас музыкой совершенно бесплатно, верно, Дон?

— Джентльмены, — заметил Уэйд, — хотя вами движут соображения наживы, они подсказывают вам правильное решение.

Земля под ногами задрожала, и люди резко обернулись. К ним подходила Нелли. У нее в руке болталось живое одеяло.

— Убежал, — сказала она, — зато я разжилась одеялом. Теперь вы, ребята, не сможете передо мной задаваться.

— Зачем тебе одеяло? — удивился Смит. — Ну-ка отдай его мистеру Уэйду. Слышишь? Я кому сказал?

— Почему вы все у меня отбираете? — Нелли, похоже, обиделась. — По-вашему, я не человек...

— Разумеется, — подтвердил Смит.

— Если ты отдашь одеяло мистеру Уэйд, я позволю тебе вести машину, — подольстился Макензи.

— Правда? — обрадовалась Нелли.

— Ну зачем вы так, — проговорил Уэйд, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

— Берите одеяло, — велел Макензи. — Оно вам необходимо. У вас такой вид, будто вы последние два дня голодали.

— Признаться, так оно и было.

— Оно вас накормит, — утешил Смит.

Нелли протянула одеяло композитору.

— Где ты научилась так ловко швыряться камнями? — поинтересовался Смит.

Глаза Нелли сверкнули.

— На Земле я входила в состав бейсбольной команды, — ответила она. — Играла подающего.

Машина Александра оказалась в полном порядке, не считая нескольких вмятин на бортах и разбитого лобового стекла, в которое пришелся первый выстрел Уэйда: стекло разлетелось вдребезги, а ошарашенный водитель заложил крутой вираж, закончившийся наездом на камень и сальто-мортале вездехода. Музыкальное дерево ничуть не пострадало, поскольку его корни находились в земле и были обвязаны вдобавок влажной мешковиной. В салоне вездехода, в укромном уголке, обнаружился Делберт, дирижер двух футов росту, сильнее всего напоминавший вставшего на задние лапы пуделя. Оба грумбриджанина были мертвы: хитиновые панцири раскололись на кусочки от камней, пущенных меткой рукой Нелли.

Смит с Уэйдом забрались в вездеход и принялись готовиться к ночевке. Нелли в сопровождении Энциклопедии отправилась на поиски винтовки, брошенной впопыхах Александром. Макензи сидел на корточках, привалившись спиной к боку машины, и докуривал трубку; Никодим свернулся клубочком у него на плечах. Поблизости зашуршала трава.

— Нелли, — окликнул Макензи, — это ты?

Нелли неуверенно подошла к нему.

— Не сердись? — спросила она.

— Нет, не сержусь. Ничего не поделаешь, так уж ты устроена.

— Я не нашла винтовки.

— А ты запомнила, где Александр выронил ее?

— Естественно. Там пусто.

Макензи нахмурился. Выходит, Александр вернулся и вновь завладел оружием.

— Да, плохо дело. Он того и гляди начнет палить по нам. У него свои счеты с Компанией, а после сегодняшней неудачи с ним лучше не сталкиваться, — он осмотрелся. — Где Энциклопедия?

— Я улинула от него, потому что хотела поговорить с тобой.

— Что ж, давай выкладывай.

— Он пытался прочесть мои мысли.

— Знаю. Наши он уже прочел, все до единой.

— Со мной у него ничего не вышло.

— Чего и следовало ожидать. Я, собственно, и не сомневался, что так оно и будет.

— Не смей потешаться надо мной! — воскликнула Нелли.

— Не горячись, Нелли, — проговорил Макензи. — Насколько мне известно, с твоим мозгом все в порядке. Возможно, он даст нашим сто очков вперед. Суть в том, что он — другой. Мы наделены мозгами от природы, которая не придумала ничего лучше для того, чтобы мыслить, оценивать и запоминать. Такой тип сознания Энциклопедии хорошо знаком. Но твой мозг для него в новинку. Искусственный интеллект, отчасти механический, отчасти электрический, химический, Бог знает какой еще, — в конце концов, я не роботехник. Ни с чем подобным Энциклопедия прежде не встречался. Может статься, ты сбила его с толку. Кстати говоря, не поразила ли его наша цивилизация? Понимаешь, если на этой планете и существовала когда-нибудь истинная цивилизация, то она была какой угодно, но не механической. Тут нет ни следа механической деятельности, ни единого шрама из тех, какие машины обычно оставляют на поверхности планет.

— Я дурачу его, — сказала Нелли. — Он пытается проникнуть в мой мозг, а я читаю его мысли.

— То есть... — Макензи подался вперед, совершенно позабыв о потухшей трубке. — Почему же ты до сих пор молчала? Верно, радовалась жизни, вынюхи-

вала, о чем мы думаем, и посмеивалась над нами исподтишка?!

— Нет, нет, — возразила Нелли, — честное слово, нет. Я даже не знала, что умею. Просто когда я почувствовала, что Энциклопедия забрался ко мне в голову, то рассердилась настолько, что готова была пришибить его на месте, но потом передумала и решила быть похитрее. Мне показалось, что если он может копаться в моем мозгу, то чем я хуже? Ну вот, я попробовала, и у меня получилось.

— И впрямь очень просто, — язвительно заметил Макензи.

— Мне как будто подсказали, что надо делать.

— Если бы парень, который тебя изобрел, узнал об этом, он перерезал бы себе горло.

— Мне страшно, — пробормотала Нелли.

— Отчего?

— Энциклопедия знает слишком много.

— Шок от контакта с инопланетянином, — поставил диагноз Макензи. — Урок на будущее: не связывайся с инопланетянами без предварительной подготовки.

— Дело не в том, — сказала Нелли. — Он знает то, чего ему не следовало бы знать.

— Насчет нас?

— Нет, насчет мест, до которых земляне еще не добрались, и все такое прочее, до чего никак не мог дойти собственным умом.

— Например?

— Например, математические уравнения, ни капли не похожие на те, что известны нам. Откуда он узнал их, если провел всю жизнь на этой планете? Чтобы пользоваться такими уравнениями, нужно даже лучше землян разбираться в природе пространства и времени. Кроме того, он напичкан философией, всякими идейками, что поначалу представляются попросту бредовыми, но от которых, стоит вообразить себе тех, кто придумал их, голова идет буквально кругом.

Макензи достал кисет, заново набил трубку и раскурил ее.

— Ты хочешь сказать, что Энциклопедия побывал в мозгах других существ, прилетавших сюда?

— По-моему, такое вполне возможно, — отозвалась Нелли. — Мало ли что могло случиться в прошлом? Энциклопедия ведь очень старый. Он уверяет,

что практически бессмертен, умрет только тогда, когда во Вселенной не останется ни единого непознанного явления. Мол, если нечего станет узнавать, зачем жить дальше?

Макензи постучал черенком трубки по зубам.

— Похоже на правду, — заметил он. — Я про бессмертие. С физиологической точки зрения растениям жить куда проще, чем животным. При надлежащей заботе они и впрямь могут цвести себе до окончания времен.

На склоне холма зашелестела трава. Макензи замолчал и сосредоточился на трубке. Нелли присела на корточки поблизости от него. Энциклопедия величаво спустился с холма, подобрался к вездеходу и вонзил свой корень в почву, решив, как видно, подкрепиться на сон грядущий. От его напоминавшей раковину спины отражался звездный свет.

— Я так понимаю, ты собираешься с нами на Землю? — спросил Макензи, чтобы завязать разговор.

Ответом ему была четкая, отточенная мысль, как бы пронизавшая мозг:

— Я бы не отказался. Ваша раса интересует меня.

Попробуй поговори с таким, подумалось Макензи. Как тут не растеряться, когда тебе отвечают не вслух, а мысленно?

— Что ты думаешь о нас? — справился он и немедленно ощутил всю бестолковость подобного вопроса.

— Я знаю о вас очень мало, — заявил Энциклопедия. — Вы создали искусственную жизнь, а мы живем естественной. Вы подчинили себе все силы природы, которыми смогли овладеть. На вас трудятся машины. Судя по первому впечатлению, вы потенциально опасны.

— Что хотел, то и получил, — пробормотал Макензи.

— Не понимаю.

— Забудем, — отмахнулся человек.

— Ваша беда, — продолжал Энциклопедия, — в том, что вы не знаете, куда движетесь.

— Так в том-то вся прелесть! — воскликнул Макензи. — Господи, да если бы мы знали, куда идем, жить было бы скучнее скучного. А так — ты только представь: за каждым углом, за каждым поворотом — новый сюрприз, новое приключение!

— Знание цели имеет свои преимущества, — возразил Энциклопедия.

Макензи выбил трубку о каблук башмака, затем затоптал угольки.

— Значит, ты нас раскусил?

— Ни в коем случае, — отозвался Энциклопедия. — Это лишь первое впечатление.

Понемногу светало. Музыкальные деревья выглядели такими кособокими серыми призраками. Все дирижеры, за исключением тех, которые не пожелали отказаться от сна даже ради землян, сидели на своих подиумах, черные и мохнатые как бесы. Делберт восседал на плече Смита, вцепившись когтистой лапой ему в волосы, чтобы не потерять равновесия. Энциклопедия тащился позади всех. Уэйд шагал во главе маленького отряда, показывая дорогу к подиуму Олдера.

Чашу наполняли обрывки мыслей, излучаемых сознаниями дирижеров. Макензи ощущал, как эти чужеродные мысли норовят проникнуть в его мозг, и почувствовал, что волосы на затылке встают дыбом. Мысли шли не единым потоком, а разрозненно, как будто дирижеры сплетничали между собой.

Желтые утесы стояли часовыми над долиной; чуть выше тропы, что вела вниз, маячил вездеход, похожий в лучах восходящего солнца на огромного оседланного жука.

Олдер, малопривлекательный на вид гномик с кривыми ножками, поднялся с подиума, приветствуя гостей. Поздоровавшись, земляне уселись на корточки. Делберт с высоты своего положения на плече Смита строил Олдеру гримасу. Некоторое время все молчали; затем Макензи, решив обойтись без формальностей, произнес:

— Мы освободили Делберта и привели его обратно.

— Он нам не нужен, — Олдер нахмурился, в его мыслях сквозило отвращение.

— То есть как? — изумился Макензи. — Он же один из вас... Нам пришлось изрядно потрудиться...

— От него сплошные неприятности, — объявил Олдер. — Он никого не уважает, ни с кем не считается, все делает по-своему.

— Вы лучше на себя посмотрите! — вмешался Делберт. — Тоже мне, музыканты! Вы злитесь на меня из-за того, что я — другой, что мне плевать...

— Вот видите, — сказал Макензи Олдер.

— Вижу, — согласился тот. — Впрочем, новые идеи рано или поздно обретают ценность. Возможно, он...

Олдер ткнул пальцем в Уэйда.

— С ним все было в порядке, пока не появился ты! Ты заразил его своими бреднями! Твои глупейшие рассуждения о музыке... — Олдер запнулся, вероятно, от избытка чувств, потом продолжил: — Зачем ты пришел? Кто тебя звал? Что ты лезешь не в свое дело?

Уэйда, казалось, вот-вот хватит удар.

— Меня ни разу в жизни так не оскорбляли, — прорычал он и стукнул себя кулаком в грудь. — На Земле я сочинял Музыку с большой буквы! Я никогда не...

— Убирайся в свою нору! — крикнул Олдеру Делберт. — Вы все понятия не имеете о том, что такое музыка. Пиликаете изо дня в день одно и то же, нет чтобы выбиться из колеи, сменить кожу, перестроиться. Дурни вы старые, пни замшелые!

— Какой язык! — воскликнул Олдер, в ярости потрясая над головой сжатыми кулаками. — Да как ты смеешь!..

Чашу захлестнула мысленная волна злобы.

— Тихо! — гаркнул Макензи. — Кому говорят, ну-ка тихо!

Уэйд перевел дух, его лицо сделалось чуть менее багровым. Олдер присел на корточки и постарался принять невозмутимый вид. Мысли остальных перешли в неразборчивое бормотание.

— Вы уверены? — спросил Макензи. — Уверены, что не хотите возвращения Делберта?

— Мистер, — ответил Олдер, — мы были счастливы, когда узнали, что его забрали.

Другие дирижеры поддержали это заявление одобрительными возгласами.

— По правде сказать, мы не прочь избавиться кое от кого еще, — прибавил Олдер.

С дальнего конца Чаши долетела мысль, содержащая в себе откровенную, издевательскую насмешку.

— Судите сами, можно ли ужиться с такими, — Олдер пристально поглядел на Макензи. — А все нача-

лось из-за... из-за... — Так и не найдя подходящего эпитета для Уэйда, он снова сел; возбуждение миновало, и мысли потекли с прежней четкостью: — Если они покинут нас, мы будем искренне рады. Из-за них у нас постоянные склоки. Мы не можем сосредоточиться, не можем как следует настроиться, не можем исполнять музыку так, как нам того хочется.

Макензи сдвинул шляпу на затылок и почесал лоб.

— Олдер, — заявил он наконец, — сдается мне, каша у вас тут заварилась нешуточная.

— Мы были бы весьма признательны, если бы вы забрали их, — сказал Олдер.

— За милую душу! — воскликнул Смит. — С превеликим удовольствием! Столько, сколько... — Макензи пихнул его локтем в бок, и Смит заткнулся.

— Мы не можем забрать деревья, — ядовито сообщила Нелли. — Это не допускается законом.

— Законом? — изумился Макензи.

— Да, правилами Компании. Или тебе не известно, что Компания разработала правила поведения для своих служащих? Ну разумеется, подобные вещи тебя не интересуют.

— Нелли, — рявкнул Смит, — не суй нос не в свое дело! Мы всего-навсего собираемся оказать Олдеру незначительную услугу...

— Которая запрещается правилами, — перебила Нелли.

— Точно, — со вздохом подтвердил Макензи. — Раздел 34 главы «Взаимоотношения с инопланетными формами жизни»: «Служащим Компании возбраняется вмешиваться во внутренние дела других рас».

— Совершенно верно. — Судя по тону, Нелли гордилась собой. — Помимо всего прочего, если мы заберем деревья, то окажемся втянутыми в ссору, к которой не имеем никакого отношения.

— Увы, — сказал Макензи Олдеру, разводя руками.

— Мы дадим вам монополию на нашу музыку, — искушал Олдер. — Будем извещать вас всякий раз, как только у нас появится что-либо свеженькое. Мы обещаем не вести переговоров с грумми и продавать музыку по разумной цене.

— Нет, — покачала головой Нелли.

— Полтора бушеля вместо двух, — предложил Олдер.

— Нет.

— Заметано, — воскликнул Макензи. — Показывай, кого забирать.

— Я не понимаю, — возразил Олдер. — Нелли говорит «нет», вы — «да». Кому верить?

— Нелли может говорить что угодно, — хмыкнул Смит.

— Я не позволю вам забрать деревья, — сказала Нелли, — не позволю, и все.

— Не обращайтесь на нее внимания, — посоветовал Макензи. — Ну, от кого вам не терпится избавиться?

— Мы благодарим вас, — произнес Олдер.

Макензи поднялся и огляделся по сторонам.

— Где Энциклопедия? — спросил он.

— Удрал к машине, — ответил Смит.

Макензи посмотрел на холм: Энциклопедия быстро поднимался по тропе, что вела к гребню.

Все происходящее казалось не слишком реальным, вывернутым шиворот-навыворот, словно на планете разыгрывались сценки из той старой детской книжки, которую написал человек по имени Кэрролл. Шагая по тропе, Макензи думал о том, что, может быть, стоит ущипнуть себя — глядишь, он проснется, и мир встанет с головы на ноги. Он-то надеялся всего-навсего успокоить аборигенов, вернуть им музыкальное дерево в знак мирных намерений землян, а вышло так, что ему предлагают забрать это дерево обратно, в придачу к несколькими другим. Нет, что-то тут не совсем так, вернее, совсем не так, но вот что именно? Впрочем, какая разница? Надо забирать деревья и уматывать, пока Олдер и его приятели не передумали.

— Забавно, — проговорил шедший следом Уэйд.

— Да уж, — согласился Макензи, — забавнее некуда.

— Я разумею деревья, — пояснил Уэйд. — Знаете, Делберт и прочие изгнанники — они ничем не отличаются от остальных. Я слушал концерты много раз и готов поклясться: ни малейшим отступлением от канонов там и не пахло.

Макензи остановился, обернулся и схватил Уэйда за руку.

— То есть Делберт играл как все?

Уэйд кивнул.

— Неправда! — воскликнул Делберт, по-прежнему восседавший на плече Смита. — Я не желал играть как все! Мне всегда хотелось добиться известности! Я выпекал вещь за вещью, выкладывая их на блюдечки с каемочками, получалось до того здорово, что самому хотелось слопать!

— Где ты набрался этого жаргона? — справился Макензи. — Никогда ничего подобного не слышал.

— У него, — Делберт показал на Уэйда.

Тот покраснел и выдавил:

— Доисторический язык, им пользовались в двадцатом веке. Я прочитал о нем в исследовании по истории музыки. Там приводился словарь... Понимаете, термины были настолько необычными, что сами собой засели в памяти...

Смит облизал губы и присвистнул.

— Выходит, Делберт позаимствовал жаргон из ваших мыслей. Принцип тот же, что и у Энциклопедии, а вот результат похуже.

— Ему не хватает разборчивости Энциклопедии, — объяснил Макензи. — К тому же откуда он мог знать, что говорит на языке прошлого?

— Меня подмывает свернуть ему шею, — признался Уэйд.

— Не вздумайте, — предостерег Макензи. — Я согласен, сделка кажется подозрительной, но семь музыкальных деревьев — это вам не какая-нибудь ерунда. Лично я отступаться не намерен.

— По-моему, — заметила Нелли, — вам не следовало связываться с ними.

— Да что с тобой, Нелли? — полюбопытствовал Макензи, хмуря брови. — С какой стати ты принялась там, внизу, рассуждать о законе? Правила правилами, но ведь на все случаи жизни они не годятся. Ради семи музыкальных деревьев Компания легко поступится парочкой правил, уверяю тебя. Ты дотадываешься, как нас встретят дома? Чтобы послушать их, нам станут отваливать по тысяче баксов с носа, и придется выставлять оцепление, чтобы толпа не слишком напирала!

— А главное то, — прибавил Смит, — что народ будет приходить снова и снова. Чем дольше люди будут слушать музыку, тем сильнее она их заденет. Мне кажется, меломания превратится в одержимость. Най-

дуются такие, которые пойдут на что угодно, лишь бы еще разок услышать, как поют деревья.

— Вот единственное, чего я, кстати говоря, опасюсь, — вздохнул Макензи.

— Я вас предупредила, — отозвалась Нелли. — Мне известно не хуже вашего, что в такой ситуации правилами обычно пренебрегают. Просто в мыслях дирижеров сквозила насмешка. Они вели себя как уличные сорванцы, которые потешаются над тем, кого только что одурачили.

— Бред, — фыркнул Смит.

— Так или иначе, сделка состоится, — заявил Макензи. — Если мы упустим такую возможность, нас потом четвертуют.

— Ты собираешься связаться с Харпером? — спросил Смит.

— Нужно договориться с Землей, чтобы за деревьями прислали корабль.

— На мой взгляд, — буркнула Нелли, — мы сами себя сажаем в лужу.

Макензи щелкнул переключателем, и экран видеофона потемнел. Убедить Харпера оказалось нелегко. Впрочем, Макензи понимал шефа. В такое и впрямь верится с трудом. Но с другой стороны, здесь все не так, как положено.

Макензи извлек из кармана кисет и трубку. Нелли наверняка заартачится, когда ей велят выкопать остальные шесть деревьев, но ничего, переживет. Нужно торопиться, запасы сыворотки на исходе, осталась всего одна колба.

Внезапно снаружи раздались возбужденные крики. Макензи единым движением сорвался с кресла и выскочил в люк — и чуть было не врезался в Смита, который выбежал из-за машины. Уэйд, который находился у подножия утеса, спешил к товарищам.

— Ну Нелли дает! — воскликнул Смит. — Ты погляди на нее!

Нелли приближалась к вездеходу размеренным шагом, волоча за собой нечто, судорожно дрыгавшееся и сопротивлявшееся. Роща ружейных деревьев дала залп по роботу, одна пуля угодила Нелли в плечо, на долю

секунды лишив ее равновесия. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что нечто на деле — Энциклопедия. Нелли тащила его за корень; бедное растение пересчитывало собственным телом все кочки, какие только попадались на пути.

— Отпусти его! — крикнул Макензи. — Отпусти немедленно!

— Он украл сывортку, — заявила Нелли, — и разбил колбу о скалу.

Она швырнула Энциклопедию под ноги людям. Тот несколько раз подпрыгнул, как мячик, откатился в сторону, принял вертикальное положение и замер, надежно спрятав корень под собой.

— Я душу из тебя вышибу! — Смит, похоже, не собирался шутить. — Ты же знал, что сывортка нам необходима!

— Вы угрожаете мне насилием, — произнес Энциклопедия, — что является наиболее примитивным методом убеждения.

— Зато всегда срабатывает, — сообщил Смит.

Если Энциклопедия и испугался, это никак не отразилось на течении его мыслей, как обычно сформулированных весьма определенным образом:

— Ваш закон запрещает применять насилие или угрожать им инопланетным формам жизни.

— Приятель, — хмыкнул Смит, — есть такая поговорка: «Закон что дышло: как повернул, так и вышло». На то и правила, чтобы из них существовали исключения.

— Минуточку, — вмешался Макензи и спросил Энциклопедию: — Что такое, по-твоему, закон?

— Правила поведения, которые необходимо соблюдать. Вы не можете нарушить их.

— Чувствуется влияние Нелли, — пробормотал Смит.

— То есть ты считаешь, что мы не можем забрать деревья, раз закон запрещает нам сделать это?

— Не можете, — подтвердил Энциклопедия.

— Едва до тебя дошло, что к чему, ты стащил у нас сывортку. Молодец, ничего не скажешь.

— Он рассчитывал одурачить нас, — объяснила Нелли, — если хотите, облапошить — в общем, использовать в своих целях. Насколько я поняла, он украл сывортку для того, чтобы нам нечем было защищаться

от музыки. А потом, вдоволь наслушавшись, мы бы забрали деревья.

— Наплевав на закон?

— Именно. Наплевав на закон.

— Что за ерунду ты порешь? — напустился на работа Смит. — Откуда тебе известно, что он там замышлял?

— Я прочла его мысли, — ответила Нелли. — Он прятал их ото всех, но, когда ты пригрозил ему, часть истины выплыла наружу.

— Нет! — воскликнул Энциклопедия. — Нет, не ты, не машина!

— Извини, дружище, — фыркнул Макензи, — но ты ошибаешься.

Смит ошеломленно уставился на товарища.

— Правда, правда, — заверил его Макензи. — Мы не блефуем. Нелли рассказала мне вчера вечером.

— Вас неправильно информировали, — отбивался Энциклопедия. — Вы неверно истолковываете факты...

— Не верь ему, — произнес тихий голос, прозвучавший, как почудилось Макензи, у него в голове. — Не слушай, он все врет.

— Никодим! Ты что, что-то знаешь?

— Дело в деревьях, — сказал Никодим. — Музыка изменяет тебя, и ты становишься не таким, каким был раньше. Уэйд уже изменился, хотя и не подозревает о том.

— Если вы хотите сказать, что музыка завораживает, я согласен с вами, — проговорил Уэйд. — Я не могу жить без нее, не могу покинуть Чашу. Возможно, вы, джентльмены, полагали, что я отправлюсь с вами. К сожалению, ничего не получится. Я не могу уйти отсюда. Подобное может произойти с любым человеком. У Александера, когда он был здесь, неожиданно закончилась сыворотка. Врачи поставили его на ноги, однако он вернулся, потому что должен был вернуться, просто-напросто должен.

— Перемена заключается не только в этом, — возразил Никодим. — Музыка подчиняет человека настолько, что изменяет образ мышления, переиначивает жизненные ценности.

— Ложь! — вскричал Уэйд, делая шаг вперед. — Я остался таким, каким был!

— Вы слушаете музыку, — сказал Никодим, — улавливаете в ней то, чего не передать словами, то, что стремитесь, но не можете постичь. Вас томят неосознанные желания, вам в голову приходят странные мысли.

Уэйд замер с раскрытым ртом и вытаращился на Макензи.

— Так и есть, — прошептал он, — ей-богу, так и есть. — Он принялся озираться по сторонам с видом загнанного животного. — Но я не чувствую в себе никаких перемен. Я человек, я мыслю как человек, веду себя как человек!

— Разумеется, — подтвердил Никодим. — Они боялись вас спугнуть. Ощути вы, что с вами творится что-то неладное, вы наверняка постарались бы выяснить, что тому причиной. И потом, вы провели тут меньше года. Через пять лет вы отвернулись бы от людей, а через десять начали бы мало-помалу превращаться в нечто совершенно иное.

— А мы-то собирались везти деревья на Землю! — воскликнул Смит. — Целых пять штук! Помнишь, Дон? Чтобы земляне слушали их музыку, вечер за вечером, вживую и по радио. Ничего себе положеньице: семь деревьев изменяют мир!

— Но зачем? — проговорил потрясенный Уэйд.

— А зачем люди одомашнивают животных? — ответил вопросом на вопрос Макензи. — У животных о том спрашивать бесполезно, они не знают. Справляться у собаки, почему ее одомашнили, все равно, что интересоваться тем, с какой стати деревьям вздумалось приручить нас. Несомненно, они преследуют какую-то цель, и она для них вполне ясна и логична. Для нас же она, скорее всего, не станет таковой никогда.

— Никодим, — от мысли Энциклопедии веяло могильным холодом, — ты предал своих сородичей.

— Ты снова ошибаешься, — заметил Макензи с коротким смешком. — Никодим уже не растение, он — человек. С ним случилось то самое, что ты прочил для нас. Он стал человеком во всем, кроме разве что внешнего вида. Он мыслит как человек, разделяет не ваши, а наши убеждения.

— Правильно, — сказал Никодим. — Я человек.

Внезапно из зарослей кустарника в сотне ярдах от вездехода вырвалось ослепительное пламя, раздался треск раздираемой материи. Смит издал нечленораз-

дельный вопль. На глазах у пораженного Макензи он пошатнулся, прижал руку к животу, словно переломился пополам и рухнул на землю. Лицо его исказила гримаса боли.

Нелли устремилась к зарослям. Макензи нагнулся над Смитом.

Смит криво усмехнулся. Губы его зашевелились, но слов слышно не было. Неожиданно он весь обмяк, дыхание сделалось замедленным и прерывистым. Живое одеяло накрыло собой рану. Макензи выпрямился и вынул из кобуры пистолет. Засевший в кустарнике стрелок, завидев несущегося на него робота, вскочил и вскинул винтовку. Макензи страшно закричал и выстрелил не целясь. Он промахнулся, зато чуть ли не половину зарослей охватило пламя. Стрелок пригнулся, и тут подоспела Нелли. Она подхватила его на руки и с размаху швырнула на землю, остальное скрыл дым. Макензи, уронив руку с пистолетом, тупо прислушивался к доносившимся из зарослей глухим ударами, сопровождавшим отход в мир иной человеческой души.

К горлу подкатила тошнота, и Макензи отвернулся. Рядом со Смитом на коленях стоял Уэйд.

— Похоже, он без сознания, — проговорил композитор.

Макензи кивнул.

— Одеяло держит его под наркозом. Не волнуйтесь, оно прекрасно справится.

Послышался шелест травы. Энциклопедия воспользовался тем, что остался без присмотра, и улепетывал без оглядки, направляясь к ближайшей роще ружейных деревьев.

— Это был Александер, — сказала Нелли за спиной Макензи. — Больше он нас не потревожит.

Фактор Нельсон Харпер раскуривал трубку, когда прозвучал сигнал видеофона. Испуганно вздрогнув, он щелкнул переключателем. На экране появилось лицо Макензи — грязное, потное, искаженное страхом. Не тратя времени на приветствия, Макензи заговорил:

— Отменяется, шеф. Сделка не состоится. Я не могу забрать деревья.

— Ты должен их забрать! — рявкнул Харпер. — Я уже связался с Землей, и дело закрутилось. Они себя не помнят от радости и пообещали, что корабль вылетит к нам в течение часа.

— Ну так свяжитесь снова и скажите, что все со-
вралось, — буркнул Макензи.

— Ты же уверял, что все на мази, никаких осложнений не предвидится! Или не ты клялся доставить их, даже если тебе придется ползти всю дорогу на четвереньках?

— Я, я, — отозвался Макензи, — кто же еще? Но тогда я не знал того, что знаю сейчас.

— Компания сообщила о нашей удаче всей Солнечной системе, — простонал Харпер. — Радио Земли ведет через Меркурий передачу на Плутон. Какой-нибудь час спустя все мужчины, женщины и дети узнают, что на Землю везут музыкальные деревья. Мы ничего не можем поделать, понимаешь, Макензи? Мы должны забрать их!

— Я не могу, шеф, — упорствовал Макензи.

— Но почему? — возопил Харпер. — Ради всего святого, почему? Если ты не...

— Потому что Нелли сжигает их. Она отправилась в Чашу с огнеметом в руках. Скоро на планете не останется ни одного музыкального дерева.

— Останови ее! — взвизгнул Харпер. — Чего ты ждешь, беги и останови ее! Как угодно, хоть расплавь на месте, я разрешаю. Эта дура...

— Я сам приказал ей, — перебил Макензи. — Вот закончу с вами и пойду помогать.

— Ты что, спятил? — вконец разъярился Харпер. — Идиот полоумный! Да тебя съедят живьем! Скажешь спасибо, если...

На экране мелькнули две руки. Они сомкнулись на горле Макензи и поволокли того прочь. Экран опустел, но не совсем, на нем что-то мельтешило. Впечатление было такое, будто прямо перед видеофоном идет жесткая драка.

— Макензи! — закричал Харпер. — Макензи!

Внезапно экран словно разлетелся вдребезги.

— Макензи! — надрывался фактор. — Макензи, что происходит?

Экран ослепительно вспыхнул, взвыл, точно баньши, и погас. Харпер застыл как вкопанный с микрофоном в руках. Его трубка валялась на полу, из нее сыпались тлеющие угольки. В сердце фактора мало-помалу закрадывался страх, холодная и скользкая змея; страх терзал Харпера и насмехался над ним. Он знал, что за такое Компания снимет с него голову. Лучшее, чего можно было ожидать, это ссылки на какую-нибудь третьеразрядную планетку в должности чернорабочего. Пятно на всю жизнь: человек, которому нельзя доверять, который не справился со своими обязанностями и подмочил репутацию Компании.

Впрочем, подождите-ка! Если он доберется до Чаши Гармонии довольно быстро, то сумеет положить конец безумию, сумеет по крайней мере сохранить хотя бы несколько деревьев. Слава Богу, флайер на месте. Значит, через полчаса он будет в Чаше.

Харпер кинулся к двери, распахнул ее настежь, и тут что-то просвистело возле его щеки, ударилось о косяк и взорвалось, оставив после себя облачко пыли. Он инстинктивно пригнулся, и следующая пуля лишь чиркнула по волосам, зато третья угодила прямо в ногу. Он повалился навзничь; четвертая пуля взорвалась прямо перед самым его носом. Харпер кое-как встал на колени, покачнулся, когда очередной залп пришелся ему в бок, заслонил лицо правой рукой и немедленно получил удар, от которого мгновенно онемело запястье. Им овладела паника: превозмогая боль, он на четвереньках добрался до порога, переполз через него и захлопнул за собой дверь.

Он попробовал пошевелить пальцами правой руки. Те отказывались слушаться. Так, похоже, перелом запястья.

После долгих недель пальбы в белый свет ружейное дерево, что росло напротив фактории, наконец сообразило поправить прицел и стреляло теперь прямой наводкой.

Макензи приподнялся с пола, оперся на локоть, прикоснулся пальцами к саднящему горлу. Салон вездехода виделся неотчетливо, будто в тумане, голова раскалывалась от боли. Он передвинулся назад — ровно настолько, чтобы прислониться спиной к стене. Салон постепенно приобрел более-менее четкие очертания, но

боль, похоже, и не думала отступать. В проеме люка стоял человек. Макензи напряг зрение, пытаясь определить, кто это.

— Я забираю ваши одеяла, — резанул уши неестественно высокий голос. — Получите их обратно после того, как оставите в покое деревья.

Макензи разжал губы, однако слова не шли с языка: тот еле ворочался во рту.

— Уэйд? — наконец выдавил он.

Да, он не ошибся, с ним говорил именно Уэйд. В одной руке того болтались живые одеяла, другой он сжимал рукоять пистолета.

— Вы спятили, Уэйд, — прошептал Макензи. — Мы должны уничтожить деревья, иначе человечество неминуемо погибнет. У них не получилось на этот раз, но они наверняка попробуют снова и однажды добьются своего, причем им не придется даже лететь на Землю. Они зачаруют нас через записи: этакая межпланетная пропаганда. Дело несколько затянется, однако результат будет тем же самым.

— Они прекрасны, — произнес Уэйд, — прекраснее всего, что есть во Вселенной. Я не могу допустить их гибели. Вы не смеете уничтожить их!

— Вы что, не понимаете — потому-то они и опасны? — прохрипел Макензи. — Их красота фатальна. Никто не может устоять против нее.

— Я жил музыкой деревьев, — сказал Уэйд. — Вы утверждаете, что она превратила меня всего лишь в подобие человека. Ну и что? Или расовая чистота как в мыслях, так и в действиях — фетиш, который вынуждает нас влачить жалкое существование, несмотря на то что рядом, рукой подать, нам предлагается иной, поистине великий выбор? Мы бы никогда ни о чем не узнали, ясно вам, никогда и ни о чем! Да, они изменили бы нас, но постепенно, исподволь, так, что мы ничего бы не заподозрили. Поступки и побуждения по-прежнему казались бы нам нашими собственными, и никто бы не сообразил, что деревья — не просто музыкальная забава.

— Им понадобились наши механизмы, — проговорил Макензи. — Растения не могут строить машины. При благополучном же для них стечении обстоятельств они ступили бы на новый путь и увлекли нас за собой

туда, куда бы мы в здравом рассудке не согласились пойти ни за какие деньги.

— Откуда нам знать, — буркнул Уэйд, — что такое здравый рассудок?

Макензи сел прямо.

— Вы думали об этом? — спросил он, стараясь не обращать внимания на боль в горле и стук крови в висках.

— Да, — кивнул Уэйд. — Поначалу, что вполне естественно, мне стало страшно, но потом я осознал, что страх лишен оснований. наших детей учат в школе тому или иному образу жизни. Наша пресса стремится формировать общественное мнение. Так чего же мы испугались деревьев? Вряд ли их цель эгоистичнее нашей собственной.

— Не скажите, — покачал головой Макензи. — У нас своя жизнь. Мы должны следовать путем, предначертанным человечеству. Помимо всего прочего, вы попусту тратите время.

— Не понял?

— Пока мы тут беседуем, Нелли сжигает деревья. Я послал ее в Чашу перед тем, как связался с Харпером.

— Ничего она не сжигает, — пробормотал Уэйд.

— То есть как? — вскинулся Макензи, словно порываясь вскочить. Уэйд выразительно повел стволом излучателя.

— А вот так, — отрезал он. — Нелли ничего не сжигает, поскольку не в состоянии что-либо сжечь, и вы тоже, потому что я забрал оба огнемета. Вездеход не тронется с места, я о том позаботился. Так что лежите спокойно, и никаких глупостей.

— Вы оставили его без одеяла? — проговорил Макензи, показав на Смита.

Уэйд кивнул.

— Вы хотите, чтобы Смит умер? Без одеяла у него нет ни малейшего шанса выкарабкаться. Одеяло вылечит его, накормит, согреет...

— Вот еще одна причина, по которой нам следует как можно скорее договориться между собой.

— Ваше условие — чтобы мы оставили в покое деревья?

— Совершенно верно.

— Нет, не пойдет, — прошептал Макензи.

— Когда передумаете, позовите меня, — сказал Уэйд. — Я буду держаться поблизости. — С этими словами он спрыгнул на землю.

Смит отчаянно нуждался в тепле и пище. За час, который прошел с той поры, как его лишили одеяла, он очнулся и у него началась жестокая лихорадка. Макензи сидел на корточках рядом с ним и старался хоть как-то облегчить страдания товарища. Стоило ему подумать о том, что ждет их впереди, как его захлестывала волна ужаса.

В вездеходе не было ни продовольствия, ни средств обогрева, ибо ни в том ни в другом не возникало необходимости, пока люди имели при себе живые одеяла. Но теперь одеяла неизвестно где! Макензи отыскал аптечку первой помощи, перерыл ее снизу доверху, но не обнаружил ничего такого, что могло бы помочь Смигу: ни обезболивающих, ни жаропонижающих. И в самом деле, зачем нужны таблетки, когда их с успехом заменяют живые одеяла? Что касается тепла, можно было бы использовать атомный двигатель машины, однако мерзавец Уэйд снял механизм запуска. Между тем снаружи сгущались сумерки; значит, вот-вот похолодает, а для человека в положении Смита холод означает смерть.

«Если бы я только мог найти Нелли», — подумалось Макензи. Он попытался разыскать ее, пробежал около мили по краю Чаши, но никого не встретил, а отойти дальше от вездехода не отважился из-за страха за Смита.

Смит что-то пробормотал. Макензи нагнулся к нему, надеясь разобрать слова, но надежда оказалась тщетной. Тогда он встал и направился к люку. Перво-наперво необходимо тепло, затем пища. Тепло, тепло, — что ж, открытый огонь не лучший способ согреться, но когда все прочие недоступны...

Впереди замаячил прицеп с музыкальным деревом, повернутым корнями к небесам. Макензи сломал несколько сухих веток, решив, что они пойдут на растопку. А вообще придется разводить костер из сырой древесины. Ничего, до завтра как-нибудь протянем, а там, глядишь, подвернется побольше сухостоя.

Музыкальные деревья в Чаше настраивались на вечерний концерт.

Вернувшись в машину, Макензи достал нож, аккуратно расщепил сухие ветки, сложил их на полу и щелкнул зажигалкой. Неожиданно в проеме люка, словно привлеченная язычком пламени, возникла крохотная фигурка. Макензи ошарашенно уставился на незваного гостя, забыв поднести зажигалку к хворосту.

— Что ты делаешь? — проникла в его сознание возбужденная мысль Делберта.

— Разжигаю костер.

— Что такое костер?

— Это... А ты разве не знаешь?

— Нет.

— В костре горит огонь, — пояснил Макензи. — Происходит химическая реакция, которая уничтожает материю и высвобождает энергию в виде тепла.

— А из чего ты разводишь костер? — Делберт прищурился, глядя на зажигалку.

— Из веток.

Глаза Делберта расширились, в мыслях промелькнула тревога.

— Веток с дерева?

— Ну да. Мне нужна была древесина. Она горит и дает тепло.

— С какого дерева?

— С того... — начал было Макензи и запнулся на полуслове. Внезапно до него дошло! Он убрал палец с зажигалки, и огонек погас.

— Это мое дерево! — крикнул Делберт; его душили страх и злоба. — Ты разводишь костер из моего дерева!

Макензи промолчал.

— Когда ты сожжешь его, оно погибнет! — не успокаивался Делберт. — Верно? Оно погибнет?

Макензи кивнул.

— Зачем тебе убивать его? — воскликнул Делберт.

— Мне нужно тепло, — повторил Макензи. — Без тепла мой друг умрет. Костер — единственный способ получить тепло.

— Дерево мое!

— Какая мне разница! — пожал плечами Макензи. — Без тепла нам не обойтись, и я его добуду. — Он вновь щелкнул зажигалкой.

— Но я ведь не сделал тебе ничего плохого, — взвыл Делберт, раскачиваясь взад-вперед в проеме люка. — Я твой друг, я никогда не замыслил тебе зла.

— Да ну? — хмыкнул Макензи.

— Правда, правда, — уверил Делберт.

— А как насчет вашего плана? — справился Макензи. — Или не ты пробовал обмануть меня?

— Я тут ни при чем, — простонал Делберт. — Мы, деревья, не виноваты. Все придумал Энциклопедия!

— Вы про меня? — осведомилась обрисовавшаяся снаружи тень.

Энциклопедия вернулся. Он высокомерно отпихнул Делберта и очутился в салоне вездехода.

— Я видел Уэйда, — сказал он.

— И потому решил, что здесь безопаснее, — фыркнул Макензи, испепеляя его взглядом.

— Разумеется, — невозмутимо подтвердил Энциклопедия. — Ваша формула силы утратила всякий смысл. Вы не можете применить ее.

Макензи резко выбросил руку, схватил Энциклопедию за корень и швырнул в угол.

— Только попытайся вылезти, — прорычал он, — я покажу тебе формулу!

Энциклопедия встряхнулся, точно курица. Мысли его оставались спокойными и холодными.

— Я не понимаю, какая вам польза от силы.

— Поймешь, когда окажешься в супе, — пообещал Макензи. Он оценивающе взглянул на Энциклопедию. — Да, из тебя выйдет неплохой суп. Ты вполне сойдешь за капусту. Не то чтобы я любил капустный суп...

— Суп?

— Суп, суп. Жидкая пища.

— Пища! — мысль Энциклопедии выражала волнение. — Вы собираетесь меня съесть?

— А почему нет? — справился Макензи. — В конце концов, ты всего-навсего растение, пускай разумное, но растение. — Он ощутил мысленное прикосновение к мозгу: Энциклопедия вновь взялся за старое. — Давай-давай, но предупреждаю сразу, тебе вряд ли понравится то, что ты там найдешь.

— Вы скрыли от меня! — возмутился Энциклопедия.

— Ничего подобного, — возразил Макензи. — У нас просто не было случая подумать об этом, вспомнить, для чего люди сажали растения раньше и как пользуются ими и по сей день. Впрочем, ныне мы нечасто прибегаем к ним, потому что необходимость отпала, однако стоит ей появиться снова...

— Вы едите нас! — пробормотал Энциклопедия. — Вы строите из нас дома! Вы уничтожаете нас, чтобы согреться. Эгоисты!

— Не горячись, — посоветовал Макензи. — Тебя ведь задел не сам факт, а то, что мы полагали, что имеем на это право, так? Тебя возмущает, что мы рвем и рубим, не спрашивая, не задаваясь вопросом, каково растениям. Ты страдаешь от оскорбленного достоинства, верно? — Он передвинулся поближе к люку. Из Чаши раздалась первые аккорды. Настройка завершилась, начался концерт. — К сожалению, я оскорблю его еще сильнее. Ты для меня — всего лишь растение. Ты кое-чему научился, приобрел налет цивилизации, но со мной тебе не равняться. Мы, люди, не торопимся забывать прошлое. Минет не одно тысячелетие, прежде чем мы станем относиться к вам хоть чуть-чуть иначе; пока же вы для нас — обыкновенные растения, сродни тем, которыми мы пользовались в былом и можем воспользоваться сейчас.

— Капустный суп, — буркнул Энциклопедия.

— Молодец, — похвалил Макензи, — усвоил.

Музыка внезапно смолкла, оборвалась на середине аккорда.

— Видишь, — заметил Макензи, — даже музыка покинула тебя.

Тишина надвинулась на вездеход, окутала его словно пеленой тумана; вдруг послышался некий звук: шлеп... шлеп... К машине приближалось нечто огромное и массивное.

— Нелли! — воскликнул Макензи, различив в темноте широкоплечую спину робота.

— Да, шеф, это я, — отозвалась Нелли. — Я принесла вам подарок.

Она швырнула в люк вездехода Уэйда. Тот перекатился на спину и застонал. С тела композитора спорхнули двое крохотных существ.

— Нелли, — проговорил Макензи сурово, — колотить его было вовсе незначем. Тебе следовало подождать с наказанием до моего решения.

— Шеф, — запротестовала Нелли, — я его не трогала. Он попался мне уже таким.

Никодим взобрался на плечо Макензи, а одеяло Смита устремилось в тот угол, где лежал его хозяин.

— Она ни при чем, босс, — подтвердил Никодим. — Это мы так отделали его.

— Вы?

— Ну да, нас было двое против одного. Мы напичкали его ядом.

— Он мне не понравился, — продолжал Никодим, устроившись на привычном месте. — Он был совсем не такой, как ты. Я не хотел подделываться под него.

— Яд? — переспросил Макензи. — Надеюсь, вы отравили его не до смерти?

— Конечно, нет, приятель, — уверил Никодим. — У него просто расстроился желудок. Он и не подозревал, что происходит, пока не стало слишком поздно. Мы заключили с ним сделку, пообещали перестать, если он отнесет нас обратно. Он послушался, но без Нелли вряд ли добрался бы сюда.

— Шеф, — попросила Нелли, — когда он очухается, позвольте мне потолковать с ним по душам.

— Нет, — отрезал Макензи.

— Он связал меня, — пожаловалась Нелли. — Он спрятался под утесом, набросил на меня лассо, связал и оставил валяться там. Я провозилась с веревками несколько часов. Честное слово, шеф, я его не убью, так, вразумлю немножко, и все.

Снаружи зашелестела трава, как будто по ней ступали сотни ног.

— У нас гости, — сказал Никодим.

Макензи увидел дирижеров: десятки карликовых существ толпились неподалеку от вездехода, посверкивая светившимися в темноте глазами. Один карлик шагнул вперед. Присмотревшись, Макензи узнал Олдера.

— Ну? — поинтересовался человек.

— Мы пришли сказать вам, что сделка отменяется, — проговорил Олдер. — Делберт рассказал нам.

— Что же он вам рассказал?

— Как вы поступаете с деревьями.

— А, это!

— Да.

— Но сделка состоялась, — возразил Макензи, — ее уже не расторгнуть. Земля с нетерпением ожидает...

— Не надо считать меня глупцом, — перебил Олдер. — Мы нужны вам не больше, чем вы нам. Мы повели себя некрасиво с самого начала, но нашей вины в том нет. Нас надоумил Энциклопедия. Он утверждал, что таков наш долг, долг перед расой, что мы должны нести просвещение другим народам Галактики. Мы сперва не согласились с ним. Понимаете, музыка — наша жизнь, мы создаем ее так давно, что и думать забыли о своем происхождении. Тем более что наша планета еще в незапамятные времена перешла зенит своего существования и теперь становится день ото дня все дряхлее. Однако даже в тот час, когда почва рассыплется у нас под ногами, мы будем сочинять музыку. Вы живете результатами поступков, а мы — созданием музыки. Кадмаровская симфония Алого Солнца для нас важнее, чем для вас — открытие новой планетной системы. Нам доставляет удовольствие, что вы охотитесь за нашей музыкой, и мы огорчимся, если после всего, что случилось, вы отвернетесь от нас. Но на Землю мы не собираемся.

— Монополия сохраняется? — спросил Макензи.

— Сохраняется, — отозвался Олдер. — Приходите, когда вам будет угодно, и записывайте мою симфонию. Как только появится что-то новое, мы сразу дадим вам знать.

— А пропаганда в музыке?

— Отныне ее не будет, — пообещал Олдер. — Если наша музыка и будет воздействовать на вас, то лишь сама по себе, как таковая. Мы не желаем определять вашу жизнь.

— Можно ли вам верить?

— Можно и нужно. Мы согласны и на проверки, хотя в них нет необходимости.

— Посмотрим, — буркнул Макензи. — Лично у меня оснований доверять вам — никаких.

— Очень жаль, — похоже, Олдер говорил искренне.

— Я собирался сжечь вас, — произнес Макензи намеренно жестко, — уничтожить, искоренить. Вы не смогли бы помешать мне.

— Вы варвары, — заявил Олдер. — Вы покорили межзвездное пространство, создали великую цивилизацию, но ваши методы варварские и неоправданно жестокие.

— Энциклопедия назвал их «формулой силы», — заметил Макензи. — Впрочем, дело не в названии; главное, что они срабатывают. Вот почему нам удалось столького добиться. Предупреждаю вас: если вы снова попытаетесь одурачить людей, расплата будет ужасной. Человек ради собственного спасения уничтожит все, что угодно. Помните об этом: мы не остановимся ни перед чем.

Уловив за спиной движение, Макензи резко обернулся.

— Энциклопедия удирает! — закричал он. — Нелли, хватай его!

— Порядок, шеф, — мгновение спустя откликнулась Нелли. Она выступила из темноты, волоча за собой Энциклопедию.

Макензи повернулся к дирижерам, но они исчезли, лишь глухо шелестела в отдалении трава.

— Что теперь? — спросила Нелли. — Пойдем жець деревья?

— Нет, — покачал головой Макензи. — Мы не будем их жець.

— Мы их напугали, — изрекла Нелли, — так здорово, что они не скоро забудут.

— Возможно, — согласился Макензи. — По крайней мере, будем надеяться, что ты права. Но они не только испугались. Они возненавидели нас, и это, пожалуй, гораздо лучше. Мы ведь ненавидим тех тварей, которые питаются людьми, считают, что человек ни на что больше не годен. Они мнили себя пупом Вселенной, величайшими из разумных существ, а мы задали им изрядную взбучку, напугали, уязвили гордость и дали понять, что зарываться не следует. Они столкнулись с теми, кому далеко не ровня. Что ж, в следующий раз подумают дважды, прежде чем ввязаться в очередную авантюру.

Из Чаши донеслись звуки музыки. Макензи запрыгнул в вездеход и подошел к Смиту. Тот крепко спал, укутанный одеялом. Уйд сидел в углу, обхватив руками голову.

Внезапно спокойствие ночи нарушил рев ракетных двигателей. Макензи выскочил наружу. Над Чашей, заливая ее светом прожекторов, кружил флайер. Вот он круто пошел вниз, на какой-то миг замер в воздухе и совершил посадку в сотне ярдов от вездехода. Из него выбрался Харпер.

— Ты не сжег их! — закричал он, подбегая к вездеходу. — Ты не сжег деревья!

Макензи покачал головой.

Харпер стукнул себя в грудь кулаком левой руки — правая была на перевязи.

— Я так и знал, так и знал! Решил подшутить над шефом, а? Все развлекаетесь, ребята.

— Да уж, развлекаемся.

— Что касается деревьев... Мы не сможем забрать их на Землю.

— Я же вам говорил, — заметил Макензи.

— Полчаса назад пришло сообщение. Оказывается, существует закон, запрещающий доставку на Землю инопланетных растений. Какой-то идиот притащил однажды с Марса дрянь, которая чуть было не погубила все живое на планете, тогда-то и приняли закон. Просто за давностью лет о нем забыли.

— А кто-то раскопал, — буркнул Макензи.

— Правильно. Так что Компании запретили даже прикасаться к деревьям.

— Оно и к лучшему, — проговорил Макензи. — Дирижеры все равно отказываются лететь.

— А как же сделка? Что с ними стряслось? Они прямо умирали от желания...

— До тех пор, — перебил Макензи, — пока не узнали, что мы употребляем растения в пищу, и кое-что еще.

— Но... Но...

— Для них мы всего лишь шайка страшилищ. Они пугают нами своих отпрысков. Не балуйся, а то придет человек и заберет тебя.

Из-за корпуса вездехода вынырнула Нелли. За ней волочился по земле Энциклопедия, корень которого по-прежнему стискивал железный кулак робота.

Эй, что происходит? — воскликнул Харпер.

— Нам придется построить концлагерь, — объяснил Макензи. — Желательно с высоким забором, — и ткнул пальцем в Энциклопедию.

— Но что он натворил? — озадаченно спросил Харпер.

— Так, ерунда: покушался на человечество.

Харпер вздохнул.

— Одним забором мы не обойдемся. Ружейное дерево напротив фактории палит по входу прямой наводкой.

— Ничего, — усмехнулся Макензи. — Поместим их в одну клетку, пускай на пару радуются жизни.

УТРАЧЕННАЯ ВЕЧНОСТЬ

М-р Ривз. По моему убеждению, возникшая ситуация требует разработки хорошо продуманной системы мер, препятствующих тому, чтобы продление жизни попало в зависимость от политических или каких-либо иных влиятельных организаций.

Председательствующий м-р Леонард. Вы опасаетесь, что продление жизни может стать средством политического шантажа?

М-р Ривз. И не только этого, сэр. Я опасаясь, что организации начнут продлевать сверх разумных пределов жизнь отдельным деятелям старшего поколения лишь потому, что такие фигуры нужны ради престижа, ради того, чтоб организация сохранила вес в глазах общественного мнения.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Посетители явились неспроста. Сенатор Гомер Леонард чувствовал, как они нервничают, сидя у него в кабинете и потягивая его выдержанное виски. Они

толковали о том о сем — по обыкновению своему с многозначительным видом, — но ходили вокруг да около того единственного разговора, с которым пришли. Они кружили, как охотничьи собаки подле енота, выжидая удобного случая, подбираясь к теме исподтишка, чтобы она, едва выдастся повод, всплыла как бы экспромтом, словно только что вспомнилась, словно они добивались встречи с сенатором вовсе не ради этой единственной цели.

«Странно», — подумал сенатор. Ведь он знаком с ними обоими давным-давно. И их знакомство с ним ничуть не короче. Не должно бы оставаться ничего, просто ничего такого, что они постеснялись бы сказать ему напрямик. В прошлом они, обсуждая с ним его политические дела, не раз бывали прямолинейны до жестокости.

«Наверное, скверные новости из Америки», — решил он. Но и скверные новости для него тоже отнюдь не новость. «В конце концов, — философски поучал он себя, — никто, если он в здравом уме, не вправе рассчитывать, что пробудет на выборной должности вечно. Рано или поздно придет день, когда избиратели — просто со скуки, если не подвернется других причин, — проголосуют против того, кто служил им верой и правдой». И сенатор был достаточно честен с самим собой, чтобы признать, хотя бы в глубине души, что подчас не служил избирателям ни верой, ни правдой.

«И все равно, — решил он, — я еще не повержен. До выборов еще несколько месяцев, чтобы сохранить за собой сенаторское кресло, и в запасе есть еще парочка трюков, каких я раньше не пробовал. Стоит лишь точно рассчитать время и место удара, и победа не уплывет из рук. Точный расчет, — сказал он себе, — вот и все, что от меня требуется».

Крупный, неповоротливый, он покойно утонул в кресле и на какое-то мгновение прикрыл глаза, чтобы не видеть ни комнаты, ни солнечного света за окном. «Точный расчет», — повторил он про себя. Да, точный расчет и еще знание людей, умение слышать пульс общественного мнения, способность угадывать наперед, к чему избиратель склонится с течением времени, — вот компоненты тактического мастерства. Угадывать наперед, обгонять избирателей в выводах, чтобы через неделю, через месяц, через год они твердили друг другу:

«Послушай, Билл, а ведь старый сенатор Леонард оказался прав! Помнишь, что он заявил на прошлой неделе — или месяц, или год назад — в Женеве? Вот именно, будто в воду глядел. Такого старого лиса, как Леонард, не проведешь...»

Он чуть приподнял веки, чтобы дать посетителям понять, что глаза не смеживались, а лишь оставались все время полуприкрыты. Это было неучтиво и просто глупо — закрывать глаза на виду у посетителей. Они могли вообразить, что ему не интересно. Или воспользоваться случаем и перерезать ему глотку.

«Все потому, что я опять старею, — сказал себе сенатор. — Старею и впадаю в дрему. Но соображаю я четко, как никогда. Да, сэр, — повторил сенатор, беседуя сам с собой, — соображаю я четко, и голыми руками меня не возьмешь».

По напряженному выражению лиц посетителей сенатор понял, что они наконец решились вымолвить то, с чем явились к нему. Они примеривались, принимались — не помогло. Теперь приходится хочешь не хочешь выложить карты на стол.

— Есть одно дело, — сказал Александр Джиббс, — одна проблема, вставшая перед нашей организацией уже довольно давно. Мы надеялись, что все утрясется и обстоятельства позволят нам не привлекать к ней вашего внимания, сенатор. Однако позавчера на заседании исполнительного комитета в Нью-Йорке принято решение довести суть дела до вашего сведения.

«Плохо, — подумал сенатор, — даже хуже, чем мне представлялось, раз Джиббс заговорил в такой окольной манере».

Помогать гонцам сенатор не стал. Он невозмутимо откинулся в кресле, твердой рукой сжимая стакан с виски, и не спрашивал, о чем речь, словно ему это было совершенно безразлично. Джиббс слегка запнулся, потом выдавил из себя:

— Дело касается лично вас, сенатор.

— Продления вашей жизни, — выпалил Эндрю Скотт.

Воцарилась неловкая тишина, все трое были потрясены, и Скотт в том числе: ему не следовало бы называть вещи своими именами. В политике ни к чему идти напролом, куда удобнее выбирать уклончивые, нечеткие формулировки.

— Понятно, — произнес сенатор в конце концов. — Организация полагает, что избиратели предпочли бы видеть меня обычным человеком, которому суждено умереть обычной смертью.

Джиббс кое-как стер с лица выражение растерянности.

— Простые люди, — объявил он, — не любят тех, кто живет дольше предначертанного природой.

— Особенно, — перебил сенатор, — тех, кто ничем не заслужил подобной чести.

— Я не ставил вопрос так резко, — запротестовал Джиббс.

— Может, и нет, — согласился сенатор. — Но в какую бы форму вы его ни облекли, в виду-то вы имели именно это.

Кабинетные кресла вдруг стали казаться чертовски жесткими. А в окна по-прежнему било яркое солнце Женевы.

— Итак, — сказал сенатор, — организация пришла к выводу, что делать ставку на меня более не стоит, и решила не возобновлять ходатайства о продлении моей жизни. Таков смысл того, что вам поручено мне сообщить.

«С тем же успехом можно и не тянуть волюнку, — подумал он мрачно. — Теперь, когда все окончательно прояснилось, что толочь воду в ступе...»

— Да, сенатор, примерно так, — согласился Скотт.

— Именно так, — подтвердил Джиббс.

Сенатор оторвал отяжелевшее тело от кресла, потянулся за бутылкой, наполнил стаканы.

— Вы огласили смертный приговор с большим искусством, — сказал он. — За это следует выпить.

«Интересно, — мелькнула мысль, — а чего они ждали? Что я паду перед ними на колени? Или примусь крушить мебель в кабинете? Или стану проклинать тех, кто их послал?..»

Марионетки, — подумалось ему. — Мальчики на побегушках. Глупенькие мальчики на побегушках, перепуганные до ужаса...»

Посетители пили виски, не сводя с него глаз, а он сотрясался от беззвучного хохота, представляя себе, как горек для них сейчас каждый глоток.

Председательствующий м-р Леонард. Значит, мистер Чэпмен, вы согласны с другими ораторами

в том, что никому не должно быть дано права просить о продлении жизни для себя лично, что такое продление может иметь место лишь по ходатайству третьих лиц и что...

М-р Чэлмен. Продление жизни должно рассматриваться как дар общества тем индивидуумам, деяния которых весомо благодетельствовали человечество в целом.

Председательствующий м-р Леонард. Весьма удачно сказано, сэр.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

В приемной Института продления жизни сенатор неспешно погрузился в кресло, устроился поудобнее, развернул свежий номер «Норт Америкэн трибюн».

Заголовок первой колонки гласил, что, по данным Всемирной коммерческой палаты, мировая торговля развивается нормально. Далее следовало подробное изложение доклада секретаря палаты. Вторая колонка началась с ехидного сообщения в рамочке: на Марсе, возможно, обнаружена новая форма жизни, но, поскольку обнаружил ее астронавт, пьяный более обыкновенного, к его заверениям отнеслись с изрядной долей скептицизма. Ниже рамки был помещен список мальчиков и девочек — чемпионов здоровья, отобранных Финляндией для участия в предстоящем международном конкурсе здоровья. Третья колонка излагала последние сплетни о самой богатой женщине мира.

А четвертую колонку венчал вопрос:

**КАКАЯ УЧАСТЬ ПОСТИГЛА Д-РА КАРСОНА?
СМЕРТЬ ДОКУМЕНТАЛЬНО НЕ ДОКАЗАНА**

Заметив, что под колонкой стоит подпись — Энсон Ли, сенатор сухо усмехнулся. Опять этот Ли что-то затеял. Вечно он что-нибудь пронюхает, выудит какой-нибудь фактик, и уж можете не сомневаться, что фактик этот кому-то встанет поперек горла. Ли неумолим, как стальной капкан, — не дай Бог, если такой вцепится именно в вас. Что далеко ходить за примерами — достаточно вспомнить историю с космическим фрахтом.

«Энсон Ли, — изрек сенатор про себя, — паразит. Самый настоящий паразит».

Но доктор Карсон — кто такой доктор Карсон?

Сенатор вступил в невинную тихую игру с самим собой — постараться сообразить, кому принадлежит это имя, сообразить до заглядывания в текст.

Доктор Карсон...

«Ну конечно, — обрадовался сенатор, — помню! Только это было давным-давно. Биохимик или что-то в том же роде. Весьма незаурядный человек. Ставил какие-то опыты с колониями почвенных бактерий, выращивал их для каких-то медицинских надобностей.

Да, да, — повторил сенатор, — весьма незаурядный человек. Меня с ним даже знакомили. Правда, я не понял и половины того, о чем он толковал тогда. Но это было давно. Лет сто назад.

Лет сто назад — а может, много больше.

Значит, Господи прости, — воскликнул сенатор, — он же должен быть одним из нас!..»

Сенатор поник головой, газета выскользнула у него из рук и упала на пол. Вздвогнув, он выпрямился. «Ну вот опять, — упрекнул он себя. — Задремал. Опять подкрадывается старость...»

Он сидел в кресле, сидел очень спокойно и очень тихо, как испуганный ребенок, не желающий признаваться, что он испуган. Мыслями все отчетливее завладевали давние, давние кошмары. «Слишком поздно, — упрекал он себя. — Я слишком долго тянул, куда дольше, чем следовало. Ждал, что организация возобновит ходатайство, и дождался, что она передумала. Вышвырнула меня за борт. Бросила на произвол судьбы как раз тогда, когда я сильнее всего нуждался в ней».

«Смертный приговор», — так сказал он у себя в кабинете, и это был действительно смертный приговор: долго он теперь не протянет. У него теперь почти не осталось времени. А ему нужно время — на то, чтобы предпринять какие-то шаги, чтобы хотя бы придумать, что предпринять. Нужно действовать, действовать с величайшей осторожностью и ни при каких обстоятельствах не поскользнуться. Иначе — кара, ужасная, жесточайшая кара.

— Доктор Смит вас примет, — сообщила секретарша.

— Что? — восторженно вскрикнул сенатор.

— Вы хотели видеть доктора Дейну Смита, — напомнила секретарша. — Он согласен вас принять.

— Благодарю вас, мисс, — сказал сенатор. — Я что-то слегка задремал.

Он тяжело поднялся на ноги.

— Вот сюда, в эту дверь, — подсказала секретарша.

— Сам знаю, — пробормотал сенатор раздраженно. — Бывал здесь не раз и не два.

Доктор Смит встретил его как почетного гостя.

— Располагайтесь, сенатор, — пригласил он. — Хотите выпить? Тогда, быть может, сигару? Что привело вас ко мне?

Сенатор не торопился отвечать, устраиваясь в кресле. Удовлетворенно хмыкнув, обрезал кончик сигары, перекатил ее из одного угла рта в другой.

— Да просто зашел без особого повода. Шел мимо и решил заглянуть. Давно и искренне интересуюсь вашей работой. Всегда интересовался. Ведь я с вами с самого начала.

Директор института кивнул.

— Да, я знаю. Вы проводили самые первые обсуждения кодекса продления жизни.

Сенатор усмехнулся.

— Тогда все казалось легко и просто. Конечно, были какие-то сложности, но мы не уклонялись от них, а боролись с ними, как могли.

— Вы справились со своей задачей удивительно хорошо, — заявил директор. — Кодекс, выработанный вами пять веков назад, настолько справедлив, что его никто никогда не оспаривал. Отдельные поправки, внесенные позже, касаются второстепенных деталей, которые вы никак не могли предусмотреть.

— Однако дело слишком затянулось, — заметил сенатор.

Лицо директора приобрело жесткое выражение.

— Не понимаю вас.

Сенатор зажег сигару, сосредоточив на этом ответственном процессе все свое внимание, старательно окуная ее кончик в огонь, чтобы табак занялся ровно. Затем поерзал в кресле, устраиваясь еще прочнее.

— Видите ли, — произнес он. — Мы полагали, что продление жизни является первым шагом, первым робким шагом к бессмертию. Мы разрабатывали кодекс как временную меру, необходимую на тот период, пока

наука не добьется бессмертия — не для избранных, для всех. Мы рассматривали тех немногих, кому даруется продление жизни, как служителей человечества, которые помогут приблизить день, когда оно обретет бессмертие — не отдельные люди, все человечество в целом.

— С этим и сегодня никто не спорит, — холодно откликнулся доктор Смит.

— Однако люди теряют терпение.

— И очень плохо. Все, что от них требуется, — немного подождать.

— Как представители человечества они готовы ждать сколько угодно. Но не как отдельные личности.

— Не понимаю, к чему вы клоните, сенатор.

— Да; наверное, ни к чему не клоню. В последние годы я частенько обсуждал сам с собой правомерность принятого нами решения. Продление жизни без бессмертия — это бочка с динамитом. Заставьте людей ждать слишком долго — и она взорвет всю мировую систему.

— Что вы предлагаете, сенатор?

— Ничего. Боюсь, что мне нечего предложить. Но мне нередко сдается, что лучше бы играть с людьми в открытую, знакомить их со всеми результатами поисков и исследований. Держать их в курсе всех событий. Информированный человек — разумный человек.

Директор не отвечал, и сенатор ощутил, как тягостный холод уверенности капля за каплей просачивается в подсознание.

«Смиту все известно, — понял сенатор. — Ему известно, что организация решила не возобновлять ходатайства. Ему известно, что я мертвец. Ему известно, что мне почти крышка и помощи от меня больше ждать не приходится, вот он и вычеркнул меня из своих расчетов. Смит не скажет мне ничего. Тем более не скажет того что я хочу знать».

Но ни один мускул не дрогнул у сенатора на лице — этого он себе не позволил. Его лицо не предаст его. Оно прошло слишком долгую выучку.

— А ответ существует, — произнес сенатор. — И всегда существовал. Ответ на любой вопрос о бессмертии. Бессмертия не может быть, пока нет жизненного пространства. Пространства, достаточного, чтоб отселить всех лишних, и чтоб его было больше, чем нам

понадобится во веки веков, и чтоб его можно было еще расширить в случае нужды.

Доктор Смит снова кивнул.

— Вы правы, это ответ. Единственный, какой я могу вам дать. — Он помолчал и добавил: — Разрешите, сенатор, заверить вас в одном. Как только корабли Межзвездного поиска обнаружат жизненное пространство, мы подарим людям бессмертие.

Сенатор выбрался из кресла и встал — твердо, не качаясь.

— Приятно было услышать это от вас, доктор. Ваше мнение очень обнадеживает. Благодарю вас за длительную беседу.

Выйдя на улицу, он сказал себе с горечью: «У них оно уже есть. Они открыли секрет бессмертия. Теперь они ждут только жизненного пространства — и дождутся в ближайшие сто лет. Ближайшие сто лет решат и эту проблему, иначе просто не может быть...»

Еще сто лет, — повторил он себе, — еще одно-единственное продление, и я остался бы жить навсегда».

М-р Эндрюс. Мы обязаны четко отделить продление жизни от отношений купли-продажи. Нельзя позволить тому, у кого есть деньги, покупать себе дополнительные годы жизни — ни путем прямых денежных выплат, ни используя свое финансовое влияние, в то время как другие вынуждены умереть естественной смертью лишь потому, что они бедны.

Председательствующий м-р Леонард. Но разве кто-нибудь ставит эти положения под сомнение?

М-р Эндрюс. Тем не менее надо подчеркивать их снова и снова. Продление жизни ни при каких обстоятельствах не должно стать товаром, который можно купить в определенной лавке — столько-то долларов за каждый добавочный год.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Сидя за шахматной доской, сенатор притворялся, что решает задачу. Притворялся, потому что мысли его были заняты отнюдь не шахматами.

Итак, они знают секрет бессмертия, знают, но выжидают, сохраняя в тайне до поры, когда будут уверены, что в распоряжении человечества есть достаточное жизненное пространство. Причем это держится в тайне и от народа, и от правительства, и от тех ученых, мужчин и женщин, что поколение за поколением тратят свои жизни на поиски давно открытого.

Да, сомнений нет: Смит не просто обнадеживал, он был уверен в том, что говорит. «Как только корабли Межзвездного поиска, — заявил он, — обнаружат жизненное пространство, мы подарим людям бессмертие». И это означает, что бессмертие у них в кармане. Ведь его нельзя предсказать. Нельзя заранее определить, что секрет будет найден в нужный момент. Уверенность такого рода можно испытывать только в том случае, если он уже найден.

Сенатор сделал ход слонем и тут же увидел, что ход неверен. Он медленно вернул слона на прежнее место.

Жизненное пространство — вот ключ, и не всякое пространство, а экономически замкнутое, способное обеспечить людей пищей и сырьем, в особенности пищей. Ведь если бы речь шла просто о жизненном пространстве, то пространством в этом смысле человечество располагает. Взять хотя бы Марс, Венеру, спутники Юпитера. Но ни один из этих миров не может существовать самостоятельно. И потому не решает проблемы.

Остановка только за жизненным пространством, и ста лет с лихвой хватит на то, чтоб его обнаружить. Еще сто лет — и каждый, кем бы он ни был, вступит во владение благом бессмертия, доступным всему человечеству.

«Еще одно продление даст мне эти сто лет, — сказал сенатор, беседуя сам с собой. — Сто лет, и даже с запасом, ведь на сей раз я стал бы щадить себя. Я вел бы более праведную жизнь. Ел бы в меру, отказался бы от спиртного, от курева и от охоты за женщинами».

Разумеется, есть способы добиться своего. Их не может не быть. И он их отыщет, поскольку знает все ходы и выходы. Недаром же он провел в сенате пятьсот лет — для него не осталось тайн. Иначе он просто-напросто столько не продержался бы.

Мысленно он принялся перебирать возможности, оценивая их одну за другой.

ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРВАЯ: устроить разрешение на продление жизни кому-то еще, а потом заставить этого кого-то передать разрешение ему, Леонарду. Обойдется, конечно, недешево, да что поделаешь.

Надо найти кого-то, кому можно довериться, — и вполне вероятно, что довериться до такой степени нельзя никому. Продление жизни, — прямо скажем, не та поблажка, от которой легко отказаться. Нормальный человек, получив разрешение, его уже не отдаст.

Впрочем, если разобраться, из этого, наверное, вообще ничего не выйдет. Ведь есть еще и юридическая сторона дела. Продление жизни — дар общества конкретному человеку, лично ему и никому другому. Разрешение нельзя передать. Его нельзя рассматривать как юридическую собственность. Оно не может быть предметом владения. Его нельзя ни купить, ни продать, следовательно, передать его также нельзя.

Однако если тот, кому даровано продление, умрет, прежде чем воспользуется разрешением, — умрет конечно же, естественной смертью и чтобы ее естественность не вызывала ни малейших сомнений, — тогда, быть может... Да нет, все равно ничего не получится. Раз продление жизни нельзя рассматривать как собственность, оно не есть часть состояния. Его нельзя унаследовать. Разрешение, по всей вероятности, подлежит автоматическому возврату ходатайствовавшей организации.

«Ну что ж, — сказал себе сенатор, — вычеркнем этот путь как бесперспективный».

ВОЗМОЖНОСТЬ ВТОРАЯ: съездить в Нью-Йорк и поговорить с ответственным секретарем организации. В конце концов Джигбс и Скотт — всего-навсего пешки-посыльные. Они выполняют чужие приказы, передают волю власть имущих, но не более того. Если бы потолковать с кем-то из боссов...

«Нет, — осадил себя сенатор, — не строй воздушных замков. Организация вышвырнула тебя за борт. По-видимому, боссы выжали из Института продления жизни все, что только посмели, нахватали разрешений больше, чем могли надеяться. Теперь они уже ни на что претендовать не могут, и мое разрешение понадобилось им для кого-то еще — для кого-то, кто идет на подъем и способен привлечь избирателей.

А я, — сказал себе сенатор, — отживший свое старый лис. Хотя и хитрый лис, и опасный, коли загонят в угол, и увертливый: как-никак пять столетий на виду у публики прожиты не даром.

Пять столетий, — заметил сенатор мимоходом, — срок достаточно долгий, чтобы не питать иллюзий даже по отношению к себе.

Нет, — решил сенатор, — этому не бывать. Я перестану уважать себя, если поползу на коленях в Нью-Йорк. Уж видит Бог, я сумел бы вынести унижение, но все же не такое. Я никогда не ползал на коленях и сейчас не поползу — даже во имя добавочной сотни лет и прыжка к бессмертию.

Вычеркнем и этот путь», — приказал себе сенатор.

ВОЗМОЖНОСТЬ ТРЕТЬЯ: а что, если подкупить кого-нибудь?

Из всех возможностей эта представлялась самой надежной. Всегда найдется кто-то, кого можно купить, и еще кто-то, согласный выступить посредником. Естественно, что член Всемирного сената может ввязываться в дела подобного сорта лишь через подставных лиц.

Да, услуги такого рода, вероятно, кусаются — но для чего же деньги, в конце концов? Вот подходящий случай напомнить себе, что он вел в общем-то экономную жизнь и сумел отложить известную сумму на черный день.

Сенатор сделал ход ладьей, и этот ход выглядел умным, тонким ходом, так что он оставил ладью на новом поле.

Разумеется, после нелегального продления жизни ему придется скрыться. Как бы ни хотелось бросить свой триумф в лицо боссам, об этом нечего и мечтать. Нельзя допустить, чтобы хоть кто-нибудь вздумал поинтересоваться, каким же образом он добился продления. Ему придется раствориться в толпе, стать невидимкой, поселиться в каком-нибудь глухом углу и постараться не привлекать к себе внимания.

Надо повидаться с Нортон. Если вам позарез необходимо повернуть какое-то дельце, надо повидаться с Нортон. Обеспечить тайну делового свидания, убрать кого-то с дороги, получить концессию на Венере или зафрахтовать космический корабль, — Нортон возьмется за все. И выполнит любое поручение

шито-крыто и без лишних вопросов. При одном условии — если у вас есть деньги. Если денег нет, обращаться к Нортону — пустая трата времени.

Мягко ступая, в комнату вошел Отто.

— К вам джентльмен, сэр, — произнес он.

Сенатор вздрогнул и окаменел в кресле.

— Какого черта ты шпионишь за мной? — заорал он. — Вечно подкрадываешься, как кошка. Норовишь испугать меня. С нынешнего дня изволь сначала покашлять, или зацепиться за стул, или что хочешь, но чтоб я знал, что ты тут.

— Извините, сэр, — ответил Отто. — К вам джентльмен. И у вас на столе письма, которые надо прочесть.

— Прочту позже, — отрезал сенатор.

— Не позабудьте это сделать, сэр. — Отто был непреклонен.

— Я никогда ничего не забываю. Ты что, думаешь, я окончательно одряхлел и мне нужно обо всем напоминать таким манером?

— Вас хочет видеть джентльмен, — повторил Отто терпеливо. — Некий мистер Ли.

— Случайно не Энсон Ли?

Отто шумно засопел, потом ответил:

— Кажется, так. Он газетчик, сэр.

— Проси его сюда, — распорядился сенатор.

Флегматично утонув в кресле, он подумал: «Ли что-то пронюхал. Каким-то образом проведал, что организация вышвырнула меня за борт. И вот пожаловал, чтобы четвертовать меня.

Ну нет, — поправился сенатор тут же, — он мог заподозрить что-то, но не более. Мог подцепить слушок, но уверенности ему взять нигде. Организация будет держать язык за зубами, она вынуждена держать язык за зубами — не может же она открыто признать, что продление жизни тоже стало предметом политического расчета! И вот Ли, подцепив слушок, явился ко мне, чтобы выжать из меня правду, взять меня на испуг и поймать на неосторожном слове.

А я ему этого не позволю, — решил сенатор. — Ведь если правда выплывет наружу, вся стая окажется тут как тут и растерзает меня в клочья».

Как только Ли появился на пороге, сенатор поднялся и пожал ему руку.

— Извините за беспокойство, сенатор, — сказал Ли, — но я надеялся, что вы не откажетесь мне помочь.

— Ну о чем речь! — дружелюбно откликнулся сенатор. — Для вас — что угодно. Присаживайтесь, мистер Ли.

— Вы читали мою статью в утреннем выпуске? Об исчезновении доктора Карсона?

— Нет, — ответил сенатор. — Боюсь, что...

Он запнулся, ошеломленный.

Он не прочел газету!

Он забыл ее прочесть!

Он читал ее всегда. Он не пропускал ни одного номера. Это был торжественный ритуал — начать с самого начала и дочитать до конца, исключая лишь те рубрики, которые, как он убедился годы назад, и читать-то не стоит.

Он развернул газету в институте, но потом его отвлекла секретарша, оповестившая, что доктор Смит согласен его принять. А выйдя из кабинета, он так и оставил газету в приемной.

Случилось нечто ужасное. Ни одна новость, ни одно событие в целом свете не могли бы расстроить его в такой степени, как тот злополучный факт, что он забыл прочесть газету.

— Боюсь, я пропустил вашу статью, — промямлил сенатор. Это было выше его сил — признать во всеуслышание, что он забыл про газету.

— Доктор Карсон, — сказал Ли, — был биохимик, и довольно известный. Согласно официальной версии, он умер десять лет назад в Испании, в маленькой деревушке, где провел последние годы жизни. Но у меня есть основания думать, что он вовсе не умирал и, вполне возможно, жив-живехонек до сих пор...

— Прячется? — предположил сенатор.

— Не исключено. Хотя, с другой стороны, зачем ему прятаться? Репутация у него была безупречная.

— Тогда почему вы сомневаетесь, что он умер?

— Потому что нет свидетельства о смерти. И он далеко не единственный, кто ухитрился умереть без свидетельства.

— Мм? — отозвался сенатор.

— Гэллоуэй, антрополог, скончался пять лет назад. Свидетельства нет. Гендерсон, знаток сельского хозяйства, умер шесть лет назад. Свидетельства опять-таки нет. Могу перечислить еще добрую дюжину подобных случаев — и, вероятно, есть множество других, до которых я не докопался.

— А есть между ними что-нибудь общее? — осведомился сенатор. — Что-то связывало этих людей между собой?

— Одно-единственное. Всем им продлевали жизнь, хотя бы однажды.

— Вот оно что, — отозвался сенатор. Чтобы руки не выдали предательской дрожи, он сжал подлокотники до боли в пальцах. — Интересно. Весьма интересно.

— Понимаю, что как должностное лицо вы не вправе мне ничего сообщить, но не могли бы вы поделиться со мной какой-нибудь догадкой, соображениями не для протокола? Естественно, вы не разрешите мне сослаться на вас, но дайте мне ключ, помогите хотя бы намерком...

Он замолк, выжидая ответа.

— Вы обратились ко мне потому, что я был близок к Институту продления жизни?

Ли ответил кивком.

— Если об этом хоть кому-то что-то известно, то в первую очередь вам, сенатор. Вы возглавляли комиссию, где велись первоначальные слушания о продлении жизни. С тех пор вы занимали различные посты, связанные с той же проблемой. Только сегодня утром вы были у доктора Смита.

— Ничего я вам не скажу, — пробормотал сенатор. — Да я ничего толком и не знаю. Тут, понимаете, замешаны политические интересы...

— А я-то надеялся, что вы поможете мне.

— Не могу, — признался сенатор. — Вы, конечно, ни за что не поверите, но мне и вправду ничего не известно. — Помолчав немного, он спросил: — Вы говорите, что всем, кого вы упомянули, продлевали жизнь. Разумеется, вы проверяли — возобновлялись ли ходатайства о продлении?

— Проверял. Не возобновлялись ни для кого, — по крайней мере, это нигде не зафиксировано. Некоторые из этих людей приближались к своему смертному часу и действительно могли к настоящему времени умереть,

только я очень сомневаюсь, что смерть настигла их там и тогда, где и когда это якобы произошло.

— Интересно, — повторил сенатор. — И, несомненно, весьма таинственно.

Ли, намеренно меняя тему, показал на шахматную доску.

— Вы хорошо играете, сенатор?

Сенатор покачал головой.

— Игра мне нравится, вот и балуюсь иногда. Она привлекает меня своей логикой и своей этикой. Играя в шахматы, вы волей-неволей становитесь джентльменом. Соблюдаете определенные правила поведения.

— Как и в жизни, сенатор?

— Как должно бы быть и в жизни. Когда положение безнадежно, вы сдаетесь. Вы не заставляете противника играть до унижительного для вас обоих конца. Так требует этика. Когда выигрыша нет, но и резервы защиты не исчерпаны, вы продолжаете бороться за ничью. Так требует логика.

Ли засмеялся, пожалуй, чуть-чуть натянуто.

— Вы и в жизни придерживаетесь таких же правил, сенатор?

— Стараюсь по мере сил, — ответил сенатор с напускным смирением.

Ли поднялся на ноги.

— Мне надо идти, сенатор.

— Посидите еще, выпейте рюмочку.

Репортер отказался.

— Спасибо, меня ждет работа.

— Выходит, я должен вам выпивку, — заметил сенатор. — Напомните мне об этом при случае.

Когда Ли ушел, сенатор Гомер Леонард долго сидел в кресле, будто оцепенев. Потом протянул руку, хотел сделать ход конем, но пальцы дрожали так, что он выронил фигуру и она со стуком покатилась по доске.

Каждый, кто добьется продления своей жизни нелегальными или полужагоальными методами, без надлежащих рекомендаций, утвержденных установленным порядком в соответствии с законной процедурой, подлежит фактическому отчуждению от человечества. Как только его виновность будет доказана, это должно быть оглашено всеми доступными людям средствами по всей Земле до самых

дальних ее уголков, чтобы каждый человек Земли мог без труда опознать виновного. В целях большей точности и безошибочности подобного опознания виновный приговаривается к пожизненному ношению позорного жетона, публично оглашающего его вину и заметного на значительном расстоянии. Нельзя отказать виновному в удовлетворении основных жизненных потребностей, как-то: в пище, одежде, скромном жилище и медицинской помощи, однако ему воспрещается пользоваться в какой бы то ни было форме иными достижениями цивилизации. Виновному не разрешается делать приобретения, превышающие минимальные требования сохранения жизни, здоровья и благопристойности; он не допускается к участию в любых предпринимаемых людьми начинаниях и учреждаемых ими объединениях; он лишается права пользования услугами библиотек, лекционных залов, увеселительных и прочих заведений, как общественных, так и частных, действующих ради просвещения, отдыха или развлечения других людей. В равной степени воспрещается всем жителям Земли, во избежание сурового наказания, сознательно вступать с виновным в беседу или какие-либо иные отношения, принятые между людьми. Виновному дозволяется прожить незаконно продленную жизнь до ее естественного завершения в рамках человеческого общества, но с лишением фактически всех прав и обязанностей, общих для человеческих существ. И все перечисленные выше санкции в полной мере налагаются на пособника или пособников, которые с сознательно обдуманым намерением так или иначе помогли виновному добиться продления своей жизни иными, нежели законные, средствами.

Из Кодекса продления жизни.

— Стало быть, — сказал Дж. Баркер Нортон, — все эти столетия организация ходатайствовала о продлении вашей жизни, тем самым расплачиваясь с вами за услуги, которые вы ей оказывали? — Сенатор печально кивнул. — А теперь, когда вы того и гляди завалите

выборы, боссы решили, что ставить на вас больше нет резона, и отказались возобновить ходатайство?

— Грубовато, — сказал сенатор, — но по существу верно.

— И вы бросились ко мне, — констатировал Нортон. — Но что я, черт побери, могу тут поделать?

Сенатор наклонился поближе к собеседнику.

— Давай перейдем на деловой язык, Нортон. Нам с тобой уже доводилось работать вместе.

— Это точно, — согласился Нортон. — На том космическом фракте мы оба неплохо погрели руки.

— Я хочу, — объявил сенатор, — прожить еще сотню лет и готов заплатить за это. И не сомневаюсь, что ты можешь это устроить.

— Каким образом?

— Не знаю. Действовать я предоставляю тебе. Какие рычаги тыпустишь в ход, мне все равно.

Нортон откинулся на спинку стула, сцепив пальцы обеих рук.

— Думаете, я подкуплю кого-то, чтоб он походатайствовал за вас? Или дам на лапу кому-нибудь в институте, чтобы вы продлили жизнь, минуя ходатайство?

— И та и другая мысль заслуживает внимания, — согласился сенатор.

— А если меня поймают на этом, что тогда? Отлучение от человечества? Благодарю, сенатор, я в такие игры не играю.

Сенатор невозмутимо взглянул в лицо человека, сидящего по другую сторону стола, и тихо произнес:

— Сто тысяч. — Вместо ответа Нортон расхохотался. — Хорошо, полмиллиона.

— А отлучение, сенатор? Чтобы принять такой риск, овчинка должна стоить выделки.

— Миллион, — заявил сенатор. — Но это мое последнее слово.

— Миллион сию минуту, — сказал Нортон. — Наличными. Никаких расписок. Никаких банковских отметок о переводе. Еще миллион, когда и если я сумею выполнить поручение.

Сенатор неторопливо поднялся в полный рост, поднялся с непроницаемым лицом, изо всех сил скрывая охватившее его возбуждение. Нет, не возбуждение, а неистовый восторг. Но голос у него даже не дрогнул.

— Я соберу миллион к концу недели.

— Тогда я и начну наводить справки.

Когда сенатор вышел на улицу, в его походке была упругость, какой он не помнил годами. Он шагал быстро, уверенно, помахивая тростью.

Эти исчезнувшие Карсон, Гэллоуэй и Гендерсон ушли со сцены точно так же, как придется уйти ему, едва он получит свои вожаделенные сто лет. Они сварганили себе фальшивое объявление о смерти, а сами сгинули с глаз долой, надеясь дожить до дня, когда бессмертные начнут раздавать всем подряд по первому требованию.

Каким-то образом они добились нового продления, нелегального, — ведь ходатайство нигде не зарегистрировано. И кто-то обстряпал им это. Более чем вероятно — Нортон.

Только они напортачили. Старались замести следы, а на деле лишь привлекли внимание к своему исчезновению. В таких предприятиях нельзя допускать ни малейшей промашки. Впрочем, человек тертый и заранее все продумавший не промахнется.

Вытянув дряблые губы, сенатор принялся насвистывать какой-то мотивчик.

Нортон, конечно же, мошенник. Прикидываясь, что не знает, как взяться за поручение, что боится отлучения от человечества, он лишь взвинчивал цену.

Сенатор криво усмехнулся: сумма, запрошенная Нортоном, означала, что он останется почти без гроша. Но игра стоит свеч.

Чтобы наскрести столь внушительную сумму, требуется немалая осторожность. Придется собирать ее по частям — немножко из одного банка, немножко из другого, чередуя изъятие вкладов с погашением ценных бумаг, а то и признавая кое-что по мелочи, чтоб избежать лишних вопросов.

На углу он купил газету и подозвал такси. Откинувшись на сиденье, сложил газету пополам и начал, как всегда, с первой колонки. Снова конкурс здоровья. На сей раз в Австралии.

«Здоровье, — подумал сенатор. — Просто помешались они на здоровье. Культ здоровья. Центры здоровья. Клиники здоровья...»

Эту колонку он пропустил и принялся за вторую. Заголовок гласил:

ШЕСТЬ СЕНАТОРОВ ПОЧТИ НЕ ИМЕЮТ ШАНСОВ НА ПЕРЕИЗБРАНИЕ.

Сенатор негодуяще фыркнул. Один из шестерых, разумеется, он сам.

Ну а если по существу, ему-то что за печаль? К чему лезть из кожи и пытаться удержаться за собой сенаторское кресло, в котором он не собирается больше сидеть? Он намерен заново помолодеть, намерен строить жизнь заново. Уехать куда-нибудь за тридевять земель и стать другим человеком.

Совершенно другим. Подумать об этом и то приятно. Сбросить с себя щелуху старых связей, опостылевшее за долгие века бремя ответственности.

Нортон взялся за дело. Нортон не подведет.

М-р Миллер. И все-таки мне непонятно, где тут граница. Вы предложите продлить жизнь кому-то, а он захочет, чтобы вы заодно продлили жизнь его жене и детишкам. А жена в свою очередь захочет, чтобы вы продлили жизнь тетушке Минни, детишки захотят, чтобы вы продлили жизнь их любимому песику, а песик захочет...

Председательствующий м-р Леонард. Вы утрируете, мистер Миллер.

М-р Миллер. Мне, уважаемый, непонятно, что это значит. Вы тут в Женеве привыкли перекидываться заумными словечками, морочить людям головы. Нынче пришла пора объяснить все простому народу простым языком.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

— По правде говоря, — сказал Нортон, — впервые в жизни сталкиваюсь с чем-то, чего не могу устроить. Попросите меня, о чем угодно еще, сенатор, и я достану вам искомое из-под земли.

Сенатор почти лишился дара речи.

— Так, значит, у тебя ничего не вышло? Но как же, Нортон, ведь доктор Карсон, и Гэллоуэй, и Гендерсон... Кто-то же позаботился о них...

— Только не я, — покачал головой Нортон. — Я про них и не слыхивал.

— Тогда кто же? Они исчезли...

Голос изменил сенатору, он ссутулился в кресле и вдруг осознал правду — правду, которой раньше не хотел видеть.

«Слепец! — обругал он себя. — Безмозглый слепец!..»

Да, они исчезли — вот и все, что о них известно. Они объявили о собственной смерти, но не умерли, а исчезли. Он убедил себя, что они исчезли, так как сумели нелегально продлить себе жизнь. Но это же чистейший самообман! Такой вывод не подкреплялся фактами, да что там, для такого вывода не было ровным счетом никаких оснований.

«Будто нельзя придумать иных причин, — упрекнул себя сенатор, — иных обстоятельств, которые побудили бы человека замечать следы, объявив о собственной смерти!..»

Однако ведь все и вправду так хорошо сходилось...

Им продлевали жизнь, а затем не возобновили ходатайства. Точно так же, как продлевали жизнь и ему самому, а теперь перестали.

Они ушли со сцены. Как ушел бы со сцены и он сам, если бы ухитрился вновь отсрочить свой конец.

Все сходилось так хорошо — и все оказалось блефом.

— Я перепробовал все известные мне каналы, — сказал Нортон. — Подъезжал ко всем и каждому, кто мог бы дать ходатайство на ваше имя, а они поднимали меня на смех. Этот номер пытались провернуть задолго до нас с вами, и у него не осталось шансов на успех. Если организация, выдавшая первоначальное ходатайство, отвернулась от вас, ваше имя вычеркивается из списка автоматически и навсегда.

Пытался я и прощупать персонал института — тех, кто, по моим соображениям, мог бы клюнуть, — но они неподкупны. За честность им платят добавочными годами жизни, и среди них нет дураков, согласных променять годы на доллары.

— Похоже, вопрос исчерпан, — произнес сенатор устало. — Можно бы и предвидеть, что все обернется именно так. — Он тяжело поднялся с кресла и посмотрел на Нортон в упор. — Послушай, а ты не обманываешь меня? Не пытаешься поднять цену еще выше?

Нортон ответил удивленным взглядом, словно не веря своим ушам.

— Поднять цену? Помилуйте, сенатор, если бы мне удалось повернуть это дельце, я бы обобрал вас до нитки. Хотите знать, сколько вы стоите? Могу сообщить с точностью до тысячи долларов. — Он обвел рукой ряды полок вдоль стены, уставленных папками. — Вы у меня там со всеми потрохами, сенатор. Вы и все остальные шишки. Полное досье на каждого из вас. Когда ко мне является очередной гусь с деликатным порученьем вроде вашего, я справляюсь в досье и раздаваю его донага.

— Просить тебя вернуть хотя бы часть денег, вероятно, нет смысла?

— Ни малейшего. Вы пошли на риск, сенатор, и проиграли. Вы ничем не докажете, что вообще платили мне. Да к тому же у вас и теперь с избытком хватит денег на те несколько лет, что вам еще остались.

Сенатор сделал шаг к двери, потом приостановился.

— Слушай, Нортон, но я не могу умереть! Только не сейчас. Еще одно продление, и...

Выражение лица Нортон обрвало его на полуслове. Такое же выражение он замечал мельком и на других лицах, при других обстоятельствах, — но то было мельком. Теперь же он вдруг очутился один на один с ней — с ненавистью тех, чья жизнь коротка, к тому, чья жизнь неизмеримо дольше.

— Почему же это не можете? — с издевкой проговорил Нортон. — Очень даже можете. И скоро умрете Или вы собирались жить вечно? За какие, разрешите спросить, заслуги?

Чтобы не упасть, сенатор протянул руку и уцепился за край стола.

— Но ты просто не понимаешь...

— Вы уже прожили вдесятеро дольше меня, — произнес Нортон холодно, взвешивая слова, — и я ненавижу вас до судорог. Выметайся отсюда, болван, трусливая старая баба, пока я не вышвырнул тебя своими руками!..

Д-р Бартон. Вы, наверное, считаете, что продление жизни — великое благо для человечества, но заверяю вас, сэр, что это не благо, а проклятие. Жизнь, продолжающаяся вечно, утратит свою ценность и смысл — а ведь вы, начав с продления жизни, рано или поздно придете к бессмертию. И

когда это случится, сэр, вам придется устанавливать порядок рассмотрения ходатайств о возвращении людям блага смерти. Люди, уставшие от жизни, станут штурмовать ваши залы заседаний, умоляя о гибели.

Председательствующий м-р Леонард. Новые возможности по крайней мере устранят из жизни неуверенность и страх.

Д-р Бартон. Вы намекаете на страх смерти? Но это не более чем детская болезнь.

Председательствующий м-р Леонард. Нельзя, однако, не видеть известных выгод...

Д-р Бартон. Выгод? Да, разумеется. Дать ученому несколько дополнительных лет для завершения исследований, композитору — еще одну жизнь для создания новой симфонии. Когда иссякнет прелесть новизны, люди будут соглашаться на добавочную жизнь лишь под давлением, только из чувства долга.

Председательствующий м-р Леонард. Вы рассуждаете слишком абстрактно, доктор.

Д-р Бартон. О нет. Я рассуждаю конкретно, по-земному. Человечество нуждается в обновлении. Оно не может жить, погибая со скуки. Как вы полагаете, многое ли останется человеку предвкушать после миллионной по счету любви, после миллиардного куска рождественского пирога?

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Значит, Нортон ненавидел его. Ненавидел, как все нормальные люди в глубине сердца ненавидят счастливых, живущих сверх положенного срока.

Обычно эта ненависть подавлена, спрятана в тайниках души. Но подчас она вырывается наружу, как вывалась у Нортон.

Человечество возмущено — возмущение скрадывается лишь благодаря умело, исподволь подогреваемой надежде, что те, кому дается долгая жизнь, в один прекрасный день сотворят чудо и каждый, если не падет жертвой насилия, будет жить столько, сколько пожелает.

«Теперь-то я понимаю их, — подумал сенатор, — ведь я сам теперь один из них. Я один из тех, чья жизнь не будет продолжена, и лет у меня впереди даже меньше, чем у большинства».

Он стоял у окна в сгущающихся сумерках и следил за тем, как вспыхивают огни, как над неправдоподобно синими водами всемирно известного озера умирает день. Красота захватила его, и он не мог оторваться от окна — а ведь совсем не замечал ее вот уже многие годы. Красота покоя, тихое счастье остаться наедине с городскими огнями и с последними отблесками дня над засыпающим озером.

Страх? Да, сенатор не отрицал, что ощущает страх.

Горечь? Да, естественно, и горечь.

И все же, несмотря на страх и горечь, окно заворожило его картиной, которую обрамляло.

«Земля, вода и небо, — подумал он. — И я чувствую себя единым с ними. Это смерть дала мне такое чувство. Смерть возвращает нас к исходным стихиям, к земле и деревьям, к облакам на небе и солнцу, гибнущему на западе в потоках собственной крови.

Такова цена, которую мы платим, — подумал он. — Цена, назначенная человечеству за вечную жизнь. Мы утратим способность воспринимать красоту. Утратим истинный смысл самого для нас, казалось бы, дорогого — ведь то, чему нет предела, что будет всегда, неизбежно потеряет для нас всякую ценность...

Философствуешь? — спросил он себя. — Да, конечно, философствую. А что остается? Хочу прожить еще сто лет, хочу, как никогда ничего не хотел. Хочу получить шанс на бессмертие. А поскольку не получу, то и вымениваю вечную жизнь на закат, отраженный в озере. И хорошо, что я еще способен на это. Счастье мое, что способен».

У сенатора вырвался хриплый горловой стон.

Позади него внезапно ожил телефон, и он обернулся. Телефон заверещал повторно. Внизу, в гостиной, раздались шаги, и сенатор поспешно крикнул:

— Я подойду, Отто.

Он снял трубку.

— Вызов из Нью-Йорка, — сообщила телефонистка. — Попросите, пожалуйста, сенатора Леонарда.

— Леонард слушает.

В трубке возник другой голос:

— Сенатор, говорит Джиббс.

— Да, да, — отозвался сенатор. — Палач.

— Звоню вам, — пояснил Джиббс, — потолковать насчет выборов.

— Каких еще выборов?

— Выборов в Северной Америке. Тех, в которых вы принимаете участие. Не забыли?

— Я старик, — ответил сенатор, — и скоро умру. Выборы меня не интересуют.

Джиббс трещал не останавливаясь:

— Но почему же, сенатор? Какая муха вас укусила? Вам необходимо что-то предпринять. Подготовить речи, выступить с заявлением для печати, прибыть сюда и поездить по стране. Организация не в силах принять все хлопоты на себя. Часть их неизбежно выпадает и на вашу долю.

— Ладно, я что-нибудь придумаю, — пообещал сенатор. — Да, да, я в самом деле что-нибудь придумаю.

Повесив трубку, он подошел к письменному столу и включил свет. Достал из ящика бумагу, вынул из кармана перо.

Телефон совершенно сошел с ума — он не удостоил звонки вниманием. Однако телефон не унимался, и в конце концов трубку снял Отто.

— Вас вызывает Нью-Йорк, сэр, — доложил он.

Сенатор сердито затряс головой и услышал, как Отто тихо говорит что-то в трубку, но слов не разобрал. Больше телефон не звонил.

Всем, кого это касается, — написал сенатор.

Вычеркнул.

Заявление для мировой печати.

Вычеркнул.

Заявление сенатора Гомера Леонарда.

Вычеркнул и это — и принялся писать без заголовка:

Пять столетий назад люди мира предложили немногим избранным, мужчинам и женщинам, дар продленной жизни. Предложили, надеясь и веря, что избранные используют этот дар для того, чтобы своим трудом приблизить день, когда большая продолжительность жизни станет достоянием всего человечества.

Время от времени продление жизни даровалось группам людей — и всякий раз подразумевалось, что дар предложен на тех же условиях, что удостоенные его лица будут жить и трудиться во имя

дня, когда можно будет сказать населению всей планеты: живите долго, живите вечно.

В течение столетий иные из нас внесли свой вклад в осуществление этой мечты, возвращали ее, жили ради нее, не жалели сил, чтоб обосновать ее и приблизить.

Иные из нас такого вклада не внесли.

После должных раздумий, тщательно взвесив свои собственные усилия и возможности, я пришел к выводу, что не вправе вновь принимать дар, которого более не стою.

Простое человеческое достоинство требует от меня, чтоб я встречался с прохожими на улице, с собратьями в любом закоулке мира, не пряча глаз. Я не имел бы на это права, если бы продолжал принимать дар, которого не заслуживаю, дар, недоступный большинству людей.

И расписался, аккуратно, разборчиво, без привычных завитушек.

— Ну вот, — произнес сенатор вслух в тишине ночной комнаты, — это они прожуют не сразу.

Заслышав мягкие шаги, он обернулся.

— Вам бы давно следовало быть в постели, сэр, — напомнил Отто.

Сенатор неуклюже поднялся — ломило кости, тело ныло, требуя покоя. «Старею, — подумал он. — Опять старею. А ведь так несложно начать сначала, вернуть юность, зажить новой жизнью. Чей-то кивок, один-единственный росчерк пера — и я стал бы опять молодым».

— Вот заявление для печати, Отто, — сказал сенатор. — Будь добр, передай его по назначению.

— Слушаюсь, сэр, — ответил Отто, бережно принимая бумагу.

— Сегодня же, — подчеркнул сенатор.

— Сегодня? Время довольно позднее...

— И тем не менее я хочу, чтоб оно было напечатано сегодня же.

— Значит, оно очень важное, сэр?

— Это моя отставка, — сказал сенатор.

— Отставка, сэр? Из сената?

— Нет, — сказал сенатор. — Отставка из жизни.

М-р Майкелсон. Как священнослужитель джентльмены, я не могу рассуждать иначе: план, предло-

женный вашему рассмотрению, противоречит вышшим установлениям. Человек не вправе утверждать, что создания Божии способны жить сверх отпущенного им срока.

Председательствующий м-р Леонард. Но разрешите спросить: как установить границы отпущенного человеку срока? Медицина уже продлила жизнь многим и многим людям. Что же, по-вашему, любой врач — нарушитель божественной воли?

М-р Майкелсон. Другие ораторы, стоявшие на этой трибуне, дали ясно понять, что конечная цель научных изысканий — бессмертие. Нетрудно видеть, что физическое бессмертие не согласуется с концепцией христианства. Заявляю вам, сэр: нечего и надеяться обмануть Господа и не понести возмездия.

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Шахматы — игра логическая.

И одновременно игра этичная.

За доской нельзя орать и нельзя свистеть, нельзя греметь фигурами, нельзя зевать со скуки, нельзя сделать ход, а потом забрать его назад. Если вы побеждены, вы признаете свое поражение. Вы не заставляете противника продолжать игру, когда ваш проигрыш очевиден. Вы сдаете партию и предлагаете начать другую, если располагаете временем. Если нет, вы просто сдаетесь и при этом ведете себя тактично. Вы не сбрасываете в ярости фигуры на пол. Не вскакиваете и не выбегаете из комнаты с криком. Не тянетесь через стол, чтобы закатить противнику оплеуху.

Когда вы играете в шахматы, вы становитесь — или по крайней мере прикидываетесь — джентльменом.

Сенатор лежал без сна, глядя в потолок широко раскрытыми глазами.

Вы не тянетесь через стол, чтобы закатить противнику оплеуху. Не сбрасываете в ярости фигуры на пол.

«Но это же не шахматы, — повторял он, споря с самим собой. — Это не шахматы, а вопрос жизни и смерти. Умиравший не может быть джентльменом. Ни один человек не свернется клубочком, чтобы тихо скон-

чаться от полученных ран. Он отступит в угол, но будет сражаться — и будет наносить **ответные** удары, стараясь причинить противнику **наибольший** урон.

А меня ранили. Смертельно **ранили**.

И я нанес ответный удар. Удар сокрушительный.

Те, кто вынес мне приговор, теперь не смогут выйти на улицу, даже носа высунуть не посмеют. Потому что прав на продление жизни у них не больше, чем у меня, и люди теперь осведомлены об этом. И уж люди позаботятся, чтоб им в дальнейшем ничегошеньки не перепало.

Да, я умру, но, умирая, я потяну за собой и всех остальных. И они будут знать, что именно я потянул их за собой в бездонный колодец смерти. Это самое сладкое: они будут знать, кто потянул их за собой, и не смогут ответить мне ни единым словом. Не посмеют даже возразить против благородных истин, какие я изрек...»

И тут кто-то из тайного уголка души, из иного пространства-времени вдруг воскликнул:

Ты не джентльмен, сенатор. Ты затеял грязную игру.

«Конечно, затеял, — отвечал сенатор. — Они первые сыграли не по правилам. Политика всегда была грязной игрой».

А помнишь, какие возвышенные речи ты произносил перед Энсоном Ли буквально на днях?

«Это было на днях», — отрубил сенатор.

Ты же теперь не посмеешь взглянуть настоящему шахматисту в глаза, — не унимался голос.

«Зато смогу смотреть в глаза простым людям Земли», — заявил сенатор.

Да ну? — осведомился голос. — И ты серьезно этого хочешь?

Да, это, конечно, вопрос. Хочет ли он?

«Мне все равно, — в отчаянии вскричал сенатор. — Будь что будет. Они сыграли со мной грязную шутку. Я им этого не спущу. Сдеру с них кожу живьем. Заставлю...»

Ну еще бы, — перебил голос, насмехаясь.

«Убирайся прочь! — завопил сенатор. — Убирайся, оставь меня в покое! Неужели даже ночью я не могу побыть один?..»

Ты и так один, — произнес голос из тайника души. — В таком одиночестве, какого не ведал никто на Земле.

Председательствующий м-р Леонард. Вы представляете страховую компанию, не так ли, мистер Маркли? Крупную страховую компанию?

М-р Маркли. Совершенно верно.

Председательствующий м-р Леонард. Когда умирает ваш клиент, это стоит вашей компании денег?

М-р Маркли. Ну можно при желании выразиться и так, хотя вряд ли это лучший способ...

Председательствующий м-р Леонард. Но вы выплачиваете страховые премии в случае смерти клиента, не так ли?

М-р Маркли. Разумеется.

Председательствующий м-р Леонард. В таком случае я вообще не понимаю, почему вы противитесь продлению жизни. Если смертей станет меньше, вам придется меньше платить.

М-р Маркли. Не спорю, сэр. Но если у клиентов появятся основания думать, что они будут жить практически вечно, они просто перестанут заключать страховые договоры.

Председательствующий м-р Леонард. Ах вот оно что! Вот, значит, как вы на это смотрите...

Из стенографического отчета о заседаниях подкомиссии по делам науки комиссии по социальному развитию при Всемирной палате представителей.

Сенатор проснулся. Он не видел снов, но чувствовал себя так, будто очнулся от кошмара — или очнулся для предстоящего кошмара, — и отчаянно попытался вновь уйти в сон, провалиться в нирвану неведения, задернуть штору над безжалостной реальностью бытия, увильнуть от необходимости вспоминать со стыдом, кто он и что он.

Но по комнате шелестели чьи-то шаги, и чей-то голос обратился к нему. И он сел в постели, сразу проснувшись, разбуженный не столько голосом, сколько тоном — счастливым, почти обожающим.

— Это замечательно, сэр, — сказал Отто. — Вам звонили всю ночь не переставая. Телеграммы и радиogramмы все прибывают и прибывают...

Сенатор протер глаза пухлыми кулаками.

— Звонили, Отто? Люди сердятся на меня?

— Некоторые — да, сэр. Некоторые ужасно злы, сэр. Но таких не слишком много. А большинство очень рады и хотели выразить вам признательность за великий шаг, который вы сделали. Но я отвечал, что вы устали и я не стану вас будить.

— Великий шаг? — удивился сенатор. — Какой великий шаг?

— Ну как же, сэр, ваш отказ от продления жизни. Один из звонивших просил передать вам, что это самый выдающийся пример моральной отваги во всей истории человечества. Он еще сказал, что простые люди будут молиться на вас, сэр. Так прямо и сказал. Это звучало очень торжественно, сэр.

Сенатор спустил ноги на пол и почесал себе грудь, сидя на краю кровати.

«Поразительно, — подумал он, — как круто иной раз поворачивается судьба. Вечером — пария, а поутру — герой...»

— Понимаете, сэр, — продолжал Отто, — вы теперь сделались одним из нас, простых людей, чей век короток. Никто никогда не решался ни на что подобное.

— Я был одним из простых людей задолго до этого заявления, — отвечал сенатор. — И вовсе я ни на что не решался. Меня вынудили снова стать одним из вас. В сущности, вопреки моей воле.

Однако Отто в своем возбуждении, похоже, ничего не слышал. Он трещал без умолку:

— Газеты только об этом и пишут, сэр. Самая крупная сенсация за многие годы. Политические комментаторы судачат о ней на все лады. По их мнению, это самый ловкий политический ход с сотворения мира. До заявления, считают они, у вас не было никаких шансов на переизбрание в сенат, а сейчас довольно одного вашего слова — и вас могут выдвинуть в президенты.

Сенатор вздохнул.

— Отто, — сказал он, — дай мне, пожалуйста, штаны. Здесь холодно.

Отто подал ему брюки.

— В кабинете вас ждет газетчик, сэр. Я выпроводил всех остальных, но этот пролез с черного хода. Вы знаете его, сэр, так что я позволил ему подождать. Это мистер Ли.

— Я приму его, — решил сенатор.

Значит, это был ловкий политический ход, и только? Ну что ж, пожалуй. Но пройдет день-другой, и даже прожженные политики, оправившись от изумления, станут дивиться логике человека, в буквальном смысле слова променявшего собственную жизнь на право вновь заседать в сенате.

Разумеется, простонародью это придется по вкусу — но он-то писал свое заявление не ради оаций! Впрочем, если людям так уж хочется считать его благородным и великим, пусть их считают, не повредит...

Сенатор тщательно поправил галстук, застегнул пиджак. И направился в кабинет, где ждал Ли.

— Вы, вероятно, хотите взять у меня интервью? — осведомился он. — О мотивах, побудивших меня выступить с подобным заявлением?

Ли отрицательно покачал головой.

— Нет, сенатор, у меня на уме кое-что другое. Просто я рассудил, что вам не мешало бы тоже узнать об этом. Помните наш разговор на прошлой неделе? Об исчезновениях? — Сенатор кивнул. — Так вот, я узнал еще кое-что. Тогда вы мне ничего не сказали, однако теперь, может, и скажете. Я проверил, сенатор, и выяснил: исчезают не только старики, но и победители конкурсов здоровья. За последние десять лет более восьмидесяти процентов участников финальных соревнований также исчезли без следа.

— Ничего не понимаю, — откликнулся сенатор.

— Но их куда-то увозят, — продолжал Ли. — Что-то с ними происходит. Что-то происходит с людьми двух категорий — с теми, кому продлевали жизнь, и с самыми здоровыми представителями молодого поколения.

— Минуточку, — у сенатора перехватило дыхание. — Минуточку, мистер Ли...

Он на ощупь добрался до стола и, опершись на крышку, медленно опустился в кресло.

— Вам нехорошо, сенатор? — поинтересовался Ли.

— Нехорошо? — промычал сенатор. — Да, наверное, и в самом деле нехорошо.

— Они нашли жизненное пространство! — воскликнул Ли с торжеством. — Это и есть объяснение, не правда ли? Нашли жизненное пространство и теперь посылают пионеров-освоителей...

Сенатор пожал плечами.

— Не знаю, Ли. Меня не информировали. Свяжитесь с Межзвездным поиском. Кроме них, ответа никто не знает. А они не скажут.

Ли усмехнулся.

— Всего доброго, сенатор. Большое спасибо за помощь.

Сенатор тупо смотрел ему вслед.

Жизненное пространство? Да, конечно, вот вам и объяснение.

Они нашли жизненное пространство, и теперь Межзвездный поиск посылает на новооткрытые планеты тщательно подобранные группы пионеров, призванных проложить путь всем остальным. Потребуются годы труда, годы кропотливого планирования, прежде чем можно будет объявить об этом во всеуслышание. Прежде чем предать открытие гласности, Всемирный совет должен подготовиться к прививкам бессмертия в массовом масштабе, должен построить корабли, способные доставить переселенцев к далеким новым мирам. Преждевременное разглашение тайны вызвало бы психологический и экономический хаос. Вот почему они держали новость в секрете — они не могли поступить иначе.

Шаря глазами по столу, сенатор наткнулся на стопку писем, сдвинутую на угол, и с внезапным чувством вины вспомнил, что намеревался прочесть их. Обещал Отто, что непременно прочтет, — и тем не менее забыл.

«Я все время забываю, — упрекнул себя сенатор. — Забываю прочесть газету, забываю прочесть письма, забываю, что есть люди морально стойкие и неподкупные, а не только беспринципные хитрецы. И все время принимаю желаемое за действительное — это хуже всего.

Мои коллеги по продлению жизни и чемпионы здоровья исчезают. Естественно, что они исчезают. Они устремляются к новым мирам, к бессмертию.

А я... я... если бы только меня сподобило держать язык за зубами...»

На столе защебетал телефон, сенатор снял трубку.

— Говорит Саттон из Межзвездного поиска, — прозвучал сердитый голос.

— Слушаю, доктор Саттон, — откликнулся сенатор. — Искренне рад вашему звонку.

— Звоню по поводу приглашения, посланного вам на прошлой неделе, — произнес Саттон. — В связи с вашим сегодняшним заявлением, которое мы не можем расценить иначе как несправедливый выпад в наш адрес, мы аннулируем приглашение.

— Приглашение? — переспросил сенатор. — Но ведь я...

— У меня в голове не укладывается, — продолжал Саттон, — какого черта, уже имея приглашение в кармане, вы тем не менее поступили подобным образом.

— Но, — промямлил сенатор, — но, доктор...

— Всего доброго, сенатор.

Медленно-медленно сенатор опустил трубку на рычаг. Неверной рукой дотянулся до стопки писем.

Оно лежало третьим сверху. Обратный адрес — Управление Межзвездного поиска. Заказное, доставлено с нарочным. Со штампами «Дело особой важности» и «Вскрыть лично».

Конверт выскользнул из дрожащих пальцев и спланировал на пол. Сенатор не стал поднимать письмо.

Он знал: теперь уже поздно. Теперь он окончательно не в силах ничего предпринять.

СМЕРТЬ В ДОМЕ

Когда Старый Мозе Абрамс бродил по лесу, разыскивая коров, он нашел пришельца. Мозе не знал, что это пришелец, но перед ним было живое страдающее существо, а Старый Мозе, несмотря на все рассказы соседей, был не из тех, кто может покинуть в лесу раненого.

На вид это было ужасное создание — зеленое, блестящее, с фиолетовыми пятнами, и оно внушало отвращение даже на расстоянии в двадцать футов: оно воняло.

Оно заползло, вернее, пыталось заползти, в заросли орешника, но у него ничего не получилось: верхняя часть его тела находилась в кустах, а обнаженное туловище лежало на поляне. Его конечности — видимо, руки — время от времени слегка скребли по земле, стараясь подтянуть тело поглубже в кусты, но существо слишком ослабело; оно больше не продвинулось ни на дюйм. И оно стонало, но не очень громко — точь-в-точь как одинокий ветер, тоскливо воющий под широким карнизом. Однако в его стоне слышалось нечто большее, чем вой зимнего ветра, в нем звучали такое отчаяние и страх, что у Старого Мозе на голове волосы стали дыбом.

Старый Мозе довольно долго размышлял над тем, что ему делать с существом, а потом еще какое-то

время набирался храбрости, между тем как большинство людей, не задумываясь, признали бы, что храбрости у него было хоть отбавляй. Впрочем, в подобной ситуации одной только заурядной храбрости было недостаточно. Тут нужна была храбрость безрассудная.

Но перед ним лежало дикое раненое существо, и он не мог его там оставить, поэтому Моше приблизился к нему, опустился рядом с ним на колени, и, хотя на существо было тяжело смотреть, в его отталкивающем безобразии таилось какое-то неизъяснимое обаяние — словно оно притягивало к себе именно потому, что было настолько отвратительно. И от него исходило совершенно ужасное, ни с чем не сравнимое зловоние.

Однако Моше не был неженкой. В округе он отнюдь не славился своей привередливостью. С тех пор как около десяти лет назад умерла его жена, он жил в полном одиночестве на своей запущенной ферме, и его методы ведения хозяйства служили пищей для злословия окрестных кумушек. Раз в год, если у него доходили руки, он выгребал из дома груды мусора, но остальное время уже ни к чему не притрагивался.

Поэтому исходивший от существа запах смутил его меньше, чем того можно было ожидать, окажись на его месте кто-либо другой. Но зато Моше смутил его вид, и он не сразу решился прикоснуться к нему, а когда, собравшись с духом, сделал это, то очень удивился. Он ожидал, что существо окажется либо холодным, либо скользким, а может быть, и тем и другим одновременно. Но ошибся. Оно было на ощупь теплым, твердым и чистым — Моше словно прикоснулся к зеленому стеблю кукурузы.

Просунув под раненого руку, он осторожно вытащил его из зарослей орешника и перевернул на спину, чтобы взглянуть на его лицо. Лица у него не было. Верхняя часть туловища кончалась утолщением, как стебель цветком, хотя тело существа вовсе не было стеблем, а вокруг этого утолщения росла бахрома щупалец, которые извивались точно черви в консервной банке. И тут-то Моше чуть было не повернулся и не бросился бежать.

Но он выдержал.

Он сидел на корточках, уставившись на эту безликость с бахромой из червей; он похолодел, страх сковал его и вызвал приступ тошноты, а когда ему почудилось,

что жалобный вой издают черви, ему стало еще страшнее.

Мозе был упрям. Только упрямый человек мог тащить на себе такую жалкую ферму. Упрямый и ко многому равнодушный. Но, конечно, не к страдающему живому существу.

Наконец, пересилив себя, он поднял его на руки, и в этом не было ничего особенного, потому что существо весило мало. Меньше, чем трехмесячный поросенок, прикинул Мозе.

С существом на руках он стал взбираться по лесной тропинке наверх, к дому, и ему показалось, что запах стал слабее. Страх его почти прошел, холод больше не сковывал его тела.

Потому что существо теперь несколько успокоилось и выло значительно тише. И хотя Мозе не был в этом уверен, иногда ему казалось, будто оно прижимается к нему, как прижимается к взрослому испуганный и голодный ребенок, когда тот берет его на руки.

Старый Мозе вышел к постройкам и немного постоял во дворе, соображая, куда ему отнести существо — в дом или в сарай. Ясно, что сарай был самым подходящим для него местом, ведь существо не было человеком — даже в собаке, или кошке, или больном ягненке было больше человеческого, чем в нем.

Однако колебался он недолго. Он внес его в дом и положил в кухне около плиты на то подобие ложа, которое он называл кроватью. Он аккуратно и бережно распрямил существо, накрыл его грязным одеялом и, подойдя к плите, принялся раздувать огонь, пока не вспыхнуло пламя.

Тогда он придвинул к кровати стул и принялся внимательно, с глубоким интересом разглядывать свою находку. Существо уже почти совсем утихло и казалось гораздо спокойнее, чем в лесу. Он с такой нежностью подоткнул его со всех сторон одеялом, что и сам удивился. Ему захотелось узнать, какие из его припасов годились бы существу в пищу, впрочем, даже если бы он и знал это, неизвестно, как бы он смог покормить существо, ведь у того, видимо, не было рта.

— Но тебе не о чем беспокоиться, — сказал он. — Раз уж я принес тебя в дом, все будет в порядке. Хоть я и не больно-то в этом разбираюсь, но все, что мне по силам, я для тебя сделаю.

День уже клонился к вечеру, и, выглянув в окно, он увидел, что коровы, которых он давеча искал, вернулись домой сами.

— Мне нужно подоить коров и еще кое-что поде-
лать по хозяйству, — сказал он существу, лежавшему
на кровати. — Но это недолго. Я скоро вернусь.

Старый Мозе подбросил в плиту дров, чтобы в кухне
было тепло, еще раз заботливо подоткнул одеяло, взял
ведра для молока и пошел в сарай.

Он покормил овец, свиней и лошадей и подоил
коров. Собрал яйца и запер курятник. Накачал бак
воды.

Потом он вернулся в дом.

Уже стемнело, и Мозе зажег стоявшую на столе
керосиновую лампу, потому что он был против электри-
чества. Он отказался дать свою подпись, когда Перифе-
рийная Электрическая Компания проводила здесь ли-
нию, и многие соседи обиделись на него за то, что он
откололся. Это его, понятно, нисколько не тронуло.

Он взглянул на лежавшее в постели существо. Судя
по виду, оно вроде бы находилось в прежнем состоя-
нии. Будь это больной ягненок или теленок, Мозе сразу
смекнул бы, хуже ему или лучше, но это существо было
совсем иным. Тут он был бессилен.

Он приготовил себе немудреный ужин, поел и опять
задумался над тем, как бы покормить существо и как
ему помочь. Он принес его в дом, согрел его, но это ли
было нужно подобному существу или следовало сде-
лать для него что-то другое? Он не знал.

Мозе было подумал, не обратиться ли к кому-нибудь
за помощью, но от одной мысли, что придется просить
о помощи, даже не зная, в чем она должна заключаться,
ему стало тошно. Потом он представил себе, каково
было бы ему самому, если бы, измученный и больной,
он очутился в неведомом далеком краю и никто не мог
бы ему помочь из-за того, что там не знали бы, что он
такое.

Это заставило его наконец решиться, и он направил-
ся к телефону. Но кого ему следует вызвать, доктора
или ветеринара? Он остановился на докторе, потому что
существо находилось в доме. Если бы оно лежало в
сараях, он позвонил бы ветеринару.

Это была местная телефонная линия, и слышимость
никуда не годилась, а поскольку к тому же сам Мозе

был туговат на ухо, он пользовался телефоном довольно редко. Временами он говорил себе, что телефон не лучше других новшеств, которые только портят людям жизнь, и десятки раз грозился выбросить его. Но теперь он был рад, что не сделал этого.

Телефонистка соединила его с доктором Бенсоном, и оба они не очень-то хорошо слышали друг друга, но Мозе все-таки удалось объяснить доктору, кто звонит и что ему нужна его помощь, и доктор обещал приехать.

С некоторым облегчением Мозе повесил трубку и постоял немного просто так, ничего не делая, как вдруг его поразила мысль, что в лесу могут быть другие такие же существа. Он понятия не имел, кто они, что они могут здесь делать, куда держат путь, но было совершенно очевидно, что тот, на кровати, был каким-то чужестранцем, прибывшим из очень далеких мест. И разум подсказывал, что таких, как он, может быть несколько, ведь в дальней дороге одиноко, и любой человек — или любое другое живое существо — предпочтет путешествовать в компании.

Он снял с крючка фонарь и, тяжело ступая, вышел за дверь.

Ночь была темна, как тысяча черных кошек, и фонарь светил очень слабо, но для Мозе это не имело никакого значения, потому что он знал свою ферму как собственные пять пальцев.

Он спустился по тропинке к лесу. Сейчас здесь было жутко, но одного ночного леса было мало, чтобы испугать Старого Мозе. Продираясь сквозь кустарник и высоко подняв фонарь, чтобы осветить площадь побольше, он осмотрел то место, где нашел существо, но там никого не оказалось.

Однако он нашел кое-что другое — нечто вроде огромной птичьей клетки, сплетенной из металлических прутьев, которая запуталась в густом кусте орешника. Он попытался вытащить ее, но она так прочно застряла в ветвях, что не сдвинулась с места.

Он огляделся вокруг, чтобы понять, откуда она попала сюда.

Ему удалось увидеть наверху сломанные ветви деревьев, через которые она пробила себе дорогу, а за ними в вышине холодно сияли звезды, казавшиеся очень далекими.

Мозе ни на минуту не усомнился в том, что существо, лежавшее сейчас на его постели около плиты, явилось сюда в этом невиданном плетеном сооружении. Он немного подивился этому, но не стал особенно вдумываться, ведь вся эта история казалась настолько сверхъестественной, что он признавал, как мало у него было шансов найти ей какое-нибудь разумное объяснение.

Он пошел назад к дому, и, едва он успел задуть фонарь и повесить его на место, как послышался шум подъезжающей машины.

Когда доктор подошел к двери, он несколько рассердился, увидев стоявшего на пороге Старого Мозе.

— Вы что-то не похожи на больного, — сварливо произнес он. — Пожалуй, не так уж вы больны, чтобы нужно было тащить меня сюда посреди ночи.

— А я и не болен, — сказал Мозе.

— Тогда зачем вы мне звонили? — рассердившись еще больше, спросил доктор.

— У меня в доме кое-кто заболел, — ответил Мозе. — Надеюсь, вы сумеете помочь ему. Я бы сам попробовал, да не знаю как.

Доктор вошел, и Мозе закрыл за ним дверь.

— У вас тут что-нибудь протухло? — спросил доктор.

— Нет, это он так воняет. Сперва было совсем худо, но теперь я уже немного привык.

Доктор заметил на кровати существо и направился к нему. Старый Мозе услышал, как доктор словно бы захлебнулся, и увидел, что он, напряженно вытянувшись, замер на месте. Потом доктор нагнулся и стал внимательно разглядывать лежавшее перед ним существо.

Когда он выпрямился и повернулся к Мозе, только безграничное изумление помешало ему в тот момент окончательно выйти из себя.

— Мозе, — взвизгнул он, — что это такое?

— Сам не знаю, — сказал Мозе. — Я нашел его в лесу, ему было плохо, оно стонало, и я не смог его там оставить.

— Вы считаете, что оно болеет?

— Я знаю это, — сказал Мозе. — Ему немедленно нужно помочь. Боюсь, что оно умирает.

Доктор снова повернулся к кровати, откинул одеяло и пошел за лампой, чтобы получше рассмотреть его. Он оглядел существо со всех сторон, боязливо потыкал его пальцем и издал языком тот таинственный щелкающий звук, который умеют делать одни лишь доктора.

Потом он снова прикрыл существо одеялом и отнес на стол лампу.

— Мозе, — произнес он, — я ничего не могу для него сделать.

— Но ведь вы же доктор!

— Я лечу людей, Мозе. Мне не известно, что это за существо, но это не человек. Я даже приблизительно не могу определить, что с ним, если вообще у него что-нибудь не в порядке. А если бы мне все-таки удалось поставить диагноз, я не знал бы, как его лечить, не причиняя вреда. Я даже не уверен, что это животное. Многие в нем говорит за то, что это растение.

Потом доктор спросил Мозе, где он нашел существо, и Мозе рассказал, как все это произошло. Но он ни словом не обмолвился про клетку, потому что сама мысль о ней казалась настолько фантастической, что у него просто язык не повернулся рассказать о ней. Достаточно того, что он вообще нашел это существо и принес его в дом, так как незачем было совать сюда еще и клетку.

— Вот что я вам скажу, — произнес доктор. — Это ваше существо не известно ни одной из земных наук. Сомневаюсь, видели ли когда-нибудь на Земле что-либо подобное. Лично я не знаю, что оно из себя представляет, и не собираюсь ломать себе над этим голову. На вашем месте я связался бы с Мэдисонским университетом. Может, там кто-нибудь и сообразит, что это такое. В любом случае им будет интересно ознакомиться с ним. Они непременно захотят его исследовать.

Мозе подошел к буфету, достал коробку из-под сигар, почти доверху наполненную серебряными долларами, и расплатился с доктором. Добродушно подшучивая над его чудачеством, доктор опустил монеты в карман.

Но Мозе с редким упрямством держался за свои серебряные доллары.

— В бумажных деньгах есть что-то незаконное, — заявлял он. — Мне нравится трогать серебро и слушать, как оно позвякивает. В нем чувствуется сила.

Вопреки опасениям Мозе, судя по всему, доктор уехал не в таком уж плохом настроении. После его ухода Мозе пододвинул к кровати стул и сел.

До чего же несправедливо, подумал он, что нет никого, кто мог бы помочь такому больному существу — никого, кто знал бы хоть какое-нибудь средство.

Он сидел и слушал, как в тишине кухни громко тикают часы и потрескивают в плите дрова.

Он смотрел на лежавшее в постели существо, и в нем внезапно вспыхнула почти безумная надежда на то, что оно выздоровеет и будет жить с ним. Теперь, когда его клетка так покорежена, ему волей-неволей придется остаться. И Мозе надеялся, что так оно и будет, ведь уже теперь в доме не чувствовалось прежнего одиночества.

Сидя на стуле между плитой и кроватью, Мозе вдруг понял, как здесь раньше было одиноко. Пока не умер Тоусер, было еще не так плохо. Он попробовал заставить себя взять другую собаку, но не смог. Потому, что не было на свете собаки, которая могла бы заменить Тоусера, и даже сама попытка найти другого пса казалась ему предательством. Он, конечно, мог бы взять кошку, но тогда он стал бы слишком часто вспоминать Молли; она очень любила этих животных, и до самой ее смерти в доме всегда путались под ногами две-три кошки.

А теперь он остался один. Один на один со своей фермой, своим упрямством и серебряными долларами. Доктор, как и все остальные, считал, что, кроме как в стоявшей в буфете коробке из-под сигар, у Мозе больше серебра не было. Ни одна живая душа не знала о существовании старого железного котелка, доверху набитого монетами, который он спрятал под досками пола в гостиной. При мысли о том, как он их всех провел, Мозе хихикнул. Он много бы отдал, чтобы посмотреть на лица соседей, если бы им удалось пронюхать об этом. Сам-то он им никогда не скажет. Если уж им суждено узнать, как-нибудь обойдутся без него.

Он сидел, клюя носом, и в конце концов так и заснул на стуле, с опущенным на грудь подбородком, обхватив себя скрещенными руками, словно хотел подольше сохранить тепло.

Когда он проснулся, в предраассветном мраке слабо мерцала на столе лампа, догорали в плите дрова, а пришелец был мертв.

Его смерть не вызвала сомнений. Существо похолодело, и вытянулось, а поверхность его тела стала жесткой и уже начала засыхать — как с концом роста засыхает под ветром в поле стебель кукурузы.

Мозе прикрыл его одеялом и, хотя было еще рано начинать обычную работу по ферме, он вышел и сделал все, что нужно, при свете фонаря.

После завтрака он согрел воды, умылся и побрился — и это впервые за много лет он брился не в воскресенье. Потом он надел свой единственный приличный костюм, пригладил волосы, вывел из гаража старый, полуразвалившийся автомобиль и поехал в город.

Он отыскал Эба Деннисона, городского клерка, который был одновременно секретарем кладбищенской ассоциации.

— Эб, — сказал Мозе, — я хочу купить участок земли на кладбище.

— Но у вас же есть участок, — запротестовал Эб.

— Так то семейный участок, — возразил Мозе. — Там хватит места только для меня и Молли.

— А зачем же вам еще один? — спросил Эб.

— Я нашел кое-кого в лесу, — сказал Мозе. — Я принес его домой, и прошлой ночью он умер. Я хочу похоронить его.

— Если вы нашли в лесу покойника, вам надо бы сообщить об этом следователю или шерифу, — предостерег Эб.

— Все в свое время, — сказал Мозе, и не думая этого делать. — Так как же насчет участка?

И, сняв с себя всю ответственность за эту историю, Эб продал ему место на кладбище.

Купив участок, Мозе отправился в похоронное бюро Алюберта Джонса.

— Эл, — сказал он, — мой дом посетила смерть. Покойник не из здешних мест, я нашел его в лесу. Не похоже, чтобы у него были родственники, и я должен позаботиться о похоронах.

— А у вас есть свидетельство о смерти? — спросил Эл, который не утруждал себя лицемерной деликатностью, свойственной большинству служащих похоронных бюро.

— Нет, у меня нет его.

— Вы обращались к врачу?

— Прошлой ночью заезжал док Бенсон.

— Он должен был выдать вам свидетельство. Придется ему позвонить.

Он соединился с доктором Бенсоном и, потолковав с ним немного, стал красным, как рак.

Наконец он раздраженно хлопнул трубкой и повернулся к Мозе.

— Мне не известно, что вы там пытаетесь проверить, — злобно набросился он на Мозе, — но док говорит, что этот ваш покойник вовсе не человек. Я не занимаюсь погребением кошек, или собак, или...

— Это не кошка и не собака.

— Плевать я хотел на то, что это такое. Для того чтобы я взялся за устройство похорон, мне нужен человек. Кстати, не вздумайте закопать его на кладбище, это незаконно.

Сильно упав духом, Мозе вышел из похоронного бюро и медленно заковылял на холм, на котором стояла единственная в городке церковь.

Он нашел пастора в кабинете, где тот трудился над проповедью. Мозе присел на стул, беспокойно вертя в искалеченных работой руках свою изрядно поношенную шляпу.

— Пастор, — произнес он, — я хочу рассказать вам все, как было, с начала до конца. — И он рассказал. — Я не знаю, что это за существо, — добавил он. — Сдается мне, что этого не знает никто. Но оно скончалось и его нужно похоронить честь по чести, а у меня с этим ничего не получается. Мне нельзя похоронить его на кладбище и, придется, видно, подыскать для него местечко на ферме. Вот я и думаю, не согласились бы вы приехать, чтобы сказать пару слов над могилой.

Пастор погрузился в глубокое размышление.

— Мне очень жаль, Мозе, — произнес наконец он. — Думаю, что это невозможно. Я далеко не уверен в том, что церковь одобрит подобный поступок.

— Пусть это не человеческое существо, — сказал Старый Мозе, — но ведь оно тоже тварь божья.

Пастор еще немного подумал и даже высказал кое-какие соображения вслух, но в результате все-таки пришел к выводу, что не может этого сделать.

Мозе спустился по улице к тому месту, где он оставил свою машину, и поехал домой, по дороге размышляя о том, какие же попадаются среди людей скоты.

Вернувшись на ферму, он взял кирку и лопату, вышел в сад и там, в углу, вырыл могилу. Потом он отправился в гараж за досками, чтобы сколотить для существа гроб, но оказалось, что последние доски он уже употребил на починку свинарника.

Мозе вернулся в дом и в поисках простыни, которую за неимением гроба он хотел использовать вместо сава-на, перерыл комод, стоявший в одной из задних, уже много лет пустующих комнат. Простыни он не нашел, но зато выкопал белую льняную скатерть. Он решил, что сойдет и это, и отнес ее на кухню.

Он откинул одеяло, взглянул на мертвое существо, и у него словно комок подкатил к горлу — он представил, в каком тот умер одиночестве и в какой дали от родины, и в его последний час не было рядом с ним ни одного его соплеменника. И оно было совершенно голым, ни клочка одежды, ни вещей, ничего, что оно могло бы оставить после себя на память.

Он расстелил скатерть на полу возле кровати, поднял существо на руки и положил его на нее. И в этот момент он заметил на его теле карман — если это было карманом, — нечто вроде щели с клапаном в самом центре той части тела, которая могла быть его грудью. Он провел сверху рукой по карману. В нем прощупывалось что-то твердое. Он долго сидел на корточках около трупа, не зная, как ему быть.

Наконец он просунул в щель пальцы и вытащил находившийся в кармане предмет. Это был шарик, чуть побольше теннисного мяча, сделанный из дымчатого стекла или из какого-то похожего на стекло материала. Все еще сидя на корточках, он долго глядел на этот шарик, потом встал и пошел к окну, чтобы лучше рассмотреть его.

В шарике не было ничего особенного. Это был обыкновенный шарик из дымчатого стекла, на ощупь такой же шершавый и мертвый, как само тело существа.

Он покачал головой, отнес шарик обратно и, положив туда, где нашел его, осторожно завернул труп в скатерть. Он вынес его в сад и опустил в яму. Торжественно став в головах у могилы, он произнес несколь-

ко приличествующих случаю слов и закидал могилу землей.

Сперва он собирался насыпать над могилой холмик и поставить крест, но в последнюю минуту передумал. Ведь теперь поналезут любопытные. Молва облетит всю округу, и эти типы будут приезжать сюда и искать могилу, в которой он похоронил найденное в лесу существо. И чтобы скрыть место, где он зарыл его, придется обойтись без холмика и без креста. А может, это и к лучшему, сказал он себе. Что смог бы он написать или вырезать на кресте?

К этому времени уже перевалило за полдень, и он проголодался, но не стал прерывать работу, чтобы поесть, потому что еще не все сделал. Он отправился на луг, поймал Бесс, запряг ее в телегу и спустился в лес.

Он привязал Бесс к застрявшей в кустах клетке, и она вытащила ее оттуда наилучшим образом. Потом он погрузил клетку на телегу, привез на холм, затащил в гараж и спрятал в самом дальнем его углу около горна.

Покончив с этим, он впряг Бесс в плуг и перепахал весь сад, хотя в этом не было никакой необходимости. Но зато теперь везде была свежевспаханная земля и никому не удалось бы обнаружить место, где он вырыл могилу.

И как раз тогда, когда он уже кончал пахать, подкачала машина и из нее вылез шериф Дойли. Шериф был человеком весьма сладкоречивым, но не из тех, кто любит тянуть волюнку. Он сразу приступил к делу.

— Я слышал, — сказал он, — что вы нашли кое-что в лесу.

— Так оно и есть, — согласился Мозе.

— Говорят, будто бы это существо умерло в вашем доме.

— Шериф, вы не ослышались.

— Мозе, мне хотелось бы взглянуть на него.

— Ничего не выйдет. Я похоронил его. И не скажу где.

— Мозе, — сказал шериф, — мне не хочется причинять вам неприятности, но вы нарушили закон. Нельзя же подбирать в лесу людей и безо всякого закапывать их, когда им вдруг вздумается умереть в вашем доме.

— Вы говорили с доком Бенсоном?

Шериф кивнул.

— Он сказал, что ничего подобного никогда раньше не видел. Что это был не человек.

— Ну тогда, — произнес Мозе, — мне кажется, что вам тут делать нечего. Если это был не человек, то не совершено никакого преступления против личности. А если существо никому не принадлежало, здесь нет и преступления против собственности. Ведь никто пока что не заявлял на него свои права, верно?

Шериф поскреб подбородок.

— Никто. Пожалуй, это и так. А где это вы изучали законы?

— Я никогда не изучал никаких законов. Я вообще никогда ничего не изучал. Я просто здраво рассуждаю.

— Док что-то толковал про ученых из университетов — будто они могут захотеть взглянуть на него.

— Вот что, шериф, — сказал Мозе. — Это существо откуда-то явилось сюда и умерло. Не знаю, откуда оно пришло и что это было такое, да и знать не желаю. Для меня это было просто живое существо, которое очень нуждалось в помощи. У живого, у него было свое достоинство, а умерев, оно потребовало к себе какого-то уважения. Когда все вы отказались похоронить его как положено, я сам сделал все, что в моих силах. Больше мне сказать нечего.

— Ладно, Мозе, — произнес шериф, — пусть будет по-вашему.

Он повернулся и прошествовал обратно к машине. Стоя около запряженной в плут старой Бесс, Мозе смотрел ему вслед. Пренебрегая правилами, шериф повел машину на большой скорости, и было похоже, что он не на шутку рассердился.

Когда Мозе убрал на место плут и отвел лошадь на пастбище, подоспело время вечерних работ.

Управившись с хозяйственными делами, он приготовил себе ужин, поел и уселся около плиты, слушая, как в тишине дома громко тикают часы и потрескивает огонь.

Всю ночь напролет в доме было одиноко.

На следующий день после полудня, когда он пахал поле под кукурузу, приехал репортер и, дойдя рядом с Мозе до конца борозды, завел разговор. Этот репортер не очень-то понравился Старому Мозе. Слишком уж нахально он вел себя и задавал какие-то дурацкие

вопросы. Поэтому Мозе прикусил язык и мало что сказал ему.

Через несколько дней появился какой-то человек из университета и показал Мозе статью, которую написал репортер, вернувшись с фермы. Статья высмеивала Мозе.

— Я очень сожалею, — сказал профессор. — Эти газетчики — народ безответственный. Я бы не стал слишком принимать к сердцу то, что они пишут.

— А мне все равно, — сказал Мозе.

Человек из университета забросал его вопросами и особо подчеркнул, как для него важно взглянуть на труп существа.

Но Мозе только покачал головой.

— Оно покоится в мире, — сказал он. — Я не тревожу его.

И человек, негодуя, впрочем, вполне сохраняя достоинство, удалился.

В течение нескольких дней мимо проезжали какие-то люди, любопытные бездельники заглядывали на ферму, появился и кое-кто из соседей, которых Мозе не видел уже несколько месяцев. Но разговор у него был со всеми короткий, так что вскоре они оставили его в покое, и он продолжал обрабатывать свою землю, а в доме по-прежнему было одиноко.

Он было снова подумал, не взять ли ему собаку, но, вспомнив Тоусера, так и не решился.

Однажды, работая в саду, он обнаружил, что из земли над могилой показалось какое-то растение. Оно выглядело очень странно, и первым побуждением Мозе было вырвать его.

Однако он передумал, потому что растение заинтересовало его. Он никогда ничего похожего не видел и решил дать ему хотя бы немного подрасти и посмотреть, что это такое. Это было плотное мясистое растение с толстыми темно-зелеными закрученными листьями, и оно чем-то напомнило ему заячью капусту, которая появлялась в лесу с наступлением весны.

Приезжал еще один посетитель, самый из них чудной. Это был темноволосый энергичный мужчина, который заявил, что является президентом клуба летающих тарелок. Он поинтересовался, разговаривал ли Мозе с найденным им в лесу существом, и, по всей видимости, был ужасно разочарован, когда Мозе ответил отрица-

тельно. Затем он спросил, не нашел ли, часом, Мозе аппарат, в котором существо могло путешествовать, и в ответ на это Мозе солгал. Видя, в каком тот находится иступлении, Мозе испугался, что ему может прийти в голову обыскать ферму, а тогда он наверняка найдет клетку, спрятанную в дальнем углу гаража возле горна. Но вместо этого незнакомец пустился в пространные рассуждения о вреде утаивания жизненно важных сведений.

Почерпнув из этой лекции все, что можно, Мозе пошел в дом и достал из-за двери дробовик. Президент клуба летающих тарелок поспешно распрощался и отбыл восвояси.

Жизнь на ферме шла своим чередом, приостановилась работа на кукурузном поле и начался покос, а в саду тем временем продолжало расти неведомое растение, которое теперь стало принимать определенную форму. Старый Мозе не поверил своим глазам, разглядев однажды, какие оно принимает очертания, и проставивал долгие вечерние часы в саду, рассматривая растение и спрашивая себя, не выживает ли он из ума от одиночества.

В одно прекрасное утро он увидел, что растение ждет его у двери. Ему, конечно, полагалось бы удивиться, на самом же деле этого не произошло, потому что он жил рядом с растением, вечерами смотрел на него, и, хотя он даже самому себе не осмеливался признать, в глубине души он сознавал, что это было такое.

Ведь перед ним стояло существо, которое он нашел в лесу, но уже не больное и жалобно стонущее, уже не умирающее, а молодое и полное жизни.

Но все же оно было не совсем таким, как прежде. Мозе стоял, всматриваясь в существо, и видел те едва уловимые новые черты, которые можно было бы объяснить разницей между стариком и юношей, либо между отцом и сыном, либо отнести за счет изменения эволюционной модели.

— Доброе утро, — сказал Мозе, не чувствуя ничего необычного в том, что заговорил с ним. — Я рад, что ты вернулся.

Стоявшее во дворе существо не ответило ему. Но это не имело никакого значения: Мозе и не ждал, что оно отзовется. Значение имело только то, что ему теперь было с кем разговаривать.

— Я ухажу, мне нужно сделать кое-какую работу по хозяйству, — сказал Моше. — Если хочешь, пойдем вместе.

Оно брело за ним по пятам, наблюдая, как он хозяйничает, и Моше беседовал с ним, что было несравненно приятнее, чем беседовать с самим собой.

За завтраком он поставил ему отдельную тарелку и пододвинул к столу еще один стул, но оказалось, что существо не могло воспользоваться стулом, так как его тело не сгибалось.

И оно не ело. Сперва это огорчило Моше, ибо он был гостеприимным хозяином, но потом он решил, что такой рослый и сильный юнец соображает достаточно, чтобы самому позаботиться о себе, и что ему, Моше, видимо, не стоит особенно беспокоиться об удовлетворении его жизненных потребностей.

После завтрака они с существом вышли в сад, и, как того и следовало ожидать, растения там уже не было. На земле лежала лишь опавшая сморщенная оболочка, тот внешний покров, что служил стоявшему рядом с ним существу колыбелью.

Оттуда Моше отправился в гараж, и существо, увидев клетку, стремительно бросилось к ней и принялось ее тщательно осматривать. Потом оно повернулось к Моше и словно бы сделало умоляющий жест.

Моше подошел к клетке, взялся руками за один из погнутых прутьев, а существо, стоявшее рядом, тоже схватило конечностями этот же прут, и они вместе начали распрямлять его. Но безуспешно. Им, правда, удалось чуточку разогнуть его, но этого было недостаточно, чтобы вернуть пруту первоначальную форму.

Они стояли и смотрели друг на друга, хотя слово «смотрели» вряд ли подходило для этого случая, поскольку у существа не было глаз и смотреть ему было нечем. Оно как-то непонятно двигало конечностями, и Моше никак не мог уразуметь, что ему нужно. Потом существо легло на пол и показало ему, как прутья клетки прикреплялись к ее основанию.

Хотя Моше через некоторое время и сообразил, как действует механизм крепления, он так до конца и не понял его принцип. И в самом деле невозможно было объяснить, почему он действовал именно таким образом.

Вначале нужно было нажать на прут с определенной силой, прикладывая ее под точно определенным углом, и прут слегка поддавался. Затем следовало снова нажать на него, опять-таки прикладывая строго определенное количество силы под нужным углом, и прут поддавался еще немного. Это делалось трижды, и в результате прут отсоединился от клетки, хотя, видит Бог, ничем нельзя было объяснить, почему это так получается.

Мозе развел в горне огонь, подбросил угля и принялся раздувать огонь мехами, а существо неотрывно следило за его действиями. Но когда он взял прут, собираясь сунуть его в огонь, существо встало между ним и горном и не подпустило его к огню. Тогда Мозе понял, что ему нельзя было — или не полагалось — нагревать прут перед тем, как распрямлять его, и он, не задумываясь, принял это как должное. Ведь существо наверняка лучше знает, как это следует делать, сказал он себе.

И, обойдясь без огня, он отнес холодный прут на наковальню и начал выпрямлять его ударами молота, а существо в это время пыталось показать ему, какую нужно придать пруту форму. Эта работа заняла довольно много времени, но в результате прут был распрямлен именно так, как того желало существо.

Мозе казалось, что им придется немало повозиться, пока они вставят прут обратно, но прут мгновенно скользнул на место.

Потом они вытащили другой прут, и теперь дело пошло быстрее, потому что у Мозе уже появилась сноровка.

Но это был тяжелый и изнурительный труд. Они работали до вечера и распрямили только пять прутьев.

Потребовалось целых четыре дня, чтобы распрямить молотом прутья клетки, и все это время трава оставалась некошеной.

Однако Мозе нисколько не тревожился. У него теперь было с кем поговорить, и его дом покинуло одиночество.

Когда они вставили прутья на место, существо проскользнуло в клетку и занялось какой-то диковинной штукой, прикрепленной к потолку, которая своим видом напоминала корзинку сложного плетения. Наблю-

дая за ним, Мозе решил что, корзинка была чем-то вроде панели управления.

Существо явно расстроилось. Разыскивая что-то, оно обошло весь гараж, но, как видно, его поиски не увенчались успехом. Оно вернулось к Мозе, и в его жестах опять были отчаяние и мольба. Мозе показал ему железо и сталь; порывшись в картонке, где он держал гвозди, зажимы, втулки, кусочки металла и прочий хлам, он извлек из нее латунь, медь и даже кусок алюминия, но существу нужно было не это.

И Мозе обрадовался — ему было немного стыдно за это чувство, но тем не менее он обрадовался.

Потому что он понимал, что, когда клетка будет исправлена, существо покинет его. По своей натуре он просто не мог помешать существу чинить клетку или отказать ему в помощи. Но сейчас, когда оказалось, что починить клетку, видимо, невозможно, он почувствовал, что очень этому рад.

Теперь существу придется остаться с ним, и ему будет с кем разговаривать, а в его доме больше не будет так одиноко. Как было бы чудесно, подумал он, снова иметь кого-то рядом. А это существо было почти таким же хорошим товарищем, как Тоусер.

На следующее утро, когда Мозе готовил завтрак, он потянулся на верхнюю полку буфета за овсянкой, задел рукой коробку из-под сигар, и она полетела на пол. Она упала на бок, крышка раскрылась, и доллары раскатились по всей кухне.

Уголкем глаза Мозе заметил, как существо кинулось за одним из них в погоню. Схватив монету и не выпуская ее, оно повернулось к Мозе, и из клубка червей на его макушке послышалось какое-то дребезжание.

Оно нагнулось, сгрело еще несколько монет и, прижав их к себе, исполнило нечто вроде джиги, и сердце Мозе упало, когда до него вдруг дошло, что существо так настойчиво искало именно серебро.

И Мозе опустил на четвереньки и помог существу собрать остальные доллары. Они сложили их обратно к коробку из-под сигар, и Мозе, взяв коробку, отдал ее существу.

Оно приняло коробку, взвесило ее на руке и, судя по его виду, огорчилось. Оно высыпало доллары на стол и разложило их аккуратными столбиками, и Мозе видел, что оно глубоко разочаровано.

А вдруг существо искало вовсе не серебро, подумал Моше. Быть может, оно ошиблось, приняв серебро за какой-нибудь другой металл.

Моше достал овсянку, насыпал ее в кастрюлю с водой и поставил кастрюлю на плиту. Когда каша была готова и сварился кофе, он отнес еду на стол и сел завтракать.

Существо все еще стояло по другую сторону стола, то так, то сяк перестраивая столбики из серебряных долларов. И теперь, подняв над этими столбиками конечность, оно дало понять, что ему нужны еще монеты. Вот столько столбиков, оно показало, и каждый столбик должен быть вот такой высоты.

Моше словно громом сразило, и его рука с ложкой овсянки замерла на полпути ко рту. Он подумал о тех остальных долларах, которыми был набит железный котелок, спрятанный под полом в гостиной. И он не мог решиться; это единственное, что у него оставалось, если не считать существа. И он был не в силах с ними расстаться, ведь тогда существо получит возможность починить клетку и тоже покинет его.

Не ощущая никакого вкуса, он съел миску овсянки и выпил две чашки кофе. И все это время существо стояло перед ним и показывало, сколько ему еще нужно монет.

— Уж это я никак не могу для тебя сделать, — сказал Старый Моше. — Я ведь сделал все, чего только может ожидать одно живое существо от другого, кем бы оно ни было. Я нашел тебя в лесу, согрел тебя и дал тебе кров. Я старался помочь тебе, а когда у меня с этим ничего не получилось, я по крайней мере защитил тебя от всех этих людей, и я не вырвал тебя, когда ты вновь начал расти. Неужели ты ждешь, что я буду делать тебе добро вечно?

Но это ни к чему не привело. Существо не слышало его, а себя он так ни в чем и не убедил.

Он встал из-за стола и пошел в гостиную, а существо двинулось следом за ним. Он поднял доски, вытащил котелок, и существо, увидев его содержимое, в великой радости крепко обхватило себя конечностями.

Они отнесли монеты в гараж, и Моше, раздув в горне огонь, поставил на него котелок и начал плавить эти с таким трудом накопленные деньги.

Временами ему казалось, что он не в состоянии довести эту работу до конца, но он все-таки справился с ней.

Существо вынуло из клетки корзинку, поставило ее рядом с горном, зачерпнуло железным ковшиком расплавленное серебро и стало лить его в определенные ячейки корзинки, осторожно придавая ему молотком нужную форму.

На это ушло много времени, потому что работа требовала большой точности, но в конце концов все было сделано, а серебра почти не осталось. Существо внесло корзинку в клетку и укрепило ее на место.

Уже вечерело, и Моше пришлось уйти, чтобы заняться кое-какими хозяйственными делами. Он был почти уверен в том, что существо вытащит из гаража клетку и, вернувшись домой, он его уже там не застанет. И он старался разжечь в себе чувство обиды за его эгоизм — ведь существо только брало, не думая ничем отплатить ему и, насколько он мог судить, даже не пытаясь отблагодарить его. Но, несмотря на все свои усилия, он так и не обиделся.

Выйдя из сарая с двумя ведрами молока, он увидел, что существо ждет его. Оно последовало за ним в дом и все время держалось поблизости, и он пытался беседовать с ним. Но душа его не лежала к разговору. Он ни на минуту не мог забыть, что существо уйдет от него, и радость общения с ним была отравлена ужасом перед грядущим одиночеством.

Ведь чтобы как-то скрасить это одиночество, у него теперь даже не было денег.

В эту ночь, когда он лежал в постели, на него нахлынули удивительные мысли. Он представил себе другое одиночество, еще более страшное, чем то, которое он когда-либо знал на этой заброшенной ферме; ужасное, беспощадное одиночество межзвездных пустынь, мятущееся одиночество того, кто ищет какое-то место или живое существо, и, хотя их туманные образы лишь едва вырисовываются в сознании, он обязательно найдет то, к чему стремится, и это самое важное.

Никогда ему не приходили в голову такие странные мысли, и внезапно он понял, что это вовсе не его мысли, а того другого, что был с ним рядом в комнате.

Напрягая всю свою волю, он попытался встать, но не смог. На мгновение он приподнял голову, но тут же уронил ее обратно на подушку и крепко заснул.

На следующее утро, когда Мозе позавтракал, оба они пошли в гараж и вытащили во двор клетку. И это таинственное неземное сооружение стояло там в холодном и ярком свете зари.

Существо подошло к клетке и начало было протискиваться между двумя прутьями, но, остановившись на полпути, вылезло обратно и подошло к Старому Мозе.

— Прощай, друг, — сказал Мозе. — Я буду скучать по тебе.

У него как-то странно защипало глаза.

Тот протянул ему на прощанье конечность, и, схватив ее, Мозе почувствовал, что в ней был зажат какой-то предмет, нечто круглое и гладкое, перешедшее из руки существа в руку Мозе.

Существо отняло свою руку и, быстро подойдя к клетке, проскользнуло между прутьями. Оно потянулось к корзинке, внезапно что-то вспыхнуло, и клетка исчезла.

Мозе одиноко стоял на заднем дворе, уставившись на место, где уже не было клетки, и вспоминая, что он чувствовал или думал — или слышал? — прошлой ночью, лежа в постели?

Должно быть, существо уже там, в черном безысходном одиночестве межзвездных далей, где оно снова ищет какое-то место, или вещь, или живое существо, которые не дано постичь человеческому разуму.

Мозе медленно повернулся, чтобы, захватив из дому ведра, пойти в сарай доить коров.

Тут он вспомнил о предмете, который держал в руке, и поднял к лицу все еще крепко стиснутый кулак. Он разомкнул пальцы — на его ладони лежал маленький хрустальный шарик, точно такой же, как тот, что он нашел в складке-кармане похороненного им в саду трупа. С той только разницей, что первый шарик был мертвым и матовым, а в этом мерцал живой отблеск далекого огня.

Глядя на него, Мозе ощутил в душе такое необыкновенное счастье и покой, какие ему редко случалось испытывать раньше. Словно его окружало множество людей и все они были друзьями.

Он прикрыл шарик рукой, а счастье не уходило — и это было совершенно непонятно, ведь ничем нельзя было объяснить, почему он счастлив. Существо в конце концов покинуло его, все его деньги пропали, и у него не было друзей, но, несмотря ни на что, ему было хорошо и радостно.

Он положил шарик в карман и проворно зашагал к дому за ведрами для молока. Сложив трубочкой заросшие щетиной губы, он принялся насвистывать, а надо сказать, что уже давным-давно у него даже в мыслях не было повсистеть.

Может быть, он счастлив потому, подумал он, что, прежде чем исчезнуть, существо все-таки остановилось, чтобы пожать ему на прощанье руку.

А что касается подарка, то, каким бы он ни был чепуховым, как ни дешева была безделушка, основная ценность его заключалась в том простом чувстве, которое он пробудил. Прошло много лет с тех пор, как кто-либо удосужился сделать Мозе подарок.

В бездонных глубинах Вселенной было одиноко и тоскливо без Друга. Кто знает, когда еще удастся обрести другого.

Быть может, он поступил неразумно, но старый дикарь был таким добрым, таким неловким, жалким и так хотел помочь. А тот, чей путь далек и стремителен, должен путешествовать налегке. Ему больше нечего было дать.

ДУРНОЙ ПРИМЕР

С некоторыми весьма щепетильными заданиями могут справиться только роботы — заданиями такого порядка, что их выполнение нельзя поручить ни одному человеческому существу...

Тобиас, сильно пошатываясь, брел по улице и размышлял о своей нелегкой жизни.

В карманах у него было пусто, и бармен Джо выдворил его из кабачка «Веселое ущелье», не дав как следует промочить горло, и теперь ему одна дорога — в пустую лачугу, которую он называл своим домом, а случись с ним что-нибудь, ни у кого даже не дрогнет сердце. И все потому, думал он, охваченный хмельной жалостью к себе, что он — бездельник и горький пьяница; просто диву даешься, как его вообще терпит город.

Смеркалось, но на улице еще былолюдно, и Тобиас про себя отметил, как старательно обходят его взглядом прохожие.

Так и должно быть, сказал он себе. Раз не хотят смотреть на него, значит, все в порядке. Им незачем его разглядывать. Пусть отворачиваются, если им так спокойнее.

Тобиас был позором города. Постыдным пятном на его репутации. Тяжким крестом его жителей. Социальным злом. Тобиас был дурным примером. И таких, как он, здесь больше не было, потому что на маленькие городки всегда приходилось только по одному отщепенцу — даже двоим уже негде было развернуться.

Выписывая вензеля, Тобиас в унылом одиночестве плелся по тротуару. Вдруг он увидел, что впереди, на углу, стоит Элмер Кларк, городской полицейский. Стоит и смотрит в его сторону. Но Тобиас не заподозрил в этом никакого подвоха. Элмер — славный парень. Элмер соображает, что к чему. Тобиас остановился, немного подобрался, приосанился, затем нацелился на угол, где его поджидал Элмер, и без особых отклонений от курса поплыл в ту сторону. И прибыл к месту назначения.

— Тоуб, — сказал ему Элмер, — не подвезти ли тебя? Тут неподалеку моя машина.

Тобиас выпрямился с жалким достоинством забулдыги.

— Ни боже мой, — запротестовал он, джентльмен с головы до пят. — Не по мне это — доставлять вам столько хлопот. Премного благодарен.

Элмер улыбнулся.

— Ладно, ладно, успокойся. Но ты уверен, что доберешься до дома на своих двоих?

— О чем речь! — ответил Тобиас и припустил дальше.

Поначалу ему везло. Он благополучно протопал несколько кварталов.

Но на углу Третьей и Кленовой с ним приключилась беда. Споткнувшись, он растянулся во весь рост на тротуаре перед самым носом у миссис Фробишер, которая стояла на крыльце своего дома, откуда ей было отлично видно, как он шлепнулся. Он не сомневался, что завтра же она не преминет расписать это позорное зрелище всем членам Дамского благотворительного общества. А те, презрительно поджав губы, будут потихоньку кудахтать между собой, мня себя святей святых.

Ведь миссис Фробишер была для них образцом добродетели. Муж ее — банкир, а сын — лучший игрок Милвиллской футбольной команды, которая рассчитывала занять первое место в чемпионате, организованном Спортивной ассоциацией. Не удивительно, что это воспринималось всеми со смешанным чувством изумления и гордости: прошло немало лет с тех пор, как Милвиллская футбольная команда в последний раз завоевала кубок ассоциации.

Тобиас поднялся на ноги, суетливо и неловко стряхнул с себя пыль и вырулил на угол Третьей и Дубовой, где уселся на низкую каменную ограду, которая тянулась перед фасадом баптистской церкви. Он знал, что пастор, выйдя из своего кабинета в полуподвале, непременно его увидит. А пастору, сказал он себе, это очень даже на пользу. Может, такая картина выведет его наконец из себя.

Тобиаса беспокоило, что в последнее время пастор относился к нему чересчур благодушно. Слишком уж гладко идут сейчас у пастора дела, и похоже, он начинает обрывать жирком самодовольства: жена у него — председатель местного отделения Общества Дочерей Американской Революции, а у длинноногой дочки обнаружили недюжинные музыкальные способности.

Тобиас терпеливо сидел на ограде в ожидании пастора, как вдруг услышал шарканье чьих-то ног. Уже порядком стемнело, и только когда прохожий приблизился, он разглядел, что это школьный уборщик Энди Донновэн.

Тобиас мысленно пристыдил себя. По такому характерному шарканью он должен был сразу догадаться, кто идет.

— Добрый вечер, Энди, — сказал он. — Что новенького?

Энди остановился и взглянул на него в упор. Приглаждал свои поникшие усы и сплюнул на тротуар с таким видом, что оказался поблизости посторонний наблюдатель, он расценил бы это как выражение глубочайшего отвращения.

— Если ты поджидаешь мистера Хэлворсена, — сказал Энди, — то попусту тратишь время. Его нет в городе.

— А я и не знал, — смутился Тобиас.

— Ты уже достаточно сегодня накуролесил, — ядовито сказал Энди. — Отправляйся-ка домой. Меня тут миссис Фробишер остановила, когда я недавно проходил мимо. Так вот, она считает, что нам необходимо наконец взяться за тебя всерьез.

— Миссис Фробишер — старая сплетница, — проворчал Тобиас, с трудом удерживаясь на ногах.

— Этого у нее не отнимешь, — согласился Энди. — Но женщина она порядочная.

Он внезапно повернулся и зашаркал прочь, и казалось, будто передвигается он чуть быстрее, чем обычно.

Тобиас, покачиваясь, но, пожалуй, не так заметно, как раньше, заковылял в ту же сторону, что и Энди, мучимый сомнениями и горьким чувством обиды.

Потому что он считал себя жертвой несправедливости.

Ну разве справедливо, что ему выпало быть таким вот пропойцей, когда из него могло бы получиться нечто совершенно иное? Когда по складу своей личности — этому сложному комплексу эмоций и желаний — он неудержимо стремился к чему-то другому?

Не для него — быть совестью этого городка, думал Тобиас. Он достоин лучшей участи, создан для более высокого призвания, мрачно икая, убеждал он себя.

Расстояние между домами постепенно увеличивалось, и они попадались все реже; тротуар кончился, и Тобиас, спотыкаясь, потащился по неасфальтированной дороге к своей лачуге, которая приютилась на самом краю города.

Она стояла на холмике над болотом, вблизи того места, где дорогу, по которой он сейчас шел, пересекало 49-е шоссе, и Тобиас подумал, что жить там — сущая благодать. Частенько он сживал перед домиком, наблюдая за проносящимися мимо машинами.

Но в этот час на дороге было пустынно, над далекой рощицей всходила луна, и ее свет постепенно превращал сельский пейзаж в серебристо-черную гравюру.

Он продолжал свой путь, бесшумно погружая ноги в дорожную пыль, и порой до него доносился вскрик растревоженной птицы, а в воздухе тянуло дымком сжигаемых осенних листьев.

Какая здесь красота, подумал Тобиас, какая красота, но как же тут одиноко. Ну и что с того, черт побери? Он ведь всегда был одинок.

Издалека послышался рев двигателя мчавшейся на большой скорости машины, и он про себя недобрым словом помянул таких вот отчаянных водителей.

Спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, Тобиас ковылял по пыльной дороге, и теперь ему уже стали видны быстро приближавшиеся с востока огоньки.

Он все шел и шел, не спуская взгляда с этих огоньков. Когда машина подлетела к перекрестку, неожиданно взвизгнули тормоза, машина круто свернула на дорогу, по которой он двигался, и в глаза ему ударил свет фар.

В тот же миг луч света, взметнувшись, вонзился в небо, вычертил на нем дугу, и, когда с пронзительным скрипом трущейся об асфальт резины машину занесло, Тобиас увидел неяркое сияние задних фонарей. Медленно, как бы с натугой, машина завалилась набок, опрокидываясь в придорожную канаву. Тобиас вдруг осознал, что бежит, бежит сломя голову на мгновенно окрепших ногах.

Впереди него машина рухнула на бок, с раздирающим уши скрежетом проехала по асфальту и легко, даже как-то плавно соскользнула в канаву.

Раздался негромкий всплеск воды, машина уперлась в противоположную стенку канавы и теперь лежала неподвижно, только все еще вертелись колеса.

Тобиас прыгнул с дороги и, бросившись к дверце машины, обеими руками стал яростно дергать за ручку. Однако дверца заупрячилась: она стонала, скрипела, но упорно не желала уступать. Он рванул что было мочи, и дверца приоткрылась — этак на дюйм. Тогда он нагнулся, запустил пальцы в образовавшуюся щель и сразу почувствовал едкий запах горячей изоляции. Тут он понял, что времени осталось в обрез. И еще до него вдруг дошло, что по ту сторону дверцы, точно в ловушке, отчаянно бьется живое существо.

Помогая ему, кто-то нажимал на дверцу изнутри; Тобиас медленно распрямился, не переставая изо всех сил тянуть на себя ручку, и наконец дверца с большой неохотой поддалась.

Из машины слышались тихие, жалобные всхлипывания, а запах горячей изоляции усилился, и Тобиас заметил, что под капотом мечутся огненные языки.

Раздался щелчок, дверца приоткрылась пошире, и ее снова заклинило, но теперь размер отверстия позволил Тобиасу нырнуть внутрь машины; он схватил чью-то руку, поднатужился, рванул к себе и вытащил из машины мужчину.

— Там она, — задыхаясь проговорил мужчина. — Там еще она...

Но Тобиас, не дослушав, уже шарил наугад в темном чреве машины; к запаху горячей изоляции прибавился клубами повалившийся дым, а под капотом ослепительным красным пятном разливалось пламя.

Он нащупал что-то живое, мягкое и сопротивляющееся, изловчился и вытащил из машины ослабевшую, на смерть перепуганную девушку.

— Скорей отсюда! — закричал Тобиас и с такой силой толкнул мужчину, что тот, отлетев от машины, упал и уже ползком выбрался из канавы на дорогу.

Тобиас, подхватив на руки девушку, прыгнул вслед за ним, а позади него на воздух взлетела объятая пламенем машина.

То и дело спотыкаясь, они устремились прочь, подгоняемые жаром горячей машины. Немного погодя мужчина высвободил девушку из рук Тобиаса и поставил ее на ноги. Судя по всему, она была цела и невредима, если не считать ранки на лбу у корней волос, из которой темной струйкой бежала по лицу кровь.

К ним уже спешили люди. Где-то вдали хлопали двери домов, слышались взволнованные крики, а они трое, слегка оглушенные, остановились в нерешительности посреди дороги.

И только теперь Тобиас всмотрелся в лица своих спутников. Он увидел, что мужчина — это Рэнди Фробшер, кумир футбольных болельщиков, а девушка — Бетти Хэлворсен, музицирующая дочка баптистского священника.

Бегущие по дороге люди были уже совсем близко, а столб пламени над горящей машиной стал пониже. «Мне здесь больше делать нечего, — подумал Тобиас, — пора уносить ноги». Ибо он допустил непозволительную ошибку, сказал он себе. Нарушил запрет.

Он резко повернулся, втянул голову в плечи и быстро, только что не бегом, направился назад, к перекрестку. Ему показалось, будто Рэнди что-то крикнул вдогонку, но он даже не обернулся, еще поддав шагу, чтобы как можно скорее оказаться подальше от места катастрофы.

Миновав перекресток, он сошел с дороги и стал взбираться по тропинке к своей развалюхе, одиноко торчавшей на вершине холма над болотом.

И он забылся настолько, что перестал спотыкаться.

Впрочем, сейчас это не имело значения: вокруг не было ни души.

Охваченный паникой, Тобиас буквально трясся от ужаса. Ведь этим поступком он мог все испортить, свести на нет свою работу.

Что-то белело в изъеденном ржавчиной помятом почтовом ящике, висевшем рядом с дверью, и Тобиас очень удивился — он крайне редко получал что-либо по почте.

Он вынул из ящика письмо и вошел в дом. Ощупью отыскал лампу, зажег ее и опустился на шаткий стул, стоявший у стола посреди комнаты.

«Теперь я хозяин своего времени, — подумал он, — и могу распоряжаться им по собственному желанию».

Его рабочий день закончился — хотя формально это было не совсем точно, потому что с большей ли, меньшей ли нагрузкой, а работал он всегда.

Он встал, снял с себя обтрепанный пиджак, повесил его на спинку стула и расстегнул рубашку, обнажив безволосую грудь. Он нащупал на груди панель, нажал на нее, и под его пальцами она скользнула в сторону. За панелью скрывалась ниша. Подойдя к раковине, он извлек из этой ниши контейнер и выплеснул в раковину выпитое за день пиво. Потом вернул контейнер на место, задвинул панель и застегнул рубашку.

Он позволил себе не дышать.

И с облегчением стал самым собой.

Тобиас неподвижно сидел на стуле, выключив свой мозг, стирая из памяти минувший день. Спустя некоторое время он начал его осторожно оживлять и создал другой мозг — мозг, настроенный на ту его личную жизнь, в которой он не был ни опустившимся пропойцей, ни совестью городка, ни дурным примером.

Но в этот вечер ему не удалось полностью забыть пережитое за день, и к горлу снова подкатил комок — знакомый мучительный комок обиды за то, что его используют как средство защиты человеческих существ, населяющих этот городок, от свойственных людям пороков.

Дело в том, что в любом маленьком городке или деревне может ужиться только один подонок: по какому-то необъяснимому закону человеческого общества двоим или более уже было тесно. Тут безобразничал Старый Билл, там Старый Чарли или Старый Тоуб. Сущее наказание для жителей, которые с отвращением терпели это отребье как неизбежное зло. И по тому же закону, по которому на каждое небольшое поселение приходилось не более одного такого отщепенца, этот единственный был всегда.

Но если взять робота, робота-гуманоида Первого класса, которого без тщательного осмотра не отличишь от человека, — если взять такого робота и поручить ему разыгрывать из себя городского пьяницу или городского придурка, этот закон социологии удавалось обойти. И человекоподобный робот в роли опустившегося пьянчужки приносил огромную пользу. Пьяница-робот избавлял городок, в котором жил, от пьяницы-человека, снимал лишнее позорное пятно с человеческого рода, а вытесненный таким роботом потенциальный алкоголик поневоле становился вполне приемлемым членом общества. Быть может, этот человек и не являл собой образец порядочности, но, по крайней мере, он держался в рамках приличия.

Для человека быть беспробудным пьяницей ужасно, а для робота это все равно что раз плюнуть. Потому что у роботов нет души. Роботы были не в счет.

И хуже всего, подумал Тобиас, что эту роль ты должен играть постоянно: ни малейших отступлений,

никаких передышек, если не считать кратких периодов, как вот сейчас, когда ты твердо уверен, что тебя никто не видит...

Но сегодня вечером он на несколько минут вышел из образа. Его вынудили обстоятельства. На карту были поставлены две человеческие жизни, и иначе поступить он не мог.

Впрочем, сказал он себе, не исключено, что еще все обойдется. Те бедняги были в таком состоянии, что, вероятно, даже не заметили, кто их спас. Потрясенные происшедшим, они могли его не узнать. Но весь ужас в том, вдруг понял он, что это его не устраивало: он страстно желал, чтобы его узнали. Ибо в структуре его личности появилось нечто человеческое, и это нечто неудержимо стремилось проявить себя вовне, жаждало признания, которое возвысило бы его над тем опустившимся забулдыгой, каким он был в глазах людей.

Но это же нечестно, осудил он себя. Такие помыслы недостойны робота. Он ведь посягает на традиции.

Тобиас заставил себя сидеть спокойно, не дыша, не двигаясь, и попытался собраться с мыслями — уже не актерствуя, не таясь от самого себя, глядя правде в лицо.

Ему было бы куда легче, думал он, если б он не чувствовал, что способен на большее, если б роль дурного примера для жителей Милвилла была для него пределом, исчерпывала все его возможности.

А ведь раньше так и было, вспомнил он. Именно так обстояли дела в то время, когда он завербовался на эту работу и подписал контракт. Но сейчас это уже пройденный этап. Он созрел для выполнения более сложных заданий.

Потому что он повзрослел, как, мало-помалу меняясь, загадочным образом постепенно взрослеют роботы.

Никуда не годится, что он обязан нести такую службу, в то время как теперь ему по силам задания более сложные, а таких ведь найдется немало. Но тут ничего не исправишь. Положение у него безвыходное. Обратиться за помощью не к кому. Самовольно оставить свой пост невозможно.

Ведь для того чтобы он не работал впустую, существовало правило, по которому только один-единственный человек, обязанный хранить это в строжайшей

тайне, знал о том, что он робот. Все остальные должны были принимать его за человека. В противном случае его труд потерял бы всякий смысл. Как бездельник и пьяница-человек он избавлял жителей городка от вульгарного порока; как никудышный паршивый пьяница-робот он не стоил бы ни гроша.

Поэтому все оставались в неведении, даже муниципалитет, который, надо полагать, без большой охоты платит ежегодный членский взнос Обществу Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода, не зная, на что идут эти деньги, но тем не менее не решаясь уклониться от платежа. Ибо не каждый муниципалитет был удостоен чести пользоваться особыми услугами ОПСЧР. Стоило не уплатить взнос, и наверняка Милвиллу пришлось бы ждать да ждать, пока ему посчастливилось бы снова попасть в члены этого Общества.

Вот он и застрял здесь, подумал Тобиас, связанный по рукам и ногам десятилетним контрактом, о существовании которого город и не догадывается, но это не меняет дела.

Он знал, что ему не с кем даже посоветоваться. Не было человека, которому он мог бы все выложить начистоту, ибо, как только он кому-нибудь откроется, вся его работа пойдет насмарку, он бессовестно подведет город. А на такое не решится ни один робот. Это же непорядочно.

Он пытался логически обосновать причину такой неодолимой тяги к точному выполнению предписанного, причину своей неспособности нарушить обязательства, зафиксированные в контракте. Но логика тут ни при чем — все это существовало в нем само по себе. Так уж устроены роботы; это один из множественных факторов, сочетанием которых определяется их поведение.

Итак, выхода у него не было. По условиям контракта ему предстояло еще десять лет пить горькую, в неприкосновенном виде слоняться по улицам, играть роль одуревшего от каждодневного пьянства, опустившегося человека, для которого все на свете — трын-трава. И он должен ломать эту комедию, чтобы подобным вырождением не стал кто-нибудь из горожан.

Но как же обидно размениваться на такие мелочи, зная, что ты способен выполнять более квалифициро-

ванную работу, зная, что твой нынешний разряд дает тебе право заняться творческим трудом на благо общества.

Он положил на стол руку и услышал, как под ней что-то зашуршало.

Письмо. Он совсем забыл про письмо.

Он взглянул на конверт, увидел, что на нем нет обратного адреса, и сразу смекнул, от кого оно.

Вынув из конверта сложенный пополам листок бумаги, он убедился, что чутье его не обмануло. Вверху страницы, над текстом, стоял штамп Общества Прогресса и Совершенствования Человеческого Рода.

В письме было написано следующее:

Дорогой коллега!

Вам будет приятно узнать, что на основе последнего анализа Ваших способностей установлено, что в настоящее время Вы более всего подходите для исполнения обязанностей координатора и экспедитора при организующейся колонии людей на одной из осваиваемых планет. Мы уверены, что, заняв такую должность, Вы принесете большую пользу, и готовы при отсутствии каких-либо иных соображений предоставить Вам эту работу немедленно.

Однако нам известно, что еще не истек срок заключенного Вами ранее контракта, и, быть может, в данный момент Вы считаете неудобным поставить вопрос о переходе на другую работу.

Если ситуация изменится, будьте любезны незамедлительно дать нам знать.

Под письмом стояла неразборчивая подпись.

Тобиас старательно сложил листок и сунул его в карман.

И ему отчетливо представилось, как там, на другой планете, где солнцем зовут другую звезду, он помогает первым поселенцам основать колонию, трудится вместе с колонистами, но не как робот, а как человек, настоящий человек, полноправный член общества.

Совершенно новая работа, новые люди, новая обстановка.

И он перестал бы наконец играть эту отвратительную роль. Никаких трагедий, никаких комедий. Никакого паясничанья. Со всем этим было бы раз и навсегда покончено.

Он поднялся со стула и зашагал взад-вперед по комнате.

«Как все нескладно», — подумал он. Почему он должен торчать здесь еще десять лет? Он же ничего не должен этому городку — его ничто здесь не держит... разве только обязательство по контракту, которое священо и нерушимо. Священно и нерушимо для работа.

И получается, что он намертво прикован к этой крошечной точке на карте Земли, тогда как мог бы стать одним из тех, кто сеет меж далеких звезд семена человеческой цивилизации.

Поселенцев было бы совсем немного. Уже давно отказались от организации многочисленных колоний — они себя не оправдали. Теперь для освоения новых планет посылали небольшие группы людей, связанных старой дружбой и общими интересами.

Тобиас подумал, что такие поселенцы скорее напоминали фермеров, чем колонистов. Попытать счастья в космосе отправлялись люди, близко знавшие друг друга на Земле. Даже кое-какие деревушки посылали на другие планеты маленькие отряды своих жителей, подобно тому как в глубокой древности общины отправляли с Востока на дикий неосвоенный Запад караваны фургонов.

И он тоже стал бы одним из этих отважных искателей приключений, если б смог нарушить условия контракта, если б смог сбежать из этого городка, избавиться от этой бездарной унижительной работы.

Но этот путь для него закрыт. Ему оставалось лишь пережить горечь полного крушения надежд.

Раздался стук в дверь, и, пораженный, он замер на месте: в его дверь никто не стучался уже много лет. Стук в дверь, сказал он себе, может означать только надвигающуюся беду. Может означать только то, что там, на дороге, его узнали — а он уже начал привыкать

к мысли о том, что ему все-таки удастся выйти сухим из воды.

Тобиас медленно подошел к двери и отворил ее. Их было четверо: местный банкир Герман Фробишер, миссис Хэлворсен, супруга баптистского священника, Бад Эндсерсон, тренер футбольной команды, и Крис Лэмберт, редактор «Милвиллского еженедельника».

И по их виду он сразу понял, что дела его плохи — неприятность настолько серьезна, что от нее не спастись. Лица вошедших выражали искреннюю преданность и благодарность с оттенком некоторой неловкости, какую испытывают люди, когда осознают свою ошибку и дают себе слово разбиться в лепешку, чтобы ее исправить.

Фробишер так решительно, с таким преувеличенным дружелюбием протянул Тобиасу свою пухлую руку, что в пору было расхохотаться.

— Тоуб, — сказал он, — уж не знаю, как вас благодарить. Я не нахожу слов, чтобы выразить, как мы глубоко тронуты вашим сегодняшним поступком.

Тобиас попытался отделаться быстрым рукопожатием, но банкир в аффекте стиснул его руку и не желал отпускать.

— А потом взяли да сбежали! — заверещала миссис Хэлворсен. — Нет чтобы подождать и показать всем, какой вы замечательный человек. Хоть убей, не пойму, что на вас нашло.

— Дело-то пустяшное, — промямлил Тобиас.

Банкир наконец выпустил его руку, и ею тут же завладел тренер, словно только и ждал, когда ему представится такая возможность.

— Благодаря вам Рэнди жив и в форме, — заговорил он. — Завтра ведь игра на кубок, а нам без него хоть не выходи на поле.

— Мне нужна ваша фотография, Тоуб, — сказал редактор. — У вас найдется фотография? Хотя что я, откуда ей у вас быть? Ничего, мы завтра же вас сфотографируем.

— Но первым делом, — сказал банкир, — мы переселим вас из этой халупы.

— Из этой халупы? — переспросил Тобиас, испугавшись уже не на шутку. — Мистер Фробишер, так это ж мой дом!

— Нет, уже не ваш, баста! — взвизгнула миссис Хэлворсен. — Мы позаботимся о том, чтобы дать вам возможность исправиться. Такого шанса вам еще в жизни не выпадало. Мы намерены обратиться в АОБА.

— АОБА? — в отчаянии повторил за ней Тобиас.

— Анонимное Общество по Борьбе с Алкоголизмом, — чопорно пояснила супруга пастора. — Оно поможет вам излечиться от пьянства.

— А что, если Тоуб вовсе не хочет стать трезвенником? — предположил редактор.

Миссис Хэлворсен раздраженно скрипнула зубами.

— Он хочет, — заявила она. — Нет человека, который бы...

— Да будет вам, — вмешался Фробишер. — Не все сразу. Мы обсудим это с Тоубом завтра.

— Ага, — обрадовался Тобиас и потянул на себя дверь, — отложим наш разговор до завтра.

— Э, нет, так не годится, — сказал банкир. — Вы сейчас пойдете со мной. Жена ждет вас к ужину, для вас приготовлена комната, и, пока все не уладится, вы поживете у нас.

— Чего ж тут особенно улаживать? — запротестовал Тобиас.

— Как это — чего? — возмутилась миссис Хэлворсен. — Наш город палец о палец не ударил, чтобы хоть как-нибудь вам помочь. Мы всегда держались в сторонке, спокойно наблюдая, как вы чуть ли не на четвереньках тащитесь мимо. А это очень дурно. Я серьезно поговорю с мистером Хэлворсеном.

Банкир дружески обнял Тобиаса за плечи.

— Пойдемте, Тоуб, — сказал он. — Мы у вас в неоплатном долгу и сделаем для вас все, что в наших силах.

Он лежал на кровати, застеленной белоснежной хрустящей простыней, и такой же простыней был укрыт, а когда все уснули, он вынужден был тайком пробраться в уборную и спустить в унитаз всю пищу, которую его заставили съесть за ужином.

Не нужны ему белоснежные простыни. Ему вообще не нужна кровать. В его развалюхе, правда, стояла кровать, но только для отвода глаз. А здесь — лежи среди белых простынь, да еще Фробишер заставил его принять ванну, что, между прочим, было для него весьма кстати, но как же он из-за этого разволновался!

Жизнь изгажена, думал Тобиас. Работа спущена в канализационную трубу. Он все испортил, да так по-глупому. И теперь он уже не отправится с горсткой отважных осваивать новую планету; даже тогда, когда он окончательно развяжется со своей нынешней работой, у него не будет никаких шансов на что-либо действительно стоящее. Ему поручат еще одну занюханную работенку, он будет вкалывать еще двадцать лет и, возможно, снова промахнется — уж если есть в тебе слабинка, от нее никуда не денешься.

А такая слабинка в нем была. Он убедился в этом сегодня вечером.

Но с другой стороны, что ему оставалось делать? Неужели он должен был проشمыгнуть мимо, допустить, чтобы те двое погибли в горящей машине?

Он лежал на чистой белой простыне, смотрел на струившийся из окна в комнату чистый, белый свет луны и задавал себе вопрос, на который не мог ответить.

Правда, у него оставалась еще одна надежда, и, чем больше он думал, тем радужнее смотрел в будущее; мало-помалу на душе у него становилось легче.

Еще можно все переиграть, говорил он себе; нужно только снова надраться до чертиков, вернее, притвориться пьяным, ибо он ведь никогда не бывал пьян по-настоящему. И тогда он так разгуляется, что его подвиги войдут в историю городка. В его власти неоправимо опозорить себя. Он может демонстративно, по-хамски отказаться от предоставленной ему возможности стать порядочным. Он может всем этим достойным людям с их добрыми намерениями отпустить такую звонкую оплеуху, что покажется им во сто крат отвратительнее, чем прежде.

Он лежал и мысленно рисовал себе, как это будет выглядеть. Идея была отличная, и он обязательно пре-

творит ее в жизнь... но, пожалуй, есть смысл заняться этим немного погодя.

Такая хулиганская выходка произведет большее впечатление, если он слегка повременит, этак с недельку будет разыгрывать из себя тихоню. Тогда его грехопадение ударит их похлеще. Пусть-ка понежатся в лучах собственной добродетели, вкусят высшую радость, считая, что вытащили его из грязи и наставили на путь истинный; пусть окрепнет их надежда — и вот тогда-то он, издевательски хохоча, пьяный в дым, спотыкаясь, потащится обратно в свою лачугу над болотом.

И все уладится. Он снова включится в работу, а пользы от него будет даже больше, чем до этого происшествия.

Через одну-две недели. А может, и позже...

И вдруг он словно прозрел: его поразила одна мысль. Он попытался прогнать ее, но она, четкая и ясная, не уходила.

Он понял, что лжет самому себе.

Он не хотел опять стать таким, каким был до сегодняшнего вечера.

С ним же случилось именно то, о чем он мечтал, признался он себе. Он давно мечтал завоевать уважение своих сограждан, расположить их к себе, почувствовать наконец внутреннюю удовлетворенность.

После ужина Фробишер завел разговор о том, что ему, Тобиасу, необходимо устроиться на какую-нибудь постоянную работу, заняться честным трудом. И сейчас, лежа в постели, он понял, как истосковался по такой работе, как жаждет стать скромным, уважаемым гражданином Милвилла.

Но он знал, что этому не бывать, что обстановка сложилась хуже некуда. Ведь он уже не просто портач, а предатель, причем полностью это осознавший.

Какая ирония судьбы: выходит, что провал работы был его заветной мечтой, а теперь, когда его мечта осуществилась, он все равно остается в проигрыше.

Будь он человеком, он бы заплакал.

Но плакать он не умел. Напрягшись всем телом, он лежал на белоснежной накрахмаленной простыне, а в окно лился белоснежный и словно тоже подкрахмаленный лунный свет.

Он нуждался в чьей-нибудь помощи. Первый раз в жизни он испытывал потребность в дружеской поддержке.

Было лишь одно место, куда он мог обратиться, — но только в самом крайнем случае.

Почти бесшумно Тобиас натянул на себя одежду, выскользнул из двери и на цыпочках спустился по лестнице. Пройдя обычным шагом квартал, он решил, что теперь уже можно не осторожничать, и помчался во весь дух, гонимый страхом, который летел за ним по пятам, точно обезумевший всадник.

Завтра матч, тот самый решающий матч, в котором покажет класс игры спасенный им Рэнди Фробишер, и, должно быть, Энди Донновэн работает сегодня допоздна, чтобы освободить себе завтрашний день и пойти на стадион.

Интересно, который сейчас час, подумал Тобиас, и у него мелькнуло, что, вероятно, уже очень поздно. Но Энди наверняка еще возится с уборкой — не может быть, чтобы он ушел.

Оказавшись у цели, Тобиас взбежал по извилистой дорожке к темному, с расплывчатыми очертаниями зданию школы. Ему вдруг пришло в голову, что он уйдет из школы ни с чем, что так бежал сюда зря, и он почувствовал внезапную слабость.

Но в этот миг он заметил свет в одном из окон полуподвала — в окне кладовой — и понял, что все в порядке.

Дверь была заперта, и он забарабанил по ней кулаком, потом, немного подождав, постучал еще раз.

Наконец он услышал, как кто-то, шаркая подошвами, медленно поднимается по лестнице, а спустя одну-две минуты за дверным стеклом замаячила колеблющаяся тень.

Раздался звон перебираемых ключей, щелкнул замок, и дверь открылась.

Чья-то рука быстро втащила его в дом. Дверь за ним захлопнулась.

— Туб! — воскликнул Энди Донновэн. — Как хорошо, что ты пришел.

— Энди, я такого натворил!..

— Знаю, — прервал его Энди. — Мне уже все известно.

— Я не мог допустить, чтобы они погибли. Я не мог оставить их без помощи. Это было бы не по-человечески.

— Это было бы в порядке вещей, — сказал Энди. — Ты же не человек.

Он первым стал спускаться по лестнице, держась за перила и устало шаркая ногами.

Со всех сторон их обступила гулкая тишина опустевшего здания, и Тобиас почувствовал, как непередаваемо жутко в школе в ночное время.

Войдя в кладовую, уборщик сел на какой-то пустой ящик и указал роботу на другой.

Но Тобиас остался стоять. Ему не терпелось поскорее исправить положение.

— Энди, — заговорил он, — я все продумал. Я напыюсь страшным образом и...

Энди покачал головой.

— Это ничего не даст, — сказал он. — Ты неожиданно для всех совершил доброе дело, стал в их глазах героем. И, помня об этом, горожане будут тебе все прощать. Что бы ты ни вытворял, какого бы ни строил из себя пакостника, они никогда не забудут, что ты для них сделал.

— Так, значит... — произнес Тобиас с оттенком вопроса.

— Ты прогорел, — сказал Энди. — Здесь от тебя уже не будет никакой пользы.

Он замолчал, пристально глядя на вконец расстроенного робота.

— Ты прекрасно справлялся со своей работой, — снова заговорил Энди. — Пора тебе об этом сказать. Грудился ты на совесть, не щадя сил. И благотворно повлиял на город. Ни один из жителей не решился стать таким подонком, как ты, таким презренным и отвратительным...

— Энди, — страдальчески проговорил Тобиас, — перестань увешивать меня медалями.

— Мне хочется подбодрить тебя, — сказал Энди.

И тут, несмотря на все свое отчаяние, Тобиас почувствовал, что его разбирает смех — неуместный, пугающий смех от мысли, которая внезапно пришла ему в голову.

И этот смех становился все неудержимее — Тобиас смеялся над горожанами: каково бы им пришлось, узнай они, что своими добродетелями обязаны двум таким ничтожествам — школьному уборщику с шаркающей походкой и мерзкому пропойце.

Сам он, как робот, в такой ситуации, пожалуй, мало что значил. А вот человек... Выбор пал не на банкира, не на коммерсанта или пастора, а на уборщика — мойщика окон, полотера, истопника. Это ему доверили тайну, он был назначен связным. Он был самым важным лицом в Милвилле.

Но горожане никогда не узнают ни о своем долге, ни о своем унижении. Они будут свысока относиться к уборщику. Будут терпеть пьяницу — вернее, того, кто займет его место.

Потому что с пьяницей покончено. Он прогорел. Так сказал Энди Донновэн.

Тобиас инстинктивно почувствовал, что, кроме него и Энди, в кладовой есть кто-то еще. Он стремительно повернулся на каблуках и увидел перед собой незнакомца.

Тот был молод, элегантен и с виду малый не промах. У него были черные, гладко зачесанные волосы, а в его облике было что-то хищное, и от этого при взгляде на него становилось не по себе.

— Твоя замена, — слегка усмехнувшись, сказал Энди. — Уж он-то отпетый негодяй, можешь мне поверить.

— Но по нему не скажешь...

— Пусть его внешность не вводит тебя в заблуждение, — предостерег Энди. — Он куда хуже тебя. Это последнее изобретение. Он гнуснее всех своих предшественников. Тебя здесь никогда так не презирали, как будут презирать его. Его возненавидят от всей души, и нравственность Милвилла повысится до такого уровня, о каком раньше и не мечтали. Они будут из кожи вон лезть, чтобы не походить на него, и все до одного станут честными — даже Фробишер.

— Ничего не понимаю, — рассеянно пролепетал Тобиас.

— Он откроет в городе контору, как раз под стать такому вот молодому энергичному бизнесмену. Страхование, разного рода сделки купли, продажи и найма движимой и недвижимой собственности, залоговые операции — короче, все, на чем он сможет нажиться. Не нарушив ни единого закона, он обдерет их как липку. Жестокость он замаскирует ханжеством. С обаятельной искренней улыбкой он будет обворовывать всех и каждого, свято чтя при этом букву закона. Он не постесняется пойти на любую низость, не побрезгует самой подлой уловкой.

— Ну разве ж так можно?! — воскликнул Тобиас. — Да, я был пьяницей, но по крайней мере я вел себя честно.

— Наш долг — заботиться о благе всего человечества, — торжественно заявил Энди. — Позор для Милвилла, если в нем когда-либо объявится такой человек, как он.

— Вам видней, — сказал Тобиас. — Я умываю руки. А что будет со мной?

— Пока ничего, — ответил Энди. — Ты вернешься к Фробишеру и подчинишься естественному ходу событий. Поступи на работу, которую он для тебя подыщет, и живи тихо-мирно, как порядочный, достойный уважения гражданин Милвилла.

Тобиас похолодел.

— Ты хочешь сказать, что вы меня окончательно списали? Что я вам больше не нужен? Но я же старался изо всех сил! А сегодня вечером мне просто нельзя было поступить по-другому. Вы не можете так вот запросто вышвырнуть меня вон!

— Придется открыть тебе один секрет. Лучше б ты узнал об этом чуток попозже, но... Видишь ли, в городе поговаривают о том, чтобы послать часть жителей в космос осваивать одну из недавно открытых планет.

Тобиас выпрямился и настороженно замер; в нем было вспыхнула надежда, но сразу же померкла.

— А я тут при чем? — сказал он. — Не пошлют же они такого пьяницу, как я.

— Теперь ты для них хуже чем пьяница, — сказал Энди. — Намного хуже. Когда ты был обыкновенным забулдыгой, ты был весь как на ладони. Они наперечет знали все твои художества. Они всегда ясно представляли, чего от тебя можно ждать. А бросив пить, ты

спутаешь им карты. Они будут неусыпно следить за тобой, пытаясь угадать, какой ты им можешь преподнести сюрприз. Ты лишишь их покоя, и они изведутся от сомнений в правильности занятой ими позиции. Ты обременишь их совесть, станешь причиной постоянной нервотрепки, и они будут пребывать в вечном страхе, что в один прекрасный день ты так или иначе докажешь, что они свалили дурака.

— С таким настроением они никогда не включат меня в число будущих колонистов; — произнес Тобиас, распрощавшись с последней тенью надежды.

— Ошибаешься, — возразил Энди. — Я уверен, что ты полетишь в космос вместе с остальными. Добропорядочные и слабонервные жители Милвилла не упустят такой случай, чтобы от тебя избавиться.

СВАЛКА

1

Они раскрыли тайну, вернее, пришли к разгадке, логичной и научно обоснованной, — но не выяснили ничего, ровным счетом ничего бесспорного. Для опытной команды планетных разведчиков это никак нельзя было считать нормальным. Обычно они с ходу брали быка за рога, выкачивали из планеты прорву информации, а потом вертели факты так и эдак, пока не выстраивали их во впечатляющий ряд. А здесь таких фактов, действительных конкретных фактов, просто не было, кроме одного-единственного факта, очевидного даже ребенку начиная с двенадцати лет.

И это тревожило капитана Айру Уоррена. Так он и сказал Лопухому Брэди, корабельному коку, который был его приятелем с юношеских лет и остался им, невзирая на свою слегка подмоченную репутацию. Они шлялись вместе по планетам вот уже более трех десятков лет. Даром что их разнесло по разные концы табели о рангах, они и по сей день могли сказать друг другу такое, чего не сказали бы никому другому на борту, да никому и не позволили бы сказать.

— Слушай, Лопоухий, — выговорил Уоррен. — Тревожно мне что-то.

— Тебе всегда тревожно, — отпарировал Лопоухий. — Такая уж у тебя работа.

— Эта история со свалкой...

— Ты хотел всех обставить, — заявил Лопоухий, — а я говорил тебе заранее, чем это кончится. Я предупреждал, что тебя загрызут заботы и ты лопнешь от сознания своей ответственности и напы... напыщ...

— От напыщенности?

— Точно, — подтвердил Лопоухий. — Это слово я и искал.

— Вовсе я не напыщен, — возразил Уоррен.

— Нет, тебя только тревожит эта история со свалкой. У меня в заначке есть бутылочка. Хочешь немного выпить?

Уоррен отмахнулся от соблазна.

— В один прекрасный день я выведу тебя на чистую воду и разжалую. Где ты прячешь свое пойло, понятия не имею, но в каждом рейсе...

— Усмири свой паршивый характер, Айра! Не выходи из себя...

— В каждом рейсе ты ухитряешься протащить на борт столько спиртного, что раздражаешь людей своим красным носом до последнего дня полета.

— Это личный багаж, — стоял на своем Лопоухий. — Каждому члену экипажа дозволено взять с собой определенное количество багажа. А я больше почти ничего не беру. Только выпивку на дорогу.

— В один прекрасный день, — продолжал Уоррен, свирепея, — я спишу тебя с корабля в никуда, за пять световых лет от чего угодно.

Угроза была давней-предавней, и Лопоухий ничуть не испугался.

— Твои тревоги, — заявил он, — не доведут тебя до добра.

— Но разведчики не справились со своей задачей. Ты что, не понимаешь, что это значит? Впервые за столетие с лишним планетной разведки мы нашли очевидное доказательство, что некая иная раса, кроме землян, также овладела космическими полетами. И не

узнали об этой расе ничего. А обязаны были узнать. С таким-то количеством добра на свалке мы к нынешнему дню должны бы книгу о них написать.

Лопоухий презрительно сплюнул.

— Ты имеешь в виду — не мы бы должны, а они, твои хваленые ученые.

Слово «ученые» он произнес так, что оно прозвучало ругательством.

— Они толковые ребята, — заявил Уоррен. — Лучшие из всех, каких можно было найти.

— Помнишь прежние денечки, Айра? — спросил Лопоухий. — Когда ты был младшим лейтенантом и наведывался ко мне, и мы пропускали вместе по маленькой...

— Какое это имеет отношение к делу?

— Вот тогда с нами летали настоящие ребята. Брели дубинку, отлавливали пару-тройку туземцев, быстренько вразумляли их и за полдня выясняли больше, чем эти ученые со всей их мерихлюндией способны выяснить за целую вечность.

— Тут немного другая картина, — сказал Уоррен. — Тут же нет никаких туземцев...

По правде говоря, на этой конкретной планете вообще почти ничего не было. Эта планета была заурадной в самом точном смысле слова и не смогла бы набраться незаурадности даже за миллиард лет. А разведка, само собой, не проявляла особого интереса к планетам, у которых нет шансов набраться незаурадности даже за миллиард лет.

Поверхность ее представляла собой по преимуществу скальные обнажения, чередующиеся с беспорядочными нагромождениями валунов. В последние полмиллиона лет или что-нибудь вроде того здесь появились первичные растения, появились и неплохо прижились. Мхи и лишайники заползли в расщелины и поднялись по скалам, но, кроме них, другой жизни здесь, по-видимому, не возникало. Хотя, положив руку на сердце, даже в этом не было полной уверенности, поскольку обследование планеты как таковой никто не занимался. Ее не подвергали ни тщательному общему осмотру, ни детальной проверке на формы жизни: слишком уж всех заинтересовала свалка.

Они и садиться-то не собирались, а просто вышли на круговую орбиту и вели рутинные наблюдения, заносая полученные рутинные данные в полетный дневник. Но тут кто-то из дежурных у телескопа заметил свалку, и с этой минуты их всех затянуло в неразрешимую, доводящую до бешенства головоломку.

Свалку сразу прозвали свалкой, и это было точное имя. По всей ее площади были разбросано — что? Вероятно, части какого-то двигателя, однако по большому счету нельзя было поручиться даже за это. Поллард, инженер-механик, лишился сна и покоя, пытаясь сообразить, как собрать хотя бы несколько частей воедино. В конце концов ему удалось каким-то образом соединить три детали, но и сложенные вместе, они не имели никакого смысла. Тогда он решил разъединить детали сызнова, чтобы понять по меньшей мере, как они соединяются. И не сумел их разделить. С этой секунды Поллард практически рехнулся.

Части двигателя — если это был двигатель — были разбросаны по всей свалке, словно кто-то вышвырнул или что-то вышвырнуло их в спешке, нисколько не заботясь, как и куда они упадут. Но в сторонке аккуратным штабелем было сложено другое имущество, и самый поверхностный взгляд приводил к выводу, что это припасы. Тут была какая-то, по всей видимости, пища, хоть и довольно странная пища (если вообще пища). Были пластиковые бутылочки диковинной формы, наполненные ядовитой жидкостью. Были предметы из ткани, вполне возможно, представляющие собой одежду, и трудно было не содрогнуться, соображая, что за существа могли бы носить одежду такого рода. Были металлические прутья, скрепленные в пучки при помощи каких-то гравитационных сил вместо проволоки, к какой в подобном случае прибегли бы люди. И было множество другого добра, для которого не находилось никакого определения.

— Им бы давно следовало найти ответ, — продолжал Уоррен. — Они раскалывали орешки покрепче этого. За месяц, что мы торчим здесь, им бы следовало не только собрать двигатель, но и запустить его.

— Если это двигатель, — уточнил Лопухий.

— А что еще это может быть?

— Ты мало-помалу начинаешь хрюкать, как твои ученые. Напоролся на что-то, чего не можешь объяснить, и выдвигаешь самую правдоподобную с виду версию, а если кто-нибудь посмеет усомниться в ней, спрашиваешь сердито: что еще это может быть? Такой вопрос, Айра, — это не доказательство.

— Ты прав, Лопоухий, — согласился Уоррен. — Конечно, это не доказательство. Оттого-то мне и тревожно. Мы не сомневаемся, что там на свалке космический двигатель, а доказательств у нас нет.

— Ну кому придет в голову, — спросил Лопоухий вспыльчиво, — посадить корабль, выдрать из него двигатель и вышвырнуть прочь? Если б они учудили такое, корабль сидел бы здесь по сей день.

— Но если двигатель — не ответ, — ответил Уоррен вопросом на вопрос, — тогда что же там навалено?

— Понятия не имею. Меня это даже не занимает. Пусть об этом тревожатся другие. — Он поднялся и направился к двери. — У меня по-прежнему есть для тебя бутылочка, Айра...

— Нет, спасибо, — отказался Уоррен.

И остался сидеть, прислушиваясь, как Лопоухий топоча спускается вниз по трапу.

2

Кеннет Спенсер, специалист по инопланетным психологиям, явился в каюту, уселся в кресло напротив Уоррена и объявил:

— Мы, наконец, поставили точку.

— Какая там точка! — откликнулся Уоррен. — По существу вы даже и не начали...

— Мы сделали все, что в наших силах. — Уоррен не стал перебивать, только хмыкнул. — Мы провели все положенные исследования, анализов хватит на целый том. Подготовили полный набор фотоснимков плюс диаграммы и словесные описания...

— Тогда скажите мне, что значит весь этот хлам.

— Это двигатель космического корабля.

— Если это двигатель, — заявил Уоррен, — тогда давайте его запустим. Разберемся, как он работает. А главное, попробуем понять, что за разумные существа построили именно такой двигатель, а не какой-то другой.

— Мы пытались, — ответил Спенсер. — Каждый из нас трудился, не жалея сил. Конечно, у части экипажа нет соответствующей подготовки и знаний, но от работы никто не отлынивал, а помогал другим, у кого такая подготовка есть.

— Знаю, что вы пыхтели не покладая рук.

И ведь правда, они не жалели себя, урывая считанные часы на сон, перекусывая на ходу.

— Мы столкнулись с инопланетным механизмом, — промямлил Спенсер.

— Ну и что? Мы и раньше сталкивались с инопланетными идеями, — напомнил Уоррен. — С инопланетной экономикой, инопланетными верованиями, инопланетной психологией...

— Тут большая разница.

— Не такая уж и большая. Взять хотя бы Полларда. В данной ситуации он ключевая фигура. Разве вы не ждали от Полларда, что он сумеет разгадать загадку?

— Если ее можно разгадать, тогда, конечно, Полларду и карты в руки. У него хватает и знаний, и опыта, и воображения.

— Вы полагаете, надо улетать? — внезапно спросил Уоррен. — Вы явились ко мне затем, чтобы сказать это напрямик? Пришли к выводу, что сидеть здесь дольше ни к чему?

— Вроде того, — согласился Спенсер.

— Хорошо, — произнес Уоррен. — Если таково ваше мнение, верю вам на слово. Взлетаем сразу после ужина. Остается сказать Лопухому, чтоб подготовил банкет. Своего рода торжественный вечер в честь наших выдающихся достижений.

— Не сыпьте соль на раны, — взмолился Спенсер. — Гордиться нам действительно нечем.

Уоррен с усилием поднялся с кресла.

— Спускаюсь к Маку и скажу, чтоб подготовил машины к старту. По пути загляну к Лопухому и предупреджу насчет ужина.

Спенсер остановил его:

— Я встревожен, капитан.

— Я тоже. А что именно вас тревожит?

— Кто они были, эти существа, эти люди с другого корабля? Вы же понимаете, мы впервые, в самый первый раз встретили достоверное свидетельство, что ка-

кая-то иная раса достигла стадии космических полетов. И что с ними здесь случилось?

— Испугались?

— Да. А вы?

— Еще нет, — ответил Уоррен. — Но, наверное, испугаюсь, когда у меня будет время хорошенько над этим подумать.

И отправился вниз по трапу сообщить Маку о подготовке к вылету.

3

Мака капитан нашел в его клетушке. Инженер сосал свою почерневшую трубку и читал захватанную библию.

— Хорошая новость, — сказал Уоррен с порога.

Мак отложил книгу и снял очки.

— Есть одна-единственная вещь, которую вы можете мне сообщить и которую я восприму как действительно хорошую новость.

— Она и есть. Готовьте двигатели. Мы скоро стартуем.

— Когда, сэр? Совсем скоро не получится.

— Часа через два примерно. Успеем поесть и разойтись по каютам. Я дам команду.

Инженер сложил очки и засунул их в карман. Потом выбил трубку в ладонь, выкинул пепел и опять стиснул погасшую трубку в зубах.

— Мне всегда было не по себе на этой планете, — признался он.

— Вам не по себе на любой планете.

— Мне не нравятся башни.

— Вы сошли с ума, Мак. Тут же нет никаких башен.

— Нет, есть. Я ходил с ребятами по окрестностям, и мы обнаружили кучку башен.

— Может, скальные образования?

— Нет, башни, — упрямо повторил инженер.

— Но если вы обнаружили башни, — возмутился Уоррен, — то почему не доложили?

— Чтоб ученые ищейки развели вокруг них тарарам и мы застряли здесь еще на месяц?

— А, все равно, — сказал Уоррен. — Вероятнее всего, это вовсе не башни. Кто стал бы гнуть спину, возводя башни на этой занюханной планетке? Чего ради?

— У них жуткий вид, — сообщил Мак. — Зловещий — самое точное слово. От них пахнет смертью.

— Это в вас кельтская кровь говорит. В душе вы по-прежнему суеверный кельт — скачете по мирам сквозь пространство, а втайне до сих пор верите в призраков и баньши. Средневековый ум, просочившийся в век науки.

— От этих башен, — заявил Мак, — по спине мурашки бегают.

Капитан и инженер довольно долго стояли друг против друга. Потом Уоррен, протянув руку, легонько похлопал Мака по плечу.

— Я никому про них не скажу, — пообещал он. — Давайте раскрывайте свои машины.

4

Уоррен молча сидел во главе стола, прислушиваясь к разговорам команды.

— Они затеяли здесь аварийный ремонт, — заявил физик Клайн. — Развинтили кое-что по винтикам, а затем по той ли, по другой ли причине собрали двигатель заново, но часть снятых деталей ставить обратно не стали. По каким-то причинам им пришлось реконструировать двигатель, и они сделали его проще, чем прежний. Вернулись к основным принципам, отбросив все излишества, всякую там автоматику и технические безделушки, но при этом новый двигатель у них получился больше по размерам, менее компактным, более громоздким, чем тот, на котором они прилетели. Потому-то им пришлось оставить здесь еще и часть припасов.

— Однако, — задал вопрос химик Дайер, — если они вели такой сложный ремонт, то каким образом? Где они взяли материалы?

Бриггс, специалист по металлургии, откликнулся:

— Тут полно рудных месторождений. Если бы не так далеко от Земли, планета могла бы стать золотой жилой.

— Мы не видели следов рудных разработок, — возразил Дайер. — Ни шахт, ни плавильных печей, ни устройств для обогащения металла и его обработки.

— Мы же их и не искали, — указал Клайн. — Инопланетяне могли себе спокойно добывать руду в двух-трех милях отсюда, а мы и не догадываемся об этом.

— Беда наша во всем этом предприятии, — вмешался Спенсер, — что мы все время выдвигаем предположения, а потом принимаем их за установленные факты. Если они занимались здесь обработкой металлов, было бы важно узнать это поточнее.

— А зачем? Какая нам разница? — спросил Клайн. — Мы знаем главное — здесь приземлился космический корабль в аварийной ситуации, но экипаж в конце концов сумел починить двигатели и благополучно взлетел...

Старый доктор Спирс, сидевший в конце стола, грохнул вилок по тарелке.

— Да не знаете вы толком ничего, — воскликнул он, — даже того, был ли это космический корабль или что-то иное! Слушаю ваш кошачий концерт которую неделю подряд и должен сказать прямо: за всю свою долгую жизнь не видывал такой несусветной суеты при таких ничтожных результатах...

Вид у всех собравшихся за столом был довольно ошарашенный. Старый док обычно вел себя тихо и почти не обращал внимания на то, что творится вокруг: знай себе каждодневно ковылял по кораблю, врачую мелкие болячки — кому придавило палец, у кого воспалилось горло... Каждый в экипаже нет-нет да и задавался не совсем приятным вопросом: а справится ли старый док, если грянет настоящая беда и понадобится, например, провести серьезную операцию? Доку не слишком доверяли профессионально, что не мешало относиться к нему с симпатией. Очень может быть, симпатия эта зиждилась на том, что док предпочитал не вмешиваться в чужие дела.

И вот надо же — вмешался, да как агрессивно!

Ланг, специалист по системам связи, высказался:

— Мы нашли царапины, док, помните? Царапины на скале. Как раз такие, какие может оставить космический корабль при посадке.

— Вот-вот, — насмешливо повторил док, — может оставить, а может и не оставить. Может, корабль, а может, не корабль...

— Корабль, что ж еще!..

Старый док фыркнул и вернулся к еде, орудуя ножом и вилок с видом полностью безучастным — го-

лова опущена к тарелке, салфетка под подбородком. Все на борту давно заметили, что ест он неопрятно.

— У меня такое чувство, — продолжил Спенсер, — что мы позволили себе сбиться с правильного пути, предположив здесь всего-навсего аварийный ремонт. По количеству частей, выброшенных на свалку, я ска- зал бы, что они столкнулись с необходимостью рекон- струировать двигатель полностью и, начав с самых азов, построить совершенно новый движок, лишь бы вы- браться отсюда. У меня такое чувство, что эти выбро- шенные части составляют единое целое и что знай мы как, мы могли бы собрать их вместе и получить двига- тель в первоизданном виде.

— Я и пытался это сделать, — вставил Поллард.

— Идея полной реконструкции двигателя тоже не проходит, — заявил Клайн. — Это значило бы, что новый двигатель оказался не похожим на прежний в принципе, не похожим настолько, что прежний при- шлось послать ко всем чертям до последнего винтика. Разумеется, подобная теория объясняет, отчего тут на- бросана прорва всяких частей, но такого просто не может быть. Никто не станет реконструировать двига- тель на новых принципах, оказавшись в беде на безжиз- ненной планете. Каждый предпочтет придерживаться того, что знает, к чему привык.

— Ну и кроме того, — добавил Дайер, — если при- нять идею полной реконструкции, это вновь возвращает нас к проблеме материалов.

— И инструментов, — подхватил Ланг. — Откуда они взяли бы инструменты?

— У них на борту могла быть ремонтная мастер- ская, — возразил Спенсер.

— Для проведения мелких ремонтных работ, — уточнил Ланг. — И уж, во всяком случае, без тяжелых станков, нужных для постройки совершенно нового двигателя.

— Но больше всего меня беспокоит то, — сказал Поллард, — что мы не способны ни в чем разобраться. Я пытался подогнать части друг к другу, понять, как они связаны между собой, — должны же они быть как-то связаны, иначе это просто бессмыслица. Мучился я, мучился и в конце концов ухитрился приладить друг к другу три детали, но дальше дело так и не двинулось. И три детали вместе тоже не сказали мне ничего. Ну ни

малейшего проблеска! Даже сложив три штуковины вместе, я понял не больше, не приблизился к пониманию ни на йоту ближе, чем пока они валялись порознь. А когда я попробовал снова их разъединить, то у меня даже это не получилось. Ну как по-вашему, если человек сумел собрать какую-то вещь, то уж разобрать ее он должен бы суметь и подавно, не так ли?

— Не удручайтесь, — попытался утешить Полларда Спенсер. — Корабль был инопланетным, его строили инопланетяне по инопланетным чертежам.

— Все равно, — не унимался Поллард, — должны быть некие общие принципы, которые следовало бы опознать. Хоть в каком-то отношении их движок должен бы иметь нечто общее с теми, что разработаны на основе земной механики. Что такое двигатель? Механизм, способный преобразовать энергию, взять ее под контроль, заставить приносить пользу. Цель двигателя остается одной и той же, какая бы раса его ни создала.

— А металл! — воскликнул Бриггс. — Неизвестный сплав, абсолютно не похожий ни на что, с чем мы когда-либо сталкивались. Компоненты сплава можно установить без особого труда, но его формула, как положишь ее на бумагу, выглядит как полный кошмар. Она просто несостоятельна. То есть несостоятельна по земным стандартам. В сочетании металлов есть какой-то секрет, который я не могу раскрыть даже предположительно.

Старый док вновь подал голос со своего конца стола:

— Вас следует поздравить, мистер Бриггс, с хорошо развитой склонностью к самокритике.

— Прекратите, док, — резко приказал Уоррен, заговорив впервые с начала ужина.

— Будь по-вашему, — ответил док. — Если вы настаиваете, Айра, я прекращу...

5

Стоя возле корабля, Уоррен окинул планету взглядом. Вечер догорал, переходя в ночь, и свалка казалась всего лишь нелепым пятном более глубокой тени на склоне близлежащего холма.

Когда-то — и не так уж давно — здесь, совсем неподалеку от них, приземлился другой корабль. Другой корабль, детище другой расы.

И с этим другим кораблем что-то приключилось. Разведчики из его собственного экипажа пытались разнюхать, что именно, но все их попытки потерпели провал.

Он ощущал уверенность, что это был не обыкновенный ремонт. Что бы ни толковали все остальные, это было что-то много более серьезное, чем обыкновенный ремонт. Корабль попал в ситуацию критическую, чрезвычайную и к тому же связанную с непонятной спешкой. Они так торопились, что бросили здесь часть своих припасов. Ни один командир, человек он или нет, не согласится бросить припасы, разве что на карту поставлена жизнь или смерть.

В гряде припасов была, по-видимому, пища, — по крайней мере, Дайер утверждал, что это пища, хоть она никак не выглядела съедобной. И были бутылочки вроде пластиковых, наполненные ядом, который для инопланетян был, может стать, — почему бы и нет? — эквивалентом виски. Какой же человек, спросил себя Уоррен, бросит еду и виски, кроме как в случае страшной опасности?

Он медленно побрел по тропе, которую они успели пробить от корабельного шлюза к свалке, и вдруг поразился тишине, глубокой, как в чудовищной неподвижности самого космоса. На этой планете не было источников звука. Здесь не было ничего живого, кроме мхов, лишайников и других первичных растений, цепляющихся за скалы. Со временем здесь, конечно, появится иная жизнь, поскольку здесь есть воздух, вода и главные составляющие будущей плодородной почвы. Дайте срок, допустим, миллиард лет, и здесь разовьется система живых организмов, не менее сложная, чем на Земле.

Но миллиард лет, подумалось Уоррену, это все-таки долговато.

Он добрался до свалки и двинулся по знакомому маршруту, огибая крупные узлы и машины, разбросанные вокруг. Но как он ни берегся, а раз-другой все же споткнулся о какую-то мелочевку, которую было не разглядеть в темноте.

Споткнувшись вторично, он наклонился и поднял штуковину, которая подставила ему ножку. Как он и

догадывался, это оказался какой-то инструмент, брошенный инопланетянами при бегстве. Он как будто видел их, бросающих инструменты и ударающих во всю прыть, — но картина получалась нечеткой. При всем желании он не мог решить, на что эти инопланетяне смахивали и от чего ударили.

Он подкинул инструмент разок-другой, взвесил на руке. Инструмент был легким и удобным и несомненно имел какое-то применение, но какое — Уоррен не знал, не знал и никто в экипаже. Что за конечность сжимала этот инструмент — рука или щупальце, клешня или лапа? Что за мозг управлял рукой или щупальцем, клешней или лапой, сжимавшими этот инструмент и применявшими его для какой-то разумной цели?

Откинув голову назад, он посмотрел на звезды, сверкающие над планетой. Нет, это были совсем не те звезды, что знакомы с мальчишеских лет.

Мы далеко, подумал он. Как же мы далеко! Так далеко не забирался еще никто из людей...

Неожиданный звук заставил его дернуться и обернуться. Кто-то бежал по тропе сломя голову и неистово топоча.

— Уоррен! — раздался крик. — Уоррен, где вы?

В голосе слышался неподдельный испуг, больше того — нотки безумной паники, какие можно подчас услышать в визге перепуганного ребенка.

— Уоррен!..

— Да здесь я, здесь. Иду, уже иду!

Он стремительно зашагал навстречу человеку, топочущему в темноте. Бегущий мог бы проскочить мимо, не протяни Уоррен руку и не схвати за плечо, вынуждая остановиться.

— Уоррен, это вы?

— Что с вами, Мак?

— Я не могу... Не могу... Не...

— Что стряслось? Да говорите же! Чего вы не можете?

Инженер, в свою очередь, вытянул руки, неловко схватил капитана за лацканы сюртука и повис на нем, словно утопающий на спасателе.

— Ну давайте, выкладывайте, — поторопил Уоррен, подхлестываемый нарастающей тревогой.

— Я не могу запустить двигатели, сэр.

— Не можете — что?..

— Не могу запустить их, сэр. И никто из моих ребят. Никто из нас не может их запустить, сэр.

— Двигатели! — повторил Уоррен, чувствуя, как душу стремительно охватывает ужас. — Что случилось с двигателями?

— С двигателями ничего не случилось. Это с нами что-то случилось, сэр. Мы не можем их запустить.

— Возьмите себя в руки, любезный. Ближе к делу. Почему не можете?

— Мы не помним, как это делается. Мы забыли, как они запускаются!

6

Уоррен включил свет над столом и, выпрямившись, стал шарить глазами по полкам в поисках нужной книги.

— Она где-то здесь, Мак, — произнес он. — Знаю, она была где-то здесь...

Наконец, он нашел ее и, сняв с полки, раскрыл под лампой. Не мешкая перелистал страницы. За своей спиной он слышал напряженное, почти жесткое от ужаса дыхание инженера.

— Все в порядке, Мак. Тут в книжке все изложено.

Листая пособие, он вначале забежал слишком далеко, и пришлось вернуться на пару страниц. Нашел нужное место и, расластав книгу, пристроил ее под лампой поудобнее.

— Ну вот, — произнес он, — сейчас мы с этими движками сладим. Вот здесь сказано...

Он попытался прочесть — и не смог.

Он понимал слова и даже символы, но слова, составленные вместе, сразу же утрачивали смысл, а сумма символов будто не имела смысла и вовсе. Он покрылся потом, пот бежал по лбу и собирался в бровях, стекал от подмышек и ручейками струился по ребрам.

— Что с вами, шеф? — осведомился Мак. — Теперь-то в чем дело?

Уоррен ощутил, что тело жаждет задрожать, каждый нерв жаждет затрепетать — и ни с места. Он просто окаменел.

— Это инструкция по двигателям, — сообщил он спокойно и тихо. — Она рассказывает все о двигателях — как они действуют, как находить неисправности и устранять их...

— Тогда у нас нет проблем, — выдохнул Мак с огромным и явным облегчением.

— Нет, есть, Мак. Я забыл значение символов и почти не могу понять терминологию.

— Вы — что?..

— Я не могу прочесть инструкцию, — признался Уоррен.

7

— Но такого не может быть! — возмутился Спенсер.

— Не только может, — ответил Уоррен, — но и произошло. Есть здесь хоть кто-нибудь, кто способен прочесть инструкцию? — Никто не откликнулся. — Если кто-нибудь может ее прочесть, — повторил он, — пусть выйдет вперед и покажет нам, как это делается!

Клайн тихо произнес:

— Нет, никто не может.

— И тем не менее, — провозгласил Уоррен, — всего час назад любой из вас — поймите, любой! — наверняка, прозакладывал бы свою душу, что не только сумеет при необходимости запустить двигатели самостоятельно, но, если понадобится, сумеет взять инструкцию и выяснить, как это делается.

— Вы правы, — согласился Клайн. — Мы прозакладывали бы что уютно. Час назад это показалось бы нам верным, беспроегрышным пари.

— Такие дела, — сказал Уоррен. — Можете ли вы определить, как давно вы потеряли способность прочесть инструкцию?

— Разумеется, не можем, — вынужденно признал Клайн.

— Это еще не все. Вы не сумели разобраться со свалкой. Построили догадку и заменили догадкой ответ, но по сути так и не нашли его. А должны были бы найти. И сами прекрасно это знаете...

Клайн поднялся на ноги.

— Послушайте, однако, Уоррен...

— Сядь-ка лучше, Джон, — предложил Спенсер. — Уоррен ушучил нас намертво. Мы не нашли ответа и знаем сами, что не нашли. Мы пришли к догадке и подставили догадку на место ответа, которого не нашли.

Уоррен прав и в том, что мы обязаны были найти ответ. Ответ, а не догадку.

При любых других обстоятельствах, подумал Уоррен, они бы возненавидели его за неприкрытую правду — при любых других, но не сейчас. Они молчали, и он зримо чувствовал, как в душу каждого помаленьку просачивается осознание истины. Первым заговорил Дайер:

— По-вашему, мы не справились, оттого что забыли — в точности так же, как Мак забыл про двигатели?

— Вы утратили некоторые навыки, — ответил Уоррен, — некоторые навыки и знания. Вы работали так же честно, как всегда. Вы выполнили все предписанные процедуры. Но вы не нашли в себе прежних навыков и знаний, только и всего.

— Что же теперь? — осведомился Ланг.

— Понятия не имею.

— Вот что случилось с тем другим кораблем! — воскликнул Бриггс многозначительно.

— Может, и так, — отозвался Уоррен не столь уверенно.

— Однако они все-таки улетели! — напомнил Клайн.

— Мы тоже улетим, — заверил Уоррен. — Так или иначе, но улетим.

8

Очевидно, экипаж того инопланетного корабля тоже все забыл. И тем не менее они улетели, — значит, каким-то образом вспомнили, заставили себя вспомнить. Но если все сводилось к тому, чтобы просто вспомнить, зачем им понадобилось реконструировать двигатель? Легче было бы использовать прежний...

Уоррен, лежа на койке, пылился в темноту. Ему было известно, что в каких-то жалких двух футах над головой — стальная переборка, но ее было не разглядеть. И ему было понятно, что существует способ запустить двигатели, совсем простой способ, если знать его или вспомнить, но способа такого он тоже не видел.

Люди попадают в неприятности, набираются знаний, познают сильные чувства — а потом, с течением времени, забывают и неприятности, и знания, и чувства. Жизнь, по существу, непрерывная цепь забвения. Воспоминания стираются, знания тускнеют, навыки теря-

ются, однако требуется время, чтобы все это стерлось, потускнело и потерялось. Не бывает так, чтоб сегодня знать что-то назубок, а завтра забыть.

Но здесь, на этой безжизненной планетке, процесс забвения каким-то немыслимым образом резко ускорился. На Земле нужны годы, чтобы забыть крупную неприятность или утратить прочный навык. А здесь это происходит за одну ночь...

Он попытался заснуть и не сумел. В конце концов он встал, оделся, сошел по трапу и, миновав шлюз, вышел в инопланетную ночь.

Тихий голос спросил:

— Это ты, Айра?

— Я, Лопоухий, я самый. Мне не спится. Тревожно мне что-то.

— Тебе всегда тревожно, — ответил Лопоухий. — Это у тебя профессиональная идео... идеосин...

— Идиосинкразия?

— Она и есть, — согласился Лопоухий, легонько икнув. — Ты угадал слово, которое я искал. Твои тревоги — профессиональная болезнь.

— Мы в ловушке, Лопоухий.

— Бывали планеты, — сообщил Лопоухий, — где я не возражал бы застрять надолго, но эта не из их числа. Эта, если по совести, — охвостье творения.

Они стояли рядом во тьме, и над головами у них сияла россыпь чуждых звезд, а перед ними до смутного горизонта расстилалась безмолвная планета.

— Тут что-то не то, — продолжал Лопоухий. — Что-то носится в воздухе. Твои ученые лбы заявляют, что тут нет ничего, потому что не видят ни черта в свои приборы и в книжках у них говорится, что, если на планете только скалы и мхи, другой жизни не ищи. Но я-то на своем веку навидался всяких планет. Я-то лазал по планетам, когда они были еще в пленках. И мой нос может сказать мне о планете больше, чем все ученые мозги, если даже смешать их в кучу и переболтать, что, между прочим, совсем не плохая идея...

— Наверное, ты прав, — нехотя сознался Уоррен. — Я сам это чувствую. А ведь раньше не чувствовал. Наверное, мы перепуганы до смерти, если начали понимать то, чего раньше не чувствовали.

— А я чувствовал даже раньше, чем перепугался.

— Надо было осмотреться здесь хорошенько. Вот где наша ошибка. Но на свалке было столько работы, что об этом и не подумали.

— Мак прогулялся немного, — сказал Лопоухий. — И говорит, что нашел какие-то башни.

— Мне он тоже о них говорил.

— Он совсем позеленел от страха, когда рассказывал мне про башни.

— Да, он говорил, что они ему не понравились.

— Если б тут было куда бежать, Мак уже улепетнул бы во все лопатки.

— Утром, — решил Уоррен, — мы первым делом пойдем и осмотрим эти башни как следует

9

Это действительно были башни, вернее, башенки. Их было восемь, и они стояли в ряд, как сторожевые вышки, — словно кто-то когда-то опоясал такими вышками всю планету, но затем передумал, и все остальные снесли, а эти восемь почему-то оставили.

Они были сложены из необработанного природного камня, сложены грубо, без строительного раствора, лишь кое-где на стыках камни для прочности скреплялись каменными же клиньями или пластинами. Такие башенки могло бы соорудить первобытное племя, и вид у них был весьма древний. У основания башенки достигали примерно шести футов в поперечнике, а кверху слегка сужались. Каждая башенка была накрыта плоской каменной плитой, а чтобы плита не соскользнула, на нее еще взгромодили крупный валун.

Уоррен обратился к археологу Эллису:

— Это по вашей части. Действуйте...

Вместо ответа маленький археолог обошел ближайшую башенку, потом подошел к ней вплотную и внимательно осмотрел. Потом протянул руки, и со стороны это выглядело так, будто он намеревался потрясти башенку, только она не поддавалась.

— Прочная, — сообщил он. — Построена на совесть и давно.

— Культура типа Ф, пожалуй, — высказался Спенсер.

— Может быть, и того меньше. Обратите внимание — никаких попыток украсить кладку, простая утилитарность. Но работа искусная.

— Главное, — вмешался Клайн, — установить цель сооружения. Для чего их тут поставили?

— Какие-нибудь складские помещения, — предположил Спенсер.

— Или просто ориентиры, — возразил Ланг. — Заявочные столбы, а может, меты на месте, где предполагалось что-то оставить.

— Цель установить нетрудно, — заявил Уоррен. — Вот уж о чем можно не гадать и не спорить. Всего-то надо скинуть сверху валун, приподнять крышку да заглянуть вовнутрь.

Он решительно шагнул к башенке и стал взбираться по ней. Подъем оказался не слишком труден — в камнях были выбоины, которые могли послужить захватами для рук и опорами для ног. Через минуту он был наверху.

— Эй, берегись! — крикнул он, налегая на валун.

Валун покачнулся и не спеша опустился обратно на прежнее место. Уоррен уперся понадежнее и приналег снова. На этот раз валун перевернулся, тяжело рухнул вниз и с грохотом покатился по склону, набирая скорость. По пути валун ударялся о другие валуны, менял курс, а то даже, подброшенный инерцией, ненадолго взлетал в воздух.

— Киньте мне сюда веревку, — попросил Уоррен. — Я привяжу ее к верхней плите, и мы вместе ее стянем.

— У нас нет веревки, — отозвался Клайн.

— Тогда пусть кто-нибудь сбегает на корабль и притащит. Я побуду здесь до его возвращения.

Бриггс потопал в сторону корабля. Уоррен выпрямился. С башенки открывался прекрасный вид на окрестности, и он принялся, медленно поворачиваясь, изучать их.

Где-нибудь неподалеку, мелькнула мысль, люди — ну пусть не люди, но те, кто строил башни, — должны были обустроить себе жилье. На расстоянии не больше мили отсюда некогда было поселение. Ибо на возведение башен требовалось немалое время, а следовательно, их строители должны были где-то хотя бы временно разместиться. Но разглядеть ничего не удавалось — только нагромождения камней, обширные скальные об-

нажения да наброшенные на них коврики первичных растений.

Во имя чего они жили? Зачем они были на этой планете? Что могло их здесь привлечь? Почему не улетели сразу, что их удержало?

И вдруг он замер, не в силах поверить своим глазам. Очень тщательно проконтролировал впечатление, ощущая взглядом линии, убеждаясь, что не сбит с толку игрой света на какой-нибудь куче камней. «Ну быть того не может!» — восклицал он про себя. Три раза такого не происходит. Он впал в заблуждение...

Уоррен глубоко вдохнул и задержал выдох, выжидая, что иллюзия рассеется. Она не рассеялась. Эта штука торчала там по-прежнему.

— Спенсер! — позвал он. — Спенсер, будьте добры, поднимитесь сюда.

А сам не сводил глаз с того, что увидел. Заслышав, как Спенсер шумно карабкается по башенке, подал ему руку и помог взобраться на плиту-покрышку.

— Посмотрите, — предложил Уоррен, указав точное направление. — Что там такое?

— Корабль! — заорал Спенсер. — Там еще один корабль!..

Корабль был стар, невероятно стар. Он весь порывел от ржавчины — довольно было провести рукой по металлическому борту, и ржавые хлопья осыпались на камень дождем, а ладонь покрывалась красными полосами.

Внешний воздушный шлюз был некогда закрыт, но кто-то или что-то пробил или пробило его насквозь, не утруждая себя отмыканием замков: края люка были по-прежнему притерты к корпусу, однако сквозь рваную дыру можно было свободно заглянуть в корабельное нутро. И на многие ярды вокруг шлюза скальный грунт стал кирпичным от разбросанной взрывом ржавчины.

Люди протиснулись в дыру. Внутри корабль блестел и сверкал, ржавчины не было и в помине, хотя все предметы покрывала толстая пыль. На полу в пыли была протоптана тропа, а по бокам ее там и сям виднелись разрозненные следы: видно, владельцы следов время от

времени отступали с тропы в сторону. Следы были инопланетные — мощная пята и три широко расставленных пальца, ни дать ни взять следы каких-то очень крупных птиц или давным-давно вымерших динозавров.

Тропа вела в глубь корабля, в машинный зал, и там посреди зала оставалась лишь пустая станина — двигателя не было.

— Вот как они выбрались отсюда! — догадался Уоррен. — Те, что вышвырнули свой собственный движок на свалку. Сняли двигатель с этого корабля, переставили на свой и улетели.

— Но они же ни черта не смыслили... — попытался перечить Клайн.

— Очевидно, разобрались, — отрезал Уоррен.

Спенсер согласился:

— Да, должно быть, так и произошло. Этот корабль стоит здесь с незапамятных времен — видно по ржавчине. И он был закрыт, герметически запечатан — ведь внутри ржавчины нет. Дыру в шлюзе проделали сравнительно недавно, тогда же и сняли двигатель...

— Но зачем? — не утерпел Клайн. — Зачем им это понадобилось?

— Потому что, — ответил Спенсер, — они забыли, как запустить свой собственный двигатель.

— Но если они забыли устройство своего двигателя, как же они сумели совладать с чужим?

— Тут он вас всех уел, — заявил Дайер. — На такой вопрос вам не ответить.

— Ваша правда, — пожал плечами Уоррен. — А хотелось бы найти ответ — тогда бы мы знали, что делать нам самим.

— Как по-вашему, — спросил Спенсер, — давно этот корабль здесь приземлился? Сколько времени требуется, чтобы корпус покрыла ржавчина?

— Трудно сказать, — отозвался Клайн. — Зависит от того, какой они использовали металл. Можно ручаться за одно — корпус любого космического корабля, кто бы его ни строил, делается из самого прочного материала, какой известен строителям.

— Тысяча лет? — высказал предположение Уоррен.

— Не знаю, — ответил Клайн. — Может, тысяча лет. А может, и дольше. Видите эту пыль? Это все, что осталось от органических веществ, которые были здесь на корабле. Если существа, прилетевшие сюда когда-то, оставались на корабле, они и до сих пор здесь — в форме пыли.

Уоррен попробовал сосредоточиться и представить себе хронологию событий. Тысячу или несколько тысяч лет назад здесь приземлился космический корабль и не смог улететь. Затем, тысячу или тысячи лет спустя, здесь приземлился другой корабль, и экипаж обнаружил, что улететь тоже не может. Но в конце концов нашел путь к спасению, сняв двигатели с первого корабля и заменив ими те, на которых прилетел. Еще позже, через годы, или через месяцы, а может, всего через несколько дней здесь оказался разведывательный корабль с Земли — и в свою очередь выяснил, что улететь не в состоянии, поскольку специалисты по двигателям не могут вспомнить, как их запустить...

Круто повернувшись, Уоррен вышел из пустого машинного зала, не дожидаясь других, и решительно зашагал обратно по проложенной в пыли тропе к разбитому шлюзу.

И... подле самого шлюза на полу сидел Бриггс. Сидел и неловкими пальцами рисовал в пыли завитушки. Тот самый Бриггс, которого посылали на родной корабль за мотком веревки.

— Бриггс, — резко спросил Уоррен, — что вы здесь делаете?

Бриггс посмотрел на капитана бессмысленно и весело.

— Уходи, — произнес он.

И продолжал рисовать завитушки в пыли.

10

Док Спирс объявил диагноз:

— Бриггс впал в детство. Его мозг чист, как у годовалого ребенка. Правда, он может говорить, что единственно отличает его от несмышленища. Но словарь у него очень ограничен, и вообще то, что он бормочет, по большей части ничего не значит.

— А можно обучить его чему-то сызнова? — поинтересовался Уоррен.

— Не знаю.

— После вас его осматривал Спенсер. Что сказал Спенсер?

— Сорок сороков всякой всячины, — ответил док. — А по сути все, что он сказал, сводится к практически полной потере памяти.

— Что же нам делать?

— Не спускать с него глаз. Следить, чтоб он не причинил себе вреда. Спустя какое-то время можно попробовать повторно обучить его чему-нибудь. А может, он сумеет перенять что-нибудь по своему почину. Главное — понять, что же такое с ним приключилось. Не могу пока сказать с уверенностью, связана ли потеря памяти с повреждением мозга. Вроде повреждений не видно, но утверждать определенно без серьезного диагностического обследования не берусь. А приборов для такого обследования у нас нет.

— Говорите, повреждений не видно?

— Ни единой отметины. Он не ранен. То есть нет никаких физических повреждений. Пострадал только мозг. Может, даже и не мозг, просто исчезла память.

— Амнезия?

— Нет, не амнезия. При амнезии больные находятся в замешательстве. Их преследует мысль, что они чего-то не помнят. В душе у них полная неразбериха. А Бриггс не ощущает никакого замешательства. По-своему он даже счастлив.

— Вы позаботитесь о нем, док? За ним же и впрямь нужен глаз да глаз...

Док невнятно фыркнул, поднялся и вышел. Уоррен крикнул ему вслед:

— Если увидите по дороге Лопоухого, скажите, чтоб зашел ко мне.

Док поплелся вниз по трапу. А Уоррен остался сидеть, тупо уставясь в голую стену перед собой.

Сначала Мак со всей своей машинной командой забыл, как запускается двигатель. Это был первый свисток, первый отчетливый сигнал, что все неладно, но неприятности-то заварились гораздо раньше, чем Мак обнаружил, что забыл азы своего ремесла! Команда разведчиков растеряла свои знания и умения почти с самой посадки. Как иначе объяснить, что они ухитрились так напортачить, разбираясь на свалке? При нормальных обстоятельствах они обязательно извлекли бы из частей инопланетного двигателя и аккуратно сложен-

ных припасов какую-нибудь существенную информацию. И, в общем, они даже сделали кое-какие наблюдения, только не сумели обобщить их. А при нормальных обстоятельствах сумма наблюдений непременно привела бы к незаурядным открытиям.

С трапа донесся звук шагов, но поступь была слишком живой для Лопухого.

Это оказался Спенсер.

Спенсер плюхнулся на стул без приглашения. И сидел, сжимая и разжимая руки, разглядывая их яростно и без слов.

— Ну? — поторопил его Уоррен. — Можете что-то доложить?

— Бриггс залезал в ту первую башенку, — выговорил Спенсер. — Видимо, вернулся с веревкой и обнаружил, что мы ушли. Тогда он влез наверх, обвязал крышку петлей, а потом слез обратно и стянул ее наземь. Там она и лежит, примерно в футе от башенки, и веревочная петля на ней...

Уоррен понимающе кивнул.

— Да, он мог с этим справиться. Крышка не слишком тяжелая. С ней можно было справиться и в одиночку.

— Там, в башенке, что-то есть.

— Вы туда заглядывали?

— После того что случилось с Бриггсом? Конечно, нет. Я даже поставил часового с наказом не подпускать никого. Мы не вправе шутить с этой башенкой, пока хоть немного не разберемся, в чем дело.

— А что там, по-вашему, может быть?

— Не знаю, — ответил Спенсер. — Хоть идея у меня есть. Нам известно, на что эта башенка способна. Способна лишить вас памяти.

— А может, память стирается от испуга? — предположил Уоррен. — Допустим, в башенке что-то такое страшное...

Спенсер отрицательно покачал головой.

— Никаких следов испуга. Бриггс совершенно спокоен. Сидит себе радостный как дитя и играет с собственными пальцами или бормочет бессмыслицу. Но радостную бессмыслицу. Именно как дитя.

— А что, если его бормотание даст нам ключ? Поставьте кого-нибудь, чтобы слушал его все время. Даже если слова сами по себе почти ничего не значат...

— Ничего не получится. Пропала не только память, но и воспоминания о том, что эту память стерло.

— Что вы намерены предпринять?

— Постараться проникнуть в башню. Постараться выяснить, что там скрывается. Должен же быть способ забраться туда и выбраться живым и здоровым.

— Слушайте, — заявил Уоррен, — хватит с нас экспериментов.

— У меня есть интуитивная догадка.

— Никогда раньше не слышал от вас ничего подобного. Вы, господа, не полагаетесь на интуитивные догадки. Вы полагаетесь на установленные факты.

Спенсер поднял руку и ладонью стер выступивший на лбу пот.

— Не понимаю, Уоррен, что со мной стряслось. Сам знаю, что раньше никогда на догадки не полагался. Но теперь ничего не могу с собой поделать, догадки просто прут из меня и занимают место утраченных знаний.

— Так вы соглашаетесь, что знания утрачены?

— Разумеется, да! Вы были правы насчет свалки. Нам следовало бы справиться с делом много лучше.

— А теперь у вас интуитивная догадка...

— Догадка безумная, — сказал Спенсер. — По крайней мере, звучит она совершенно безумно. Наша память, утраченные нами знания должны были куда-то деться. А если нечто, обитающее в башенке, присвоило их? У меня дурацкое чувство, что утраченное можно вернуть, можно отобрать у похитителя назад. — Он взглянул на Уоррена с вызовом. — По-вашему, я рехнулся?

Настала очередь Уоррена покачать головой.

— Да нет, что вы! Просто-напросто хватаетесь за соломинку...

Спенсер тяжело поднялся на ноги.

— Обещаю сделать все, что смогу. Поговорю с другими. Постараемся продумать все до мелочей, прежде чем что-нибудь предпримем.

Как только он ушел, Уоррен вызвал по селектору машинный зал. Из коробочки послышался пронзительный писк и голос Мака.

— Есть успехи, Мак?

— Ни малейших, — ответил инженер. — Сидим и смотрим на движки. Скоро свернем себе головы, сию минуту-нибудь припомнить.

— По-моему, больше вам ничего и не остается.

— Можно бы попробовать потыкать кнопки наугад, но боюсь, если начнем, непременно выведем что-нибудь из строя насовсем.

— Держите руки подальше от кнопок и от чего угодно, — приказал Уоррен, внезапно ощутив острую тревогу. — Даже не прикасайтесь ни к чему. Бог знает, что вы там способны натворить.

— Да нет, мы просто сидим, — заверил Мак, — смотрим на движки и силимся что-нибудь припомнить.

Что за безумие, подумалось Уоррену. Ну конечно, безумие, что же еще? Там внизу люди, натасканные управлять космическими движками, люди, которые спали и жили с ними наедине на протяжении долгих унылых лет. А теперь эти самые люди сидят и смотрят на движки в недоумении, как их запустить.

Уоррен встал из-за стола и тихо спустился по трапу. И нашел кока в его каюте. Лопухий свалился со стула и спал на полу, тяжело дыша. Каюта провоняла алкогольными парами. На столе красовалась бутылка, почти пустая.

Уоррен легонько пнул Лопухого ногой. Тот чуть слышно застонал во сне.

Тогда капитан взял бутылку и посмотрел на свет. Там оставалось на один добрый, долгий хлебок. Он запрокинул бутылку и выпил все до капли, а потом запустил пустой бутылкой в стену. Осколки пластика осыпали голову Лопухого мелким дождем.

Лопухий поднял руку и смахнул осколки, как муху. И продолжал спать с улыбкой на устах: его чувства были удобно притуплены алкоголем и защищены от воспоминаний, которых у него теперь просто не было.

11

Они сызнова накрыли башенку плитой и установили треногу со шкивом. Потом опять стянули плиту вниз, а

треногу использовали для того, чтоб спустить вовнутрь автоматическую камеру и получить снимки.

Да, в башенке что-то было. Они мучительно всматривались в снимки, разложив их на столе в кают-компании, и пытались сообразить, что же это такое. Формой оно напоминало не то арбуз, не то большое яйцо, поставленное на топа: нижний конец яйца был чуть сплюснен, чтобы оно не падало. Снизу доверху яйцо поросло волосиками, и некоторые из них получились на снимках смазанными, словно вибрировали. У нижнего конца яйцо было оплетено какими-то трубками и, видимо, проводами. Впрочем, на провода в обычном понимании они были не очень похожи.

Они провели серию опытов, спустив в башенку измерительные приборы, и установили, что яйцо живое и во многих отношениях напоминает теплокровное животное, хотя можно было ручаться, что жидкие его компоненты не имеют с кровью ничего общего. Яйцо было мягким, не защищенным даже подобием панциря, оно пульсировало и вибрировало, только тип вибрации не поддавался определению. Однако волосики, покрывающие яйцо, шевелились без передышки.

И вновь они втащили плиту-покрышку на место, а треногу со шкивом не тронули. Биолог Говард сказал:

— Оно несомненно живое. Это какой-то организм, но не убежден, что это животное, и только животное. Провода и трубки ведут в его нутро извне и в то же время, могу почти поручиться, являются его частью. А посмотрите на эти — как прикажете их назвать — то ли штифты, то ли панели, как бы предназначенные для подсоединения новых проводов...

— Непостижимо, — заявил Спенсер, — чтобы животное могло срастись с механизмом. Взять, например, человека и его машины. Спору нет, они трудятся совместно, но человек сохраняет свою индивидуальность, а машины, может статься, свою. А ведь во многих случаях было бы выгоднее — если не социально, то по крайней мере экономически, — чтобы человек составлял с машинами единое целое, чтобы они сплавились и стали по существу одним организмом...

— По-моему, — сказал Дайер, — что-то в таком роде здесь и произошло.

— А в других башнях? — осведомился Эллис.

— Они могут быть соединены друг с другом, — предположил Спенсер, — могут быть каким-то образом связаны между собой. Все восемь в принципе могут представлять собой единый комплексный организм.

— Мы же не знаем, что там в других башнях, напомнил Эллис.

— Это можно выяснить, — ответил Говард.

— Нет, нельзя, — возразил Спенсер. — Мы не смеем рисковать. Мы уже шлялись вокруг да около гораздо дольше, чем позволяют простые меры предосторожности. Мак со своей командой решили прогуляться, заметили башни и осмотрели их, понятное дело, походя, а вернулись и забыли, как запустить движки. Мы не вправе слоняться возле башен даже на минуту дольше, чем совершенно необходимо. Уже и сейчас мы, быть может, утратили больше, чем подозреваем.

— Ты думаешь, — смешался Клайн, — что утрата памяти, которой мы, возможно, подверглись, скажется позже? Что мы сами не знаем сейчас, что именно мы утратили, а позже обнаружим, что утратили очень многое?..

Спенсер ответил кивком.

— Именно так и случилось с Маком. Он, как и любой в составе его команды, готов был поклясться, что может запустить двигатели, вплоть до минуты, когда их действительно потребовалось запустить. Любой в машинной команде считал свои навыки разумеющимися само собой, точно так же, как мы считаем само собой разумеющимися свои знания. Пока нам не потребуется какой-то специфический участок знаний, мы и не догадываемся, что утратили их.

— О таком несчастье страшно и подумать, — промолвил Говард.

— Это какая-то система связи, — заявил Ланг.

— Естественно, что вы так думаете. Вы же специалист по системам связи.

— Там провода!

— А зачем тогда трубки? — осведомился Говард.

— У меня есть на этот счет гипотеза, — сообщил Спенсер. — По трубкам доставляется пища.

— Трубки подсоединены к системе снабжения, — добавил Клайн. — Допустим, баки с пищей захоронены под землей.

— А не легче ли предположить, что эта штука питается через корни? — вставил Говард. — Раз мы толкуем о баках с пищей, то вроде бы подразумеваем, что эти штуки завезены с других планет. А они вполне могут быть местного происхождения.

— Но как бы они тогда воздвигли эти башни? — спросил Эллис. — Если б они были местными, им пришлось бы возводить башни вокруг себя. Нет, башни построил кто-то или построило что-то другое. Как фермер строит сарай, чтоб сохранить свой скот. Я бы проголосовал за подземные баки с пищей.

Уоррен подал голос впервые с самого начала совещания.

— Что заставляет вас склониться к идее системы связи?

Ланг пожал плечами.

— Да нет каких-то особых причин. Наверное, дело в проводах и этих самых штифтах-панелях. Все вместе взятое выглядит как устройство связи.

— Пожалуй, это приемлемая идея, — кивнул Спенсер. — Устройство связи, направленное исключительно на прием информации, а не на ее передачу и распространение...

— К чему вы клоните? — резко спросил Ланг. — Какая же это тогда связь?

— Так или иначе, — сказал Спенсер, — что-то украло у нас нашу память. Украло нашу способность управлять движками и столь основательную часть наших знаний, что мы завалили работу на свалке.

— Нет, не может быть! — воскликнул Дайер.

— Почему же не может? — съехидничал Клайн.

— Да ну вас к черту! Это чересчур фантастично!

— Не более фантастично, — отозвался Спенсер, — чем многие наши прежние находки. Допустим, это яйцо — устройство для аккумуляции знаний...

— Да тут просто нет информации, которую можно аккумулировать! — взорвался Дайер. — Несколько тысяч лет назад были знания, которые можно было поза-

имствовать на том ржавом корабле. Некоторое время назад появились еще знания, прибывшие с кораблем, который устроил свалку. Теперь очередь дошла до нас. А следующий корабль, набитый знаниями, может прийти сюда кто знает через сколько тысячелетий. Слишком долго ждать, и слишком велик риск вообще ничего не дожидаться. Нам известно, что здесь садились три корабля, но с тем же успехом можно предположить, что следующего корабля не будет вообще никогда. Получается полная бессмыслица.

— Кто сказал, что знания, прежде чем их позаимствуют, должны непременно прибыть сюда сами? Ведь и дома, на Земле, мы кое-что забываем, не правда ли?

— Боже правый! — вырвалось у Клайна, но Спенсера было уже не остановить.

— Если бы вы принадлежали к расе, устанавливающей ловушки для знаний, и если бы располагали достаточным временем, где бы вы такие ловушки поставили? На планетах, кишмя кишящих разумными существами, где ваши ловушки вполне могут обнаружить, разрушить и вывести их секреты? Или на других — необитаемых, второразрядных, на труднодоступных мирах, которыми никто не заинтересуется еще миллион лет?

Уоррен откликнулся:

— Я бы выбрал как раз такую планету, как эта.

— Представим себе картину целиком, — продолжал Спенсер. — Где-то существует раса, склонная воровать знания по всей Галактике. И для размещения своих ловушек она ищет именно маленькие, захудалые, ни на что не годные планетки. Тогда, если умело разбросать ловушки в пространстве, можно прочесать весь космос почти без риска, что их вообще когда-нибудь обнаружат.

— Вы полагаете, что мы столкнулись здесь с подобной ловушкой? — спросил Клайн.

— Я подбросил вам идею специально, чтоб поглядеть, как вы к ней отнесетесь. Теперь валяйте комментируйте.

— Ну, прежде всего, межзвездные расстояния...

— Мы имеем здесь дело, — объявил Спенсер, — с механическим телепатом, обладающим системой записи. И нам известно, что скорость распространения мыслительных волн от расстояния практически не зависит.

— Ваша гипотеза не подкреплена никакими данными, кроме домыслов? — поинтересовался Уоррен.

— А каких данных вы ждете? Вы безусловно догадываетесь, что доказательств нет и быть не может. Мы не смеем подойти достаточно близко, чтобы выяснить, что это за яйцо. И даже если бы посмели, у нас уже нет достаточных знаний, чтобы принять разумное решение или хотя бы сделать логичный вывод.

— Так что мы снова гадаем, — заметил Уоррен.

— А вы можете предложить что-либо лучшее?

Уоррен печально покачал головой.

— Нет. Видимо, не могу.

12

Дайер надел космический скафандр. От скафандра шел канат, пропущенный через шкив на треноге наверху башенки. Еще Дайеру дали пучок проводов для подключения к штифтам-панелям. Провода были соединены с добрым десятком приборов, готовых записать любые данные — если будет что записывать.

Затем Дайер забрался на башню, и его опустили вовнутрь. Почти немедленно разговор оборвался, химик прекратил отвечать на вопросы, и его вытянули обратно. Когда освободили крепления и откинули шлем, Дайер весело булькал и пускал пузыри. Старый док ласково повел его в госпитальную каюту.

Клайн и Поллард затратили много часов, мастера шлем из свинца с телевизионным устройством на месте лицевых прозрачных пластин. Биолог Говард залез в переоборудованный скафандр, и его спустили внутрь башни тем же порядком. Когда его через минуту вытянули, он заливался отчаянным плачем, как малое дитя. Эллис поволок его следом за старым доком и Дайером, а Говард цеплялся за руки археолога и в промежутках между рыданиями пускал пузыри.

Поллард выдрал из шлема телеустройство и совсем уже вознамерился сделать новый шлем из сплошного свинца, но Уоррен положил этому конец:

— Будете продолжать в том же духе, и в экипаже не останется ни одного человека...

— Но на этот раз может получиться, — объявил Клайн. — Не исключено, что до Говарда добрались именно через телевизионные вводы.

Уоррен остался непреклонен:

— Может получиться, а может и не получиться.

— Но мы обязаны что-то предпринять!

— Нет, пока я не разрешил.

Поллард стал надевать тяжелый глухой шлем себе на голову.

— Не делайте этого, — предупредил Уоррен. — Шлем вам не понадобится, потому что вы никуда не пойдете.

— Я лезу в башню, — решительно заявил Поллард.

Уоррен сделал шаг вперед и без дальнейших разговоров взмахнул кулаком. Кулак врезался Полларду в челюсть и сбил его с ног. Уоррен повернулся к остальным:

— Если кого-нибудь еще тянет поспорить, я готов открыть общую дискуссию — по тем же правилам.

Желающих вступить в дискуссию не нашлось. Уоррен не мог прочесть на лицах ничего, кроме усталого отвращения к возмнившему о себе капитану. Молчание нарушил Спенсер:

— Вы расстроены, Уоррен, и не отдаете себе отчета в своих поступках.

— Отдаю себе полный отчет, черт побери! — взревел Уоррен. — Отдаю себе отчет, что есть какой-то способ залезть в эту башню и вылезти назад без полной потери памяти. Только не тот способ, какой выбрали вы. Так ничего не выйдет.

— Вы можете предложить что-нибудь другое? — поинтересовался Эллис не без ехидства.

— Нет, — ответил Уоррен, — не могу. Пока не могу.

— А чего вы хотите от нас? — продолжал Эллис. — Чтоб мы сели в кружок и били баклуши?

— Хочу, чтоб вы вели себя как взрослые люди, — отрезал Уоррен, — а не как орава мальчишек, заприметивших фруктовый сад и жаждущих забраться туда во что бы то ни стало. — Он оглядел подчиненных одного за другим. Никто не проронил ни слова. Тогда он добавил: — У меня на руках уже три хнычущих младенца. Мне ни к чему увеличивать их число.

И ушел по кособору прочь, на свой корабль.

13

Итак, их память обчистили, и скорее всего при посредстве яйца, притаившегося в башенке. И хоть

никто не посмел высказать это открыто и вслух, всех донимала одна и та же надежда: что, если найдется способ выудить похищенные знания обратно? И даже больше того: что, если удастся не мытьем, так катаньем заполучить, отсосать из яйца и другие захваченные им знания?

Уоррен сидел за столом у себя в каюте, сжав голову руками и мучительно стараясь сосредоточиться.

Может, стоило позволить им довести свою затею до конца? Но в таком случае они продолжали бы дудеть в одну дуду, пробуя все новые варианты одной и той же схемы и не понимая, что если схема подвела дважды подряд, надо отбросить ее за непригодностью и поискать что-нибудь иное.

Спенсер первым догадался, что они утратили знания, не ощущая утраты, — в том-то и коварство, что не ощущая. Они и сейчас, сию минуту, считают себя людьми науки и являются таковыми, кем же еще! Но они отнюдь не столь умелые, не столь знающие люди, как прежде. И не понимают этого. В том-то и чертовщина — они не ощущают утраты знаний.

Сейчас они презирают капитана за рукоприкладство. Ну и наплевать! На все наплевать, лишь бы помочь им найти путь к спасению.

Забывчивость. Напасть, известная по всей Галактике. И есть куча объяснений этой напасти, куча хитроумных высоколобых теорий о том, отчего да почему разумные существа забывают то, что было усвоили. Но может, все эти теории ложны? Может, забывчивость объясняется не какими-то капризами мозга и вообще не психическими причинами, а бессчетными тысячами разбросанных по Галактике ловушек, помалу осушающих, обкрадывающих, обгрызающих коллективную память всех разумных созданий, живущих среди звезд?

На Земле люди забывают медленно, капля за каплей на протяжении долгих лет — и, быть может, потому, что ловушки, в зону действия которых входит наша родная планета, расположены очень далеко от нее. А здесь человек забывает иначе — полностью и мгновенно. Не потому ли, что здесь до ловушек памяти рукой подать?

Уоррен попытался представить себе размах этой, условно говоря, операции «Мыслеловка» и спасовал: самая идея такой операции была слишком грандиозной,

да и слишком шокирующей, чтобы мозг согласился ее воспринять. Кто-то поставил себе задачей облететь захолустные планетки, ни на что не годные, не способные привлечь ничего внимания, и заложил ловушки. Собрал ловушки группами, построил башенки, оберегающие их от непогоды и от случайностей, и пустил в действие, подключив к питательным бакам, захороненным глубоко под почвой. И улетел домой.

А годы спустя — тысячу, а то и десять тысяч лет спустя — этот кто-то должен вернуться и выбрать из ловушек накопленные знания. Как охотник ставит капканы на пушных зверей, как рыбак маскирует западни для омаров и закидывает сети на осетров.

Здесь собирают урожай, подумалось Уоррену, постоянный нескончаемый урожай знаний всех рас Галактики...

Но если так, что же за раса установила такие ловушки? Что за охотник шастает по звездным дорогам, собирая добычу?

Разум отказывался рисовать себе расу столь бесчестную.

Несомненно одно: кто б они ни были, они возвращаются к своим ловушкам спустя много лет и собирают добытые знания. Иначе просто не может быть, иначе вообще незачем было хлопотать, устанавливая ловушки. И если они могут опорожнять ловушки, значит, существует способ это сделать. Если сам охотник может достать добычу из капкана, значит, это посильно и кому-то другому.

Забраться бы в башенку так, чтоб осталось время сообразить, как извлечь знания, — и ведь это, вероятно, несложно, только бы хватило времени осмотреться. Однако в том-то и штука, что в башенку не забраться. Едва попробуешь, и в ту же секунду тебя лишат памяти начисто и превратят в сопливое дитя. В ту же секунду, как ты заберешься в башенку, яйцо накинется на твой мозг и обчистит его досуха, и ты не вспомнишь даже, где ты есть, как ты сюда попал и зачем.

Так что фокус сводится к тому, чтобы проникнуть внутрь и тем не менее сохранить память, приблизиться к яйцу и все-таки не забыть, зачем ты здесь очутился.

Спенсер и все остальные попытались экранировать мозг, но экран не сработал. Может, и есть надежда создать надежный экран, но придется идти методом проб и ошибок, а значит, многие, слишком многие выберутся на свет с утраченной памятью, прежде чем сыщется удовлетворительный ответ. И не исключается, что через день-другой от экипажа ничего не останется.

Нет, должен быть иной, принципиально иной способ.

Если мозг нельзя защитить экраном, тогда чем?

Система связи, утверждает Ланг. Вполне вероятно, что он прав и яйцо представляет собой некую систему связи. Что принято делать для защиты систем связи? Если их нельзя экранировать, тогда что?

Разумеется, на этот вопрос есть ясный ответ: если система связи не защищена, информацию шифруют. Но в подобном ответе нет решения, нет и намек на решение. Уоррен еще посидел, прислушиваясь, — ниоткуда не доносилось ни звука. Никто не забежал к нему по дороге, никому не приходило в голову заглянуть к капитану, просто чтобы скоротать время.

Люди обозлены, решил он. Каждый дуется и сидит в своем углу. А что до него самого, ему объявили молчаливый бойкот.

— Ну и черт с ними, — сказал он вслух.

Он сидел в одиночестве и старался что-то придумать, но и мысли не слушались, толковых мыслей не возникало, лишь сумасшедшая карусель вопросов без ответов.

Наконец с трапа донеслись шаги, и по их нетвердости он понял без колебаний, чьи это шаги. Лопоухий надумал подняться из камбуза утешить старого друга, а предварительно насосался до бровей.

Уоррену пришлось подождать, пока кок нетвердой поступью не одолеет трап, но в конце концов Лопоухий добрался до цели и застыл на пороге, выпростав руки в стороны и уперевшись в дверные косяки. Вероятно, иначе капитанская каюта качалась у него перед глазами.

Лопоухий собрался с духом, стремглав пересек пустоту меж дверью и стулом, с натугой обогнул стул, вцепившись в спинку как в якорь, уселся и поднял глаза на Уоррена с улыбкой триумфа.

— Вот я и добрался, — возвестил Лопоухий.

— Ты пьян, — огрызнулся Уоррен с отвращением.

— Конечно, пьян. Только тоскливо напиваться все в одиночку и в одиночку. Вот... — Кое-как найдя собственный карман, он выудил оттуда бутылку и осторожно водрузил на стол. — Держи. Давай придавим ее вместе.

Уоррен уставился на бутылку, и вдруг где-то в подсознании возникла и зашевелилась шальная мыслишка.

— Да нет, чепуха. Не получится...

— Кончай трепаться и приступай к делу. Как покончишь с этой посудиною, я добуду из заначки другую.

— Лопоухий, — позвал Уоррен.

— Чего тебе надо? — подивился Лопоухий. — Никогда не видал человека, который бы...

— Сколько у тебя есть еще?

— Сколько чего, Айра?

— Спиртного. Сколько еще ты припрятал?

— Много. Я всегда иду в рейс с изрядным резерв...

— С резервом?

— Точно, — подтвердил Лопоухий. — Ты понял, что я хотел сказать. Я всегда прикидываю, сколько мне надо, а потом добавляю резерв на случай, если мы застрянем где-нибудь или что-то еще...

Уоррен потянулся к бутылке, открыл ее и отшвырнул пробку.

— Лопоухий, — попросил он, — топай за другой бутылкой.

Лопоухий недоверчиво заморгал.

— Прямо сейчас, Айра? Ты хочешь, чтоб я принес вторую прямо сейчас?

— Немедленно, — сказал Уоррен. — А по пути будь так добр заглянуть к Спенсеру и сообщить ему, что я хотел бы его видеть, и как можно скорее.

Лопоухий встал, покачнулся, уставился на Уоррена с откровенным восторгом и все-таки спросил:

— Что ты задумал, Айра?

— Напиться допьяна. Надраться так, чтоб это событие вошло в историю космического разведывательного флота.

14

— Нельзя этого делать, — запротестовал Спенсер. — У вас нет никаких шансов...

Уоррен поднял руку и, опершись на башенку, попытался обрести равновесие: вся планета вращалась вокруг него с устрашающей скоростью.

— Лопухий, — выкликнул он.

— Я здесь, Айра.

— Ззастрели — ик — ззастрели ллюбого, ккто ппопытается остановить меня...

— С удовольствием, Айра, — заверил Лопухий.

— Но вы лезете туда без всякой защиты, — продолжал Спенсер озабоченно. — Даже без скафандра.

— Я ппробую нновый ппод... пподх...

— Подход? — пришел на помощь Лопухий.

— Тточно, — откликнулся Уоррен. — Спасибо, Лопухий. Тточно эт' ссамое — ппробую новый пподход...

— А ведь может и получиться, — взял слово Ланг. — Мы пробовали экранироваться, и это не помогло. Он пробует новый подход — он зашифровал свои мысли, затуманив их алкоголем. На мой взгляд, у него могут быть шансы на успех.

— Но в таком виде, — возразил Спенсер, — он нипочем не сумеет подсоединить концы.

Уоррен слегка покачулся.

— Нне ппорите ххреновину!.. — Он глянул на сопровождающих мутными глазами. Каждый из них недавно был тут в трех экземплярах, а теперь время от времени казалось, что только в двух. — Лопухий!

— Да, Айра?

— Мне ннадо еще выпить. А то ттрезвею.

Лопухий добыл из кармана бутылку и передал по назначению. Она была полна едва наполовину. Уоррен запрокинул ее и стал пить, кадык у него на шее заходил ходуном. Он не успокоился, пока не осушил все до капли. Тогда он выронил бутылку и осмотрел членов экипажа снова. Теперь все было в порядке — каждого было не меньше трех.

— Нну, — сказал он, повернувшись к башенке, — если вы, джжельмены, ннемного пподсобите... — Эллис с Клайном натянули канат, и Уоррен взмыл в воздух. — Эй, — заорал он. — Ччто вы такое надумали?

Уоррен совершенно запомнил про шкив, установленный на треноге наверху башни. Он болтался в воздухе и сучил ногами, пытаясь восстановить равновесие.

Под ним разверзлось чернотой внутреннее пространство башни, а на дне ее мельтешилось, посверкивая, какое-то смешное пятнышко.

Тренога скрипнула, он начал спускаться и очутился внутри. Штуковина, что затаилась на дне, виделась теперь получше. Вежливо икнув, он предложил ей подвинуться, поскольку он идет на снижение. Штуковина не шевельнулась ни на дюйм. Что-то попробовало открутить ему голову, но голова не откручивалась.

— Уоррен! — взорвались наушники. — Уоррен, вы живы? Все в порядке? Отзовитесь!

— Конечно, — ответил он. — Конечно, я жив. Чего вы ко мне пристаёте?

Его опустили на дно, и он оказался рядом со смешной штуковиной, пульсирующей в полутьме колодца. Почувствовал, как что-то копошится у него в мозгу, и зашелся kloкочущим пьяным смехом.

— Эй, нне трогай мменя за вволосы! Щщекоттно...

— Уоррен! — воззвали наушники. — Уоррен, провода! Провода! Вспомните, мы с вами говорили про провода...

— Конечно, — откликнулся он. — Провода...

На пульсирующей штуковине торчали такие хорошенькие штифтики, и к каждому было очень удобно приладить по проводочке.

Но провода! Куда к черту подевались эти провода?

— Провода у вас на поясе, — подсказали наушники. — Провода прицеплены к поясу.

Рука сама собой потянулась к поясу и нащупала моток проводов. Он попытался их разъединить, но они выскользнули из пальцев. Пришлось сесть и пошарить вокруг, и провода обнаружились. Только они все перепутались, и непонятно было, где у них начало и где конец, и вообще — какого рожна возиться тут с проводами?

Чего ему хотелось до смерти, так это еще выпить, хоть чуть-чуть выпить. И Уоррен запел:

«Я, ккак на грех, поступил в Пполитех и сстал, ддуралей, инжженерром...»

— Сслушай, ддруг, — обратился он к яйцу, — ббуду рад, если тты ввыпьешь со мной за ккомпанию...

Наушники рывкнули:

— Ваш друг не сумеет выпить, пока вы не прицепите провода. Пока вы этого не сделаете, он вас не услышит. И не поймет, что вы ему толкуете, пока вы не прицепите провода. Дошло до вас, Уоррен? Прицепите провода. Он ничего не слышит без проводов...

— Эт' нникуда нне годится, — икнул Уоррен. — Эт' ббезобразиe...

Он сделал все, что было в его силах, прилаживая провода, и попросил нового друга потерпеть и не дергаться — он старается, как только может. Крикнул Лопухому, чтоб поторопился с бутылкой, и спел еще одну песенку, совсем непристойную. И в конце концов прицепил провода, но человек из наушников заявил, что соединение неправильное и надо попробовать по-другому. Он поменял провода местами, но оказалось опять неправильно, и он менял их до тех пор, пока человек из наушников не сказал:

— Вот теперь хорошо. Теперь мы что-то нащупали...

И тут его вытащили из башенки. Вытащили раньше, чем он успел выпить с новым приятелем хотя бы по маленькой.

15

Он с грехом пополам взобрался по трапу, ухитрился проложить курс вокруг стола и плюхнулся в кресло. Каким-то образом кто-то надел ему на макушку стальной колпак, и двое, а то и трое стали бить по ней молотком, а в рот ему запихнули шерстяное одеяло, и он готов был поклясться, что в следующий момент умрет от нестерпимой жажды.

С трапа слышались шаги, и он воспылал надеждой, что это Лопухий. Уж Лопухому-то известно, что предпринять.

Но это был Спенсер. Пришел и спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Ужасно, — простонал Уоррен.

— Вы провернули фокус!

— Про что вы, про эту башню?

— Вы приладили провода, — пояснил Спенсер, — и по ним поперла всякая чертовщина. Ланг подключил записывающий аппарат, и мы по очереди слушаем запись, и уже наслушались такого, что волосы дыбом...

— Вы сказали — чертовщина?

— Именно. Всякие знания, накопленные ловушкой. Потребуется годы, чтобы рассортировать их и попытаться выстроить в определенную систему. Многие едва намечено, кое-что фрагментарно, но есть и порядочное количество цельных кусков...

— И наши знания возвращаются к нам?

— Частично. Но в большинстве своем это инопланетные знания.

— Есть что-нибудь по части двигателей?

Спенсер задержался с ответом.

— Нет. По части наших двигателей — нет. Хотя...

— Ну?

— Мы получили информацию по движку со свалки. Поллард уже за работой. Мак со своей командой помогают ему вести сборку.

— И этот движок будет работать?

— Лучше, чем наш собственный. Правда, придется видоизменить конструкцию дюз и внести еще кое-какие усовершенствования.

— И вы теперь...

Спенсер понял с полуслова и ответил кивком:

— Мы демонтируем наши прежние двигатели.

Уоррен не мог совладать с собой. Он не смог бы совладать с собой даже за миллион долларов. Он положил руки на стол, зарылся в них лицом и зашелся неудержимым хриплым смехом. Прошло немало времени, прежде чем он поднял голову и вытер мокрые от смеха глаза.

— Я, право, не понимаю... — начал Спенсер обиженно.

— Новая свалка! — воскликнул Уоррен. — Бог ты мой, новая свалка!..

— Не над чем смеяться, Уоррен. Это же потрясающе — масса знаний, о каких никто никогда и не мечтал. Знаний, накопленных за многие годы, может стать за тысячи лет. За все годы с тех пор, как та другая раса в последний раз опорожнила свои ловушки и отбыла восвояси.

— Послушайте, — сказал Уоррен, — а не лучше ли было подождать, пока мы не напоремся на знания о

наших собственных движках? Они же наверняка выплывут, и скоро. Их забрали, захватили — называйте, как вам угодно, — позже, чем всю прочую чертовщину, какую вы записываете. Всего-то немного подождать, и мы восстановим утраченные знания. И не придется надрываться, демонтируя прежние движки и заменяя их новыми.

Спенсер тяжело покачал головой.

— Ланг уже все прикинул. В поступлении информации из ловушки нет никакого видимого порядка, никакой последовательности. Есть вероятность, что ждать нужных знаний придется долго, очень долго. И нельзя даже примерно предсказать, сколько времени пройдет, пока информация не иссякнет. Ланг полагает, что ее там хватит на много лет. Но есть еще одна сторона медали. Надо бы улетать отсюда, и как можно скорее.

— Какая муха вас укусила, Спенсер?

— Не знаю.

— Вы чего-то боитесь. Что-то пугает вас до полусмерти.

Спенсер наклонился к капитану и, ухватившись за край столешницы обеими руками, почти повис на ней.

— Уоррен, в этой ловушке не только знания. Мы следим за записью, так что установили без ошибки. Там еще и...

— Попробую догадаться сам, — перебил Уоррен. — У ловушки есть индивидуальность.

Спенсер не ответил, но выражение его лица было красноречивым.

— Прекратите прослушивание, — резко приказал Уоррен. — Выключите все свои приборы. Мы улетаем отсюда.

— Но это же немыслимо! Как вы не понимаете? Немыслимо! Существуют определенные принципы. Прежде всего мы...

— Не продолжайте, сам знаю. Вы люди науки. Но еще и круглые идиоты.

— Из башни поступают такие сведения, что...

— Выключите связь!

— Нет, — ответил Спенсер упрямо. — Не могу. И не хочу.

— Предупреждаю, — мрачно произнес Уоррен, — как только кто-либо из вас начнет обращаться в инопланетянина, я убью его без колебаний.

— Хватит дурить!..

Спенсер резко повернулся и вышел из каюты. Оставалось слушать, стремительно трезвея, как его ботинки пересчитывают ступеньки трапа.

Вот теперь Уоррену было окончательно все ясно. Ясно, отчего предыдущий корабль стартовал отсюда в спешке. Ясно, почему экипаж бросил свои припасы, почему инструменты валялись там, где их обронули при бегстве.

Через несколько минут снизу притащился Лопухий и принес огромный кофейник и пару чашек. Пристроил чашки на столе, наполнил их и с грохотом поставил кофейник рядом.

— Айра, — возвестил Лопухий, — это был черный день, когда ты бросил пить.

— Почему?

— Потому что на свете нет никого, нет и не будет, кто мог бы надираться так лихо, как ты.

Они молча прихлебывали горячий черный кофе. Потом Лопухий изрек:

— Мне все это по-прежнему не по нутру.

— Мне тоже, — согласился с коком Уоррен.

— Это ведь всего половина рейса...

— Рейс окончен, — заявил Уоррен без обиняков. — Как только мы поднимемся отсюда, полетим напрямиком на Землю. — Они выпили еще кофе, и капитан спросил: — Сколько народу на нашей стороне, Лопухий?

— Мы с тобой да Мак с четырьмя своими механиками. Всего семь.

— Восемь, — поправил Уоррен. — Не забудь про дока. Старый док не участвовал ни в каком прослушивании.

— Док считать не стоит. Ни на чьей стороне.

— Если дойдет до крайности, док тоже в состоянии держать оружие.

Когда Лопоухий удалился, Уоррен какое-то время сидел, размышляя о предстоящем долгом пути домой. Слышно было, как команда Мака гремит, снимая старые движки. Наконец Уоррен встал, привесил к поясу пистолет и вышел из каюты проверить, как складываются дела.

ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ

ДЕНЬ ПЕРЕМИРИЯ

1

Все тихо. Нигде ни признака панков. Над голой истёрзанной землей повисла гнетущая тишина. Не было заметно ни малейшего движения — даже стаи бродячих собак и те исчезли.

Слишком уж спокойно, заключил Макс Хейл.

Обычно хоть что-нибудь да двигалось и время от времени доносились звуки. Казалось, все затаилось перед какой-то страшной опасностью — скорее всего, очередным нападением. Хотя теперь атака может быть направлена только против одной цели. А какое дело остальным, подумал Макс, ведь они давным-давно сдались, чего им прятаться за дверями и ставнями?

Макс стоял на плоской крыше укрепленной усадьбы, цитадели Кроуфорда, и следил за улицами, что вели к северу и западу от нее. По пути домой мистер Кроуфорд выберет одну из них. Никто не знал, какую именно, потому что мистер Кроуфорд редко возвращался одним и тем же маршрутом. Только так можно было избежать засады или опасности натолкнуться на баррикаду. Правда, сейчас засады стали куда реже — почти не осталось деревьев и кустарников, стало трудно скры-

ваться. Требовалась немалая изобретательность, чтобы организовать засаду в такой голой и разграбленной местности. Однако, напомнил себе Макс, уж в чем, в чем, а в отсутствии изобретательности панков трудно было обвинить.

Мистер Кроуфорд позвонил днем и сказал, что немного задержится. Из-за этого Макс и нервничал. Минут через пятнадцать начнет смеркаться, а с наступлением темноты окрестности Оук Мэнор становились опасными. Впрочем, теперь ночью становились опасными все пригороды. И хотя район Оук Мэнор был опаснее других, нигде нельзя было себя чувствовать в безопасности.

Он снова поднес к глазам бинокль и внимательно осмотрел окружающую местность. Ничего — ни патрулей, ни прячущихся одиночек. Хотя где-то скрывались наблюдатели, в этом Макс не сомневался. Панки не сводили глаз с усадьбы Кроуфорда, надеясь, что когда-нибудь бдительность ее обитателей ослабнет.

Макс переводил бинокль с одной улицы на другую, с одного разрушенного дома на другой. Разбитые стекла, осыпавшаяся краска, багровые полосы, нанесенные несколько лет назад. Здесь и там виднелись высохшие деревья с обломанными ветвями. Пожелтевшие, давно мертвые, они торчали посреди пыльных дворов — дворов, с которых исчезла трава, когда-то превращавшая их в лужайки.

Вдоль Сёркл-драйв, на вершине холма, виднелось то, что напоминало об усадьбе Томпсона, павшей пять лет назад. От дома не осталось и следа. Он был стерт с лица земли до основания, уничтожен камень за камнем, доска за доской. Лишь скелеты погибших деревьев да погнутые и искореженные металлические опоры говорили, где проходила укрепленная ограда.

Теперь только цитадель Кроуфорда возвышалась в Оук Мэнор. Макс думал об этом с гордостью и тяжелыми воспоминаниями. Она выстояла благодаря ему, подумал Макс, и он будет защищать усадьбу до конца.

Это был последний оазис посреди голой пустыни, со своими деревьями и травой, летними беседками, поросшими выющимися растениями, густыми кустами и солнечными часами поразительной красоты, с фонтаном и прудом, где плавали золотые рыбки и росли лилии.

— Макс, — донеслось из портативной рации, что висела на груди.

— Слушаю, мистер Кроуфорд.

— Где вы сейчас, Макс?

— На посту, на крыше.

— Я проеду по Сеймур-драйв, — донесся металлический голос мистера Кроуфорда. — Сейчас я примерно в миле от дома, за холмом. Подъеду, не сбавляя скорости.

— Поблизости никого нет, сэр.

— Отлично. Вовремя откройте ворота, Макс.

— У меня с собой пульт дистанционного управления, сэр. Открою ворота прямо отсюда. Буду смотреть в оба.

— Сейчас я приеду, — закончил мистер Кроуфорд.

Макс взял в руки пульт управления, ожидая появления машины хозяина усадьбы.

Автомобиль вырвался из-за вершины холма, промчался по Сеймур-драйв и с ревом полетел к воротам.

Когда он был всего в трех метрах от ворот, Макс нажал на кнопку, отпирающую электронный замок. Массивный бампер ударил по воротам и распахнул их. Тяжелые буферы, протянувшиеся по бокам автомобиля, удержали их открытыми долю секунды, необходимую, чтобы автомобиль проскочил во двор. И тут же мощные пружины захлопнули ворота. Щелкнул замок.

Макс повесил пульт управления на плечо и спустил ся вниз по лесенке.

Когда он подошел, мистер Кроуфорд уже поставил машину в гараж и запира л ворота.

— Действительно, все тихо, — заметил мистер Кроуфорд. — Гораздо спокойнее обычного.

— Это мне не нравится, сэр. Они что-то затевают.

— Вряд ли, — пожал плечами мистер Кроуфорд. — Накануне Дня Перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Согласен, — кивнул мистер Кроуфорд, — но завтра они соберутся здесь, чтобы повеселиться. Нам не следует обижать их. В конце концов, мы их соседи, и нехорошо нарушать традиции. Мне бы не хотелось, чтобы ваше усердие вышло за рамки дозволенного.

— Вы ведь хорошо знаете, сэр, — запротестовал Макс, — я никогда не пойду на это. Я боец, сэр, но воюю честно.

— Я просто вспомнил о том маленьком трюке, который вы хотели выкинуть в прошлом году. — Мистер Кроуфорд взглянул на Макса.

— Но ведь это не причинило бы им никакого вреда, сэр. По крайней мере серьезного вреда. Они бы даже ничего не заподозрили. Капля-другая во фруктовый пунш — и все. Они почувствовали бы действие лишь через несколько часов. Состав действует очень медленно.

— Даже так, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Накануне Дня Перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Даже так, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Хорошо, что я узнал об этом вовремя. И мне не хочется, чтобы на этот раз случилось что-нибудь подобное. Надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, сэр, — ответил Макс. — Можете положить на меня.

Какая это глупость — День Перемирия, подумал Макс. Пережиток далекого прошлого, когда кому-то из либералов пришла в голову мысль, что будет неплохо, если жители усадеб встретятся с панками в мирной обстановке и вместе проведут праздник.

Естественно, так и случается, но всего лишь один день в году. На протяжении двадцати четырех часов нет нападений, горящих стрел, брошенных через высокий забор гранат. Но уже спустя секунду после полуночи вражда вспыхивает снова, не менее упорная и жестокая, чем раньше.

Она длилась уже много лет. Макс отлично понимал, каким будет ее исход. Наступит день, и усадьба Кроуфорда, несмотря на все укрепления, падет, как уже пали все остальные цитадели в Оук Мэнор. Но Макс дал слово, что пока не наступит этот день, он будет бороться до последнего. Ни на мгновение не ослабит бдительности, и еще не один панк пожалеет, что ввязался в эту войну.

Мистер Кроуфорд распахнул дверь. На мгновение яркий свет вырвался наружу. Затем дверь закрылась и дом снова превратился в безмолвную громаду, холодную и темную. Сквозь затемнение не пробивалось даже крошечного луча света. Ежедневно, еще до наступления темноты, Макс подходил к щиту управления, перебрасывал ручку рубильника, и на всех окнах захлопывались стальные ставни. Освещенные окна в ночи представляли собой слишком хорошую цель.

В последнее время нападения случались только ночью. Еще недавно их можно было ожидать и днем, однако теперь опасность для нападающих была слишком велика. Год за годом оборона укреплялась, и дневные рейды превратились в безрассудство.

Макс повернулся и подошел к воротам. Он натянул резиновые перчатки и при свете фонарика осмотрел замок. Ворота были заперты. Еще не было случая, чтобы электронный замок не сработал. Тем не менее полностью исключить такую опасность нельзя, поэтому Макс никогда не забывал проверить ворота.

Он протянул руку в резиновой перчатке и потрогал забор. Два с половиной метра высотой, с несколькими рядами колючей проволоки наверху. И через каждый дюйм проволоки струился электрический ток высокого напряжения. Максу казалось, что провода гудят под током, но он знал, что это всего лишь иллюзия. Он знал, что электричество бесшумно.

За первым, основным, забором стоял второй, запасной, в который можно было подать ток, если основной рухнет.

Сзади слышалось едва различимое дыхание.

— Здорово, приятель, — сказал Макс, обернувшись.

В темноте было трудно различить очертания собаки, однако Макс знал, что она фыркает от удовольствия при звуках его голоса.

Собака вынырнула из темноты и прижалась к его ногам. Макс присел и прижал к груди огромную голову. В одно мгновение собака облизала ему лицо.

— А где остальные? — спросил Макс и почувствовал, как могучее тело задрожало от удовольствия.

Отличные псы, подумал он. Живущих в доме они любят до обожания, но смертельно ненавидят посторонних. Так их воспитали.

Макс знал, что остальная стая бродит по двору, прислушиваясь к малейшему шороху. Никто не сможет подойти к забору незамеченным. Любого, сумевшего перемахнуть через забор, они разорвут в клочья.

Он снял перчатки и положил их в карман.

— Пошли, пошли, — сказал он.

Макс сошел с дорожки и осторожно двинулся по двору. Здесь нужно было следить за каждым шагом, потому что поверхность двора была тщательно спланирована таким образом, что любая брошенная граната или бутылка с зажигательной жидкостью неминуемо скатывалась бы в одну из ловушек, которыми был усеян двор. Правда, теперь гранаты и бутылки редко перелетали через забор. Нападающие поняли, что это ни к чему не приведет. Было время, когда в дом летели горящие стрелы. После того как поверхность дома была обработана несгораемым составом, стрелы тоже сошли на нет.

Макс остановился и замер. Листья на ветках деревьев шелестели под легким дуновением ветра. Он поднял голову и посмотрел на их темные очертания, вырисовывающиеся на фоне более светлого неба.

Как они красивы, подумал Макс. Жаль, что их почти не осталось. Когда-то эта округа называлась Оук Мэнор — Дубовая Роща, потому что здесь росли эти величественные исполины. И вот теперь, прямо перед Максом, возвышался последний из них — огромный старый патриарх, крона которого закрывала свет первых звезд.

Макс смотрел на старый дуб со страхом и благоговением. Да, он представлял собой смертельную угрозу. Дуб был старым и дуплистым, его нужно было убрать, потому что он склонялся в сторону забора и при сильном ветре мог рухнуть прямо на провода, нарушив защиту усадьбы. Несколько раз Макс порывался поговорить с мистером Кроуфордом, но он знал, что хозяин усадьбы любит старого великана. Да и сам Макс был равнодушен к дубу. Может быть, если закрепить его тросами, чтобы дерево по крайней мере не упало на забор... Хотя тросы, охватывающие этот могучий ствол, казались святотатством, оскорблением древнего монарха...

Осторожно ступая, сопровождаемый собакой, Макс вышел на патио. Наклонившись, он провел ладонью по шершавой поверхности солнечных часов. Мистер Кроуфорд привез их из монастырского сада где-то во Франции. Уже одно это придавало ценность древним часам. Но, может быть, мистер Кроуфорд видел в них что-то другое, помимо того что им было много сотен лет и их привезли из-за океана.

Возможно, солнечные часы были для него символом давно ушедших дней, когда каждый человек имел право на сад, кусты и траву возле своего дома и их не нужно было защищать, когда он мог гордиться домом и тем, что его окружало. Однако это право понемногу с течением времени исчезло.

2

Все началось незаметно. Дети, играя, топтали лужайки, а бегающие за ними своры счастливых псов ломали кусты. У каждого мальчика должна быть своя собака, говорили родители.

Жители пригородов перебрались сюда из шумных перенаселенных городов, чтобы жить, как любили говорить они, на лоне природы. Здесь каждая семья сможет завести себе собаку, а дети будут бегать и играть на свежем воздухе под лучами солнца.

И правда, здесь было где бегать, поэтому дети бежали. Ничего другого им не оставалось. Они носились сломя голову по улицам, лужайкам и дорожкам, ломая и разоряя все, что им попадалось. Прошло время, ребята выросли, но никаких других развлечений взрослые им предложить не могли. Им оставалось лишь одно — бегать. Их матери каждое утро собирались пить кофе и сплетничать, а отцы каждый вечер сидели во дворе и пили пиво. Пользоваться семейным автомобилем стало слишком дорого — цены на бензин снова подскочили, дома были заложены в банках и нужно было выплачивать проценты, налоги все росли и росли, и на все это требовались деньги.

И вот, в поисках выхода для своей энергии, вымещая обиду за то, что у них ничего нет, повзрослевшие ребята начали искать приключения в актах вандализма. Они резали бельевые веревки во дворах, рубили

на куски садовые шланги, неосторожно оставленные на ночь без присмотра, ломали столы и стулья в патио, чертили по стенкам и штакетнику кусками мела.

Раздраженные домовладельцы начали строить заборы, чтобы оградить свои дворы от налетов молодежи с собаками, и это сразу было истолковано как оскорбление и вызов.

И этот первый забор, воздвигнутый много лет назад, стал предшественником почти трехметрового электрифицированного ограждения цитадели Кроуфорда, а маленькие вандалы с кусками мела, с восторженными криками бившие окна в домах соседей, были предками панков.

Макс выпрямился и пошел к забору мимо пруда с лилиями и золотыми рыбками, мимо пляшущих струй фонтана, мимо склонившихся плакучих ив.

— Пст! — донеслось с другой стороны забора.

— Это ты, Билли?

— Да, — ответил Билли Уорнер.

— У тебя есть какие-нибудь новости?

— Завтра День Перемирия, и мы придем в гости...

— Да, я это знаю, — ответил Макс.

— Они принесут с собой бомбу с часовым механизмом.

— Но как? — спросил Макс. — Полицейские обыскивают при входе каждого.

— Бомба будет разобрана на части. У каждого будет спрятана под одеждой одна деталь. Сегодня вечером Стоуни Стаффорд будет раздавать их. Он подобрал группу, которая тренировалась несколько недель. Они могут собрать ее даже в темноте, на ощупь.

— Да, пожалуй, — медленно сказал Макс. — Это возможно. А после того, как ее соберут?

— Подложат под солнечные часы, — сказал Билли.

— Спасибо, — сказал Макс. — Это было бы огромным ударом для мистера Кроуфорда.

— Мне кажется, я заработал двадцатку.

— Да, — согласился Макс. — Двадцатку ты заработал.

— Если они узнают, что я проболтался тебе, меня убьют.

— Не узнают, — ответил Макс. — От меня не узнают.

Он достал из кармана бумажник, на мгновение включил фонарик и вытащил две десятки. Сложил их вдвое вдоль и просунул между проводами забора.

— Осторожно! — предупредил Макс. — Не касайся проводов, они под током.

Из темноты появилась рука, схватила деньги и исчезла. Послышался шорох удаляющихся шагов.

Макс замер, прислушиваясь. Ветер по-прежнему шуршал листьями, слышался плеск фонтана, напоминавший звон серебряных колокольчиков.

Он повернулся и двинулся вдоль забора, завершая вечерний осмотр. Выйдя из-за гаража, Макс увидел, что у ворот стоит полицейский автомобиль.

— Ты, Чарли? — окликнул он.

— Это я, Макс, — отозвался Чарли Поллард. — Все тихо?

— Как всегда.

Макс подошел к воротам и увидел за забором неясные очертания коренастой фигуры полицейского.

— Проезжал мимо и решил заглянуть, — сказал Поллард. — Сегодня вечером тихо. Скоро мы приедем, чтобы убедиться, что у тебя нет ничего запрещенного. Мне кажется, у тебя солидный запас.

— Только для обороны, — кивнул Макс. — Таков закон.

— Да, таков закон, — согласился Поллард. — Но мне кажется, что иногда ты проявляешь чрезмерное рвение. К примеру, у тебя в заборе электрический ток — три тысячи вольт?

— Естественно, — сказал Макс. — Ты считаешь это неправильным?

— Какой-нибудь малыш схватится за провод и будет убит на месте.

— А тебе хочется, чтобы его только чуть-чуть пощекотало?

— И все-таки ты бываешь излишне жестоким.

— Сомневаюсь, — возразил Макс. — Я наблюдал с крыши, что они сделали с усадьбой Томпсона пять лет назад.

— Тогда я еще служил в Фэйрвью Эйкерс.

— Так вот, они разнесли ее на части, — сказал Макс. — По кирпичу, камень за камнем, бревно за бревном. От дома ничего не осталось, как и от остальных построек: Они свалили все деревья и затем порубили их. Вырвали с корнем кусты. Перекопали клумбы. Когда они ушли, за ними осталась пустыня. Так что пока я здесь, я не позволю, чтобы с домом мистера Кроуфорда случилось что-то подобное. Человек имеет право посадить и вырастить дерево, посеять траву. Если ему хочется разбить клумбу, он имеет право и на это. Я знаю, тебе это покажется странным, но он даже имеет право не пускать в дом посторонних.

— Да, — согласился полицейский, — все это верно. Но ведь ты имеешь дело с детьми. Ты должен уступить им. Они твои соседи. Если бы ты и они проявили добрую волю, все было бы в порядке.

— Мы не можем себе этого позволить, — сказал Макс. — В нашей стране соседские отношения, о которых ты говоришь, означают отказ от всех прав. Добрососедские отношения нарушились давным-давно, когда ребяташки начали ходить по твоей лужайке к школьному автобусу, а ты не решился возразить, чтобы тебя не обругали. Они нарушились тогда, когда твой сосед попросил на часок газонокосилку и забыл вернуть ее, а когда ты зашел за ней, оказалось, что она сломана. Но сосед притворился, что он ничего не знает, и ради добрососедских отношений ты не осмелился потребовать, чтобы он заплатил за ремонт.

— Может быть, и так, — сказал Поллард, — но сейчас все это вышло из-под контроля. События зашли слишком далеко. Вы ведете себя слишком уж высокомерно.

— Есть простой выход, — заметил Макс. — Пусть панки оставят нас в покое, и мы тут же уберем забор и все остальное.

Поллард покачал головой:

— Слишком поздно. Ничего нельзя сделать. — Он пошел к машине, затем повернул голову: — Чуть не

забыл, — сказал он. — Завтра — День Перемирия. Я и двое полицейских приедем рано утром.

Макс промолчал. Машина тронулась с места и исчезла вдали.

Он повернулся и пошел к дому.

Нора приготовила ему ужин. Макс тяжело опустился на стул. Каждый вечер он уставал все больше и больше. Раньше он был помоложе, и жизнь казалась куда более простой.

— Что-то ты поздно сегодня, — сказала Нора, ставя перед ним тарелку. — Все в порядке?

— Пожалуй. Все тихо. Но завтра могут быть неприятности. Они принесут с собой мину.

— Мину! — воскликнула Нора. — Нужно сообщить в полицию.

Макс покачал головой:

— Нет, это бессмысленно. Полиция на их стороне. Полицейские будут утверждать, что мы вели себя настолько вызывающе, что у панков не было другого выхода. К тому же я не должен выдать парня, сообщившего мне об этом. Однако уже то, что я знаю о мине, очень важно. Теперь я буду настороже.

И все-таки его тревожило что-то. Может быть, не сама мина, а что-то другое, связанное с ней.

Макс закончил ужин и отодвинул тарелку. Нора налила ему кружку кофе и села напротив.

— Ты знаешь, Макс, мне иногда делается страшно, — сказала она.

Он кивнул.

— Я не понимаю, почему Кроуфорды так цепляются за свою усадьбу. Они могли бы переехать в город. Там куда безопаснее. Конечно, и в городе орудуют банды, но там они в основном воюют между собой.

— Гордость, Нора, — ответил Макс. — Они не хотят сдаваться. Это сильные и гордые люди.

Нора вздохнула:

— Пожалуй, ты прав. Но все равно жаль. В городе они могли бы жить в комфорте и безопасности, не то что здесь.

— Спасибо, Нора, — Макс встал из-за стола. — Ты так вкусно готовишь.

— Кончай лстыть, — ответила довольная Нора.

Макс спустился в подвал и сел перед коротковолновым передатчиком. Одну за другой он вызвал усадьбы, еще оставшиеся в округе. У них тоже все было тихо. Вот уже несколько дней.

Макс снял наушники и отодвинулся на спинку стула. Он никак не мог забыть о мине и о том, что завтра ее подложат под солнечные часы. Здесь что-то не так, но что?

Он вышел во двор. Высоко в небе сияла луна. Макс направился к солнечным часам. Откуда панки могли узнать, что солнечные часы так дороги мистеру Кроуфорду? Каким образом это стало им известно?

Ответ был прост. Они не знают об этом. И даже если бы знали, разрушение солнечных часов — мелочь. Мину можно использовать с гораздо большим эффектом.

Стоуни Стаффорд, босс панков, далеко не дурак. Он походил на хорька — хитрого и злобного. Нет, он не станет взрывать солнечные часы.

И вдруг Макс понял, куда бы он подложил мину, будь он на месте Стаффорда.

Под корни древнего дуба, склонившегося в сторону забора.

Значит, Билли обманул его? Вполне возможно, что нет. Скорее, Стаффорд начал подозревать, что среди его людей таится осведомитель, и намеренно дезинформировал его. В последнюю минуту, когда будет уже слишком поздно, он переменит место.

Макс повернулся и пошел к дому. Поднялся по лестнице к себе в комнату и лег спать. Засыпая, он подумал, что события развиваются не так уж плохо.

3

Полицейские приехали в восемь утра. Потом прибыли плотники и сколотили настил для танцев. Музыканты начали настраивать инструменты. Из ресторана приехали официанты, накрыли столы и уставили их пищей. В центре каждого стола стояла огромная чаша с пуншем.

После девяти начали подходить панки со своими девушками. Полицейские обыскивали их при входе и не нашли ни дубинок, ни кастетов, ни велосипедных цепей.

Заиграл оркестр. Панки начали танцевать с девушками. Некоторые бродили по двору и восхищались

цветами. Они сидели на траве, беседовали друг с другом и смеялись. Молодежь веселилась, и все было хорошо.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал Макс Поллард. — Это самые обыкновенные ребята. Не надо только дразнить их и не надо ссориться. Конечно, некоторые из них без царя в голове, но это еще не значит, что они преступники. Просто вы сами ведете себя вызывающе.

— Да, — сказал Макс. Он кивнул полицейскому и пошел внутрь двора, стараясь казаться незаметным. Ему так хотелось не спускать с дуба глаз, но он понимал, что не может рисковать. Даже смотреть в сторону дуба было опасно, не то что подходить к нему. Иначе они подложат мину куда-нибудь еще, и тогда ему придется лихорадочно ее искать в кромешной мгле.

Скамейка под цветущим миндальным деревом была пустой, и Макс улегся на ней. День был теплым, и он задремал.

Когда он проснулся, рядом, на дорожке стоял мужчина.

— Привет, Макс, — сказал Стоуни Стаффорд.

— А ты чего не танцуешь, Стоуни?

— Я ждал, когда ты проснешься, — ответил Стоуни. — Слишком уж крепко ты спишь. Я мог бы сломать тебе шею.

Макс сел и потер лицо.

— Только не в День Перемирия, Стоуни. Сегодня мы все друзья.

Стоуни презрительно плюнул на дорожку.

— Скоро, — пообещал он.

— Послушай, — сказал Макс, — почему бы тебе не забыть о нас? Не старайся, можешь надорваться. Поищи что-нибудь полегче.

— Когда-нибудь придет и ваш час, — ответил Стоуни. — Эта усадьба не может стоять вечно.

— Ничего у тебя не выйдет.

— Может быть, — ответил Стоуни. — Но я думаю иначе. И мне хочется вот что тебе сказать. Ты считаешь, наверно, что с тобой ничего не случится, даже если мы и разрушим дом Кроуфорда. Но ты ошибаешься. С Кроуфордом и Норой мы поступим так, как этого требует закон. Мы их и пальцем не тронем. Но вот ты отсюда никуда не уйдешь. Если нам запрещено носить

ножи и револьверы, это совсем не значит, что мы бессильны. На тебя может, скажем, упасть камень. Или ты споткнешься и упадешь в огонь. Есть немало способов, и мы обязательно прикончим тебя.

— Ты хочешь сказать, — уточнил Макс, — что я тебе не нравлюсь?

— Два моих парня погибли, — сказал Стоуни, — и несколько искалечено.

— С ними ничего бы не случилось, но ведь ты сам послал их через забор.

Макс поднял глаза и увидел ненависть во взгляде Стоуни Стаффорда, ненависть и торжество.

— Прощай, труп, — сказал Стоуни.

Он повернулся и пошел прочь.

Макс сидел на скамейке, вспоминая триумф во взгляде Стоуни. Значит, он не ошибся. Мина уже лежала под корнями старого дуба.

Поллард был прав. Ситуация действительно вышла из-под контроля. Ни одна сторона не хотела уступать.

Было время, когда полиция могла положить этому конец. Много лет назад, когда еще можно было пресечь хулиганство и вандализм. Да и родители тоже могли повлиять на развитие событий, если бы обратили больше внимания на воспитание детей, проводили с ними больше времени, вместо того чтобы предоставлять их улице. Наконец, общество могло спасти положение, построив для молодежи залы, стадионы и места для развлечений.

Но никто не думал об этом. Никто даже и не пытался.

А теперь остановить вражду было невозможно. И Макс знал, кто одержит в ней верх.

Наступило шесть вечера, и панки начали расходиться. В половине седьмого ушел последний. Музыканты уложили инструменты и уехали. Официанты собрали посуду, остатки пищи, скатерти и умчались в своем грузовике. Появились плотники и забрали доски. Макс подошел к воротам и проверил замок.

— Совсем неплохо, — сказал Поллард через ворота. — Видишь, это хорошие ребята — если познакомиться с ними поближе.

— Я и так с ними знаком, — ответил Макс.

Полицейский автомобиль развернулся и скрылся вдали.

Макс знал, что из-за забора за каждым его движением следят внимательные глаза. Нужно подождать, пока стемнеет. Будет куда лучше, если панки не поймут, что произошло на самом деле. Может быть, не сработало взрывное устройство.

Темнело. Макс знал, что больше не может ждать. Он осторожно подполз к дубу, разгреб листья и траву, прижимаясь к самой земле.

Он быстро нашел мину — свежая земля, покрытая наспех набросанными листьями, между двумя огромными корнями.

Макс сунул руку в рыхлую землю, и его пальцы коснулись холодного металла. Внезапно он замер, затем медленно и осторожно вытащил руку обратно.

Он сел и перевел дыхание.

Мина лежала под корнями дуба, как он и предполагал. Но прямо на ней была прикреплена еще одна, контактная, мина. Стоит попробовать извлечь мину с часовым механизмом, и работает контактный взрыватель.

Макс вытер руки от глины. Он понимал, что извлечь мины невозможно. Придется их оставить. Другого выхода не было.

Неудивительно, что он увидел торжество в глазах Стоуни. Это была не просто мина с часовым механизмом. Поставленная между огромными корнями, она была недосыгаемой.

Как поступить дальше?

Может быть, укрепить дуб тросами? Пожалуй, это единственный выход.

Макс встал и направился в подвал за тросами и инструментом. Проходя мимо рации, он подумал, что не успел связаться с соседними усадьбами. Ничего не поделаешь, у него сейчас дела поважнее.

И вдруг он вспомнил. Круто повернулся, сел к рации и включил питание.

Нужно тщательно выбирать слова, подумал он. Не исключено, что панки прослушивают его канал.

Джон Хеннесси, сторож в цитадели Кёртиса, ответил почти сразу.

— Что-нибудь случилось, Макс?

— Ничего особенного, Джон. Я просто вспомнил, что ты однажды говорил мне о своих игрушках.

— Игрушках?

— Ну да. Гремучках.

Макс слышал, как у Хеннеси перехватило дыхание.

— А, эти. Да, они все еще у меня, — ответил он наконец.

— Сколько их у тебя?

— Примерно сотня. Может быть, больше.

— Ты не мог бы дать их взаймы?

— Конечно, — ответил Хеннеси. — Тебе нужно их прямо сейчас?

— Да. Правда, я немного занят.

— Я упакую их в ящики и приеду примерно через час. Приготовься.

— Спасибо, Джон.

Макс снял наушники и задумался. Сотня гремучих змей! Не слишком ли он рискует?

Но ведь нельзя вечно сидеть и каждую минуту ждать нападения. А вот если ударить в ответ, да ударить так, что у панков навсегда исчезнет интерес... Плохо лишь то, что он мог только обороняться. В противном случае вмешается полиция и ему конец. Но это будет чистой-шей оборона. Никто не сможет придраться. Да, такой шанс упускать нельзя.

4

Макс быстро встал и пошел в угол подвала. Там стояли огромные сорокалитровые бутылки концентрированной серной кислоты и несколько рулонов тяжелой металлической сетки. Он перенес рулоны и связку проволоки наверх.

Подойдя к дубу, Макс принялся за работу. Прошло более получаса, пока он протянул проволоку, закрепил на ней верхний край сетки и колышками прикрепил нижний край к земле.

Едва он успел закончить работу, как у ворот остановился грузовик. Макс отворил ворота, и грузовик въехал во двор. Хеннеси вышел из кабины.

— Что у тебя случилось? — спросил он. — За забором все так и кишит панками.

— У меня неприятности, — ответил Макс.

Хеннесси открыл борт. Внутри стояли три больших ящика с дверцами, затянутыми мелкой металлической сеткой.

Вдвоем они сняли ящики и подтащили их к металлической сетке.

— Вот здесь сетка еще не прикреплена кольшками, — сказал Макс. — Давай просунем ящики под ней.

Один за другим ящики оказались за сеткой. Макс наклонился и надежно приколотил сетку к земле.

Хеннесси сходил к грузовику и вернулся, таща за собой шест.

— Ты не мог бы осветить фонариком? — попросил он. — Я знаю, панки не сводят с нас глаз, но они подумают, что мы просто осматриваем забор.

Макс включил фонарик, и Хеннесси, просунув за сетку шест, открыл крышки и перевернул ящики. Из темноты донеслось сухое шуршание.

— Они разбужены и злы. Сейчас они постараются найти место, где бы уснуть, и расползутся по всей территории между забором и твоей сеткой. Большинство очень крупные.

Он положил шест на плечо и пошел к грузовику.

— Спасибо, Джон.

— Всегда рад прийти на помощь. Я бы остался, но...

— Не надо, тебе нужно охранять свою усадьбу.

Они пожали руки.

— Первую милю проезжай как можно быстрее, — сказал Макс. — Панки могут устроить засаду.

— С моими бамперами и двигателем я прорвусь через что угодно.

Макс открыл ворота, грузовик подал назад, развернулся, набрал скорость и исчез в темноте. Проверив замок на воротах, Макс спустился в подвал. Там он включил рубильник, подающий питание на запасной забор и в сетку, подсоединенную к нему.

Вернувшись во двор, Макс начал всматриваться в темноту. Ему казалось, что он различает тени, мелькающие за забором.

Толпы панков, собравшиеся там, несомненно захотят воспользоваться рухнувшим дубом, чтобы перебежать по нему над забором, который по-прежнему будет под током.

Может быть, им удастся прорваться, но это казалось Максу маловероятным.

Он стоял у сетки, прислушиваясь к шуршанию сотни расползающихся гремучих змей, рассерженных и не находящих себе места в новой, незнакомой для них обстановке.

Макс повернулся и пошел подальше от дуба, чтобы не попасть под ударную волну взрыва, ожидая, когда истекнут последние секунды Дня Перемирия.

ЧЕРЕЗ РЕЧКУ, ЧЕРЕЗ ЛЕС

1

Была пора, когда варят яблоки впрок, когда цветут золотые шары и набухают бутоны дикой астры, и в эту-то пору шли по тропе двое детей. Когда она приметила их из окна кухни, то на первый взгляд показалось — дети как дети, возвращаются домой из школы, у каждого в руке сумка, а в ней, понятно, учебники. Будто Чарлз и Джеймс, подумала она, будто Алис и Магги, да только давно минуло то время, когда эта четверка шагала по тропинке в школу. Теперь у них свои дети в школу ходят.

Она повернулась к плите помешать яблоки — вон на столе ждет широкогорлая банка, — потом снова выглянула в окно. Они уже ближе, и видно: мальчик постарше, лет десять ему, девочке-то никак не больше восьми.

Может, мимо? Да нет, не похоже, ведь тропа сюда приведет, куда еще по ней попадешь?

Не дойдя до сарая, они свернули с тропы и деловито зашагали по дорожке к дому. Ведь как идут, не задумываются, точно знают, куда идти.

Прямо к крыльцу подошли, и она вышла на порог, а они смотрели на нее снизу, с первой ступеньки.

Over the River and Through the Woods, 1954

© 1967 Л. Жданов, перевод на русский язык

Мальчик заговорил:

— Вы наша бабушка. Папа велел первым делом сказать, что вы наша бабушка.

— Но ведь это... — она осеклась.

Она хотела сказать, что это невозможно, она не может быть их бабушкой. Но, посмотрев вниз, на сосредоточенные детские лица, обрадовалась, что не произнесла этих слов.

— Меня звать Элен, — тоненьким голоском сказала девочка.

— А меня Пол, — сказал мальчик.

Она отворила затянутую сеткой дверь, дети вошли в кухню и примолкли, озираясь по сторонам, будто в жизни не видели кухни.

— Все как папа говорил, — сказала Элен. — Плита вот, и маслобойка, и...

— Наша фамилия Форбс, — перебил ее мальчик.

Тут женщина не выдержала.

— Но это невозможно, — возразила она. — Это же наша фамилия.

Мальчик важно кивнул:

— Ага, мы знаем.

— Вы, наверно, хотите молока и печенья, — сказала женщина.

— Печенья! — радостно взвизгнула Элен.

— Мы не хотим причинять вам хлопот, — сказал мальчик. — Папа говорил, чтобы мы не причиняли хлопот.

— Он сказал, чтобы мы постарались быть хорошими детьми, — пропищала Элен.

— Я уверена, вы постараетесь, — отозвалась женщина. — Какие уж тут хлопоты!

Ничего, подумала она, сейчас разберемся, в чем дело.

Она подошла к плите и отставила кастрюлю с яблоками в сторонку, чтобы не пригорели.

— Садитесь-ка за стол, — сказала она. — Я принесу молока и печенья.

Она взглянула на часы, тикающие на полке: скоро четыре. Вот-вот мужчины придут с поля. Джексон Форбс сообразит, как тут быть, уж он всегда найдет.

Дети вскарабкались каждый на свой стул и с важным видом смотрели вокруг — на тикающие часы, на плиту

с алым отсветом в поддувале, на дрова в дровяном ящике, на маслобойку, стоящую в углу.

Сумки они поставили на пол рядом с собой. Странные сумки. Из толстого материала, может брезента, но ни завязок на них, ни застежек. Да, без завязок и застежек, а все равно закрыты.

— У вас есть марки? — спросила Элен.

— Марки? — удивилась миссис Форбс.

— Не слушайте ее, — сказал Пол. — Ей же не велели спрашивать. Она всех спрашивает, и мама ей не велела.

— А что за марки?

— Она их собирает. Ходит, таскает чужие письма. Только чтобы марки добыть, на конверте которые.

— Ладно уж, поглядим, — сказала миссис Форбс. — Как знать, может найдутся старые письма. Потом и поищем.

Она пошла в кладовку, взяла глиняный кувшин с молоком, положила на тарелку печенья из банки. Они степенно сидели на месте, дожидаясь печенья.

— Мы ведь ненадолго, — сказал Пол. — Как бы на каникулы. А потом родители придут за нами, заберут нас обратно.

Элен усердно закивала.

— Они нам так сказали, когда мы уходили. Когда я испугалась, не хотела уходить.

— Ты боялась уходить?

— Да. Почему-то вдруг понадобилось уйти.

— Времени было совсем мало, — пояснил Пол. — Все спешили. Скорей, скорей уходить.

— А откуда вы? — спросила миссис Форбс.

— Тут совсем недалеко, — ответил мальчик. — Мы шли недолго, и ведь у нас карта была. Папа дал нам карту и все как следует рассказал...

— Вы уверены, что ваша фамилия Форбс?

Элен кивнула:

— Ну да, как же еще?

— Странно, — сказала миссис Форбс.

Мало сказать странно, во всей округе нет больше никаких Форбсов, кроме ее детей и внуков. Да еще этих детей, но они-то чужие, что бы сами ни говорили.

Они занялись молоком и печеньем, а она вернулась к плите, снова поставила на огонь кастрюлю с яблоками и помешала их деревянной ложкой.

— А где дедушка? — спросила Элен.

— Дедушка в поле. Он скоро придет. Вы управились с печеньем?

— Все съели, — ответила девочка.

— Тогда давайте накроем на стол и согреем обед. Вы мне не поможете?

Элен соскочила со стула на пол.

— Я помогу, — сказала она.

— И я, — подхватил Пол. — Пойду дров принесу. Папа сказал, чтобы я не ленился. Сказал, чтобы я носил дрова, и кормил цыплят, и собирал яйца, и...

— Пол, — перебила его миссис Форбс, — скажи-ка мне лучше, чем занят твой папа.

— Папа — инженер, он служит в управлении времени, — ответил мальчик.

2

Два батрака за кухонным столом склонились над шашечной доской. Старики сидели в горнице.

— В жизни не видела ничего похожего, — сказала миссис Форбс. — Такая металлическая штучка, берешься за нее, тянешь, она скользит по железной дорожке, и сумка открывается. Тянешь обратно — закрывается.

— Новинка, не иначе, — отозвался Джексон Форбс. — Мало ли новинок не доходит до нас тут, в нашей глуши. Эти изобретатели — башковитый народ, чего только не придумают.

— И точно такая штука у мальчика на штанах, — продолжала она. — Я подняла их с пола, где он их бросил, когда спать ложился, взяла и положила на стул. Гляжу — железная дорожка, по краям зубчики. Да и сама одежда-то — у мальчика штаны обрезаны выше колен, и платье у девочки уж такое короткое...

— Про самолеты какие-то говорили, — задумчиво произнес Джексон Форбс, — не про те, которые мы знаем, а другие, будто люди на них едут. И про ракеты, опять же не для лапты, а будто в воздухе летают.

— И расспрашивать как-то боязно, — сказала миссис Форбс. — Они... не такие какие-то, вот чувствуую, а назвать не могу.

Муж кивнул.

— И словно напутаны чем-то.

— И тебе боязно, Джексон?

— Не знаю, — ответил он. — Да ведь нету других Форбсов. То есть по соседству-то нету. До Чарли пять миль как-никак. А они говорят, совсем немного прошли.

— Ну, и что ты думаешь? — спросила она. — Что мы можем тут сделать?

— Хотел бы я знать, — сказал он. — Может, поехать в поселок, потолковать с шерифом? Кто знает, вдруг они потерялись, дети эти? А кто-нибудь их ищет.

— По ним вовсе и не скажешь, что потерялись, — возразила она. — Они знали, куда идут. Знали, что мы тут. Сказали мне, что я их бабушка, про тебя спросили, назвали тебя дедушкой. И все будто так и надо. Будто и не чужие. Им про нас рассказали. Как бы на каникулы, видишь ли. Так и держатся. Словно в гости зашли.

— Ну вот что, — сказал Джексон Форбс, — запрягу-ка я Нелли после завтрака, поеду по соседям, поспрошаю. Смотришь, от кого-нибудь что-то и узнаю.

— Мальчик говорит, отец у него инженер в управлении времени. Вот и разберись. Управление — это же власти какие-то, как я понимаю...

— А может, шутка? — предположил муж. — Отец просто пошутил, а мальчонка за правду принял.

— Пойду-ка я наверх да погляжу, спят ли они, — сказала миссис Форбс. — Лампы-то я им оставила. Вон они какие маленькие, и дом чужой для них. Коли уснули, задую лампы.

Джексон Форбс одобрительно кашлянул.

— Опасно на ночь огонь оставлять, — заметил он. — А ну как пожар займется.

3

Мальчуган спал, раскинув руки, спал глубоким здоровым сном юности. Раздеваясь перед сном, он бросил всю одежду на пол, но теперь все опрятно лежало на стуле — она сложила, когда приходила пожелать ему спокойной ночи.

Сумка стояла рядом со стулом, открытая, и два ряда железных зубчиков слабо поблескивали в тусклом свете лампы. И в ней что-то лежало — кое-как, в полном беспорядке. Разве так вещи складывают?

Она наклонилась, подняла сумку и взялась за металлическую скобочку, чтобы закрыть. Уж во всяком случае, сказала она себе, мог бы закрыть, не бросать так, открытой. Потянула скобочку, и та легко заскользила

по дорожке, пока не уперлась во что-то, торчащее наружу.

Книга... Она взялась за нее, хотела засунуть поглубже, чтоб не мешала. И тут увидела название — стершиеся золотые буквы на корешке. Библия.

Она помедлила, держа книгу на весу, потом осторожно вынула ее. Переплет из дорогой черной кожи, потертый, старинный. Уголки помяты, погнуты, страницы тоже стерты от долгого употребления. Золотой обрез потемнел.

Она нерешительно раскрыла книгу и на самом первом листе увидела старую, выцветшую надпись:

*Сестре Элен от Амелии
30 октября 1896 года
С самыми добрыми пожеланиями*

У нее подкосились колени, она мягко села на пол и, притулившись подле стула, прочла еще раз.

Тридцатое октября 1896 года — ну да, ее день рождения, но ведь он еще не настал, еще только начало сентября 1896 года.

А сама Библия — да сколько ей лет? Сто, наверное, а то и больше будет.

Библия — как раз то, что подарила бы ей Амелия. Но подарка-то еще нет, да и не может быть, до числа, которое написано на листе, целый месяц.

Вот и ясно, такого не может быть. Просто глупая шутка какая-то. Или ошибка. А может, совпадение? Где-то еще есть женщина, которую звать Элен, и у нее тоже есть сестра по имени Амелия, а число — что ж, ошибся кто-то, не тот год написал. Будто люди не ошибаются.

И все-таки она недоумевала. Они сказали, что их фамилия Форбс, и пришли прямо сюда, и Пол говорил про какую-то карту, по которой они нашли дорогу.

Может, в сумке еще что-то такое есть? Она поглядела на нее и покачала головой. Нет, не годится выведывать. И Библию-то она зря достала.

Тридцатого октября ей будет пятьдесят девять лет — старая женщина, жена фермера, сыновья женаты, дочери замужем, под воскресенье и на праздники внуки приезжают погостить. И сестра Амелия есть, которая в этом, 1896 году подарит ей на день рождения Библию.

Дрожащими руками они подняла Библию и положила обратно в сумку. «Спущусь вниз, Джексону расскажу. Пусть-ка поразмыслит, может, что и надумает».

Она засунула книгу на место, потянула за железку, и сумка закрылась. Поставила ее на пол, поглядела на мальчугана на кровати. Он крепко спал, и она задула лампу.

В комнате рядом спала крошка Элен, лежа по-детски, ничком. Маленький огонек над прикрученным фитилем трепетал от легкого ветерка, который струился из открытого окна.

Сумка Элен была закрыта и бережно прислонена к ножке стула. Женщина задержала на ней взгляд, потом решительно двинулась к столику, на котором стояла лампа.

Дети спят, все в порядке, сейчас она задует лампу и пойдет вниз, поговорит с Джексонном, и может, ему вовсе незачем будет утром запрягать Нелли и объезжать соседей с расспросами.

Наклоняясь над лампой, она вдруг заметила на столе конверт с двумя большими многокрасочными марками в первом верхнем углу.

«Какие красивые марки, никогда таких не видела». Она нагнулась еще больше, чтобы лучше их разглядеть, и прочла название страны: Израиль. Но ведь нет на свете такого места. Это библейское имя, а страны такой нет. Раз нет страны, откуда марки?

Она взяла конверт в руки, еще раз посмотрела на марки, проверяя. Очень красивые марки!

Пол говорил, она их собирает. Таскает чужие письма.

На конверте была печать, и число должно быть, но проштемпелевано наспех, все смазано, не разобрать.

Из-под рваного края конверта, там, где вскрывали, самую малость выглядывал краешек письма, и она поспешно извлекла его; от волнения трудно дышать, и холодок сжал сердце...

Это был конец письма, последняя страница, и буквы не писанные, а печатные, почти как в газете или книге.

Не иначе, опять какая-нибудь новомодная штука, из тех, что стоят в учреждениях в большом городе. Где-то она про них читала — пишущие машинки, что ли?

«...не думаю, — читала она, — чтобы из твоего плана что-нибудь вышло. Не успеем. Враг осадил нас, нам просто не хватает времени.

И даже если бы хватило, надо еще продумать этическую сторону. По совести говоря, какое у нас право лезть в прошлое и вмешиваться в дела людей, которые жили сто лет назад? Только представь себе, чем это будет для них, для их психологии, для всей их жизни!

А если ты все-таки решишь послать хотя бы детей, подумай, какое смятение ты внесешь в души этих двух добрых людей, когда они поймут, в чем дело. Они живут в своем тихом мирке, спокойном, здоровом мирке. Веяние нашего безумного века разрушит все, чем они живут, во что верят.

Боюсь, ты меня все равно не послушаешь. Я сделал то, о чем ты просил. Написал тебе все, что знаю о наших предках на этой ферме в Висконсине. Как историк нашего рода я уверен в достоверности всех фактов. Поступай, как знаешь, и пусть Бог нас милует.

*Твой любящий брат
Джексон*

Р. С. Кстати, если ты все-таки отправишь туда детей, пошли с ними хорошую дозу нового противоракового средства. Прапрапрабабушка Форбс умерла в 1904 году, насколько я понимаю, от рака. С этими таблетками она сможет прожить лишних десять-двадцать лет. И ведь это ничего не значит для нашего сумбурного будущего, верно? Что выйдет, не знаю. Может быть, это спасет нас. Может, ускорит нашу гибель. Может, никак не повлияет. Сам разбирайся.

Если я успею все здесь закончить и выберусь отсюда, я буду с тобой, когда придет конец».

Она машинально сунула письмо обратно в конверт и положила его на стол рядом с мигающей лампой. Медленно подошла к окну и посмотрела на пустынную тропинку.

Они придут за нами, сказал Пол. Придут ли? Смогут ли?

Хоть бы им это удалось. Бедные люди, бедные, испуганные дети, запертые в западне будущего.

Кровь от моей крови, плоть от плоти, и столько лет нас разделяет. Пусть они далеко, все равно моя плоть и

кровь. Не только эти двое, что спят под моей крышей сегодня ночью, но и те, которые остались там.

В письме написано — 1904 год, рак. До тех пор еще восемь лет, она будет совсем старуха. И подпись — Джексон. Уж не Джексон ли Форбс? Может, имя из поколения в поколение передавалось?

Она словно окаменела. После придет страх. После она будет не рада, что прочла это письмо. Не рада, что знает.

А теперь надо идти вниз и как-то все объяснить Джексону.

Она прошла к столу, задула лампу и вышла из комнаты.

Чей-то голос раздался за ее спиной:

— Бабушка, это ты?

— Да, Пол, — ответила она. — Что тебе?

Стоя на пороге, она увидела, как он, освещенный полоской лунного света из окна, присел подле стула и что-то ищет в сумке.

— Я забыл. Папа велел мне, как приду, сразу отдать тебе одну вещь.

МИР, КОТОРОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

1

Следы поднимались по одной грядке, спускались по следующей, и все побеги вуа на этих грядках были срезаны на дюйм-два над поверхностью. Вор работал методично: он не бродил бесцельно по плантации, а собрал урожай с десяти первых гряд на западной стороне поля. Затем, насытившись, он свернул к лесу. Это случилось недавно — комья земли все еще осыпались в глубокие ямы, оставленные в мягкой почве громадными лапами.

Где-то жужжала птица-пильщик, просверливая бревно, а из поросшего колючками оврага доносилась пронзительная утренняя песнь болтунов. День обещал быть жарким. С земли поднимался запах пересушенной пыли, и лучи только что вставшего солнца плясали на ярких листьях деревьев хула, так что казалось — лес полон миллионами блестящих зеркал.

Гэвин Дункан вытащил из кармана красный платок и вытер пот с лица.

— Нет, господин, — умолял Зиккара, старший рабочий на ферме. — Этого нельзя делать. Вы не должны охотиться на Циту.

— Черта с два, — ответил Дункан по-английски, а не на местном языке.

Он смотрел на заросли хула, на широкие проплешины, выжженные солнцем, на колючки, рощи деревьев, разрезанные предательскими оврагами, в которых таились водоемы.

«Соваться туда — самоубийство, — подумал он, — но я скоро вернусь. Зверь, очевидно, заляжет, чтобы переварить пищу, и его можно будет настигнуть через час-другой. Но если зверь не заляжет — придется идти за ним дальше».

— Очень опасно, — настаивал Зиккара. — Никто не охотится на Циту.

— А я буду охотиться, — ответил Дункан на местном языке. — Я буду охотиться на любую тварь, которая жрет мой урожай. Еще несколько таких ночей — и у меня на поле ничего не останется.

Он засунул платок обратно в карман и надвинул шляпу пониже на лоб, чтобы защитить глаза от солнца.

— Ее трудно найти, господин. Сейчас сезон скуна. Если вы попадете...

— Послушай, — оборвал его Дункан. — До того как я пришел, вы один день пировали, а потом много дней подряд постились. Теперь вы едите каждый день. И вам нравится, чтобы вас лечили. Раньше, стоило вам заболеть, вы умирали. Теперь, когда вы больны, я вылечиваю вас, и вы остаетесь живыми. Вам больше нравится жить на одном месте, а не бродить по лесу.

— Да, господин, нам все это нравится, — сказал Зиккара. — Но мы не охотимся на Циту.

— Если мы не будем охотиться на Циту, то все это потеряем, — ответил Дункан. — Если не будет урожая — я разорен. Мне придется убираться отсюда. Что тогда будет с вами?

— Мы сами будем выращивать вуа.

— Не смеши меня, — сказал Дункан. — Ты же знаешь, что это чепуха. Если я не буду вас подталкивать целыми днями, — вы и пальцем не пошевелите. Если я уеду, — вы вернетесь в лес. А теперь пошли за Цитой.

— Но она такая маленькая, господин! Она такая молодая! Она не стоит того, чтобы из-за нее беспокоиться. Просто стыдно ее убивать.

«Может, чуть поменьше лошади, — подумал Дункан, не спуская глаз с Зиккары. — А он перепуган, даже поджилки трясутся».

— Она, наверное, была очень голодная. Господин, даже Цита имеет право есть.

— Только не мой урожай, — жестко сказал Дункан. — Ты знаешь, почему мы выращиваем вуа. Ты знаешь, что это — хорошее лекарство. Ягоды вуа лечивают людей, у которых болезнь в голове. Моим людям это лекарство очень нужно. Больше того, там... — он поднял руку вверх, к небу, — там они очень хорошо платят за ягоды вуа.

— Но, господин...

— Вот что я скажу, — негромко ответил Дункан, — или ты дашь мне проводника, который поможет отыскать Циту, или вы все отсюда выматываетесь. Я найду другое племя, которое захочет работать на ферме.

— Нет, господин! — закричал в отчаянии Зиккара.

— Можете выбирать, — холодно сказал Дункан.

Он побрел через поле к дому, который пока что был ненамного лучше туземной хижины. Но в один прекрасный день это будет настоящий дом. Стоит Дункану продать один или два урожая, — и он построит дом с баром и плавательным бассейном, с садом, полным цветов. Наконец-то после долгих скитаний у него будет дом и плантации, и все будут называть его господином.

— Плантатор Гэвин Дункан, — сказал он вслух, и ему понравилось, как это звучит. Плантатор на планете Лейард. Но ему не стать плантатором, если каждую ночь Цита будет пожирать побеги вуа.

Он обернулся и увидел, что Зиккара бежит к деревне. «Все-таки я их раскусил», — с удовольствием подумал Дункан.

Оставив поле позади, он пересек двор, направляясь к дому. На веревке сушилась рубашка Шотвелла.

«Черт бы его побрал, — подумал Дункан. — Заигрывает с придурковатыми туземцами, суется повсюду со своими вопросами, крутится под ногами. Правда, если уж быть справедливым, в этом и заключается его работа. Для этого его сюда и прислали социологи».

Дункан подошел к хижине, толкнул дверь и вошел. Шотвелл, голый до пояса, мылся над тазом.

На плите шипел завтрак. Его готовил пожилой повар-туземец.

Дункан пересек комнату и снял с гвоздя тяжелое ружье. Он щелкнул затвором, проверяя его.

Шотвелл протянул руку за полотенцем.

— Что там происходит? — спросил он.

— Цита забралась на поле.

— Цита?

— Такой зверь, — пояснил Дункан. — Она сожрала десять грядок вуа.

— Большой зверь, маленький? Каков он собой?

Туземец начал расставлять тарелки для завтрака. Дункан подошел к столу, положил ружье на угол и сел. Он разлил по чашкам темную жидкость.

«Боже мой, — подумал он, — что бы я отдал за чашку настоящего кофе».

Шотвелл пододвинул к столу свой стул.

— Вы мне не ответили. Что представляет собой Цита?

— Если б я знал, — ответил Дункан.

— Вы не знаете? Но вы, похоже, хотите на нее охотиться. А как же вы собираетесь охотиться, если не знаете...

— Пойду по следам. То существо, которое я найду там, где следы кончатся, и будет Цитой. Как только мы ее увидим, я узнаю, как она выглядит.

— Мы?

— Туземцы пришлют какого-нибудь следопыта. Некоторые из них в этом отношении дадут сто очков вперед любой собаке.

— Послушайте, Гэвин. Вам от меня одни неудобства, но вы вели себя со мной очень порядочно. Если могу чем-нибудь помочь, — я пошел бы с вами.

— Двое двигаются быстрее, чем трое. И нам надо настигнуть Циту как можно скорее, а то придется соревноваться с ней на выносливость.

— Хорошо. Тогда расскажите мне о Ците.

Дункан положил в тарелку каши и передал кастрюлю Шотвеллу.

— Это особенный зверь. Туземцы ее до смерти боятся. Они рассказывают о ней разные легенды. Например, что ее нельзя убить. Цита — это имя собственное, всегда с большой буквы. Несколько раз замечали, что она появлялась в самых разных районах.

— И никто ее не подстрелил?

— Я об этом не слышал. — Дункан похлопал ладонью по ружью. — Дайте мне только до нее добраться.

Он принялся за кашу, заедая ее вчерашним кукурузным хлебом. Потом допил темное пойло и передернулся.

— В один прекрасный день я наскребу денег на фунт настоящего кофе, — сказал он. — Как вы думаете...

— Перевозка стоит дорого, — ответил Шотвелл. — Я пришлю вам фунт кофе, когда вернусь домой.

— Только не по экспортной цене, — сказал Дункан, — лучше уж я обойдусь без кофе.

Некоторое время они ели в молчании. Наконец Шотвелл произнес:

— Ничего у меня не получается, Дункан. Местные жители охотно разговаривают со мной, но извлечь из этого ничего нельзя.

— Я вас предупреждал. Вы могли бы и не тратить времени понапрасну.

Шотвелл упрямо покачал головой:

— Должен быть ответ. Должно быть логическое объяснение. Легко сказать, что нельзя игнорировать фактор пола, но именно это нужно делать на Лейарде. Легко утверждать, что не может существовать бесполой животных, бесполой рас, бесполой планеты, но здесь мы сталкиваемся именно с этим. Должен же где-то быть ответ на этот вопрос, и я намерен его отыскать.

— Погодите минутку, — прервал его Дункан. — Нечего зря лезть в бутылку. У меня сейчас нет времени слушать вашу лекцию.

— Но меня беспокоит не только отсутствие пола, — продолжал Шотвелл, — хоть это и главное. Весьма загадочны дополнительные ситуации, вытекающие из основной.

— Ничуть не сомневаюсь, — сказал Дункан. — Но будьте любезны...

— Без пола пропадает смысл семьи, без семьи нет основы для племени, а в то же время у местных жителей сложная племенная структура с развитыми табу, регулирующими повседневную жизнь. Где-то должно быть нечто главное, объединяющее их и порождающее систему взаимоотношений, братства.

— Не братства, — усмехнулся Дункан. — Даже не сестринства. Следите за своей терминологией. Самым подходящим словом будет бесполство.

Дверь открылась, и в комнату робко вошел туземец.

— Зиккара сказал, что господин хочет меня видеть, — сказал он. — Я Сипар. Я могу выслеживать

всех зверей, кроме крикунов, ходульников, длиннорогов и донованов. Это мои табу.

— Рад слышать, — сказал Дункан, — что у тебя нет табу на Циту.

— Цита! — завопил Сипар. — Зиккара не сказал мне про Циту!

Дункан не обратил на его крик никакого внимания. Он поднялся из-за стола и подошел к большому сундуку, стоявшему у стены. Порывшись в нем, он достал оттуда бинокль, охотничий нож и запасную обойму. Потом он задержался у буфета на кухне и набил кожаный мешочек мукой из банки.

— Это называется рокахомини, — объяснил он Шотвеллу. — Ее придумали североамериканские индейцы. Кукурузные зерна поджаривают, а потом толкут. Трудно назвать лакомством, но поддерживает силы.

— Вы рассчитываете уйти надолго?

— Может, придется переночевать в лесу, не знаю. Но я не вернусь, пока ее не схвачу. Не могу себе позволить. А то она за несколько дней пустит меня по миру.

— Счастливой охоты, — сказал Шотвелл. — Я буду оборонять форт.

Дункан обернулся к Сипару:

— Хватит дрожать, пойдем.

Он поднял ружье и повесил за плечо. Ногой толкнул дверь и вышел.

Сипар робко последовал за ним.

2

Первый раз Дункан выстрелил под вечер того же дня.

Еще утром, часа через два после того как они покинули ферму, им удалось поднять Циту, залегшую в глубоком овраге. Но выстрелить тогда он не успел. Дункан увидел лишь, как черное пятно мелькнуло и исчезло в кустах.

Весь день они шли по следу. Впереди Сипар, за ним Дункан, осматривавший места, где могла укрыться Цита. Раскаленное от солнца ружье все время было наготове.

Один раз им пришлось задержаться минут на пятнадцать. Огромный донован топтался в зарослях, ревя —

он собирался с духом, чтобы напасть. Но, покружившись с четверть часа, решил вести себя пристойно и ускорил тяжелым галопом.

Дункан глядел ему вслед, задумавшись. Чтобы убить донована, требовалось всадить в него порядочно свинца. А стоило ему пустить в ход ноги, как обнаружилось, что он весьма ловок, несмотря на кажущуюся неуклюжесть. Донованы убили многих людей за те двадцать лет, как люди прибыли на Лейард.

Когда зверь убежал, Дункан обернулся, ища Сипара, и обнаружил его спящим под кустом хула. Он не слишком деликатно растолкал проводника, и они отправились дальше.

В кустах было множество других животных, но они не тревожили путников.

Сипар нехотя принялся за дело, однако он уверенно шел по следу. Ему указывали путь примятая трава, сломанная ветка, сдвинутый камень, легкий отпечаток лапы. Он шел, как хорошо натренированная гончая. Он был здесь как дома.

Когда солнце стало клониться к западу, они начали взбираться на высокий холм, и когда приблизились к вершине, Дункан шепотом остановил Сипара. Тот в удивлении оглянулся. Дункан жестами приказал ему замереть.

Туземец присел на корточки, и Дункан, проходя вперед, заметил, что лицо его искажено. В этой гримасе были и мольба, и ненависть. «Он перепуган, как и все остальные, — подумал Дункан». Но чувства и мысли туземца его не волновали — важнее всего был зверь.

Последние несколько шагов Дункан прополз на живот, толкая перед собой ружье. Бинокуляр бил его по спине. Быстрые злые насекомые вылетали из травы. Одно из них ухитрилось ужалить его в лицо.

Дункан вполз на вершину холма и залег там, оглядывая местность. Ничего нового: те же пыльные обрывы, кусты, колючки, заросшие лощины и страшная пустота вокруг.

Он лежал неподвижно, пытаясь уловить хоть намек на движение, на тень, на неправильность в пейзаже — на все, что могло оказаться Цитой.

Но он ничего не заметил. Лишь у самого горизонта паслось стадо каких-то животных.

Вдруг он уловил движение — мимолетное движение на бутре посреди склона.

Он осторожно положил ружье на землю, поднес к глазам бинокль и стал медленно поворачивать голову, рассматривая подозрительное место. Животное находилось именно там, куда он смотрел.

Цита отдыхала и смотрела в ту сторону, откуда пришла, поджидая, когда появятся ее преследователи. Дункан попытался определить форму и размер Циты, но она сливалась с травой и бурой почвой, и он так и не смог понять, что она собой представляет.

Он опустил бинокль. Теперь, точно зная, где лежит Цита, он мог различить очертания ее тела невооруженным глазом.

Рука потянулась к ружью и прижала приклад к плечу. Дункан пошевелился, устраиваясь поудобнее. Перекрестие прицела уперлось в смутную тень на бутре, и тут животное встало на ноги.

Цита была не так велика, как он ожидал, — может, немного крупнее земного льва. Но она была не похожа на льва. Цита оказалась массивным темным существом, неуклюжим и грузным, но при этом в ней ощущалась сила и злоба.

Дункан прицелился в толстую шею, набрал в легкие воздуха, задержал дыхание и начал медленно нажимать на курок.

Ружье сильно отдало в плечо, так что в голове загудело... и зверь пропал. Он не отпрыгнул, не упал, он попросту растворился, исчез в траве.

— Я попал в точку, — уверил себя Дункан.

Он щелкнул затвором, использованная гильза вылетела на землю, и новый патрон, щелкнув, вошел в ствол.

Некоторое время он лежал, наблюдая. На бутре, где упала Цита, трава колыбалась, как будто под ветром, хотя никакого ветра не было. Но кроме этого ничто не говорило о Ците. Зверь не смог встать, он остался лежать.

Дункан поднялся на ноги, достал платок и отер пот с лица. Позади себя он услышал мягкие шаги и обернулся. К нему подошел проводник.

— Все в порядке, Сипар, — сказал Дункан. — Можешь больше не волноваться. Я ее пристрелил. Сейчас пойдем домой.

Погоня была долгой, куда более долгой, чем он рассчитывал. Но в конце концов он добился своего, а это было главным. По крайней мере на какое-то время урожай вуа был спасен.

Он сунул платок обратно в карман, спустился по склону и, взобравшись на бугор, дошел до того места, где свалилась Цита. В траве видны были три маленьких клочка шерсти и мяса, сгустки крови. Больше ничего.

Дункан вскинул ружье, быстро обернулся. Он был начеку. Он осматривался, стараясь уловить малейшее движение, цветное пятно или тень. Но ничего не было. Стояла жаркая предвечерняя тишина. Ни ветерка, ни дуновения воздуха. Но Дункан предчувствовал опасность. Его пронзило ощущение нависшей угрозы.

— Сипар! — громко прошептал он. — Осторожнее!

Проводник стоял неподвижно, не слушая его. Его зрачки закатились, виднелись только белки, а мышцы напряглись, словно стальные тросы.

Дункан медленно поворачивался, держа ружье на изготовку, слегка согнув локти, готовый выстрелить в какую-то долю секунды.

Но ничто не шевелилось. Вокруг была пустота — пустота солнца и раскаленного неба, травы и корявых деревьев, рыжей и желтой земли, уходящей в вечность.

Шаг за шагом Дункан обошел весь склон холма и наконец вернулся к тому месту, где проводник выл, обхватив себя руками и раскачиваясь, как будто хотел укачать себя в воображаемой колыбели.

Дункан подошел к месту, где упала Цита, и подобрал куски кровоточащей плоти. Они были искорежены пулей и бесформенны. И это было странно. За все годы охоты на многих планетах Дункан никогда не сталкивался с тем, чтобы пуля вырывала из тела жертвы куски мяса.

Он бросил их в траву и вытер руки о бедра. Ему было немного не по себе.

В траве не видно было кровавого следа, хотя зверь с такой раной обязательно должен был бы оставить след.

И стоя на склоне холма, он вдруг ощутил холодное прикосновение страха, словно чьи-то пальцы на мгновение сжали его сердце. Он подошел к проводнику, наклонился и встряхнул его.

— Приди в себя, — приказал он.

Он ожидал услышать мольбу, стенания, но ничего такого не услышал.

Сипар вскочил на ноги и посмотрел на Дункана странно поблескивающими глазами.

— Пошли, — сказал Дункан. — У нас еще осталось немного времени. Иди кругами, пока не найдешь след. Я буду тебя прикрывать.

Он взглянул на солнце. До захода оставалось еще часа полтора, от силы — два. Может быть, удастся настигнуть зверя до наступления темноты.

В полумиле от бутра Сипар вновь нашел след, и они двинулись по нему. Правда, теперь они шли осторожнее, потому что за любым кустом, скалой или участком высокой травы могло скрываться раненое животное.

Силы у Дункана были на пределе, и он проклинал себя за это. Ему приходилось и раньше бывать в переделках. Нет никаких оснований так волноваться. Разумеется, ничего приятного в этой погоне нет, но раньше он все-таки выбирался из всех переделок. Вины ваты во всем эти легенды о Ците, суеверная болтовня, в которую так легко поверить на краю света.

Он крепче сжал ружье и продолжил путь.

«Не бывает бессмертных зверей», — сказал он себе.

За полчаса до заката он объявил привал у водоема — скоро станет слишком темно, чтобы стрелять. С утра они снова пойдут по следу, и тогда уж Ците придется труднее: она ослабнет, может, даже подохнет.

Дункан собрал сучьев и развел костер на лужайке среди колючих кустов. Сипар взял фляги и опустил их под воду, чтобы они наполнились. Вода была теплой и неприятной на вкус, но достаточно чистой, чтобы ее можно было пить.

Солнце зашло, и стало темно. Они набрали побольше сушняка и свалили его рядом с костром.

Дункан достал мешочек с рокахомини.

— Ешь, — сказал он Сипару. — Это ужин.

Проводник протянул сложенную горстью ладонь, и Дункан отсыпал ему муки.

— Спасибо тебе, господин, — сказал Сипар. — Кормилец.

— А? — спросил Дункан, потом понял, что имел в виду туземец. — Ешь, — сказал он почти нежно. —

Немного, правда, но восстановит силы. Завтра они нам понадобятся.

Кормилец, надо же! Может, хочет его умаслить? Через некоторое время Сипар начнет ныть, чтобы бросить охоту и вернуться на ферму. С другой стороны, если подумать, он и на самом деле кормилец этой компании бесполок существ. Слава Богу, кукуруза хорошо прижилась на красной, упрямой почве Лейярда — добрая старая кукуруза из Северной Америки. На Земле ее скормливают свиньям, делают из нее хлопья к завтраку, а здесь, на Лейярде, она стала основной пищей для осевших кочевников, которые до сих пор не могут отделаться от скептицизма и удивления при мысли о том, как это можно выращивать пищу вместо того, чтобы искать ее по лесам.

«Кукуруза из Северной Америки на Лейярде растет бок о бок с вуа, — размышлял он. — Так оно и идет. Что-то с одной планеты, что-то с другой, еще что-нибудь с третьей, и таким образом при широком сотрудничестве планет возникает общая космическая культура, которая в конце концов, через несколько тысяч лет, может быть, создаст мир куда более разумный и понимающий, чем тот, что существует сегодня».

Он высыпал себе на ладонь немного рокахомини и положил мешочек обратно в карман.

— Сипар.

— Да, господин?

— Ты не испугался сегодня, когда донован хотел на нас напасть?

— Нет, господин. Донован не может на меня напасть.

— Ясно. Ты сказал, что донован для тебя табу. А может так быть, что и ты табу для донована?

— Да, господин. Мы с донованом росли вместе.

— Разумеется, — сказал Дункан.

Он бросил в рот пригоршню муки и запил её глотком затхлой воды. Потом с трудом прожевал получившуюся кашу.

Конечно, можно продолжать в том же духе и спросить: где, как и когда донован и Сипар могли вместе расти, но смысла в этом не было. Вот в такую сеть и попадал все время Шотвелл.

«Я почти уверен, что эти паршивцы водят нас за нос», — сказал он себе.

Что за фантастическая компания! Ни мужчин, ни женщин — одни «штуки». И хоть среди них не найдешь младенцев, ребятишек старше восьми-девяти сколько угодно. А если нет младенцев — откуда берутся восьмилетние дети?

— Я так думаю, что другие твои табу, ходульники и крикуны, тоже росли с тобой вместе? — спросил он.

— Ты прав, господин.

— Ну и детский сад у вас был, — сказал Дункан.

Он продолжал жевать, глядя в темноту за крутом огня.

— В кустах что-то есть, господин.

— Я ничего не слышал.

— Чуть слышно. Кто-то бежит.

Дункан прислушался. Сипар был прав: какие-то мелкие зверюшки бегали в чаще.

— Наверно, мыши, — сказал он.

Он проглотил рокахомини и запил ее глотком воды, чуть не поперхнувшись.

— Отдыхай, — сказал он Сипару — Я тебя потом разбуджу, чтобы самому соснуть.

— Господин, я останусь с тобой до конца.

— Ну что ж, — сказал Дункан, несколько удивившись. — Это очень благородно с твоей стороны.

— Я останусь до смерти, — заверил Сипар.

— Не перенапрягайся, — сказал Дункан.

Он поднял ружье и пошел к водоему.

Ночь была тихой, и земля сохраняла ощущение пустоты. Было пусто, если не считать костра, водоема и маленьких мышей, бегающих в кустах.

И Сипара, который улегся у костра, свернувшись калачиком, и мгновенно заснул. Он был гол, и в руках у него не было оружия. Он был голым животным — не человеком еще, гуманоидом, — и все же у него была цель, которая порой ставила в тупик. Утром при одном упоминании имени Циты он дрожал и в то же время ни разу не потерял следа. Он полностью лишился самообладания на бутре, где они нашли и потеряли Циту, а теперь он готов до смерти не покидать Дункана.

Дункан вернулся к костру и коснулся Сипара носком башмака. Тот сразу проснулся.

— О чьей смерти? — спросил Дункан. — О чьей смерти ты говорил?

— О нашей, конечно, — сказал Сипар и снова заснул.

3

Дункан не увидел стрелы. Он лишь уловил ее свист и почувствовал дуновение воздуха возле шеи, и тут же стрела впилась в ствол дерева за его спиной.

Он отпрянул в сторону и укрылся за грудой камней. Почти инстинктивно его палец перевел затвор на автоматическую стрельбу.

Скорчившись за камнями, он осторожно выглянул. Ничего не видно. Деревья хула поблескивали под солнцем, колючие кусты были серыми и безжизненными, и единственными живыми существами казались три ходульника, мрачно шагавшие в полумиле от Дункана.

— Сипар, — прошептал он.

— Я тут, господин.

— Лежи. Он все еще где-то здесь.

Кто бы это ни был, он здесь и ждет, когда сможет выстрелить вновь. Дункан поежился, вспомнив дыхание стрелы возле горла. Черт знает что за смерть для человека — где-то в лесу, со стрелой в горле. И перепуганный до смерти туземец спешит со всех ног домой.

Он опять перевел затвор на одиночные выстрелы, отполз в сторону и перебежал к куще деревьев, возвышавшихся на пригорке. Отсюда он мог подойти к тому месту, откуда была пущена стрела, с фланга.

Он оглядел местность в бинокль. Никаких следов. Тот, кто в них стрелял, успел скрыться.

Он вернулся к дереву, в которое вонзилась стрела, и вытащил глубоко впившийся в кору наконечник.

— Можешь выходить, — сказал он Сипару. — Там никого нет.

Стрела была сделана на удивление грубо. Древко было неоперено, и казалось, что его обрубili камнем. Наконечником служил необработанный кусок кремня, подобранный в сухом русле реки — он был примотан к древку полоской крепкого, но гибкого луба дерева хула.

— Ты узнаешь ее? — спросил он Сипара.

Проводник взял стрелу, осмотрел.

— Это не мое племя.

— Разумеется, не твое. Твои охотники не стали бы в нас стрелять. Может, другое племя?

— Очень плохая стрела.

— Я знаю. Но ею можно убить с таким же успехом, как и хорошей. Ты ее узнаешь?

— Никакое племя не делало этой стрелы, — заявил Сипар.

— Может, ребенок?

— Что здесь может делать ребенок?

— Я тоже об этом подумал, — согласился Дункан.

Он отобрал стрелу у Сипара и начал медленно крутить между большим и указательным пальцами. Ему пришла в голову ужасная мысль. Нет, этого не может быть. Это слишком фантастично. Может, он перегрелся на солнце — иначе как бы могла появиться на свет такая вздорная мысль?

Он наклонился и начал ковырять землю грубым наконечником стрелы.

— Сипар, что ты знаешь о Ците?

— Ничего, господин. Я боюсь ее.

— Назад мы не пойдем. Но вспомни. Может быть, ты знаешь что-то, чем сможешь нам помочь...

Он почти умолял проводника. Он зашел дальше, чем предполагал. «Не стоило вообще задавать никаких вопросов», — со злостью подумал он.

— Я не знаю, — ответил Сипар.

Дункан отшвырнул стрелу и выпрямился, снова взяв ружье на изготовку.

— Пошли.

Он смотрел на Сипара, идущего впереди. «Хитер, паршивец, — сказал он себе. — Знает больше, чем говорит».

Так они шли много часов. День выдался жарче и суше вчерашнего, хотя это и казалось невозможным. В воздухе разлилась тревога. Нет, шалют нервы. Но даже если и так — человек не должен обращать на это внимание. Если он отдастся во власть настроений на здешней пустой земле — в том, что произойдет, ему придется винить только самого себя.

Стало труднее идти по следу. Вчера Цита убегала вперед, заботясь лишь о том, чтобы преследователи ее не настигли. Теперь же она путала следы, чтобы сбить охотников с толку. Дважды за день они теряли след, и

только после долгих поисков Сипару удавалось его обнаружить, причем однажды в миле от того места, где он был потерян.

Исчезновение следов беспокоило Дункана больше, чем он себе признавался. След не может исчезнуть полностью, если не изменяется ни погода, ни окружающая местность. В этом крылась загадка, о которой Сипар, наверное, знал куда больше, чем хотел рассказать.

Дункан внимательно наблюдал за проводником, но в поведении того не было ничего подозрительного. Он работал, как хорошая и преданная ищейка.

К вечеру плато, по которому они шли, внезапно оборвалось. Они остановились на краю обрыва, откуда открывался вид на бесконечные леса и широкую реку.

Казалось, будто они неожиданно вошли в другую красивую комнату.

Это был новый край, никогда доселе не виданный землянином. Никто не говорил, что далеко на запад, за кустарниками, раскинулся девственный лес. Люди, прилетавшие из космоса, наверное, видели его. Он показался им просто пятном иного цвета на теле планеты. И для них это не играло роли.

Для тех же, кто жил на Лейарде — плантаторов, торговцев, старателей и охотников, — это было важным открытием. «И я открыл этот лес», — с гордостью думал Дункан.

— Господин!

— Что еще?

— Гляди. Там сун!

— Я не...

— Там, господин, за рекой.

И тут Дункан увидел мглу в голубизне неба, скользящую, бронзового цвета тень. Он почувствовал далекий порыв шторма, скорее трепетание воздуха, чем звук.

Он заворуженно смотрел, как сун несется вдоль реки, и видел, как он испепеляет лес. Сун ворвался в реку, и вода в ней всплеснулась серебряными столбами до самого неба.

И тут же сун исчез, пропал, лишь сожженный шрам тянулся через лес, где пронесся обжигающий ураган.

Еще на ферме Зиккара предупреждал его о скуне. «Начинается сезон скуна, — сказал тогда Зиккара, и если человек погал в скуп — живым он не выберется».

Дункан глубоко вздохнул.

— Плохо, — сказал Сипар.

— Да, очень плохо.

— Налетает сразу. Заранее не угадать.

— Как насчет следа? — спросил Дункан. — Цита.

Сипар указал вниз.

— Мы успеем до темноты?

— Наверно, — ответил Сипар.

Спуск был трудней, чем они ожидали. Дважды они избирали неправильный путь, и тропа обрывалась вниз, на сотни футов, так что приходилось опять взбираться наверх и искать другую дорогу.

Они достигли подножия обрыва, когда уже начались короткие сумерки. Они поспешили набрать сучьев. Воды поблизости не оказалось, и пришлось обойтись тем, что осталось во флягах.

Скудно поужинав рокахомини, Сипар свернулся клубком и сразу уснул.

Дункан прислонился спиной к обломку скалы, свалившемуся когда-то с обрыва и теперь наполовину ушедшему в землю, которая веками сыпалась на него сверху.

«Прошло уже два дня», — сказал он себе.

Нет ли правды в слухах, распространяемых в поселках? Может, и в самом деле не стоит гоняться за Цитой, потому что ее нельзя убить?

«Чепуха, — подумал Дункан. — Тем не менее преследование усложняется, идти по следу становится все трудней, да и Цита становится все хитрей и неуловимей. Если в первый день она убегала, то сегодня старалась сбить их со следа. А почему она избрала эту тактику только на второй день? Почему не попыталась обмануть их сразу же? А что будет завтра — на третий день?»

Он покачал головой. Невероятно, чтобы животное становилось изобретательнее в ходе охоты. Оно становилось более нервным, боязливым, но Цита вела себя совсем не так, как положено испуганному зверю. Казалось, она набирается ума и решительности. В этом было что-то устрашающее.

Далеко на западе у леса и реки слышались хохот и уханье стаи крикунов. Дункан прислонил ружье к

камню и подложил сучьев в огонь. Он взглянул в темноту на западе и прислушался к шуму. Затем поморщился и инстинктивно почесал в затылке. Он надеялся, что крикуны останутся вдали. Еще их не хватало.

За его спиной со склона сорвался камешек и подкатился к самому костру.

Дункан быстро обернулся. «Глупо устраивать лагерь под самым обрывом, — подумал он. — Если свалится камень покрупнее — им не сдобровать».

Он стоял и слушал. Ночь была тихой, даже крикуны на время примолкли. Ну вот, свалился маленький камешек, и он уже перепугался. Надо взять себя в руки.

Он вернулся к камню и, когда наклонился, чтобы подобрать ружье, услышал отдаленный гул. Он быстро выпрямился, обернулся к обрыву, заслонявшему половину неба — гул усиливался! Одним прыжком он подскочил к Сипару, схватил его за руку и рывком поднял на ноги. Глаза Сипара открылись, и он растерянно замигал при свете костра.

Гул перешел в рев, и слышно было, как бухают громадные камни, перекрывая шум и шуршание сползающей вниз почвы.

Сипар выдернул руку и бросился в темноту. Дункан последовал за ним.

Они бежали, спотыкаясь в темноте, и преследовавший их грохот лавины наполнил ночь оглушительным громом. Несясь вперед, Дункан представлял себе, как ударяет ему в спину обломок скалы, как поток камней обтекает его ноги.

Ураганное облако пыли настигло беглецов, они задыхались и кашляли на бегу. Неподалеку, слева от них, подпрыгивал могучий обломок скалы, лениво ударяясь о землю.

И тут гром стих. Слышалось лишь шуршание земли и гравия, стекающего по склону.

Дункан остановился и медленно обернулся. Костер исчез, погребенный, без сомнения, тоннами породы. Звезды побледнели — свет их с трудом пробивался сквозь нависшее над долиной облако пыли.

Он услышал, что рядом пошевелился Сипар, и поднял руку, стараясь отыскать его, не зная точно, где он находится. Наконец Дункан дотянулся до проводника, схватил его за плечо и привлек к себе.

Сипара била дрожь.

— Все в порядке, — сказал Дункан.

«И в самом деле все в порядке, — уверял он себя. — Ружье осталось цело. Запасной магазин и нож были приторочены к поясу, мешочек с рокахоми — в кармане. Недостает лишь фляги. Фляги и огня».

— Придется укрыться где-нибудь на ночь, — сказал Дункан. — Здесь неподалеку крикуны.

Ему не нравились ни собственные подозрения, ни то, что его сердце начали покалывать иглы страха. Он постарался избавиться от этих мыслей, выкинуть из головы, но они остались, лишь спрятались поглубже.

— Там колючие кусты, господин. Мы можем заползти в чащу. Крикуны нас не отыщут.

Путешествие сквозь колючки оказалось пыткой, но они все-таки проделали его.

— Крикуны и ты — табу, — сказал Дункан. — Почему ты их боишься?

— Я больше боюсь за тебя, господин. И немножко за себя. Крикуны могут забыть. Они могут не узнать меня, а потом будет поздно. Тут безопасней.

— Согласен.

Крикуны подошли к кустарнику и топотали вокруг. Они фыркали и пытались пробиться сквозь колючки, но в конце концов убралась восвояси.

Утром Дункан с Сипаром поднялись по склону, карабкаясь по громадной груде камней и земли, завалившей их лагерь. Пройдя по ложбине, прорезанной лавиной, они добрались до того места, откуда начался обвал.

Здесь они нашли углубление, в котором раньше лежал большой валун. Земля со стороны обрыва была подрыта, так что достаточно было одного толчка, чтобы валун покатился вниз, к костру.

А вокруг было множество следов Циты!

4

Теперь это была уже не просто охота. Нож был приставлен к горлу. Убить или быть убитым, останавливаться поздно. Игра кончилась, и нельзя было ждать милости.

— Ну что ж, — сказал Дункан. — Мне это нравится.

Он провел ладонью по стволу ружья, который сверкнул под полуденным солнцем. «Лишь один выстрел, — молил он. — Дайте мне хоть один раз выстрелить. На

этот раз я не промахнусь. На этот раз она не отделается тремя клочками шерсти в траве, чтобы поиздеваться надо мной».

Он прищурился, вглядываясь в колеблющееся марево над рекой, Сипар примостился у воды. Через некоторое время он поднялся, подбежал к Дункану и сказал:

— Она переплыла реку. Она шла вброд, а потом плыла.

— Ты уверен? Может, она просто зашла в воду, чтобы мы искали ее на том берегу, а потом вернулась сюда.

Он взглянул на пурпурно-зеленую стену деревьев на том берегу. В лесу будет во сто крат труднее.

— Можно посмотреть, — сказал Сипар.

— Хорошо. Иди вниз по течению. А я поднимусь вверх.

Через час они вернулись обратно, не обнаружив никаких следов. Почти не осталось сомнений, что Цита перебралась через реку.

Они стояли бок о бок и смотрели на лес.

— Господин, мы ушли далеко. Ты смелый, раз ты охотишься на Циту. Ты не боишься смерти.

— Страх смерти — это для детей. Об этом и речи быть не может. Я не собираюсь умирать.

Они вошли в воду. Дно медленно понижалось, и проплыть пришлось не больше ста ярдов.

Они выбрались на берег и легли у воды, чтобы передохнуть.

Дункан оглянулся в ту сторону, откуда они пришли. Обрыв казался отсюда темно-синей полоской на фоне выцветшего голубого неба. В двух днях пути оттуда лежат ферма и плантация вуа, но кажется, что до них куда дальше. Они были затеряны во времени и пространстве и принадлежали другому существованию, другому миру.

Дункану казалось, что вся предыдущая жизнь потускнела, позабылась, потеряла связность. Как будто значимым был только этот момент, как будто все мгновения жизни, все минуты и часы, все вдохи, выдохи и удары сердца, и сон, и пробуждение вели к этому часу, к этой реке, к мгновению, когда ружье его слилось с рукой, когда он был охвачен жаждой убийства.

Наконец Сипар поднялся и пошел вдоль воды. Дункан сел и смотрел ему вслед.

«Ведь он вконец перепутан и все же остался со мной, — думал Дункан. — У костра в первую ночь он сказал, что останется со мной до самой смерти, и он верен своей клятве. Как трудно разобраться в чувствах этих существ, как трудно понять, что за мысли, что за ростки эмоций, что за законы морали, что за смесь веры и надежды заполняют их души и руководят их существованием.

Ведь как просто было бы Сипару потерять след и сказать, что он не может его найти. Да и с самого начала он мог отказаться идти отслеживать зверя, но он шел, хоть и боялся. Никто не требовал от него преданности и верности, а он был предан и верен. Но верен кому? Дункану — пришельцу, чужому? Верен себе самому? Или, может быть — хоть это и казалось невероятным, — верен Ците?

Что думает Сипар обо мне, или, точнее, что я думаю о Сипаре? Что нас может объединить? Или же нам, хоть мы оба и гуманоиды, суждено навсегда остаться чужими?»

Он держал ружье на коленях и поглаживал, нежил его, превращая в часть самого себя, в орудие смерти и выражение своей непреклонной решимости найти и убить Циту.

«Дайте мне еще один шанс, — твердил он, — одну секунду, меньше секунды, чтобы успеть прицелиться. Это все, что я хочу, в чем нуждаюсь, все, что прошу».

И тогда он сможет вернуться в дни, оставшиеся позади — к ферме и полям, к туманной иной жизни, с которой он столь загадочно расстался, но которая со временем вновь станет реальной и наполнится смыслом.

Вернулся Сипар.

— Я нашел след.

Дункан встал.

— Хорошо.

Они ушли от реки и углубились в лес. Жара безжалостно обволокла их, она была куда тяжелее, чем у реки — словно горячее мокрое одеяло опустилось на тело.

След был четок и прям. Цита, очевидно, решила идти вперед, не прибегая больше к уловкам. Может быть, она думает, что преследователи потеряют время у реки, и желает увеличить расстояние между ней и охотника-

ми. «Может быть, ей нужно время, чтобы подготовить новую подлую ловушку», — размышлял Дункан.

Сипар остановился и подождал, пока Дункан настигнет его.

— Где твой нож, господин?

— Зачем тебе? — заколебался Дункан.

— У меня колючка в подошве, — ответил проводник. — Мне нужно ее вытащить.

Дункан вытащил нож из-за пояса и бросил Сипару. Тот поймал его на лету.

Глядя прямо в глаза Дункану, чуть заметно улыбаясь, Сипар перерезал себе горло.

5

Придется возвращаться. Он знал это. Без проводника он бессилен. Все шансы на стороне Циты — если, конечно, они не были на ее стороне с самого начала.

Циту нельзя убить? Нельзя, потому что она достаточно разумна, чтобы справиться с неожиданностями? Нельзя, потому что, если надо, она может сделать лук и стрелу, пусть очень примитивные? Нельзя убить, потому что она может прибегнуть к тактическим уловкам, например сбросить ночью камень на своих врагов? Нельзя убить, потому что местный проводник с радостью воткнет себе в горло нож, чтобы ее защитить?

Зверь, обладающий разумом в моменты опасности? В котором ум и способности проявляются в опасных ситуациях, а когда в этом исчезает необходимость, зверь скатывается к прежнему уровню? «Что ж, — думал Дункан, — это неплохой путь для живого существа. Как хорошо, если можно избавиться от всех неудобств и тревог, от неудовлетворенности собой, вызываемой разумом, когда это тебе не нужно. Но разум не исчезнет. Он будет поджидать в безопасности своего часа, словно ожерелье или пистолет — то, что можно при случае использовать, а после этого отложить в сторону».

Дункан потянулся к костру и поворошил палкой в огне. Пламя взметнулось кверху, и столб искр взлетел к шелестящей черноте листвы. Ночью стало чуть прохладнее, но влажность все так же давала себя знать, и человеку было не по себе, и он был немного испуган.

Дункан запрокинул голову и взгляделся в усеянную искрами темноту. Звезд не было видно — их закрывала густая листва. Ему недоставало звезд. Было бы лучше, если бы он мог их увидеть.

Наступит утро, и ему придется возвращаться. Придется бросить это: охота стала невозможным и даже глупым предприятием.

И все же он знал, что не сдастся. Где-то в трехдневном пути он принял вызов и поставил перед собой цель. Он знал, что наступит утро и он пойдет дальше. Им двигала не ненависть, не месть, не страсть к трофеям, даже не инстинкт охотника, заставляющий гнаться за животным, которое больше, удивительнее и опаснее всех, что убивали люди до него. Его вело нечто большее — странная связь, которая переплела существование Циты с его собственным.

Он протянул руку, подобрал ружье и положил на колени. Ствол тускло поблескивал при свете костра; он провел рукой по стволу, как мужчина может провести по шее женщины.

— Господин, — произнес голос.

Голос его не испугал, потому что слово было произнесено тихо, и на мгновение он забыл, что Сипар умер — перерезал горло с улыбкой на губах.

— Господин?

Дункан напрягся.

Сипар был мертв, никого не было рядом, и все же кто-то обращался к нему, а во всем лесу было лишь одно существо, которое могло с ним говорить.

— Да, — отозвался Дункан.

Он не пошевелился. Он просто сидел, и ружье лежало у него на коленях.

— Ты знаешь, кто я?

— Я полагаю, что ты Цита.

— Ты был храбрый, — сказала Цита — это была именно она. — Ты хорошо охотился. И нет позора, если ты уйдешь. Почему ты не идешь назад? Я обещаю что не трону тебя.

Она была здесь, где-то перед ним, в кустах за костром, почти точно по другую сторону костра, — сказал себе Дункан. — Если сделать так, чтобы она продолжала говорить, может, даже выманить ее...

— Зачем мне уходить? — спросил он. Охоту нельзя кончить, пока не убьешь того, за кем охотишься.

— Я могу убить тебя, — сказала ему Цита. — Но я не хочу этого делать. Убивать плохо.

— Правильно, — согласился Дункан. — Ты очень чувствительная.

Наконец-то он точно определил, откуда исходит голос. Он мог позволить себе поиронизировать.

Большой палец скользнул по металлу, перевел затвор на автоматическую стрельбу, и Дункан подогнул под себя ноги так, чтобы можно было одним движением вскочить и выстрелить.

— Почему ты охотишься за мной? — спросила Цита. — Ты чужой в моем мире, и у тебя нет права охотиться на меня. Вообще-то я не возражаю, это даже интересно. Как-нибудь мы снова устроим охоту, когда я буду готова. Тогда я приду и скажу тебе, и мы потратим день или два на охоту.

— Конечно, устроим, — бросил Дункан, вскакивая. Одновременно он нажал на курок, и ружье заплесало в бешеной ярости, выплевывая сверкающую струю ненависти и смерти, несущуюся к кустам. — В любой удобный для тебя момент! — ликующе кричал он. — Я приду и буду охотиться на тебя! Ты лишь намекни, и я брошусь по твоим следам! Может, я даже убью тебя! Как тебе это понравится, тварь?

Он не спускал пальца с курка и не распрямлялся, чтобы пули не ушли вверх, а распилили жертву у самой земли, и он поводил стволом, чтобы прочесать большую площадь и обезопасить себя от возможной ошибки в прицеле.

Патроны кончились, ружье щелкнуло, и зловещая трель прервалась. Пороховой дым мирно струился над костром, запах его сладко щипал ноздри, и слышно было, как множество маленьких ножек бежало по кустам, как будто тысячи перепуганных мышат спасались от катастрофы.

Дункан отстегнул от пояса запасную обойму и вставил ее вместо использованной. Затем он выхватил из костра головешку и стал яростно размахивать ею, пока она не вспыхнула ярко и не превратилась в факел. Держа ружье в одной руке и факел в другой, он бросился в кусты. Мелкие зверюшки метнулись в стороны.

Он не нашел Циты. Он нашел лишь обожженные кусты и землю, истерзанную пулями, да пять кусков мяса и шерсти, которые принес с собой к костру.

Теперь страх окружал его, держался на расстоянии вытянутой руки, выглядывал из тени и подбирался к костру.

Он положил ружье рядом с собой и постарался дрожащими пальцами сложить из пяти кусков мяса и шерсти то, чем они были раньше. «Задача не из легких», — думал он с горькой иронией, потому что у кусков не было формы. Они были частью Циты, а Циту надо убивать дюйм за дюймом — ее не возьмешь одним выстрелом. В первый раз ты выбиваешь из нее фунт мяса, во второй раз снова — фунт или два, а если у тебя хватит патронов, ты уменьшишь ее настолько, что в конце концов можешь и убить. Хоть и не наверняка.

Он боялся. Ему было страшно. Он признался себе, что ему страшно, и видел, как трясутся его пальцы, и он стиснул челюсти, чтобы унять стук зубов.

Страх подбирался все ближе. Первые шаги он сделал, когда Сипар перерезал себе горло — какого черта этот идиот решил на такое? Тут нет никакого смысла. Он размышлял о верности Сипара, и оказалось, что тот был предан существу, мысль о котором Дункан отбросил как нелепость. В конце концов, по непонятной причине — непонятной только людям — верность Сипара была верностью Ците.

Но для чего искать объяснений? Все происходившее было бессмыслицей. Разве есть смысл в том, что преследуемый зверь идет к охотнику и говорит с ним? Хотя этот разговор отлично вписывался в образ животного, обладающего разумом только в критические моменты.

«Прогрессивная приспособляемость», — сказал себе Дункан. Доведите приспособляемость до крайней степени, и вы достигнете коммуникабельности. Но может быть, сила приспособляемости Циты уменьшается? Не достигла ли Цита предела своих способностей? Может быть и так. Стоило поставить на это. Самоубийство Сипара, несмотря на его обыденность, несло на себе отпечаток отчаяния. Но и попытка Циты вступить в переговоры с Дунканом была признаком слабости.

Убить его стрелой не удалось, лавина не принесла желаемых результатов, ни к чему не привела и смерть

Сипара Что теперь предпримет Цита? Осталось ли у нее хоть что-нибудь в запасе?

Завтра он об этом узнает Завтра он пойдет дальше Теперь он не может отступить.

Он зашел слишком далеко Если он повернет назад, то всю жизнь будет мучиться — а вдруг через час или два он бы победил? Слишком много вопросов, слишком много неразгаданных тайн, на карту поставлено куда больше чем десяток грядков уа.

Следующий день внесет ясность, снимет тягостный груз с плеч, вернет ему душевное спокойствие.

Но сейчас все было абсолютно бессмысленно.

И не успел он об этом подумать, как один из кусков мяса с шерстью будто ожил.

Под пальцами Дункана появились знакомые очертания.

Затаив дыхание, Дункан нагнулся над ним, не веря своим глазам, даже не желая им верить, в глубине души надеясь, что они обманули его.

Но глаза его не обманули. Ошибиться было нельзя Кусок мяса принял форму детеныша крикуна — ну может, не детеныша, но миниатюрного крикуна.

Дункан откинулся назад и покрылся холодным потом. Он отер окровавленные руки о землю. Он спрашивал себя, чем же были другие куски, лежавшие у огня.

Он попытался придать им форму какого-нибудь зверя, но это не удалось. Они были слишком изуродованы пулями

Он собрал их и бросил в огонь. Потом поднял ружье и обошел костер, уселся спиной к стволу, положив ружье на колени.

Он вспомнил топоток маленьких лап, — словно тысячи деловитых мышат разбегаются по кустам. Он слышал их дважды: один раз ночью у водоема, и сегодня ночью снова.

Что же такое Цита? Разумеется, она не имеет ничего общего с обычным зверем, которого он считал, что выслеживает

Зверь-муравейник? Симбиотическое животное? Тварь, принимающая различные формы?

Шотвелл, который в таких делах собаку съел, может, и попал бы в точку. Но Шотвелла здесь нет. Он остался на ферме и, наверное, беспокоится — почему не возвращается Дункан.

Наконец сквозь деревья просочился рассвет — мягкий, рассеянный, туманный и зеленый, под стать пышной растительности.

Ночные звуки затихли и уступили место звукам дня — шуршанию невидимых насекомых, крикам скрывающихся в листве птиц. Где-то вдали возник гулкий звук, словно толстая бочка катилась вниз по лестнице.

Легкая прохлада ночи быстро растаяла, и Дункана обволокла влажная жара — безжалостная и неутомимая.

Идя кругами, Дункан нашел след Циты ярдах в ста от костра.

Зверь уходил быстро. Следы глубоко вминались в почву, и расстояние между ними увеличивалось. Дункан спешил как только мог. Хорошо бы припустить бегом, чтобы не отстать от Циты, потому что след был ясен и свеж.

«Но это было бы ошибкой, — сказал себе Дункан. — Слишком уж свежим был след, слишком ясным, словно животное старалось вовсе, чтобы человек его не потерял».

Он остановился, спрятался за ствол дерева и стал разглядывать следы впереди. Его руки устали сжимать ружье, и тело было слишком напряжено. Он заставил себя дышать медленно и глубоко — он должен был успокоиться и расслабиться.

Он разглядывал следы — четыре пятипалых углубления, потом широкий промежуток, затем снова четыре пятипалых следа. И земля в промежутке была ровной и девственной.

Пожалуй, слишком уж ровной, особенно в третьем промежутке. Слишком ровной, и в этом было что-то искусственное, словно кто-то разглаживал ее ладонями, чтобы заглушить возможные подозрения.

Дункан медленно втянул воздух.

Ловушка?

Или воображение разыгралось?

Если это ловушка, то, не остановись он у дерева, он бы в нее угодил.

Он ощутил и нечто иное — странное беспокойство, — и поежился, стараясь разгадать, в чем же дело.

Он выпрямился и вышел из-за дерева, держа ружье на изготовку. «Какое идеальное место для ловушки!» — подумал он. Охотник смотрит на следы, а не на проме-

жутко между ними, так как это ничейная земля, ступать по которой безопасно.

«Ты умница, Цита, — признал он. — Умница Цита!»

И тут понял, чем вызвано ощущение беспокойства — за ним следили.

Где-то впереди затаилась Цита. Она смотрит и ждет. Она взволнована ожиданием. Может быть, она даже еле сдерживает смех.

Он медленно пошел вперед и остановился у третьего промежутка между следами. Площадка впереди была ровнее, чем ей следовало быть. Он был прав.

— Цита! — позвал он.

Голос прозвучал куда громче, чем ему хотелось, и он застыл, смущенный этим звуком.

И тогда он понял, почему его голос звучал так громко.

Это был единственный звук в лесу.

Лес внезапно замер. Замолчали птицы и насекомые, и вдалеке пустая бочка перестала катиться по лестнице. Даже листья замерли — перестали шуршать и бессильно повисли на стебельках.

Во всем ощущалась обреченность, и зеленый свет перешел в бронзовый.

Свет был бронзовым!

Дункан в панике огляделся — прятаться было негде.

И прежде чем он успел сделать хоть шаг, налетел скуп и неизвестно откуда возник ветер. Воздух наполнился летящими листьями и сором. Деревья трещали, скрипели и раскачивались.

Ветер повалил Дункана на колени, и, стараясь подняться, он вспомнил — словно вспышка его озарила, — каким он видел лес с вершины обрыва: кипящая ярость урагана, бешеное верчение бронзовой мглы, деревья, вырванные с корнем.

Ему почти удалось встать, но он тут же потерял равновесие и уцепился руками за землю, пытаясь подняться вновь, и в мозгу настойчивый голос кричал ему «беги!», а другой голос умолял его прижаться к земле, зарыться в землю.

Что-то тяжелое ударило его в спину, и он упал на ружье, ударился головой о землю, и мир завертелся, грязь и рваные листья приклеились к лицу.

Он пытался отползти, но не мог, ибо что-то схватило его за лодыжку и не отпускало.

Он лихорадочно пытался очистить глаза от грязи и выплюнуть листья и землю, набившиеся в рот

По вертящейся земле прямо на него неслось что-то черное и громоздкое. Он понял, что это Цита и через секунду она подомнет его.

Он закрыл лицо рукой, выставил вперед локоть, чтобы смягчить первый удар гонимой ураганом Циты.

Но столкновения не последовало. Менее чем в ярде от Дункана земля разверзлась и поглотила Циту

Неожиданно ветер стих, и листья вновь безжизненно повисли, и вновь на лес опустилась жара, и все кончилось. Скун прилетел, ударил и унесся прочь.

Прошли минуты, думал Дункан, а может, и секунды. Но за эти секунды лес превратился в груды поваленных деревьев.

Он приподнялся на локте, взглянул, что же случилось с его ногой, и понял, что ее придавило упавшим деревом.

Он осторожно попытался поднять ногу — ничего не получилось. Два крепких сука, отходивших от ствола почти под прямым углом, глубоко вонзились в землю, и нога его была прижата к земле этой вилкой.

Нога не болела — пока не болела. Он ее просто не ощущал, — как будто ее не было. Он попытался пошевелить пальцами, но тоже ничего не почувствовал.

Дункан отер пот с лица рукавом рубашки и попытался унять поднявшийся в нем панический страх. Потерять самообладание — это худшее, что может случиться с человеком в такой ситуации. Следовало оценить обстановку, спокойно поискать выход, а затем следовать намеченному плану.

Дерево казалось тяжелым, но, возможно, удастся его сдвинуть. Хотя, если он его сдвинет, ствол может опуститься на самую землю и размозжить колено. Два сука, вошедшие в землю, удерживали вес ствола.

Лучшим выходом будет подкопать землю под сучьями, затем вытащить ногу.

Дункан выгнулся назад и попытался рыть землю ногтями. Под тонким слоем перегноя его пальцы натолкнулись на твердую поверхность, по которой они лишь скользили.

Всерьез встревожившись, он попытался снять перегной в других местах. И везде сразу под ним начинался

камень — очевидно, в этом месте прямо к земле подходила вершина давно погребенного валуна.

Его нога была зажата между тяжелым стволом дерева и камнем и надежно схвачена вилкой сучьев, вонзившихся в землю по обе стороны валуна.

Приподнявшись на локте, Дункан откинулся назад. Было совершенно очевидно, что с валуном ему сделать ничего не удастся. И если выход существовал, то он был связан с деревом.

Для того чтобы сдвинуть ствол, ему понадобится рычаг. И такой рычаг у него был — ружье. «Стыдно использовать ружье для такой цели», — подумал он, но выбора не было.

Целый час он старался приподнять ствол, но ничего из этого не вышло. Даже с помощью рычага.

Дункан лежал на земле, тяжело дыша и обливаясь потом.

Он поглядел на небо.

«Ну что ж, Цита, — подумал он, — ты все-таки победила, но только с помощью скуна. Все твои трюки и ловушки не срабатывали до тех пор, пока...»

И тут он вспомнил.

Он сразу сел.

— Цита! — крикнул он.

Ведь Цита свалилась в яму, которая была на расстоянии вытянутой руки от Дункана, и в нее все еще осыпался мелкий мусор.

Дункан лег на землю, вытянулся как мог и заглянул в яму. Там, на дне, сидела Цита.

Он впервые увидел Циту вблизи, и она оказалась странным, составленным из различных частей существом. В ней не было никаких функциональных конечностей, и она была больше похожа на какую-то груду, чем на животное.

Яма, в которую она угодила, была не простая яма, а тщательно и умно сконструированная ловушка. Вверху она достигала четырех футов в диаметре, а книзу вдвое расширялась. В общем, яма напоминала выкопанную в земле бутылку, так что любое существо, упавшее внутрь, не могло бы оттуда выбраться. Все, что падало в яму, в ней и оставалось.

Это и было то, что скрывалось под слишком ровным промежутком между следами Циты. Она всю ночь копала ловушку, затем отнесла в сторону породу и

соорудила тонкую земляную крышку. Потом она вернулась обратно и прошла этой дорогой, оставляя четкий, ясный след, по которому так легко было идти. И завершив этот труд, славно потрудившись, Цита уселась неподалеку, чтобы посмотреть, как в ловушку свалится человек.

— Привет, дружище, — сказал Дункан. — Как живаешь?

Цита не ответила.

— Классная квартира, — сказал Дункан. — Ты всегда выбираешь такие роскошные клетки?

Цита молчала. С ней творилось что-то странное — она вся распадалась на отдельные части. Дункан, застыв от ужаса, смотрел, как Цита разделилась на тысячи живых комков, которые заметались по яме, пытаясь взобраться по стенкам, но тут же падали обратно, на дно ямы, и вслед им осыпался песок.

Среди кишаших комочков лишь один оставался недвижимым. Это было нечто хрупкое, больше всего напоминающее обглоданный скелет индюшки. Но это был удивительный скелет индюшки, потому что он пульсировал и светился ровным фиолетовым огнем.

Из ямы доносились скрипы и писк, сопровождаемые мягким топотком лапок, и по мере того, как глаза Дункана привыкали к темноте ямы, он начал различать форму суесящихся комочков. Среди них были маленькие крикуны, миниатюрные донованы, птицы-пильщики, стайка кусачих дьяволят и что-то еще.

Дункан закрыл глаза ладонью, потом резко отвел руку в сторону. Маленькие мордочки все так же глядели из ямы, будто моля его о спасении, и в темноте поблескивали белые зубы и белки глаз.

У Дункана перехватило дыхание, и отвратительная спазма подобралась к горлу. Но он поборол чувство тошноты и вспомнил разговор на ферме в тот день, когда уходил на охоту.

«Я могу выслеживать всех зверей, кроме крикунов, ходульников, длиннорогов и донованов, — торжественно сказал тогда Сипар. — Это мои табу».

И Сипар тоже был их табу, вот он и не испугался донована. Однако Сипар побаивался ночью крикунов, потому что, как он сам сказал, крикуны могли забыть.

Забыть о чем?

О том, что Цита — их мать? О разношерстной компании, в которой прошло их детство?

Вот в чем заключается ответ на загадку, над которой Шотвелл и ему подобные уже несколько лет ломали себе головы.

«Странно, — сказал он себе. — Ну и что? Это может казаться странным, но если такова здесь жизнь, не все ли равно? Жители планеты были бесполой, потому что не нуждались в поле, и ничего невероятного в этом не было. Более того, это избавляет их от множества бед. Нет ни семейных драм, ни проблем треугольника, ни драки за самку. Может быть, они лишились некоторых развлечений, но зато добились мирной жизни.

А раз пола не существует, такие, как Цита, были всеобщими матерями. Более, чем матерями. Цита была сразу и отцом и матерью, инкубатором, учителем и, может, выполняла еще множество ролей одновременно.

Это разумно со многих точек зрения. Естественный отбор здесь исчезает, экология в значительной степени находится под контролем, даже мутации могут быть направленными, а не случайными.

И все это ведет к всепланетному единству, неизвестному ни на одном из иных миров. Все здесь друг другу родственники. На этой планете человек, как и любой другой пришелец, должен научиться вести себя очень вежливо. Ибо нет ничего невероятного, что в случае кризиса или острого столкновения интересов ты можешь оказаться лицом к лицу с планетой, на которой все формы жизни объединятся против пришельца».

Маленькие зверюшки сдались, они вернулись на свои места, облепили пульсирующий фиолетовый индюшачий скелет, и Цита вновь обрела первоначальную форму. «Как будто все ее мышцы, ткани, нервы и кровеносные сосуды после короткого отдыха вновь воссоздали зверя», — подумал Дункан.

— Господин, что нам теперь делать? — спросила Цита.

— Это тебе следовало бы знать, — ответил Дункан. — Ты же вырыла эту ловушку.

— Я разделилась, — сказала Цита. — Часть меня рыла яму, а часть оставалась наверху и вытащила меня из ямы.

— Удобно, — согласился Дункан.

И это в самом деле было удобно. Так было с Цитой и тогда, когда он в нее стрелял — она рассыпалась на составные части и разбегалась. А ночью у водоема она следила за ним, спрятавшись по частям в густом кустарнике.

— Мы оба в ловушке, — сказала Цита. — Мы оба здесь умрем. Так и кончится наша встреча. Ты со мной согласен?

— Я тебя вытащу, — сказал Дункан устало. — Я с детьми не воюю.

Он подтянул к себе ружье и отстегнул ремень от ствола. Затем осторожно, держа за свободный конец ремня, опустил ружье в яму.

Цита приподнялась и вцепилась в ствол передними лапами.

— Осторожнее, — предупредил Дункан. — Ты тяжелая. Я не уверен, что удержу тебя.

Но он зря волновался. Малыши отделились от тела Циты и быстро карабкались по ружью и ремню. Они добирались до его вытянутых рук и взбирались по ним, цепляясь ноготками. Маленькие крикуны, комичные ходульники, кусачие дьяволы ростом с мышь, которые скалились на Дункана на ходу. И миниатюрные улыбающиеся человечки — не младенцы, не дети, а маленькие копии взрослых гуманоидов. И зловещие донованчики, шустро перебирающие ногами.

Они взбирались по рукам, бежали по плечам и толпились на земле рядом с ним, поджидая остальных.

И наконец сама Цита — правда не один скелет, но Цита, сильно уменьшившаяся в размерах, — неуклюже вскарабкалась по ружью и ремню и оказалась в безопасности.

Дункан вытащил ружье и сел.

Цита на глазах собиралась воедино.

Он как зачарованный следил за тем, как суетливые миниатюрные существа планеты шевелились, словно рой пчел, стараясь занять положенное место и составить единое существо.

И вот Цита была восстановлена. Все-таки она была невелика, совсем невелика — не больше льва.

«Она ж еще такая маленькая, — спорил с ним Зик кара на ферме. — Такая молодая!»

Совсем еще ясли, компания сосунков, если только их так можно назвать. Месяцами и годами Цита будет

расти по мере того: как будут расти ее разные дети, пока не превратится в громадное чудовище. Цита стояла, глядя на Дункана и на дерево.

— А теперь, если ты оттолкнешь дерево, мы будем квиты, — сказал Дункан.

— Очень плохо, — сказала Цита и повернула в сторону.

Он смотрел, как она убегала в лес.

— Эй! — закричал он.

Но Цита не остановилась.

Он схватил ружье, но остановился на полдороге, вспомнив, что стрелять в Циту бессмысленно.

Он опустил ружье.

— Ах ты грязная, неблагодарная обманщица...

Он замолчал. Какой смысл беситься? Если ты попал в переделку, надо искать из нее выход. Ты обдумываешь все возможные решения, выбираешь из них наиболее разумное и не поддаешься панике, если мало шансов победить.

Он положил ружье на колено и принялся пристегивать ремень. Тут он обнаружил, что ствол забит песком и грязью.

С минуту он сидел недвижно, вспомнив, что чуть было не выстрелил вслед Ците, и если ружье было забито достаточно плотно и глубоко, оно взорвалось бы у него в руках.

Он ведь использовал ружье в качестве рычага, чего не следует делать с ружьями — это прямой путь к тому, чтобы вывести его из строя.

Дункан пошарил руками вокруг и нашел ветку. Он постарался прочистить ствол, но грязь набилась в него так плотно, что его попытка была почти безуспешной.

Он отбросил ветку, искал более твердый сук, и тут в зарослях кустарника уловил движение. Он пристальнее взгляделся в заросли, но ничего не увидел. Так что он вновь принялся за поиски более толстой ветки. Наконец он отыскал подходящую и попытался засунуть ее под ствол, но в кустах снова что-то шевельнулось.

Он оглянулся. Футах в двадцати на задних лапах сидел крикун. Тварь высунула длинный язык и, казалось, усмехалась.

Второй крикун появился на краю кустарника, там, где Дункан уловил движение в первый раз.

И он знал, что неподалеку находились и другие. Он слышал, как они пробирались через путаницу сваленных стволов, слышал их мягкие шаги.

«Явились, палачи», — подумал он.

Цита явно не теряла времени даром.

Он поднял ружье и постучал им об упавшее дерево, надеясь, что грязь высыплется. Но ничего не выпало — ствол был забит плотно.

В любом случае ему придется стрелять — взорвется ружье или нет.

Он перевел затвор на автоматическую стрельбу и приготовился к последнему бою.

Теперь их было уже шестеро. Они сидели в ряд и ухмылялись, глядя на него. Они не торопились — знали, что добыча не уйдет. Он никуда не денется, когда бы они ни решили напасть.

И появятся новые. Со всех сторон.

Как только они бросятся, у него не останется ни единого шанса уцелеть.

— Но я дешево не отдамся, джентльмены, — сказал он хищникам.

И он даже удивился тому, какое спокойствие охватило его, как холодно он мог рассуждать, когда все его карты были биты. Ну что ж, случилось то, что должно было когда-нибудь случиться.

Ведь совсем недавно он думал о том, как человек здесь может столкнуться лицом к лицу с объединенными живыми существами планеты. А вдруг так оно и есть, только в миниатюре.

Очевидно, Цита отдала приказ: «Человек, лежащий там, должен быть убит. Идите и убейте».

Да, что-нибудь в таком роде, ибо Цита явно пользуется здесь авторитетом. Она — жизненная сила, даритель жизни, верховный судья, залог жизни на всей планете.

Конечно, Цита здесь не одна. Может быть, эта планета поделена на районы, сферы влияния, и ответственность за каждую возложена на одну из них. И в своем районе каждая Цита — верховный владыка.

«Монизм*, — подумал он с горькой усмешкой. — Монизм в чистом виде».

* Монизм — философское учение, принимающее за основу всего существующего одно начало. — *Примеч. пер.*

Однако, сказал он себе, если присмотреться к ней объективно, система себя оправдывает

Но ему трудно было проявлять объективность по отношению к чему бы то ни было.

Крикуны сужали круг, скребя задами по земле.

— Я намерен установить для вас границу, слышите, живодеры? — крикнул им Дункан. — Еще два фута, вон до того камня, и я вам всыплю!

Этих шестерых он снимет, но выстрелы послужат сигналом для общей атаки всех тварей, таящихся в кустах.

Если бы он был свободен, если б стоял на ногах, возможно, он бы и отбил атаку. Но он был пришпилен к земле, и шансов выжить не оставалось. Все будет кончено меньше чем через минуту после того, как он откроет огонь. А может, он протянет минуту.

Шестеро убийц двинулись вперед, и он поднял ружье.

Но они замерли. Уши их приподнялись, будто они прислушивались к чему-то, и ухмылки пропали с их морд. Они неловко зашевелились и приняли виноватый вид, а потом растаяли в кустах словно тени — с такой быстротой, что он даже не успел этого увидеть.

Дункан сидел молча, прислушиваясь, но не слышал ни звука.

«Отсрочка, — подумал он. — Но насколько? Что-то спугнуло крикунов, но через некоторое время они вернутся. Надо убираться отсюда и как можно скорее»

Если бы найти рычаг подлиннее, он бы сдвинул ствол. Из ствола торчал длинный сук толщиной около четырех дюймов у основания.

Дункан вытащил из-за пояса нож и взглянул на лезвие. Оно было слишком тонким и коротким, чтобы перерезать четырехдюймовый сук, но кроме ножа ничего не оставалось. Если человек дошел до точки, если от этого зависит его жизнь, он способен совершить невозможное.

Он потянулся вдоль ствола к основанию сука и изогнулся. Придавленная нога взорвалась болью протеста. Он сжал зубы и подтянулся еще чуть-чуть. Боль снова охватила ногу, но он все еще не доставал до цели нескольких дюймов.

Он предпринял еще одну попытку дотянуться до сука, но вынужден был сдаться. Он откинулся на землю и лежал, тяжело дыша.

Оставалось одно — попытаться вырезать углубление в стволе над самой ногой. Нет, это почти невозможно. Придется резать жесткую древесину у основания сучьев.

Но нужно было или пойти на это, или отпилить собственную ногу, что было еще невозможней, потому что потеряешь сознание прежде, чем успеешь себя искалечить. Бесполезно. Ему не сделать ни того ни другого. Больше ничего не оставалось.

И впервые он вынужден был признаться себе: ты останешься здесь и умрешь. Через день-другой Шотвелл отправится на поиски. Но Шотвелл никогда его не найдет. Да и в любом случае с наступлением ночи или того раньше вернутся крикуны.

Он сухо засмеялся над собой.

Цита выиграла поединок. Она использовала в игре человеческую слабость побеждать, а потом не менее успешно использовала человеческую слабость к поэтической справедливости.

А чего он должен был ждать? Нельзя же сравнить человеческую этику с этикой Циты. Разве инопланетянину мораль людей не может показаться подчас загадочной и нелогичной, неблагодарной и низменной?

Он подобрал ветку и принялся ковырять ею в стволе.

Треск в кустах заставил его обернуться, и он увидел Циту. За Цитой брел донован.

Он отбросил ветку и поднял ружье.

— Нет, — резко сказала Цита.

Донован тяжело приблизился к Дункану, и тот почувствовал, как по коже пробежали мурашки. Ничто не могло устоять перед донованом. Крикуны поджигали хвосты и разбегались, заслышав за две мили его топот.

Донован был назван так по имени первого убитого им человека. Тот человек был лишь первым из многих. Список жертв донованов был длинен, и в этом, думал Дункан, нет ничего удивительного. Он никогда еще не видел донована так близко, и смотреть на него было страшно. Он был похож и на слона, и на тигра, и на медведя, а шкура у него была как у медведя. Донован был самой совершенной и злобной боевой машиной, какую была только способна создать природа.

Он опустил ружье. Стрелять все равно бесполезно — в два прыжка чудовище настигнет его.

Донован чуть не наступил на Дункана, и тот отпрянул в сторону. Затем громадная голова наклонилась и так толкнула упавшее дерево, что оно откатилось ярда на два. А донован продолжал идти как ни в чем не бывало. Его могучее туловище врезалось в кустарник и исчезло из виду.

— Теперь мы квиты, — сказала Цита. — Мне пришлось сходить за помощью.

Дункан кивнул. Он подтянул к себе ногу, которая ниже колена потеряла чувствительность, и, используя ружье в качестве костыля, встал. Он постарался наступить на поврежденную ногу, и все его тело пронзила боль.

Он удержался, опершись о ружье, и повернулся лицом к Ците.

— Спасибо, дружище, — сказал он. — Я не ду- мал, что ты это сделаешь.

— Теперь ты больше не будешь за мной охотиться? Дункан покачал головой:

— Я не в форме. Я пойду домой.

— Это все было из-за вуа? Ты охотился на меня из-за вуа?

— Вуа меня кормит, — сказал Дункан. — Я не могу позволить тебе ее есть.

Цита молчала, и Дункан наблюдал за ней. Затем он, опираясь на ружье, заковылял к дому.

Цита поспешила его догнать.

— Давай договоримся, господин, я не буду есть вуа, а ты не будешь за мной охотиться. Это справедливо?

— Меня это устраивает, — сказал Дункан. — На этом и порешим.

Он протянул руку, и Цита подняла лапу. Они пожали друг другу руки, не очень ловко, но зато торжественно.

— А теперь, — сказала Цита, — я провожу тебя до дома. А то крикуны расправятся с тобой прежде, чем ты выйдешь из леса.

6

Они остановились на бутре. Перед ними лежала ферма, и грядки вуа тянулись прямыми зелеными рядами по красной земле.

— Отсюда ты сам доберешься, — сказала Цита, — а то я совсем истощилась. Так трудно быть умной. Я хочу вернуться к незнанию и спокойствию.

— Приятно было с тобой встретиться, — вежливо сказал Дункан. — И спасибо, что ты меня не оставила

Он побрел вниз по склону, опираясь на ружье-костыль. Вдруг он нахмурился и обернулся.

— Послушай, — сказал он, — ты ведь опять превратишься в животное и обо всем забудешь. В один прекрасный день ты наткнешься на прекрасные свежие нежные побеги вуа и...

— Проще простого, — сказала Цита. — Если ты увидишь, что я ем вуа, начни на меня охотиться. Как только ты начнешь меня преследовать, я сразу поумнею, и все будет в порядке.

— Точно, — согласился Дункан. — Все должно быть в порядке.

Он, ковыляя, стал спускаться с холма, а Цита смотрела ему вслед.

«Замечательное существо, — думала она. — Следующий раз, когда я буду делать маленьких, я обязательно сотворю дюжину таких, как он».

Она повернулась и направилась в гущу кустарника

Она чувствовала, как разум ускользает от нее, чувствовала, как возвращается старое привычное беззаботное спокойствие. Но это ощущение было смешано с предвкушением радости при мысли о том, какой замечательный сюрприз она приготовила для своего нового друга.

«Разве он не будет счастлив, когда я принесу их к его порогу», — думала Цита.

Пусть счастье не покидает его!

ДЕНЕЖНОЕ ДЕРЕВО

1

Чак Дойл шел вдоль высокой кирпичной стены, отделявшей городской дом Дж. Говарда Меткалфа от прошлой действительности, и вдруг увидел, как через стену перелетела двадцатидолларовая бумажка.

Учтите, что Дойл не из тех, кто хлопает ушами, — он себе клыки обломал в этом грубом мире. И хоть никто не скажет, что Дойл семи пядей во лбу, дураком его тоже считать не стоит. Поэтому не удивительно, что, увидев деньги посреди улицы, он их очень быстро подобрал.

Он оглянулся, чтобы проверить, не следят ли за ним — может, кто-то решил подшутить таким образом или, что еще хуже, отобрать деньги?

Но вряд ли за ним следили: в этой части города каждый занимался своим делом и принимал все меры к тому, чтобы остальные занимались тем же, чему в большинстве случаев помогали высокие стены. И улица, на которой Дойл намеревался присвоить банкнот, была, по совести говоря, даже не улицей, а глухим переулком, отделяющим кирпичную стену резиденции Меткалфа от изгороди банкира Дж. С. Грегга. Дойл поста-

вил там свою машину, потому что на бульваре, куда выходили фасады домов, не было свободного места.

Никого не обнаружив, Доил поставил на землю фотоаппараты и погнался за бумажкой, плывущей над переулком. Он схватил ее с резвостью кошки, ловящей мышь, и вот именно тогда-то он и заметил, что это не какой-нибудь доллар и даже не пятидолларовик, а самые настоящие двадцать долларов. Бумажка похрустывала — она была такой новенькой, что еще блестела, и, держа ее нежно кончиками пальцев, Доил решил отправиться к Бенни и совершить одно или несколько возлияний, чтобы отметить колоссальное везение.

Легкий ветерок проносился по переулку, и листва немногих деревьев, что росли в нем, вкупе с листвой многочисленных деревьев, что росли за заборами и оградами на подстриженных лужайках, шумела, как приглушенный симфонический оркестр. Яркое светило солнце, и не было никакого намека на дождь, и воздух был чист и свеж, и мир был удивительно хорош. И с каждым моментом становился все лучше.

Потому что через стену резиденции Меткалфа вслед за первой бумажкой, весело танцуя по ветру, перелетели и другие.

Доил увидел их, и на миг его словно парализовало, глаза вылезли из орбит, и у него перехватило дыхание. Но в следующий момент он уже начал хватать бумажки обеими руками, набивая ими карманы, задыхаясь от страха, что какой-нибудь из банкнотов может улететь. Он был во власти убеждения, что, как только он подберет эти деньги, ему надо бежать отсюда со всех ног.

Он знал, что деньги кому-то принадлежат, и был уверен, что даже на этой улице не найдется человека, настолько презирающего бумажные купюры, что он позволит им улететь и не попытается задержать их.

Так что он собрал деньги и, убедившись, что не упустил ни одной бумажки, бросился к своей машине.

Через несколько кварталов, в укромном месте он остановил машину на обочине, опустошил карманы, разглаживая банкноты и складывая их в ровные стопки на сиденье. Их оказалось куда больше, чем он предполагал.

Тяжело дыша, Доил поднял пачку — пересчитать деньги, и заметил, что из нее что-то торчит. Он попытался щелчком сбить это нечто, но оно осталось на месте.

Казалось, оно приклеено к одному из банкнотов. Он дернул, и банкнот вылез из пачки.

Это был черешок, такой же, как у яблока или вишни, черешок, крепко и естественно приросший к углу двадцатидолларовой бумажки.

Он бросил пачку на сиденье, поднял банкнот за черешок, и ему стало ясно, что совсем недавно черешок был прикреплен к ветке.

Дойл тихо присвистнул.

«Денежное дерево», — подумал он.

Но денежных деревьев не бывает. Никогда не было денежных деревьев и никогда их не будет.

— Мне мерещится чертовщина, — сказал Дойл, — а ведь я уже несколько часов капли в рот не брал.

Ему достаточно было закрыть глаза — и вот оно, могучее дерево с толстым стволом, высокое, прямое, с раскидистыми ветвями, с множеством листьев. И каждый лист — двадцатидолларовая бумажка. Ветер играет листьями и рождает денежную музыку, а человек может лежать в тени дерева и ни о чем не заботиться, только подбирать падающие листья и класть их в карманы.

Он потянул за черешок, но тот не отдирался от бумажки. Тогда Дойл аккуратно сложил банкнот и сунул ее в часовой кармашек брюк. Потом подобрал остальные деньги и, не считая, сунул их в другой карман.

Через двадцать минут он вошел в бар Бенни, который в это время протирал стойку. Единственный одинокий посетитель сидел в дальнем углу бара, посасывая пиво.

— Бутылку и рюмку, — попросил Дойл.

— Покажи наличные, — сказал Бенни.

Дойл дал ему одну из двадцатидолларовых бумажек, которая была такой новенькой, что хруст ее громом прозвучал в тишине бара. Бенни очень внимательно оглядел ее и спросил:

— Кто это их тебе делает?

— Никто, — сказал Дойл, — я их на улице подбираю.

Бенни передал ему бутылку и рюмку.

— Кончил работу? Или только начинаешь?

— Кончил, — сказал Дойл. — Я снимал старика Дж. Говарда Меткалфа. Один журнал заказал его портрет.

— Этого гангстера?

— Он теперь не гангстер. Он уже лет пять-шесть как легальный. Он магнат.

— Ты хочешь сказать «богач». Чем он теперь занимается?

— Не знаю. Но чем бы ни занимался, живет неплохо. У него приличная хижинка на холме. А сам-то он — глядеть не на что.

— Не понимаю, что в нем нашел твой журнал?

— Может быть, они хотят напечатать рассказ о том, как выгодно быть честным человеком.

Дойл наполнил рюмку.

— Мне-то что, — сказал он философски. — Если мне заплатят, я и червяка сфотографирую.

— Кому нужен портрет червяка?

— Мало ли психов на свете! — сказал Дойл. — Может кому-нибудь и понадобится. Я вопросов не задаю. Людям нужны снимки, и я их делаю. И пока мне за них платят, все в порядке.

Дойл с удовольствием допил, налил снова и спросил:

— Бенни, ты когда-нибудь слышал, чтобы деньги росли на дереве?

— Ты ошибся, деньги растут на кустах.

— Если могут на кустах, то могут и на деревьях. Ведь что такое куст? Маленькое дерево.

— Ну уж нет, — возразил Бенни, малость смутившись. — На самом деле деньги и на кустах не растут — просто поговорка такая.

Зазвонил телефон, и Бенни подошел к нему.

— Это тебя, — сказал он.

— Кто бы мог догадаться, что я здесь? — удивился Дойл.

Он взял бутылку и пошел вдоль стойки к телефону.

— Ну, — сказал он в трубку, — вы меня звали, говорите.

— Это Джейк.

— Сейчас ты скажешь, что у тебя для меня работа, и что ты мне дня через два заплатишь. Сколько, ты думаешь, я буду на тебя работать бесплатно?

— Если ты это для меня сделаешь, Чак, я тебе все заплачу. И не только за это, но и за все, что ты делал раньше. Сейчас мне нужна твоя помощь. Понимаешь, машина слетела с дороги и попала прямо в озеро, и страховая компания уверяет...

— Где теперь машина?

— Все еще в озере. Они ее вытащат не сегодня-завтра, а мне нужны снимки...

— Может, ты хочешь, чтобы я забрался в озеро и снимал под водой?

— Именно так. Понимаю, что это нелегко, но я достану водолазный костюм и все устрою. Я бы тебя не просил, но ты единственный человек...

— Не буду я этого делать, — уверенно сказал Дойл, — у меня слишком хрупкое здоровье. Если я промокну, то схвачу воспаление легких и у меня разболются зубы, а кроме того, у меня аллергия к водорослям, а озеро почти наверняка полно кувшинок и всякой травы.

— Я тебе заплачу вдвойне! — в отчаянии вопил Джейк. — Я тебе даже втройне заплачу!

— Знаю, — сказал Дойл, — ты мне ничего не заплатишь.

Он повесил трубку и, не выпуская из рук бутылки, вернулся на старое место.

— Тоже мне, — сказал он, выпив две рюмки подряд, — чертов способ зарабатывать себе на жизнь.

— Все способы чертовы, — сказал Бенни философски.

— Послушай, Бенни, та бумажка, которую я тебе дал, она в порядке?

— А что?

— Да нет, просто ты похрустел ею.

— Я всегда так делаю. Клиенты это любят.

И он машинально протер стойку снова, хотя та была чиста и суха.

— Я в них разбираюсь не хуже банкира, — сказал он, — и фальшивку за пятьдесят шагов учую. Некоторые умники приходят сбывать свой товар в бар, думают, что это самое подходящее место. Надо быть начеку.

—ловишь их?

— Иногда, не часто. Вчера здесь один рассказывал, что теперь до черта фальшивых денег, которые даже эксперт не отличит, и что правительство с ума сходит — появляются деньги с одинаковыми номерами. Ведь на каждой бумажке свой номер, а когда на двух одинаковый, значит, одна из бумажек фальшивая.

Дойл выпил еще и вернул бутылку.

— Мне пора, — объявил он. — Я сказал Мейбл, что загляну. Она у меня не любит, когда я накачиваюсь.

— Не понимаю, чего Мейбл с тобой возится, — сказал Бенни. — Работа у нее в ресторане хорошая, столько ребят вокруг. Некоторые и не пьют, и работают вовсю...

— Ни у кого из них нет такой души, как у меня, — сказал Дойл. — Ни один из этих механиков и шоферов не отличит закат солнца от яичницы.

Бенни дал ему сдачи с двадцати долларов и сказал.

— Я вижу, ты со своей души имеешь.

— А почему бы и нет! — ответил Дойл. — Само собой разумеется.

Он собрал сдачу и вышел на улицу.

Мейбл ждала его, и в этом не было ничего удивительного. Всегда с ним что-нибудь случалось, и он всегда опаздывал, и она уже привыкла ждать.

Она сидела за столиком. Дойл поцеловал ее и сел напротив. В ресторане было пусто, если не считать новой официантки, которая убирала со стола в другом конце зала.

— Со мной сегодня приключилась удивительная штука, — сказал Дойл.

— Надеюсь, приятная? — сказала Мейбл.

— Не знаю еще, — ответил Дойл, — может быть, и приятная. С другой стороны, я, может, хлебну горя.

Он залез в часовой кармашек, достал банкнот, расправил его, разгладил, положил на стол и спросил.

— Что это такое?

— Зачем спрашивать, Чак? Это двадцать долларов.

— А теперь посмотри внимательно на уголок.

Она посмотрела и удивилась.

— Смотри-ка, черешок! — воскликнула она. — Со всем как у яблока. И приклеен к бумаге.

— Эти деньги с денежного дерева, — сказал Дойл.

— Таких не бывает, — сказала Мейбл.

— Бывает, — сказал Дойл, сам все более убеждаясь в этом. — Одно из них растет в саду Дж. Говарда Меткалфа, отсюда у него и деньги. Я раньше никак не мог понять, как эти боссы умудряются жить в больших домах, ездить на автомобилях длиной в квартал и так далее. Ведь чтобы заработать на это, им пришлось бы всю жизнь вкалывать. Могу поспорить, что у каждого из них во дворе растет денежное дерево, и они держат это в секрете. Только вот сегодня Меткалф забыл с

утра собрать спелые деньги, и их сдуло с дерева через забор.

— Но даже если бы денежные деревья существовали, — не сдавалась Мейбл, — боссы не смогли бы сохранить все в секрете. Кто-нибудь да дознался бы. У них же есть слуги, а слуги...

— Я догадался, — перебил ее Доил. — Я об этом думал и знаю, как это делается: в этих домах не простые слуги — каждый из них служит семье много лет, и они очень преданные. И знаешь, почему они преданные? Потому что им тоже достается кое-что с этих денежных деревьев. Могу поклясться, что они держат язык за зубами, а когда уходят в отставку, сами живут как богачи. Им невыгодно болтать. И, кстати, если бы всем этим миллионерам нечего было скрывать, к чему бы им окружать свои дома такими высокими заборами?

— Ну, они ведь устраивают в садах приемы, — возразила Мейбл. — Я всегда об этом читаю в светской хронике.

— А ты когда-нибудь была на таком приеме?

— Нет, конечно.

— То-то и оно что не была. У тебя нет своего денежного дерева. Они приглашают только своих, только тех, у кого тоже есть денежные деревья. Почему, ты думаешь, богачи задирают нос и не хотят иметь дела с простыми смертными?

— Ну ладно, нам-то что до того?

— Мейбл, смогла бы ты мне найти мешок из-под сахара или что-нибудь вроде этого?

— У нас их в кладовке сколько угодно. Могу принести.

— Пожалуйста, вдень в него резинку, чтобы я мог потянуть за нее — и мешок бы закрылся. А то, если придется бежать, деньги могут...

— Чак, ты не посмеешь...

— Как раз перед стеной стоит дерево, один сук которого навис над ней. Так что я смогу привязать веревку...

— И не думай. Они тебя поймают.

— Ну, это мы посмотрим после того, как ты достанешь мешок. А я пока пойду поищу веревку.

— Но все магазины уже закрыты. Где ты достанешь веревку?

— Это уж мое дело, — сказал Дойл.
— Тебе придется отвезти меня домой — здесь я не смогу переделать мешок.
— Как только вернусь с веревкой...
— Чак!
— А?
— А это не воровство? С денежным деревом?
— Нет. Если даже у Меткалфа и есть денежное дерево, он не имеет никаких прав держать его в саду — дерево общее. Больше, чем общее. Какое у него право собирать все деньги с дерева и ни с кем не делиться?
— А тебя не поймают за то, что ты делаешь фальшивые деньги?
— Какие же это фальшивки? — возмутился Дойл. — Никто их не делает. Там же нет ни пресса, ни печатной машины — деньги сами по себе растут на дереве.
Мейбл перегнулась через стол и прошептала:
— Чак, это так невероятно! Разве могут деньги расти на дереве?
— Не знаю и знать не хочу, — ответил Дойл. — Я не ученый, но скажу тебе, что эти ботаники научились делать удивительные вещи. Ты про Бербанка слыхала? Он выращивал такие растения, что на них росло все, что ему хотелось. Они умеют выращивать совсем новые плоды, менять их размер и вкус и так далее. Так что если кому-нибудь из них пришло бы в голову вывести денежное дерево, для него это пара пустяков.
Мейбл поднялась из-за стола и сказала:
— Я пойду за мешком.

2

Дойл забрался на дерево, которое росло в переулке у самой стены.

Он поднял голову и посмотрел на светлые, освещенные луной облака. Через минуту или две облако побольше закроет луну, и тогда надо будет прыгнуть в сад.

Дойл посмотрел туда: в саду росло несколько деревьев, но отсюда нельзя было разобрать, какое из них было денежным. Правда, Дойлу показалось, что одно из них похрустывает листьями.

Он проверил веревку, которую держал в руке, мешок, заткнутый за пояс, и стал ждать, пока облако закроет луну

Дом был тих и темен, и только в комнатах верхнего этажа поблескивал свет. Ночь, если не считать шороха листьев, тоже была тихой.

Край облака начал вгрызаться в луну, и Дойл пополз на четвереньках по толстому суку, потом привязал веревку и опустил ее конец.

Проделав все это, он замер на секунду, прислушиваясь и приглядываясь к тихому саду.

Никого не было.

Он соскользнул вниз по веревке и побежал к дереву, листья которого, как ему казалось, похрустывали, и осторожно поднял руку.

Листья были размером и формой с двадцатидолларовые банкноты. Он сорвал с пояса мешок и сунул в него пригоршню листьев. И еще, и еще...

«Как просто, — сказал он себе. — Как сливы. Будто бы я собираю сливы. Так же просто, как собирать...»

«Мне нужно всего пять минут, — говорил он себе, — и все. Чтобы пять минут мне никто не мешал».

Но пяти минут у него так и не оказалось — не было и минуты.

Яростный смерч налетел на него из темноты, ударил по ноге, впился в ребра и разорвал рубашку. Смерч был яростен, но беззвучен, и в первые секунды Дойлу показалось, что этот сторож-смерч бесплотен.

Дойл сбросил с себя оцепенение внезапности и страха и начал сопротивляться так же беззвучно, как и нападающая сторона. Дважды ему удавалось ухватиться за «сторожа», и дважды тот ускользал, чтобы вновь наброситься на Дойла.

Наконец он сумел вцепиться в «сторожа» так, что тот не мог пошевелинуться, и поднял его над головой, чтобы разможить о землю. Но в тот момент, когда он поднял руки, облако отпустило луну, и в саду стало светло.

Он увидел, что держит, и с трудом подавил возглас изумления.

Он ожидал увидеть собаку. Но это была не собака. Это было не похоже ни на что, виденное им до сих пор. Он даже не слышал о таком.

Один конец этого существа представлял собой рот другой был плоским и квадратным. Размером оно было с терьера, но это был не терьер. У него были короткие, но сильные ноги, а руки были длинные, тонкие, закан-

чивающиеся крепкими когтями, и он подумал, как хорошо, что он схватил это существо, прижав его руки к телу. Существо было белого цвета, безволосое и голое, как ошипанная курица. За спиной у него было прикреплено что-то, очень похожее на ранец. И тем не менее это было еще не самое худшее.

Грудь его была широкой, блестящей и твердой, как панцирь кузнечика, а на ней вспыхивали светящиеся буквы и знаки. Дойла охватил ужас. Мысли молниеносно сменяли одна другую, он пытался удержать их, но они крутились где-то, и он никак, никак не мог привести их в порядок.

Наконец непонятные знаки исчезли с груди существа, и на ней появились светящиеся слова, написанные печатными буквами:

— ОТПУСТИ МЕНЯ!

Даже с восклицательным знаком на конце.

— Дружище, — сказал Дойл, основательно потрясенный, но тем не менее уже пришедший в себя. — Я тебя не отпущу просто так. У меня есть насчет тебя кое-какие планы.

Он обернулся, нашел лежавший на земле мешок и пододвинул к себе.

— ТЫ ПОЖАЛЕЕШЬ, — появилось на груди существа.

— Нет, — сказал Дойл, — не пожалею.

Он встал на колени, быстро развернул мешок, засунул в него своего пленника и затянул резинку.

Внезапно на первом этаже дома вспыхнул свет и послышались голоса из окна, выходящего в сад. Где-то в темноте скрипнула дверь и захлопнулась с пустым гулким звуком. Дойл бросился к веревке. Мешок мешал ему бежать, но желание убраться подальше помогло быстро вскарабкаться на дерево. Он притаился среди ветвей и осторожно подтянул к себе болтающуюся веревку, сворачивая ее свободной рукой.

Существо в мешке начало ворочаться и брыкаться. Он приподнял мешок и стукнул им о ствол — существо сразу затихло.

По дорожке, утопающей в тени, кто-то прошел уверенным шагом, и Дойл увидел в темноте огонек сигары. Раздался голос, явно принадлежащий Меткалфу.

— Генри!

— Да, сэр, — отозвался Генри с веранды.

— Куда, черт возьми, задевался ролла?

— Он где-то там, сэр. Он никогда не отходит далеко от дерева. Вы же знаете, он за него отвечает.

Огонек сигары загорелся ярче — видно, Меткалф яростно затынулся.

— Не понимаю я этих ролл, Генри, — сказал он. — Столько лет прошло, а я их все не понимаю.

— Правильно, сэр, — сказал Генри. — Их трудно понять.

Дойл чувствовал запах дыма. Судя по запаху, это была хорошая сигара.

Ну и понятно: Меткалф, конечно, курит самые лучшие. Не будет же человек, у которого растет денежное дерево, задумываться о цене сигар!

Дойл осторожно отполз фута на два по суку, стараясь приблизиться к стене.

Огонек сигары дернулся и обернулся к нему — значит, Меткалф услышал шум на дереве.

— Кто там? — крикнул он.

— Я ничего не слышал, сэр. Это, наверно, ветер.

— Никакого ветра, дурак. Это опять та же кошка.

Дойл прижался к ветке, неподвижный, но вместе с тем собранный в комок, готовый действовать, как только в этом возникнет необходимость. Он выругал себя за неосторожность.

Меткалф сошел с дорожки и стоял, освещенный лунным светом, разглядывая дерево.

— Там что-то есть, — объявил он торжественно. — Листва такая густая, что я не могу разглядеть, в чем дело, но могу поклясться — это та самая чертова кошка. Она просто преследует роллу.

Он вынул сигару изо рта и выпустил несколько изумительных по форме колец дыма, которые, как привидения, поплыли в воздухе.

— Генри, — крикнул он, — принеси-ка мне ружье. Двенадцатый калибр стоит прямо за дверью.

Этого было достаточно, чтобы Дойл бросился к стене. Он едва не упал, но удержался. Он уронил веревку чуть не потерял мешок. Ролла внутри снова начал трепыхаться.

— Тебе что, попрыгать охота? — яростно зашипел Дойл.

Он перекинул мешок через забор и услышал, как тот ударился о мостовую. Дойл надеялся, что не убил роллу

так как его пленник мог оказаться ценным приобретением. Его можно будет продать в цирк — там любят всяких уродцев.

Дойл добрался до стены и соскользнул вниз, не думая о последствиях, исцарапав руки и ноги.

Из-за забора доносились страшные вопли и леденящие кровь ругательства Дж. Говарда Меткалфа.

Дойл подобрал мешок и бросился к тому месту, где он оставил машину. Добежав, он кинул мешок внутрь, сел за руль и поехал по сложному, заранее разработанному маршруту, чтобы уйти от возможной погони.

Через полчаса Дойл остановился у небольшого парка и принялся обдумывать ситуацию.

В ней было и плохое, и хорошее.

Ему не удалось собрать урожай с дерева, как он намеревался, и к тому же теперь Меткалфу обо всем известно, и вряд ли удастся повторить набег.

С другой стороны, Дойл теперь знал наверняка, что денежные деревья существуют, и у него был ролла, вернее, он предполагал, что эту штуку зовут роллой.

И этот ролла — такой тихий в мешке — основательно поцарапал его, охраняя дерево.

При свете луны Дойл видел, что руки его в крови, а царапины на ребрах под разорванной рубашкой жгли огнем. Штанина промокла от крови.

Он почувствовал, как мурашки побежали по коже. Человеку ничего не стоит подцепить инфекцию от неизвестной зверюги.

А если пойти к доктору, тот обязательно спросит, что с ним случилось. Он, конечно, сможет сослаться на собаку. Но вдруг доктор поймет, что это совсем не собачьи укусы. Вернее всего, доктор сообщит куда следует.

Нет, решил он, слишком многое поставлено на карту, чтобы рисковать, — никто не должен знать о его открытии. Потому что пока Дойл — единственный человек, знающий о денежном дереве, из этого можно извлечь выгоду. Особенно если у него есть ролла, таинственным образом связанный с этим деревом, которого, даже и без дерева, если повезет, можно превратить в деньги.

Он снова завел машину.

Минут через пятнадцать он остановил ее в переулке, в который выходили задние фасады старых многоквартирных домов.

Он вылез из машины, прихватив с собой мешок.

Ролла все еще был неподвижен.

— Странно, — сказал Дойл.

Он положил руку на мешок. Мешок был теплым, а ролла чуть пошевелился.

— Жив еще, — сказал Дойл с облегчением.

Он пробирался между мусорных урн, штабелей гнилых досок и груд пустых консервных банок. Кошки, завидя его, разбегались в темноте.

— Ничего себе местечко для девушки, — сказал себе Дойл. — Совершенно неподходящее место для такой девушки, как Мейбл.

Он отыскал черный ход, поднялся по скрипучей лестнице, прошел по коридору и нашел дверь в комнату Мейбл. Она схватила его за рукав, втащила в комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной.

— Я так волновалась, Чак!

— Нечего было волноваться, — сказал Дойл. — Непредвиденные осложнения — вот и все.

— Какие у тебя руки! — вскрикнула она. — А какая рубашка!

Дойл весело подкинул мешок.

— Это все пустяки, Мейбл, — сказал он. — Главное, посмотри что в мешке.

Он огляделся.

— Окна закрыты?

Она кивнула.

— Передай мне настольную лампу, — сказал он, — сойдет вместо дубинки.

Мейбл вырвала провод из штепселя, сняла абажур и протянула ему лампу.

Он поднял лампу, наклонился над мешком и развязал его.

— Я его пару раз стукнул, — сказал он, — и перебросил через забор, так что он, наверно, оглушен, но все-таки рисковать не стоит.

Он перевернул мешок и вытряхнул роллу на пол. За ним последовал дождь из двадцатидолларовых бумажек.

Ролла с достоинством поднялся с пола и встал вертикально, хотя трудно было понять, что он стоит прямо —

его задние конечности были такими короткими, а передние — такими длинными, что казалось, будто он сидит, как собака.

Больше всего ролла был похож на волка или, вернее, на могучего карикатурного бульдога, воющего на луну.

Мейбл испустила отчаянный визг и бросилась в спальню, захлопнув за собой дверь.

— Замолчи ты, Бога ради! — сказал Дойл. — Всех перебудишь. Соседи подумают, что я тебя убиваю.

Кто-то наверху затопал ногами. Мужской голос закричал: «Заткнитесь, эй, там, внизу!»

На груди роллы загорелась надпись:

— ГОЛОДЕН. КОГДА БУДЕМ ЕСТЬ?

Дойл проглотил слюну. Он почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу.

— В ЧЕМ ДЕЛО? — продолжал ролла. — ГОВОРИ, Я СЛЫШУ.

Кто-то громко постучал в дверь.

Дойл быстро огляделся и увидел, что пол засыпан деньгами. Он принялся собирать их и рассовывать по карманам.

В дверь продолжали стучать.

Дойл собрал деньги и открыл дверь.

В дверях стоял мужчина в нижнем белье. Он был высок и мускулист и возвышался над Дойлом по крайней мере на фут. Из-за его плеча выглядывала женщина.

— Что здесь происходит? — спросил мужчина. — Мы слышали, как кричала женщина.

— Мышку увидела, — сказал Дойл.

Мужчина не спускал с него глаз.

— Большую мышку, — уточнил Дойл. — Может быть, даже крысу.

— А вы, мистер... с вами что случилось? Где это вы так рубаху порвали?..

— В карты играл, — сказал Дойл и попытался захлопнуть дверь.

Но мужчина распахнул ее еще шире, вошел в комнату и сказал:

— Если вы не имеете ничего против, я бы взглянул...

С замиранием сердца Дойл вспомнил о ролле.

Он обернулся. Но роллы не было.

Открылась дверь спальни, и вышла Мейбл. Она была холодна, как лед.

— Вы здесь живете, леди? — спросил мужчина в исподнем.

— Да, здесь, — сказала женщина, оставшаяся в дверях. — Я ее часто вижу в коридоре.

— Этот парень к вам пристаёт?

— Ни в коем случае, — сказала Мейбл. — Это мой друг.

Мужчина обернулся к Дойлу.

— Ты весь в крови, — сказал он.

— Что делать... — ответил Дойл. — Всегда из меня кровь идет.

Женщина потянула мужчину за рукав.

Мейбл сказала:

— Уверю вас, ничего не произошло.

— Пошли, милый, — настаивала женщина, продолжая тянуть его за рукав. — Они в нас не нуждаются.

Мужчина неохотно ушел.

Дойл захлопнул дверь и запер ее.

— Черт возьми, — сказал он, — нам придется отсюда сматываться. Он будет думать об этом, потом позвонит в полицию, они явятся и заберут нас...

— Мы ничего не сделали, Чак, — сказала Мейбл.

— Может, и так, но я полицию не люблю. Не хочу отвечать на вопросы.

Она подошла к нему ближе.

— Он прав, ты весь в крови, — сказала она, — и руки, и рубашка.

— И нога тоже, — сказал он. — Это меня ролла обработал.

Ролла вышел из-за кресла.

— НЕ ХОТЕЛ НЕДОРАЗУМЕНИЙ,
ВСЕГДА ПРЯЧУСЬ ОТ НЕЗНАКОМЫХ.

— Вот так он и говорит, — сказал Дойл, не скрывая восторга.

— Что это? — спросила Мейбл, отходя на два шага.

— Я РОЛЛА.

— Мы встретились под денежным деревом, — пояснил Дойл, — и малость повздорили. Он имеет какое-то отношение к дереву: то ли стережет его, то ли еще что.

— Ты денег достал?

— Немного. Понимаешь, этот ролла...

— ГОЛОДЕН, — зажглось у роллы на груди.

— Иди сюда, — сказала Мейбл, — я тебя перевяжу.

— Да ты что, не хочешь послушать?..

— Не очень. Ты снова попал в переделку. Мне кажется, что ты нарочно попадаешь в переделки.

Она повела его в ванную.

— Сядь на край ванны, — сказала она.

Ролла подошел к двери, остановился и спросил.

— У ВАС НЕТ НИКАКОЙ ПИЩИ?

— О Боже мой! — воскликнула Мейбл. — А что вы хотите?

— ФРУКТЫ. ОВОЩИ.

— Там, в кухне, на столе есть фрукты. Вам показать?

— САМ НАЙДУ, — заявил ролла и исчез.

— Не пойму этого коротышку, — сказала Мейбл. — Сначала он тебя искушал, а теперь, выходит, стал лучшим другом.

— Я его стукнул пару раз, — ответил Дойл. — Научил себя уважать.

— И он еще умирает с голоду, — заметила Мейбл с осуждением. — Да сядь ты на край ванны, я тебя обмою.

Он сел, а она достала из аптечки бутылку с чем-то коричневым, пузырек спирта, вату и бинт. Мейбл встала на колени, закатала штанину Дойла и сказала:

— Плохо.

— Это он зубами меня, — сказал Дойл.

— Надо пойти к доктору, Чак, — сказала Мейбл. — Можешь подцепить заражение крови. А вдруг у него грязные зубы?

— Доктор будет задавать много вопросов. У меня и без него хватит неприятностей.

— Чак, а что это такое?

— Это ролла.

— А почему его зовут ролла?

— Не знаю. Зовут, и все.

— Зачем же ты тогда притащил его с собой?

— Он стоит не меньше миллиона. Его можно продать в цирк или в зоопарк. Даже могу сам выступать с ним в ночном клубе — показывать, как он говорит, и вообще.

Она быстро и умело промыла ему раны.

— И вот еще почему я его сюда притащил, — сказал Доил. — Меткалф у меня в руках. Я знаю кое-что такое. У меня теперь ролла, а ролла как-то связан с этими денежными деревьями.

— Это что же, шантаж?

— Ни в коем случае! Я в жизни никого не шантажировал. Просто у меня с Меткалфом небольшое дельце. Может быть, в благодарность за то, что я держу язык за зубами, он подарит мне одно из своих денежных деревьев.

— Но ты же сам говоришь, что там всего одно денежное дерево.

— Это я одно видел, но там темно, может, других я не заметил. Ты понимаешь, что такой человек, как Меткалф, никогда не удовлетворится одним денежным деревом. Если у него есть одно, он себе вырастит еще. Могу поспорить на что угодно — у него есть и двадцатидолларовые деревья, и пятидесятидолларовые, а, может быть, даже стодолларовые.

Он вздохнул:

— Хотел бы я провести всего лишь пять минут под стодолларовым деревом. На всю бы жизнь себя обеспечил. Я бы обеими руками рвал.

— Сними рубашку, — сказала Мейбл, — мне нужно добраться до царапин.

Доил стащил рубашку.

— Знаешь что, — сказал он, — могу поклясться, что не только у Меткалфа есть денежные деревья. У всех богачей есть. Они, наверно, объединились в секретное общество и поклялись никогда об этом не болтать. Я не удивляюсь, что все деньги идут оттуда. Может быть, правительство вовсе не печатает никаких денег, а только говорит, что печатает...

— Замолчи, — скомандовала Мейбл, — и не дергайся.

Она наклеивала пластырь ему на грудь.

— Что ты собираешься делать с роллой? — спросила она.

— Мы его положим в машину и отвезем к Меткалфу. Ты останешься в машине с роллой и, если что-нибудь будет не так, дашь газ. Пока ролла у нас — мы держим Меткалфа на прицеле.

— Ты с ума сошел! Чтобы я осталась одна с этой тварью! После всего, что она с тобой сделала!

— Возьмешь палку и, если что не так — ты его палкой.

— Еще чего не хватало, — сказала Мейбл. — Я с ним не останусь.

— Хорошо, мы его положим в багажник и завернем в одеяло, чтобы не ушибся. Может, даже лучше, если он будет заперт.

Мейбл покачала головой:

— Надеюсь, так будет лучше, Чак, и надеюсь, что мы не попадем в переделку.

— И не думай об этом, — ответил Дойл. — Давай двигаться отсюда. Нам нужно выбраться, пока этот бездельник не догадался позвонить в полицию.

В дверях появился ролла, поглаживая себя по животу.

— БЕЗДЕЛЬНИК? —

спросил он. — ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

— О Господи, — сказал Дойл, — как я ему объясню?

— БЕЗДЕЛЬНИК — ЭТО ПОДОНОК?

— Здесь что-то есть, — согласился Дойл. — Бездельник — это похоже на подонка.

— МЕТКАЛФ СКАЗАЛ:

ВСЕ ЛЮДИ, КРОМЕ МЕНЯ, — ПОДОНКИ.

— Знаешь, что я тебе скажу — Меткалф в чем-то прав.

— ПОДОНОК —

ЗНАЧИТ ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДЕНЕГ.

— Никогда не слышал такой формулировки. Но если так, можете считать меня подонком.

— МЕТКАЛФ СКАЗАЛ:

ПЛАНЕТА НЕ В ПОРЯДКЕ —

СЛИШКОМ МАЛО ДЕНЕГ.

— Вот тут я с ним полностью согласен.

— ПОЭТОМУ Я НА ТЕБЯ

БОЛЬШЕ НЕ СЕРЖУСЬ.

— Боже мой, — сказала Мейбл, — он оказался болтуном!

— МОЕ ДЕЛО — ЗАБОТИТЬСЯ О ДЕРЕВЕ.

СНАЧАЛА Я РАССЕРДИЛСЯ,

НО ПОТОМ ПОДУМАЛ:

«БЕДНЫЙ ПОДОНОК, ЕМУ НУЖНЫ ДЕНЬГИ,

НЕЛЬЗЯ ЕГО ВИНИТЬ».

— Это с твоей стороны очень благородно, — сказал Дойл, — но жаль, что ты не подумал об этом

прсжде, чем начал меня жевать. Если бы в моем распо-
ражении было хотя бы пять минут.

— Я готова, — сказала Мейбл. — Если ты не пере-
думал — поехали

3

Дойл медленно шел по дорожке, ведущей к дверям
дома Меткалфа. Дом был темен, и луна склонялась к
вершинам сосен, которые росли на другой стороне
улицы.

Дойл поднялся по кирпичным ступенькам и остано-
вился перед дверью. Позвонил и подождал.

Никакого ответа.

Он снова позвонил, и снова никакого ответа.

Потянул дверь — она была заперта.

«Сбежали», — сказал Дойл про себя.

Он вышел на улицу, обогнул дом и взобрался на
дерево в переулке. Сад за домом был темен и молчалив.
Дойл долго наблюдал за ним, но не заметил никакого
движения. Потом вытащил из кармана фонарик и посве-
тил им. Светлый кружок прыгал в темноте, пока не
наткнулся на участок развороченной земли.

У него перехватило дыхание, и он долго освещал то
место, пока не убедился, что не ошибся.

Он не ошибся. Денежное дерево исчезло. Кто-то
выкопал его и увез

Дойл погасил фонарик и спрятал его в карман, спу-
стился с дерева и вернулся к машине. Мейбл не выклю-
чала мотора.

— Они смотались, — сказал Дойл, — никого нет.
Выкопали дерево и смотались.

— Ну и хорошо, — ответила Мейбл, — я даже ра-
да. Теперь ты, по крайней мере, не будешь ввязываться
в авантюры с денежными деревьями.

— Поспать бы.. — зевнул Дойл.

Я тоже хочу спать. Поехали домой и выспимся.

— Ты, может, выспишься, а я нет. Укладывайся на
заднем сиденье. Я сяду за руль.

— Куда мы теперь?

— Когда я снимал Меткалфа сегодня днем, он ска-
зал мне, что у него есть ферма за городом. На западе,
возле Милвилла.

— А ты тут при чем?

— Вот что, если у него до черта денежных деревьев..

— Но у него же только одно дерево — в саду городского дома.

— А может, и до черта. Может, это росло здесь только для того, чтобы Меткалфу иметь в городе карманные деньги.

— Ты хочешь сказать, что мы поедем к нему на ферму?

— Сначала надо заправиться и посмотреть по карте, где этот Милвилл. Спорим, что у него там целый денежный сад. Представь себе только — ряды деревьев, и все в банкнотах.

4

Старик, хозяин единственного магазина в Милвилле, где продавались посуда, бакалейные товары, а еще умещалась аптека и почтовая контора, покрутил серебряный ус.

— Ага, — сказал он. — У Меткалфа ферма за холмами, на том берегу реки. И даже название у нее есть — «Веселый холм». Вот скажите мне, с чего бы человеку так называть свою ферму?

— Чего только люди не делают, — ответил Дойл. — Как туда поскорее добраться?

— Вы спрашиваете?

— Конечно...

Старик покачал головой:

— Вас пригласили? Меткалф вас ждет?

— Не думаю.

— Тогда вам туда не попасть — ферма окружена забором, а у ворот стража, там даже специальный домик для охранников. Так что, если Меткалф вас не ждет, не надейтесь туда попасть.

— Я попробую.

— Желаю успеха, но вряд ли у вас что-нибудь выйдет. Скажите мне лучше, зачем бы этому Меткалфу так себя вести? Места наши тихие. Никто не обносит своих ферм оградой в восемь футов высотой, с колючей проволокой поверху. Никто бы и денег не набрал, чтобы такую ограду построить. Должно быть, он кого-то сильно боится.

— Чего не знаю, того не знаю, — сказал Дойл. — А все-таки, как туда добраться?

Старик достал из-под прилавка бумажный пакет, вытащил из кармана огрызок карандаша и лизнул грифель, прежде чем принялся медленно рисовать план.

— Переедете через мост и поезжайте по этой дороге — налево не поворачивайте, там дорога ведет к реке, — доберетесь до оврага, и начнется холм. Наверху повернете налево, и оттуда до фермы Меткалфа останется миля.

Он еще раз лизнул карандаш и нарисовал грубый четырехугольник.

— Вот тут, — сказал он. — Участок не маленький. Меткалф купил четыре фермы и объединил их.

..В машине ждала раздраженная Мейбл.

— Сейчас ты скажешь, что с самого начала был не прав, — заявила она. — У него нет никакой фермы.

— Всего несколько миль осталось, — ответил Дойл. — Как там ролла?

— Опять проголодался, наверное. Стучит в багажнике.

— С чего бы ему проголодаться? Я ему два часа назад сколько бананов скормил!

— Может, ему скучно? Он чувствует себя одиноким?

— У меня и без него дел достаточно, — сказал Дойл. — Не хватает еще, чтобы я держал его за ручку.

Он забрался в машину, завел ее и поехал по пыльной улице, пересек мост, но вместо того чтобы перебраться через овраг, повернул на дорогу, которая вела вдоль реки. Если план, который нарисовал старик, был правильным, думал он, то, следуя по дороге вдоль реки, можно подъехать к ферме с тыла.

Мягкие холмы сменились крутыми утесами, покрытыми лесом и кустарником. Извилистая дорога сузилась. Машина подъехала к глубокому оврагу, разделявшему два утеса. По дну оврага протянулась полузаросшая колея.

Дойл свернул на эту колею и остановился.

Затем вылез и постоял с минуту, осматривая овраг.

— Ты чего встал? — спросила Мейбл.

— Собираюсь зайти к Меткалфу с тыла, — сказал он.

— Не оставишь же ты меня здесь?

— Я ненадолго.

— К тому же здесь москиты, — пожаловалась она, отгоняя насекомых.

— Закроешь окна.

Он пошел, но Мейбл его окликнула:

— Там ролла остался.

— Он до тебя не доберется, пока заперт в багажнике

— Но он так стучит! Что, если кто-нибудь пройдет мимо и услышит?

— Даю слово, что по этой дороге уже недели две как никто не ездил.

Пищали москиты. Он попытался отогнать их.

— Послушай, Мейбл, — взмолился он, — ты хочешь, чтобы я с этим делом покончил, не так ли? Ты же ничего не имеешь против норковой шубы? Ты ведь не откажешься от бриллиантов?

— Нет, наверно, — призналась она. — Только поспеши, пожалуйста — я не хочу здесь сидеть, когда стемнеет.

Он повернулся и пошел вдоль оврага.

Все вокруг было зеленым — глухого летнего зеленого цвета, — и было тихо, если не считать писка москитов. Привыкший к бетону и асфальту города, Доил ощутил страх перед зеленым безмолвием лесистых холмов.

Он прихлопнул москита и поежился.

— Тут нет ничего, что повредило бы человеку, — вслух подумал он.

Путешествие было не из легких: овраг вился между холмов, и сухое ложе ручья, заваленное валунами и грудями гальки, вилось от одного склона к другому. Время от времени Доилу приходилось взбираться на откос, чтобы обойти завалы.

Москиты с каждым шагом становились все назойливее. Он обмотал шею носовым платком и надвинул шляпу на глаза. Ни на секунду не прекращая войны с москитами, он уничтожал их сотнями, но толку было мало.

Овраг сузился и круто пошел вверх. Доил повернул и обнаружил, что дальнейший путь закрыт — масса сучьев, обвитых виноградом, перекрывала овраг, завал смыкался с деревьями, растущими на отвесных скалах оврага.

Пробраться дальше не было никакой возможности. Завал казался сплошной стеной. Сучья были скреплены

камнями и сцементированы грязью, принесенной ручьем. Цепляясь ногтями и нащупывая ботинками неровности, он вскарабкался наверх, чтобы обойти препятствие. Москиты бросались на него эскадронами, а Доил отломил ветку с листьями и пытался отогнать их.

Так он стоял, тяжело дыша и хрипя, пытаясь наполнить легкие воздухом, и думал: как же это он умудрился попасть в такой переплет. Это приключение было не по нему. Его представления о природе никогда не распространялись за пределы ухоженного городского парка.

И вот, пожалуйста, он стоит где-то среди деревьев, старается вскарабкаться на Богом забытые холмы, пробираясь к месту, где могут расти денежные деревья — ряды, сады, леса денежных деревьев.

— Никогда бы не пошел на это, ни за что, кроме как за деньги, — сказал он себе.

Он огляделся и обнаружил, что завал был по толщине всего два фута и одинаковый на всей протяженности. Задняя сторона завала была гладкой, будто ее специально загладили. Нетрудно было понять, что ветви и камни накапливались здесь не годами, не принесены ручьем, а были сплетены так тщательно, что стали единым целым.

Кто бы мог решиться на такой труд, удивлялся Доил. Здесь требовалось и терпение, и умение, и время.

Он постарался разобраться, как же были сплетены сучья, но ничего не понял. Все было так перепутано, что казалось сплошной массой.

Немного передохнув и восстановив дыхание, он продолжил путь, пробираясь сквозь ветки и тучи москитов.

Наконец деревья поредели, так что Доил уже видел впереди синее небо. Местность выровнялась, но он не смог прибавить шагу — икры ног сводило от усталости, и ему пришлось идти с прежней скоростью.

В конце концов он выбрался на поляну. С запада налетел свежий ветер, и москиты исчезли, если не считать тех, которые удобно устроились в складках его пиджака.

Доил плашмя бросился на траву, дыша, как измученный пес. Перед ним меньше чем в ста ярдах виднелась ограда фермы Меткалфа. Она, как блестящая змея, протянулась по склонам холмов. Перед ней виднелось еще одно препятствие — широкая полоса сорняков,

как будто кто-то вскопал землю вдоль изгороди и посеял сорняки, как сеют пшеницу.

Далеко на холме среди крон деревьев смутно виднелись крыши, а к западу от зданий раскинулся сад — длинные ряды деревьев.

Интересно, подумал Дойл, это игра воображения или действительно форма деревьев была такой же, как у того дерева в городском саду Меткалфа? И только ли воображение подсказывало ему, что зелень листьев отличалась от зелени лесных деревьев и была цвета новеньких долларов?

Солнце палило ему в спину, и он почувствовал его лучи сквозь просохшую рубашку. Посмотрел на часы — было уже больше трех.

Дойл снова взглянул в сторону сада и на этот раз увидел среди деревьев несколько маленьких фигур. Он напрягся, чтобы разглядеть, кто это, и ему показалось, что это роллы.

Дойл начал перебирать различные варианты поведения на случай, если не найдет Меткалфа, и самым разумным ему представилось забраться в сад. Он пожалел, что не захватил с собой мешка из-под сахара, который дала ему Мейбл.

Беспокоила его и изгородь, но он отогнал эту мысль. Об изгороди надо будет думать, когда подойдет время перелезть через нее.

Думая так, он полз по траве, и у него это неплохо получалось. Он уже добрался до полосы сорняков, и никто еще его не заметил. Как только он заберется в сорняки, будет легче, потому что там можно спрятаться. Он подкрадется к самой изгороди.

Дойл дополз до сорняков и вздрогнул, увидев, что это самые густые заросли крапивы, какие ему когда-либо приходилось видеть.

Он протянул руку, и крапива обожгла ее, как оса. Он потерял ожог.

Тогда он приподнялся, чтобы заглянуть за кусты крапивы. По склону изгороди спускался ролла, и теперь уже не было никакого сомнения, что под деревьями виднелись именно роллы.

Дойл нырнул за крапиву, надеясь, что ролла его не заметил. Он лежал ничком на траве. Солнце пекло, и ладо́нь, обожженная крапивой, горела как ошпаренная,

и уже нельзя было решить, что хуже — mosquito укусы или ожоги крапивы.

Дойл заметил, что крапива колышется, будто под ветром, и это было странно, потому что ветер как раз затих.

Крапива продолжала колыхаться и, наконец, легла по обе стороны, образовав дорожку от него к изгороди. И вот перед ним оказалась тропинка, по которой можно было пройти к самой изгороди.

За изгородью стоял ролл, и на груди у него горела яркая надпись печатными буквами:

— ПОДОЙДИ СЮДА, ПОДОНОК.

Дойл заколебался на мгновение. То, что его обнаружили, никуда не годилось. Теперь уж наверняка все труды и предосторожности пропали даром, и таиться дальше в траве не имело никакого смысла. Он увидел, что другие роллы спускались по склону к изгороди; тогда как первый продолжал стоять, не гася приглашительной надписи на груди.

Потом буквы погасли. Но крапива продолжала лежать, и дорожка оставалась свободной. Роллы, которые спускались по склону, тоже подошли к изгороди, и все пятеро — их было пятеро — выстроились в ряд.

У первого на груди загорелась новая надпись:

— ТРОЕ РОЛЛ ПРОПАЛИ.

А на груди второго зажглось:

— ТЫ НАМ МОЖЕШЬ СООБЩИТЬ?

У третьего:

— МЫ ХОТИМ С ТОБОЙ ПОГОВОРИТЬ.

У четвертого:

— О ТЕХ, КТО ПРОПАЛ.

У пятого:

— ПОДОЙДИ, ПОЖАЛУЙСТА, ПОДОНОК.

Дойл поднялся с земли. Это могло быть ловушкой. Чего он добьется, разговаривая с роллами? Но отступать было поздно. Он мог вовсе лишиться возможности подойти к изгороди.

С независимым видом он медленно зашагал по дорожке.

Добравшись до изгороди, он сел на землю, так что его голова была на одном уровне с головами ролл.

— Я знаю, где один из них, — сказал он, — но не знаю, где двое других.

— ТЫ ЗНАЕШЬ ОБ ОДНОМ,

КОТОРЫЙ БЫЛ В ГОРОДЕ С МЕТКАЛФОМ?

— Да.

— СКАЖИ НАМ, ГДЕ ОН.

— В обмен.

На всех пятерых зажглись надписи:

— ОБМЕН?

— Я вам скажу, где он, а вы впустите меня в сад на час, ночью, так чтобы Меткалф не знал. А потом выпустите обратно.

Они посовещались — на груди у каждого вспыхивали непонятные значки, — потом повернулись к нему и выстроились плечом к плечу.

— МЫ ЭТОГО НЕ МОЖЕМ СДЕЛАТЬ.

— МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СОГЛАШЕНИЕ.

— МЫ ДАЛИ СЛОВО.

— МЫ РАСТИМ ДЕНЬГИ.

— МЕТКАЛФ ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ..

— Я бы их не стал распространять, — сказал Дойл. — Обещаю, что не буду их распространять — я их себе оставляю.

— НЕ ПОЙДЕТ, — заявил ролла № 1

— А что это за соглашение с Меткалфом? Почему это вы его заключили?

— ИЗ БЛАГОДАРНОСТИ, — сказал ролла № 2

— Не разыгрывайте меня. Чувствовать благодарность к Меткалфу..

— ОН НАШЕЛ НАС.

— ОН СПАС НАС.

— ОН ЗАЩИЩАЕТ НАС.

— И МЫ ЕГО СПРОСИЛИ: «ЧТО МЫ МОЖЕМ ДЛЯ ВАС СДЕЛАТЬ?»

— Ага, а он сказал. «Вырастите мне немножко денег»

— ОН СКАЗАЛ, ЧТО ПЛАНЕТА
НУЖДАЕТСЯ В ДЕНЬГАХ.

— ОН СКАЗАЛ, ЧТО ДЕНЬГИ
СДЕЛАЮТ СЧАСТЛИВЫМИ
ВСЕХ ПОДОНКОВ ВРОДЕ ТЕБЯ.

— Черта с два! — воскликнул Дойл с негодованием.

— МЫ ИХ РАСТИМ.

— ОН ИХ РАСПРОСТРАНЯЕТ

— СОВМЕСТНЫМИ УСИЛИЯМИ МЫ
СДЕЛАЕМ ВСЮ ПЛАНЕТУ
СЧАСТЛИВОЙ.

— Нет, вы только посмотрите, какая милая компания миссионеров!

— МЫ ТЕБЯ НЕ ПОНИМАЕМ.

— Миссионеры — люди, которые занимаются всякими благотворительными делами, творят добрые дела.

— МЫ ДЕЛАЛИ ДОБРЫЕ ДЕЛА
НА МНОГИХ ПЛАНЕТАХ.

ПОЧЕМУ НЕ ДЕЛАТЬ
ДОБРЫЕ ДЕЛА ЗДЕСЬ?

— А при чем тут деньги?

— ТАК СКАЗАЛ МЕТКАЛФ.

ОН СКАЗАЛ, ЧТО НА ПЛАНЕТЕ
ВСЕГО ДОСТАТОЧНО,
ТОЛЬКО НЕ ХВАТАЕТ ДЕНЕГ

— А где те другие роллы, которые пропали?

— ОНИ НЕ СОГЛАСНЫ.

— ОНИ УШЛИ.

— МЫ ОЧЕНЬ ВОЛНУЕМСЯ — ЧТО С НИМИ?

— Вы не пришли к общему мнению насчет того, стоит ли растить деньги? Они, наверно, думали, что лучше растить что-нибудь другое?

— МЫ НЕ СОГЛАСНЫ
ОТНОСИТЕЛЬНО МЕТКАЛФА.

ТЕ СЧИТАЮТ, ЧТО ОН НАС ОБМАНЫВАЕТ,
А МЫ ДУМАЕМ, ЧТО ОН
БЛАГОРОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

«Вот тебе и компания! — подумал Дойл. — Ничего себе — благородный человек!»

— МЫ ГОВОРИЛИ ДОСТАТОЧНО,
ТЕПЕРЬ ПРОЩАЙ.

Они повернулись как по команде и зашагали по склону обратно к саду.

— Эй! — крикнул Дойл, вскакивая на ноги.

Сзади раздалось шуршание, и он обернулся.

Крапива распрямилась и закрыла дорожку.

— Эй! — крикнул он снова, но роллы не обратили на него никакого внимания. Они продолжали взбираться на холм.

Дойл стоял на вытоптанном участке, а вокруг поднималась стеной крапива, листья которой поблескивали под солнцем. Крапива протянулась футов на сто от изгороди и доставала Дойлу до плеч.

Конечно, человек может пробраться сквозь крапиву. Ее можно раздвигать ботинками, топтать, но время от

времени она будет жечь и, пока выберешься наружу, будешь весь обожжен до костей. Да и хочется ли ему выбраться отсюда?

В конце концов, он был не в худшем положении, чем раньше. Может, даже в лучшем, ведь он безболезненно пробрался сквозь крапиву. Правда, роллы предательски оставили его здесь.

«Нет никакого смысла сейчас идти обратно, — подумал он, — ведь все равно придется возвращаться тем же путем, чтобы добраться до изгороди.

Он не смел перелезть через нее, пока не стемнело. Но и деваться больше было некуда.

Присмотревшись к изгороди, он понял, что перебраться через нее будет нелегко — восемь футов металлической сетки и поверху три ряда колючей проволоки, прикрепленной к брускам, наклоненным к внешней стороне.

Сразу за изгородью стоял старый дуб, и если бы у Дойла была веревка, он мог бы закинуть ее на ветви дуба, но веревки у него не было, так что пришлось обойтись без нее.

Он прижался к земле и почувствовал себя очень несчастным. Тело саднило от mosquito укусов, рука горела от крапивного ожога, ныли нога и царапины на груди, кроме того, он не привык к такому яркому солнцу. Ко всему прочему разболелся зуб. Этого еще не хватало!

Он чихнул, боль отдалась в голове, и зуб заболел еще сильнее. «В жизни не видал такой крапивы!» — сказал он себе, устало разглядывая могучие стебли.

Почти наверняка роллы помогли Меткалфу ее вырастить. У ролл неплохо получалось с растениями. Уж если они умудрились вырастить денежные деревья, значит, они могли сотворить какие хочешь растения. Он вспоминал, как ролла заставил крапиву улечься и расчистить для него дорожку. Наверняка это сделал именно ролла, потому что ветра почти не было, а если бы даже ветер и был, он все равно не мог бы дуть сразу в две стороны.

Он никогда не слышал ни о ком, похожем на ролл. А они говорили что-то о добрых делах на других планетах. Но что бы они ни делали на других планетах, на этой их явно провели.

«Филантропы, — подумал он. — Миссионеры, может быть, из другого мира. Компания идеалистов. И вот застряли на планете, которая, вероятно, ничем не похожа ни на один из миров, где они побывали.

Понимают ли они, что такое деньги? Интересно, что за байку преподнес им Меткалф?

Видно, Меткалф был первым, кто на них натолкнулся. Будучи человеком опытным в денежных делах и в обращении с людьми, он сразу понял, как воспользоваться счастливой встречей. К тому же у Меткалфа есть организация — гангстерская банда, — хорошо усвоившая законы самосохранения, так что она смогла обеспечить секретность. Одному бы человеку не справиться.

Вот так ролл и провели, полностью одурачили. Хотя нельзя сказать, что роллы глупы: они не только изучили разговорный язык, но и писать научились и соображают неплохо. Они, наверное, даже умнее, чем кажутся, ведь между собой они общаются беззвучно, а приучились же разбирать звуки человеческой речи»

«Солнце давно уж исчезло за зарослями крапивы. Скоро наступят сумерки, и тогда мы примемся за дело», — сказал себе Дойл.

Сзади крапива зашуршала, и он вскочил.

«Может быть, дорожка снова образовалась, — лихорадочно подумал он. — Может быть, дорожка образуется автоматически, в определенные часы»

Это было до какой-то степени правдой. Дорожка и в самом деле образовалась, и по ней шел еще один ролла Крапива расступалась перед ним и смыкалась, как только он проходил.

Ролла подошел к Дойлу

— ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ПОДОНОК.

Это не мог быть ролла, запертый в багажнике. Это, должно быть, один из тех, что отказались участвовать в денежном деле.

— ТЫ БОЛЬНОЙ?

— Все чешется, — сказал Дойл, — и зуб болит, и каждый раз, как чихну, кажется, что голова раскалывается.

— МОГУ ПОЧИНИТЬ.

— Разумеется, ты можешь вырастить аптечное дерево, на каждой ветке которого будут расти и таблетки, и бинты, и всякая чепуха.

— ОЧЕНЬ ПРОСТО.

— Ну ладно, — сказал Дойл и замолчал. Он подумал, что и в самом деле для роллы это может быть очень просто. В конце концов, большинство лекарств добывается из растений, а уж никто не сравнится с роллами по части выращивания диковинных растений. — Ты можешь мне помочь, — произнес он с энтузиазмом через некоторое время. — Ты можешь лечить разные болезни и можешь даже найти средство против рака и изобрести что-нибудь, чем будут лечить сердечные болезни. Да возьмем, к примеру, обычную простуду..

— ПРОСТИ, ДРУГ,

НО МЫ С ВАМИ НЕ ХОТИМ

ИМЕТЬ НИЧЕГО ОБЩЕГО.

ВЫ НАС ВЫСТАВИЛИ НА ПОСМЕШИЩЕ.

— Ага, значит ты один из тех, кто убежал? — сказал Дойл с волнением в голосе. — Ты раскусил игру Меткалфа...

Но ролла уже не слушал его. Он как-то подтянулся, стал выше и тоньше, и губы округлились, будто он собирался крикнуть. Но он не издал ни единого звука. Ни звука, но казалось, будто у Дойла застучали зубы. Это было удивительно — словно вопль ужаса раздался в тишине сумерек, где ветер тихо шелестел в темнеющих деревьях, шуршала крапива и вдали кричала птица, возвращавшаяся в гнездо.

По другую сторону изгороди раздались звуки шагов, и в густеющих сумерках Дойл увидел пятерых ролл, бегущих вниз по склону.

«Что-то происходит», — подумал Дойл. Он был уверен в этом. Он ощутил серьезность момента, но не понимал, что бы это могло значить.

Ролла рядом с ним издал нечто вроде крика, но слишком высокого, чтобы его могло уловить человеческое ухо, и теперь, заслышав этот крик, роллы из сада бежали к нему.

Пятеро ролл достигли изгороди и выстроились вдоль нее. На груди их переливались непонятные значки и буквы их родного языка. И грудь того, что стоял рядом с Дойлом, тоже светилась непонятными значками, которые менялись так быстро, что казались живыми.

«Это спор, — подумал Дойл. — Пятеро за изгородью спорили с тем, кто стоял снаружи, и в споре ощущалось напряжение».

А он стоял здесь, как случайный прохожий, попавший в гущу семейного скандала.

Роллы махали руками, и в спускающейся темноте знаки на них, казалось, стали ярче.

Ночная птица с криком пролетала над ними, и Дойл поднял голову посмотреть, что это за птица, но тут же увидел людей, бегущих к изгороди, — силуэты их ясно виднелись на фоне светлого неба.

— Эй, смотрите! — крикнул Дойл и сам удивился, зачем это он кричит.

Заслышав его, пятеро ролл обернулись, и на них появились одинаковые надписи, как будто они внезапно обо всем договорились.

Раздался треск, и Дойл снова поднял голову. Он увидел, что старый дуб клонится к изгороди, как будто его толкает гигантская рука. Дерево клонилось все быстрее и наконец с силой ударило по изгороди. Дойл понял, что пора бежать.

Он отступил на шаг, но когда опустил ногу, то не обнаружил земли. Он с секунду старался удержать равновесие, но не смог и свалился в яму. Тут же над его головой раздался грохот, и громадное дерево, разнеся изгородь, упало на землю.

Дойл лежал тихо, не смея пошевелиться. Он оказался в какой-то канаве. Она была неглубокая, фута три, не больше, но он упал очень неудачно и прямо в спину ему чуть не вонзился острый камень. Над ним нависала путаница ветвей и сучьев — своей верхушкой дуб закрыл канаву. По ветвям пробежал ролла. Он бежал шустро и беззвучно.

— Они туда помчались, — раздался голос, — в лес. Их нелегко будет найти.

Ему ответил голос Меткалфа:

— Надо найти их, Билл. Мы не можем допустить, чтобы они сбежали.

После паузы Билл ответил:

— Не понимаю, что это с ними. Казалось, они были всем довольны.

Меткалф выругался:

— Это все фотограф. Ну тот самый парень, который залез на дерево и сбежал от меня. Я не знаю, что он наделал и что еще наделает, но могу поклясться, что он в этом замешан. И он где-нибудь здесь.

Билл немного отошел, и Меткалф сказал.

— Если он вам встретится, вы знаете, как поступить

— Конечно, босс.

— Среднего роста, малохолный.

Они исчезли. Дойл слышал, как они пробираются сквозь крапиву, кроя ее последними словами.

Дойл поежился.

Ему надо выбираться отсюда, и как можно скорее, потому что скоро взойдет луна.

Меткалф и его мальчики шутить не собирались. Они не могли позволить, чтобы их одурачили в таком деле. Если они его заметят, то будут стрелять без предупреждения.

Сейчас, когда все охотятся за роллами, можно было забраться незаметно в сад. Хотя, вернее всего Меткалф оставил своих людей сторожить деревья.

Дойл подумал немного и отказался от этой мысли. В его положении лучше всего было добраться как можно скорее до машины и уехать отсюда подальше.

Он осторожно выполз из канавы и некоторое время прятался в ветвях, прислушиваясь — ни звука.

Он прошел сквозь крапиву, следуя по тропе, протоптанной людьми, и побежал по склону к лесу.

Впереди раздался крик, и он остановился, замер. Потом опять побежал, добрался до первых кустов и залег.

Вдруг он увидел, как из лесу, поднимаясь над вершинами деревьев, показался какой-то бледный силуэт, на котором поблескивали первые лучи лунного света. Он был острым сверху и расширялся книзу, — словом, походил на летящую рождественскую елку, оставляющую за собой светящийся след.

Внезапно Дойл вспомнил о завале в овраге, сплетенном очень прочно, и тогда понял, что это за елка летит по небу.

Роллы работали с растениями, как люди с металлами. Если они могли вырастить денежное дерево и послушную крапиву, то вырастить космический корабль для них не составляло большого труда.

Корабль, казалось, двигался медленно. С него свешивалось нечто вроде каната, на конце которого болталось что-то вроде куклы. Она корчилась и издавала визгливые крики.

Кто-то кричал в лесу:

— Это босс! Билл, да сделай ты что-нибудь!

Но было ясно, что Билл ничего не сможет сделать.

Дойл выскочил из кустов и побежал — теперь самое время скрыться от этих людей. Они заняты судьбой босса, который все еще держится за канат — может быть, якорную цепь корабля, а может быть, плохо принайтованную часть оболочки. Хотя, принимая во внимание искусство ролл, вряд ли можно было допустить, что они плохо принайтовали какую-нибудь часть корабля.

Он отлично мог представить, что случилось: Меткалф увидел, как роллы влезают в корабль, и бросился к ним, крича, стреляя на ходу, и в этот момент корабль начал подниматься, а свисающий с него канат крепко обвился вокруг ноги гангстера.

Дойл достиг леса и побежал дальше вниз по склону, спотыкаясь о корни, падая и снова поднимаясь. И бежал, пока не ударился головой о дерево так, что искры посыпались из глаз.

Он сел на землю и ощупал лоб, убежденный, что проломил голову. Слезы у него лились и стекали по щекам. Но лоб не был проломлен, и крови не было, хотя нос заметно распух.

Потом он поднялся и медленно пошел дальше, на ощупь выбирая путь, потому что, хоть луна и взошла, под деревьями было совершенно темно.

Наконец Дойл добрался до сухого русла ручья и пошел вдоль него. Он заспешил, вспомнив, что Мейбл ждет его в машине. «Она, верно, разозлилась, — подумал он, — ведь обещал вернуться до темноты».

Он споткнулся о клубок переплетенных ветвей, оставшийся в овраге, провел рукой по его почти полированной поверхности и постарался представить, что произошло здесь несколько лет назад...

Космический корабль вышел из-под контроля и падal на землю, а Меткалф оказался неподалеку...

«Черт знает, что бывает в наши дни», — подумал Дойл.

Если бы им встретился не Меткалф, а кто-то другой, кто думает не только о долларах, теперь по всей земле могли расти рядами деревья и кусты, дающие человечеству все, о чем оно мечтает: средства от всех болезней,

настоящие лекарства от бедности и страха и, может быть, многое другое, о чем мы еще и не догадываемся.

Но теперь они улетели в корабле, построенном двумя роллами, не поверившими Меткалфу.

Он продолжал путь, думая о том, что надежды человечества так и не сбылись, разрушенные жадностью и злобой.

«Теперь они улетели... Хотя нет, постойте-ка, — не все улетели! Ведь один ролла лежит в багажнике», — и Дойл прибавил шаг, размышляя:

«Что же теперь делать? Направиться прямо в Вашингтон? Или в ФБР?»

Что бы ни случилось, оставшийся ролла должен попасть в хорошие руки. И так уж слишком много времени потеряно. Если ролла встретится с учеными или свяжется с правительством, он сможет еще многое сделать.

Дойл начал волноваться — он вспомнил, как ролла стучал по багажнику.

«А что, если он задохнется? А вдруг он хотел сказать что-то важное?»

Он бежал по сухому руслу, скользя по гальке и спотыкаясь о валуны. Москиты летели за ним густой тучей, но он так спешил, что не замечал укусов.

«Там, наверху, банда Меткалфа обирает деревья, срывая миллионы долларов, — подумал он. — Теперь их игра кончена, и они об этом знают. Им ничего не остается, как оборвать деревья и исчезнуть как можно быстрее.

Возможно, денежным деревьям для выращивания денег нужно, чтобы роллы непрерывно наблюдали за ними».

На машину он наткнулся внезапно, обошел ее почти в полной темноте и постучал в окно. Внутри взвизгнула Мейбл.

— Все в порядке! — крикнул Дойл. — Я вернулся.

— Все в порядке, Чак? — спросила она.

— Да, — промычал он.

— Я так рада, — сказала она облегченно. — Хорошо, что все в порядке, а то ролла убежал.

— Убежал? Ради Бога, Мейбл...

— Не злись, Чак. Он все стучал и стучал, и мне стало его жалко. Так что я открыла багажник и выпустила его.

— Итак, он убежал, — сказал Дойл. — Но, может быть, он где-нибудь по соседству прячется в темноте...

— Нет, — вздохнула Мейбл, — он побежал по оврагу. Было уже темно, но я бросилась за ним. Я звала его, но понимала, что мне его не догнать. Мне жалко, что он убежал. Я повязала ему на шею желтую ленточку, и он стал такой миленький.

— Еще бы!

Дойл думал о роле, летящем в пространстве. Тот направляется к далекому солнцу, увозя с собой величайшие надежды человечества, а на шее у него — желтая ленточка.

ФАКТОР ОГРАНИЧЕНИЯ

Вначале были две планеты, начисто лишенные руд, выработанные, выпотрошенные и оставленные нагими, словно трупы, обглоданные космическим вороньем.

Потом была планета с волшебным городком, наводящим на мысль о паутине, на которой еще не высохли блестящие росы, — царство хрусталя и пластика, исполненное такой чудесной красоты, что при одном лишь взгляде щекотало в горле.

Однако город был только один. На всей планете, кроме него, не отыскивали никаких признаков разумной жизни. К тому же он был покинут. Несказанной красоты город, но пустой, как хихиканье.

Наконец, была металлическая планета, третья от светила. Не просто глыба металлической руды, а планета с поверхностью — или крышей — из выплавленного металла, отполированного до блеска ярких стальных зеркал. И, отражая свет, планета сверкала, точно второе солнце.

— Не могу избавиться от ощущения, — проговорил Дункан Гриффит, — что это не город, а всего-навсего лагерь.

— По-моему, ты спятил, — резко ответил Пол Лоуренс. Рукавом он утер пот со лба.

— Пусть выглядит он не как лагерь, — настойчиво твердил Гриффит, — но все же это место привала, временное **жилье**.

«Что до меня, то он выглядит как город, — подумал Лоуренс. — И всегда так выглядел, с того мгновения, как я увидел его впервые, и всегда так будет. Большой и пронизанный жизнью, несмотря на атмосферу сказки, — место, где хорошо жить, мечтать, черпать силы и смелость, чтобы претворять мечты в жизнь. Великие мечты, — думал он. — Мечты под стать городу — людям на сооружение подобного понадобилось бы тысячелетие».

— Одно мне непонятно, — сказал он вслух, — причина такого запустения. Здесь нет и следов **насилия**. Ни малейших признаков...

— Жители покинули его по доброй воле, — отозвался Гриффит. — Вот так просто снялись с места и улетели. Очевидно, этот город не был для них родным домом, а служил всего лишь лагерьем, не оброс традициями, не окутался легендами. А лагерь не представлял никакой ценности для тех, кто его выстроил.

— Лагерь, — упрямо возразил Лоуренс, — это всего-навсего место привала. Временное **жилье**, воздвигается наскоро, комфорт создается по возможности подручными средствами.

— Ну и что? — спросил Гриффит.

— Здесь был не просто привал, — пояснил Лоуренс. — Этот город сколочен не кое-как, не на скорую руку. Его проектировали с дальним прицелом, строили любовно и тщательно.

— С человеческой точки зрения — бесспорно, — возразил Гриффит. — Но здесь ты столкнулся с нечеловеческими категориями и с нечеловеческой точкой зрения.

Присев на корточки, Лоуренс сорвал травинку, зажал ее зубами и принялся задумчиво покусывать. То и дело он косился на молчаливый, пустынный город, сверкающий в ослепительном блеске полуденного светила. Гриффит присел рядом с Лоуренсом.

— Как ты не понимаешь, Пол, — заговорил он, — ведь это временное **жилье**. На планете нет остатков старой культуры. Никакой утвари, никаких орудий труда. Здесь вел раскопки сам Кинг со своими молодцами и даже он ничего не нашел. Ничего, кроме города.

Подумай только: совершенно девственная планета — и город, который может пригрезиться разве что расе, существующей не менее миллиона лет. Сперва прячутся под деревом во время дождя. Потом забираются в пещеру, когда наступает ночь. После этого приходит черед навеса, вигвама или хижины. Затем строят три хижины, и вот тебе селение.

— Знаю, — сказал Лоуренс. — Знаю...

— Миллион лет развития, — безжалостно повторил Гриффит. — Десять тысяч веков должны миновать, прежде чем раса научится воздвигать такую феерию из хрусталя и пластика. И этот миллион лет проходил не здесь. Миллион лет жизни оставляет на планете шрамы. А здесь их нет и в помине. Новенькая, с иглолочки, планета.

— Ты убежден, что они прибыли откуда-то издалека, Дунк?

— Должно быть, так, — кивнул Гриффит.

— Наверное, с планеты Три.

— Этого мы не знаем. Во всяком случае, пока не знаем.

— Скорее всего, никогда и не узнаем, — пожал плечами Лоуренс и выплюнул изжеванный стебелек.

— Эта планетная система, — заявил он, — похожа на неудачный детективный роман. Куда ни поворачиваться, натыкаешься на улику, и все улики страшно запутанны. Слишком много загадок, Дунк. Здешний город, металлическая планета, ограбленные планеты — слишком много всего в один присест. Нечего сказать, повезло — набрали на уютное местечко.

— У меня предчувствие, что все эти загадки между собой как-то связаны, — сказал Гриффит.

Лоуренс промычал что-то неодобрительное.

— Чувство истории, — пояснил Гриффит. — Чувство соответствия явлений. Рано или поздно оно развивается у всех историков.

Позади заскрипели шаги, и собеседники, вскочив на ноги, обернулись. К ним спешил радист Дойл из лагеря, который члены экипажа десантной ракеты разбили на планете Четыре.

— Сэр, — обратился он к Лоуренсу, — только что я говорил с Тэйлором, с планетой Три. Он спрашивает, не можете ли вы туда вылететь. Похоже, они нашли люк.

— Люк?! — воскликнул Лоуренс. — Окно в планету! Что же внутри?

— Тэйлор не сказал, сэр.

— Не сказал?

— Нет. Видите ли, сэр, им никак не удастся взломать этот люк.

С виду люк был довольно невзрачен. Двенадцать отверстий на поверхности планеты сгруппированы в четыре ряда по три отверстия в каждом, словно перчатки для трехпалых рук. И все. Невозможно было угадать, где начинается люк и где кончается.

— Здесь есть щель, — рассказывал Тэйлор, — но ее едва видно через увеличительное стекло. Даже под увеличением она не толще волоса. Люк пригнан настолько идеально, что практически составляет одно целое с поверхностью. Долгое время мы и не подозревали, что это люк. Сидели кругом да гадали, зачем тут дырки. А нашел его Скотт. Просто катался здесь и увидел какие-то дырочки. Вообще-то можно было смотреть, пока глаза не вылезут, и никогда не обнаружить этот люк, если бы не счастливый случай.

— И нет никакой возможности открыть? — спросил Лоуренс.

— Пока что нет. Мы пробовали приподнять дверцу, но с тем же успехом можно пытаться приподнять планету. Да и вообще здесь не очень-то развернешься. Просто невозможно удержаться на ногах. Эта штука до того скользкая, что по ней еле ходишь. Вернее, не ходишь, а скользишь, как по льду. Страшно подумать, что случится, если ребята со скуки затеют возню и кого-нибудь ненароком толкнут.

— Я знаю, — посочувствовал Лоуренс. — Ведь я посадил ракету со всей мыслимой осторожностью, и то мы скользили, наверное, миль сорок, если не больше.

Тэйлор хмыкнул:

— Звездолет я поставил на все магнитные якоря, и все равно он качается из стороны в сторону, едва к нему прислонишься. По сравнению с этой чертовщиной лед шершав, как терка.

— Кстати, о люке, — прервал его Лоуренс. — Вам не приходило в голову, что отверстия могут быть замком с секретом?

— Конечно, мы об этом думали, — кивнул Тэйлор. — Если так, то у нас нет и тени надежды. Умножьте элемент случайности на непредсказуемость чуждого разума.

— Вы проверяли?

— Да, — ответил Тэйлор. — Вставляли отвод кинокамеры в эти отверстия и делали всевозможные снимки. Ничего. Совершенно ничего. Глубина — дюймов восемь. Книзу расширяются. Однако гладкие. Ни выступов, ни граней, ни замочных скважин. Мы умудрились выпилить кусок металла для анализа. Испортили три ножовки, пока пилили. В основном это сталь, но в сплаве с чем-то таким, к чему Мюллер никак не приклеит ярлыка. А молекулярная структура просто сводит его с ума.

— Значит, люк заклинился? — подытожил Лоуренс.

— Ну да. Я подвел звездолет к самому люку, мы подцепили его подъемным краном и стали тащить изо всех сил. Корабль раскачивался, как маятник, а люк не шелохнулся.

— Можно поискать другие люки, — утешил Лоуренс. — Не все же они одинаковы.

— Искали, — ответил Тэйлор. — Как ни смешно, искали. Все ползали на коленках. Мы разделили эту зону на секторы и по-пластунски обшарили многие квадратные мили, пяля глаза вовсю. Чуть не ослепли — а тут еще солнце отражается в металле, и наши рожи на нас глазают, будто по зеркалу ползем.

— Если вдуматься хорошенько, — заметил Лоуренс, — то едва ли люки располагаются вплотную один к другому. Предположим, через каждые сто миль... а может быть, через каждую тысячу.

— Вы правы, — согласился Тэйлор. — Возможно, и через тысячу.

— Остается только одно, — сказал Лоуренс.

— Да, знаю, — подхватил Тэйлор. — Однако душа у меня не лежит. Здесь ведь сложная задача. Нечто, требующее нового алгоритма. А если мы начнем взрывать — значит, провалились на первом же уравнении.

Лоуренс беспокойно заерзал.

— Я понимаю, — отозвался он. — Если их преимущество выявится с первого же хода, то на втором и третьем ходах у нас не останется никаких шансов.

— Однако нельзя же сидеть сложа руки, — сказал Тэйлор.

— Нельзя, — поддержал Лоуренс. — По-моему, никак нельзя.

— Надеюсь, хоть это поможет, — заключил Тэйлор.

Это помогло...

Взрыв оторвал крышку люка и швырнул ее в пространство. Она упала на расстоянии около мили и причудливым, неровно вырезанным колесом покатилась по скользкой поверхности.

Примерно пол-акра поверхности отошло вверх и в сторону и повисло, искореженное, напоминая поблескивающий под солнцем гигантский вопросительный знак.

Десантную ракету, на которой не оставили даже дежурного, удерживало на металле слабое магнитное поле. При взрыве ракета отклеилась, как плохо смоченная марка, и на протяжении добрых двенадцати миль неуклюже исполняла танец на льду.

Толщина металлической оболочки не превышала четырнадцати дюймов — по сути, папиросная бумага, если учесть, что диаметр планеты не уступал земному. Вниз, внутрь, наподобие винтовой лестницы уходил металлический пандус; верхние десять футов у него были исковерканы и разрушены взрывом. Из отверстия не выходило ничего: ни звука, ни света, ни запаха.

Семеро начали спускаться по пандусу — в разведку. Остальные ждали наверху, в лихорадочном волнении и гнетущей неизвестности.

Возьмите триллион детских наборов «Конструктор». Дайте волю миллиарду детишек. Предоставьте им неограниченное время, но отнимите инструкции. Если кое-кто из детишек рожден не людьми, а иными разумными существами — еще лучше. Потом, располагая миллионом лет, определите, что произойдет.

Миллион лет, друзья, вовсе не такой уж долгий срок. Даже за миллион лет вам это не удастся.

Внизу, разумеется, были машины. Ничего иного и быть не могло.

Однако машины походили на игрушечные — как будто собрал их ребенок, преисполненный ощущений богатства и всемогущества, в день, когда ему подарили настоящий дорогой «Конструктор».

Там были валы, бобины, эксцентрики и батареи сверкающих хрустальных кубиков, которые, возможно, выполняли роль электронных устройств, хотя никто не знал этого доподлинно.

Вся эта техника занимала многие кубические мили и под лучами светильников, вмонтированных в шлемы землян, блестела и переливалась наподобие новогодней елки, словно была отполирована всего за час до их прихода. Однако стоило Лоуренсу перегнуться через перила пандуса и провести рукой в перчатке по блестящей поверхности вала, как пальцы его перепачкались пылью — мелкой, точно мука, пылью.

Семеро все спускались по спиральному пандусу, пока у них не закружилась голова, и отовсюду, насколько удавалось разглядеть в частично рассеянной мгле, вдаль уходили машины, тихие и неподвижные. Всем казалось (хотя никто не мог толком обосновать это впечатление), что машины бездействуют несчетные века.

Одни и те же вновь и вновь повторяющиеся детали — бессмысленный набор валов, бобин, эксцентриков и батарей из сверкающих хрустальных кубиков.

Наконец спуск закончился площадкой, которая тянулась во все стороны, насколько можно было охватить взглядом при скудном освещении; высоко вверху переплетались паутинообразные конструкции — по-видимому, они служили крышей, — а на металлическом полу была расставлена мебель (или то, что люди приняли за мебель).

Семеро сбились тесной кучкой; их светильники вызывающе пронизывали мглу, сами же они необычно притихли в темноте, в безмолвии и тени иных веков, иных рас.

— Контора, — нарушил молчание Дункан Гриффит.

— Или пункт управления, — произнес инженер-механик Тед Баклей.

— А может быть, бытовка, — возразил Тэйлор.

— Не исключено, что здесь находился ремонтный цех, — предположил математик Джек Скотт.

— Не приходит ли вам в голову, джентльмены, — сказал геолог Герберт Эисон, — что это может оказаться ни тем, ни другим и ни третьим? Возможно, увиденное нами не связано ни с какими известными нам понятиями.

— Остается только одно, — ответил археолог Спенсер Кинг, — по возможности лучше перевести все увиденное на язык известных нам понятий. Вот я, например, предполагаю, что здесь находилась библиотека.

Лоуренс подумал словами басни: «однажды семеро слепцов повстречали слона...» Вслух он сказал:

— Давайте начнем с осмотра. Если мы не осмотрим это помещение, то никогда о нем ничего не узнаем.

Они осмотрели... И все равно ничего не узнали.

Взять, например, картотеку. Очень удобная вещь. Выбираете некое пространство, облекаете его сталью — вот вам место хранения. Вставляете выдвижные ящички, кладете туда хорошенькие чистенькие карточки, надписываете эти карточки и размещаете их в алфавитном порядке. После этого, если вам нужна какая-то определенная карточка, вы ее почти наверняка найдете.

Важны два фактора — пространство и нечто в нем заключенное, — чтобы отличить от другого пространства, чтобы в любой момент можно было отыскать место, предназначенное вами для хранения какой-то конкретной информации. Ящички и карточки, расставленные в алфавитном порядке, — всего лишь усовершенствование. Они подразделяют пространство так, что вы можете мгновенно указать любой его сектор.

Таково преимущество картотеки над беспорядочным хранением всех нужных предметов в виде кучи, сваленной в углу комнаты. Но попробуйте представить себе картотеку без ящиков.

— Эге, — воскликнул вдруг Баклей, — а эта штука легкая. Подсобите-ка мне кто-нибудь.

Скотт быстро выступил вперед; вдвоем они подняли с полу ящик и встряхнули его. Внутри что-то громко загремело. Они снова поставили ящик на пол.

— Там внутри что-то есть, — взволнованно прошептал Баклей.

— Да, — согласился Кинг. — Бесспорно внутри что-то есть.

— Что-то гремящее, — уточнил Баклей.

— А мне кажется, — заявил Скотт, — что звук скорее походит на шорох, чем на грохот.

— Не много же нам пользы от звука, — сказал Тэйлор, — коль скоро мы не можем добраться до содержимого. Если только и делать, что слушать, как

вы, ребята, трясете эту штуковину, выводов будет мало.

— Нет ничего проще, — пошутил Гриффит. — Штуковина-то четырехмерная. Произнеси волшебное слово, ткни рукой в любой ее угол, — и вытянешь то, что нужно.

Лоуренс покачал головой:

— Прекрати насмешки, Дунк. Тут дело серьезное. Кто-нибудь из нас представляет, как сделана эта штука?

— Да никак она не сделана, — взвыл Баклей. — Ее просто-напросто не делали. Невозможно взять листовой металл и сварганить из него куб без спаев или сварочных швов.

— Сравни с люком на поверхности, — напомнил Энсон. — Там тоже ничего не было видно, пока мы не вооружились сильной лупой. Так или иначе, ящик открывается. Ведь кто-то уже открывал его — когда положил туда что-то гремющее.

— А он бы не клал, — добавил Скотт, — если бы не знал способа извлечь назад.

— Но может быть, — предположил Гриффит, — он запихнул сюда то, от чего хотел избавиться.

— Мы могли бы распилить ящик, — сказал Кинг. — Дайте фонарь.

Его остановил Лоуренс:

— Один раз мы уже так поступили. Мы вынуждены были взорвать люк.

— Эти ящики тянутся здесь на полмили, — заметил Баклей. — Все стоят рядом. Давайте тряхнем еще какие-нибудь.

Встряхнули еще с десятков. Громохання не услышали. Ящики были пусты.

— Все вынуто, — печально проговорил Баклей.

— Пора уносить отсюда ноги, — сказал Энсон. — От этого места меня мороз по коже подирает. Вернемся к кораблю, присядем и обсудим все толком. Ломая себе голову здесь, внизу, мы свихнемся. Взять хоть эти пульта управления.

— Да может, они вовсе не пульта управления, — одернул его Гриффит. — Следи за собой: не надо делать якобы очевидные, а в действительности поспешные выводы.

— Что бы это ни было, — вмешался в спор Баклей, — есть же у них какое-то целевое назначение.

Как пульты они пригодились бы больше, чем в любом другом качестве, спорь — не спорь.

— Но ведь на них нет никаких индикаторов, — возразил Тэйлор. — На пульте управления должны быть циферблаты, сигнальные лампочки или хоть что-нибудь такое, на что можно смотреть, а также кнопки.

— Не обязательно такое, на что может смотреть человек, — парировал Баклей. — Иная раса сочла бы нас безнадежно слепыми.

— У меня есть зловещее предчувствие неудачи, — пожаловался Лоуренс.

— Мы опозорились перед люком, — подытожил Тэйлор. — И здесь мы тоже опозоримся.

— Придется разработать упорядоченный план исследований, — сказал Кинг. — Надо все разметить. Начинать сначала и по порядку.

Лоуренс кивнул:

— Несколько человек оставим на поверхности, остальные спустятся сюда и раскинут лагерь. Будем работать группами и по возможности быстро определим ситуацию — *общую* ситуацию. А там уж заполним пробелы деталями.

— Начинать сначала, — пробормотал Тэйлор. — Где же тут начало?

— Понятия не имею, — признался Лоуренс. — У кого есть идеи?

— Давайте выясним, что здесь такое, — предложил Кинг. — Планета ли это или планетарная машина.

— Надо поискать еще пандусы, — сказал Тэйлор. — Здесь должны быть и другие спуски.

— Попробуем выяснить, как далеко простираются эти механизмы, — высказался Скотт. — Какое пространство занимают.

— И работают ли, — вставил Баклей.

— Те, что мы видели, не работают, — откликнулся Лоуренс.

— Те, что мы видели, — провозгласил Баклей тоном лектора, — возможно, представляют собой всего лишь уголок гигантского комплекса механизмов. Вовсе не обязательно им *всем* работать одновременно. По всей вероятности, раз в тысячелетие или около того используется какая-то определенная часть комплекса, да и то в течение нескольких минут, если не секунд. После этого она может простоять в бездействии еще

тысячу лет. Однако часть эта должна быть готова и терпеливо дожидаться своего мига в тысячелетии.

— Стоило бы попытаться по крайней мере высказать грамотное предположение о том, для чего служат эти механизмы. Что они делают. Что производят, — сказал Гриффит.

— Но при этом держать от них руки подальше, — предостерег Баклей. — Тут потянул, там подтолкнул — хотел знать, что получится, — чтоб этого здесь не было. Один Бог ведает, к чему это может привести. Ваше дело маленькое — лапы прочь, пока не будете твердо знать, что делаете.

Это была самая настоящая планета. Внизу, на глубине двадцати миль, исследователи увидели ее поверхность. Под двадцатью милями хитросплетенного лабиринта сверкающих мертвых механизмов.

Там был воздух, почти столь же пригодный для дыхания, как земной, и астронавты разбили лагерь на нижних горизонтах, довольные тем, что избавились от космических скафандров и живут как нормальные люди.

Но не было там света и не было жизни. Не было даже насекомых, ни единой ползающей или пресмыкающейся твари.

А ведь некогда здесь была жизнь. Ее историю поведали руины городов. Примитивная культура, заключил Кинг. Немногим выше, чем на Земле в двадцатом веке.

Дункан Гриффит присел на корточки возле портативной атомной плиты, протянув руки к желанному теплу.

— Переселились на планету Четыре, — заявил он с самодовольной уверенностью. — Здесь не хватало жизненного пространства, вот они и отправились туда и встали там лагерь.

— А горные работы вели на двух других планетах, — продолжил Тэйлор не без иронии. — Добывали остро необходимую руду.

Лоуренс, подавленный, ссутулился.

— Одно не дает мне покоя, — сказал он. — Мысль о том, что же кроется за всеми загадками, что гонит целую расу с родной планеты на чужую и зачем потрачена такая бездна времени на превращение родной планеты в машину. — Он обернулся к Скотту. — Ведь правда, нет никаких сомнений: это не что иное, как машина?

Скотт покачал головой:

— Не всю же ее мы видели, сам понимаешь. Тут нужны годы, а мы не в состоянии швыряться годами. Однако мы почти уверены: это машиномир, покрытый слоем механизмов высотой в двадцать миль.

— К тому же механизмов бездействующих, — добавил Гриффит. — Жители этой планеты отключили все механизмы, изъяли все свои записи и все приборы, укатали и оставили пустую скорлупу. Точно так же, как покинули город на планете Четыре.

— Или же отовсюду были изгнаны, — уточнил Тэйлор.

— Нет, никто их не изгонял, — решительно возразил Гриффит. — Во всей системе нет следов насилия. Никаких признаков поспешности. Здешние обитатели не торопились, уложили все свое добро и не забыли ни единой мелочи. Ни одного ключа к тайне. Где-то же были чертежи. Нельзя строить и нельзя эксплуатировать такую махину, не располагая каким-то подобием карты или плана. Где-то должны храниться записи — ведь фиксировались же производственные результаты этого машиномира. Однако мы ведь их не нашли! Это потому, что их увезли при отъезде.

— Не всюду же мы искали, — буркнул Тэйлор.

— Мы нашли помещения архивов, где, по законам логики, все это должно храниться, — возразил Гриффит, — однако не нашли орудий производства, не нашли ни единой записи и вообще ничего такого, что хоть косвенно намекало бы на чье-то бывшее присутствие.

— А вот ящики вверху, на последнем горизонте, — вспомнил Тэйлор. — Ведь если рассуждать логически, это место само собой напрашивается на обыск.

— Мы их встряхивали, — заметил Гриффит, — все пустые.

— Все, кроме одного, — настаивал Тэйлор.

— Я склонен верить в твою правоту, Дунк, — сказал Лоуренс. — Здешний мир покинут, обобран и брошен на съедение ржавчине. Вообще-то мы могли догадаться, как только обнаружили, что он беззащитен. Разумные существа предусмотрели бы какие-то средства обороны — скорее всего, автоматические, — и если бы нас не хотели впускать, мы бы здесь никогда не очутились.

— Окажись мы поблизости в ту пору, когда этот мир функционировал, — поддержал Гриффит, — нас бы

разнесло вдребезги, прежде чем мы его бы хоть одним глазком увидели.

— Пожалуй, великая была раса, — задумчиво сказал Лоуренс. — Одна лишь экономика такой планеты способна любого бросить в дрожь. Чтобы создать такую планету, надо было веками затрачивать на это рабочую силу всей расы целиком, а создав, надо было веками держать планету-машину на ходу. Это означает, что местное население тратило минимум времени на добывание пищи и производство миллионов вещей, употребляемых в быту.

— Они упростили свой образ жизни и свои нужды, — сказал Кинг, — сведя все к самому необходимому. Одно уже это само по себе — признак величия.

— Притом же они были фанатики, — высказался Гриффит. — Не забывайте этого ни на миг. Подобный труд по плечу лишь тем, кто одержим всепоглощающей, слепой, односторонней верой.

— Но зачем? — удивлялся Лоуренс. — Зачем выстроили эту машину?

Все промолчали, только Гриффит тихонько хмыкнул.

— Даже ни одного предположения? — подзадорил он. — Ни одной осмысленной гипотезы?

Из тьмы, окутывающей крохотный кружок света от включенной плиты, медленно поднялся высокий человек.

— У меня есть гипотеза, — сознался он. — Вернее, мне кажется, я знаю, в чем тут дело.

— Послушаем Скотта, — громогласно объявил Лоуренс.

Математик покачал головой:

— Нужны доказательства. Иначе вы заподозритесь, что я рехнулся.

— А доказательства отсутствуют, — скептически заметил Лоуренс. — Нет здесь доказательств чего бы то ни было.

— Я знаю место, где есть доказательство, — не утверждаю с уверенностью, но, возможно, оно там есть.

Все сидящие тесным крутом возле плиты затаили дыхание.

— Помнишь тот ящик? — продолжал Скотт. — Тот самый, о котором только сейчас упоминал Тэйлор. Тот,

где что-то гремело при встряхивании. Тот, который нам не удалось открыть.

— Мы по-прежнему не можем его открыть.

— Дайте мне инструменты, — попросил Скотт, — и я открою.

— Это уже было, — мрачно сказал Лоуренс. — Мы уже проявили бычью силу и ловкость, открывая тот злополучный люк. Нельзя же все время применять силу при решении задач. Здесь не сила нужна, а понимание.

— По-моему, я знаю, что там гремело, — гнул свое Скотт.

Лоуренс промолчал.

— Послушай-ка, — не унимался Скотт. — Если у тебя есть какая-нибудь ценная вещь, которую ты хочешь сберечь, что ты с ней делаешь?

— Да в сейф кладу, — не задумываясь, ответил Лоуренс.

В длинных мертвых пролетах исполинской машины воцарилось молчание.

— Нет и не может быть надежнее места, — снова заговорил Скотт, — чем ящик, который не открывается. В таких ящиках хранилось что-то исключительно важное. Но одну вещь хозяева планеты забыли захватить — где-то они недоглядели.

Лоуренс медленно поднялся с места.

— Достанем инструменты, — сказал он.

...Внутри оказалась продолговатая пластина, весьма заурядная на вид, с симметрично пробитыми отверстиями.

Скотт взял ее в руку, и рука его задрожала.

— Надеюсь, ты не разочарован, — горько сказал Гриффит.

— Ничуть, — ответил Скотт. — Именно это я и предполагал.

Все дожидались продолжения.

— Не будешь ли ты любезен... — не вытерпел Гриффит.

— Это перфокарта, — пояснил Скотт. — Ответ некой задачи, введенной в вычислительную машину.

— Но мы ведь ее не расшифруем, — огорчился Тэйлор. — Никакими силами не установишь, что она означает.

— Ее и незачем расшифровывать, — усмехнулся Скотт. — Она и так рассказывает, что здесь такое. Эта машина — весь мир в целом — представляет собой вычислительное устройство.

— Что за бред! — воскликнул Баклей. — Математическое...

— Не математическое, — Скотт покачал головой. — По крайней мере не чисто математическое. Нечто более значительное. Логическое, по всей вероятности. Возможно, даже этическое.

Он оглядел присутствующих и прочел на их лицах все то же неверие, развеять которое до конца едва ли удастся.

— Да посудите же сами! — вскричал он. — Бесконечная повторяемость, монотонная одинаковость всей машины. Таково и есть вычислительное устройство — сотни, или тысячи, или миллионы, или миллиарды интегрирующих схем, сколько бы их ни было нужно, чтобы ответить на поставленный вопрос.

— Есть же какой-то фактор ограничения, — пробубнил Баклей.

— На всем протяжении своей истории, — ответил Скотт, — человечество не слишком-то обращало внимание на такие факторы. Оно упорно делало свое дело и преодолевало все мыслимые факторы ограничения. Очевидно, здешняя раса тоже не слишком-то обращала на них внимание.

— Есть такие факторы, — упрямо твердил Баклей, — которыми попросту невозможно пренебречь.

У мозга — свои ограничения. Он ни за что не станет познавать самого себя. Он слишком легко забывает — забывает слишком многое и всегда именно то, что следовало помнить. Он склонен к терзаниям, а для мозга это почти равносильно самоубийству. Если чрезмерно напрягать мозг, он находит убежище в безумии. И наконец, он умирает. Умирает как раз тогда, когда становится полноценным.

Поэтому создают механический мозг-гигант, двадцатимильным слоем покрывающий планету с Землю величиной, — мозг, который займется животрепещущими проблемами, и никогда ничего не забудет, и с ума не сойдет, ибо ему неизвестно смятение.

Сорваться после этого с места и покинуть такой мозг — двойное безумие.

— Все наши догадки бессмысленны и никчемны, — сказал Гриффит. — Никогда мы не узнаем, для чего служил этот мозг. Вы упорно исходите из предпосылки, будто хозяева этой планеты были гуманоидами, а ведь столько же шансов за то, что они отнюдь не гуманоиды.

— Предположение о том, что они в корне отличаются от нас, совершенно абсурдно, — возразил Лоуренс. — В городе на Четвертой могли бы поселиться люди. Обитатели той планеты сталкивались с теми же техническими проблемами, что встали бы и перед нами, если бы мы затеяли подобное начинание; выполнили они все в том же стиле, какого придерживались бы и мы.

— Ты не учитываешь того, что сам же так часто подчеркиваешь, — сказал Гриффит. — Не учитываешь фанатической тяги, которая заставила их пожертвовать решительно всем во имя великой идеи. Мы, как ни бейся, не достигли бы столь тесного и фанатического сотрудничества. Один допустил бы грубейшую ошибку, другой перерезал бы горло третьему, четвертый потребовал бы следствия, а там оказалось бы, что вся свора спущена с цепи и лает на ветер.

— Они были последовательны, — продолжал Гриффит. — Ужасающе последовательны. Здесь нет жизни. Мы не регистрировали ни малейшего признака жизни, отсутствуют даже насекомые. А почему, как ты думаешь? Не потому ли, что жук мог бы запутаться в шестернях или еще где-нибудь и нарушить весь комплекс? Поэтому жукам пришлось вымереть.

Помолчав, Гриффит вскинул голову:

— Если на то пошло, хозяева планеты сами напоминают жуков. Вернее, муравьев. Муравьиную колонию. Там и тут бездушное общество взаимных услуг в слепом, но разумном повиновении неуклонно движется к намеченной цели. А коли так, друг мой, то твоя гипотеза, будто вычислительная машина применялась для разработки экономических и социальных теорий, — просто вздор!

— Это вовсе не моя гипотеза, — поправил его Лоуренс. — Всего лишь одно из нескольких предположений. Есть и другое, не более спорное: они пытались разгадать тайны Вселенной — отчего она существует, что собой представляет и куда движется.

— И каким образом, — прибавил Гриффит.

— Ты прав. И каким образом. А если этим занимались, то, я уверен, не из праздного любопытства. Значит, был какой-то серьезнейший стимул, что-то вынуждало к этому занятию.

— Продолжай, — усмехнулся Тэйлор. — Я жду с нетерпением. Доскажи свою сказку до конца. Они проникли во все тайны Вселенной и...

— Едва ли проникли, — спокойно проговорил Баклей. — Чего бы они ни добивались, вероятность того, что им удалось получить окончательный ответ, ничтожно мала.

— Что касается меня, — проговорил Гриффит, — я склонен думать, что они своего добились. Иначе зачем было покидать планету и бросать эту гигантскую машину? Они нашли то, что искали, вот им и стал не нужен ими же созданный инструмент познания.

— Ты прав, — подхватил Баклей. — Инструмент стал не нужен, но не потому, что сделал все возможное и этого оказалось достаточно. Его забросили, потому что он слишком маломощен, он не в состоянии решить задачу, которая подлежит решению.

— Слишком маломощен! — возмутился Скотт. — Да ведь в таком случае всего и заботы-то было нарастить вокруг планеты еще один ярус!

Баклей покачал головой:

— Помнишь, я говорил о факторах ограничения? Так вот, перед тобой фактор, которым не так-то просто пренебречь. Подвергни сталь давлению в пятьдесят тысяч фунтов на квадратный дюйм* — и она потечет. Здесь-то, должно быть, металл воспринимает гораздо большее давление, но и у него есть предел прочности, выходить за который небезопасно. На высоте двадцати миль над поверхностью планеты ее хозяева достигли этого предела. Уперлись в тупик.

Гриффит шумно вздохнул и пробормотал:

— Моральный износ.

— Аналитическая машина — вопрос габаритов, — рассуждал Баклей вслух. — Каждая интегрирующая схема соответствует клеточке человеческого мозга. У нее ограниченная функция и ограниченные возможности. То, что делает одна клетка, контролируют две

* 3,5 тонны на квадратный сантиметр.

другие. Принцип «смотри в оба, зри в три» как гарантия отсутствия ошибок.

— Можно было стереть все, что хранилось в запоминающих устройствах, и начать сызнова, — сказал Скотт.

— Не исключено, что так и поступали, — ответил Баклей. — Бессчетное множество раз. Хотя всегда присутствовал элемент риска: после каждого стирания машина могла терять какие-то... э-э... ну, рациональные что ли качества или моральные. Для машины таких масштабов стирание памяти — катастрофа, подобная утрате памяти человеком. Здесь произошло, наверное, одно из двух. Либо в электронных устройствах машины слишком заметно скапливалась остаточная память...

— Подсознательное, — перебил Гриффит. — Интересная мысль: развивается ли у машины подсознание?

— ...либо, — продолжал Баклей, — ее неизвестные хозяева вплотную подошли к проблеме, настолько сложной, настолько многогранной, что эта машина, несмотря на фантастические размеры, заведомо не могла с нею справиться.

— И тогда здешние обитатели отправились на поиски еще большей планеты, — подхватил Тэйлор, сам не вполне веря в свою догадку. — Такой планеты, масса которой достаточно мала, чтобы там можно было жить и работать, но диаметр достаточно велик для создания более мощной вычислительной машины.

— В этом был бы какой-то резон, — неохотно признал Скотт. — Понимаете ли, они бы начали все заново, но с учетом ответов, полученных здесь. При усовершенствованной конструкции и новой технологии.

— А теперь, — торжественно провозгласил Кинг, — на вахту становится человечество. Интересно, что нам удастся сделать с такой диковиной? Во всяком случае, совсем не то, для чего ее предназначали создатели.

— Человечеству, — сказал Баклей, — решительно ничего не придется с нею делать, по крайней мере ближайшие сто лет. Головой ручаюсь. Никакой инженер не осмелится повернуть ни единое колесико в этой машине, пока не будет достоверно знать, для чего она служит, как и почему сработала. Тут надо вычертить миллионы схем, проверить миллионы связей, сделать синьки, подготовить техников...

Лоуренс грубовато ответил:

— Это не наша с тобой забота, Кинг. Мы с тобой сеттеры. Мы отслеживаем и вспугиваем перепелок, а уж дальше обойдутся без нас, и мы переходим к очередным вопросам. Как распорядится человечество нашими находками — это опять-таки очередной вопрос, но решать его не нам с тобой.

Он поднял с пола и взвалил на спину мешок с походным снаряжением.

— Все готовы к выходу? — спросил он.

Десятью милями выше Тэйлор перегнулся через перила, ограждающие пандус, и взглянул на расстилающийся под ним лабиринт машин. Из наспех уложенного рюкзака выскользнула ложка и, вертясь, полетела вниз.

Долго все прислушивались к тому, как она звякает, задевая металл.

Даже когда все стихло, людям по-прежнему казалось, что до них еще доносится звяканье.

ИГРА В ЦИВИЛИЗАЦИЮ

1

С некоторого времени Стэнли Пакстон слышал раздававшиеся на западе глухие взрывы. Но он продолжал свой путь, так как не исключено было, что преследователь его догоняет, идет за ним по пятам, а значит, он не мог отклоняться от курса. Потому что, если память ему не изменяла, усадьба Нельсона Мура находилась где-то среди тех холмов, впереди. Там он укроется на ночь, а может быть, даже получит средство дальнейшего передвижения. Всякая связь для него в данный момент исключалась — это он знал; люди Хантера прослушивали все линии, жадно ловя каждую весточку о нем.

Много лет назад он гостил у Мура на Пасху, и сегодня ему то и дело казалось, что он узнает знакомые места. Но воспоминания его за столь долгое время, прошедшее после визита на эти холмы, потускнели, и положиться на них он не мог.

По мере того как день клонился к закату, страх быть выслеженным ослабевал. В конце концов, сзади могло никого и не быть. На одном из холмов Пакстон полчаса наблюдал из кустов за дорогой, но и намек на преследование не заметил.

Конечно, обломки его летательного аппарата давно обнаружены, но, может быть, когда это случилось, сам он был уже далеко и выяснить, в каком направлении он скрылся, не удалось.

Весь день он старательно наблюдал за пасмурным небом и радовался отсутствию там воздушных разведчиков.

Когда солнце спряталось за тонувший в грозовых тучах горный кряж, он вдруг почувствовал себя в полной безопасности.

Он вышел из долины и стал взбираться на лесистый холм. Странное, сотрясающее воздух громохание слышалось теперь совсем рядом, а небо озарялось всполохами разрывов.

Он поднялся на холм и присел. Внизу площадь в квадратную милю, если не больше, дыбилась от взрывов, между которыми он слышал противное стрекотание, и мурашки бегали у него по спине.

Притаившись, он наблюдал, как волнами прокатываются то с одной, то с другой стороны вспышки огней, перемежаясь с резкими, оглушительными залпами артиллерийских орудий.

Немного посидев, он встал, плотнее завернулся в плащ и поднял капюшон.

С примыкавшей к подножию холма стороны поля смутно вырисовывалось в сумерках квадратное сооружение. А само поле казалось накрытым гигантской перевернутой чашей, хотя из-за темноты это впечатление могло быть обманчивым.

Сердито буркнув себе под нос, Пакстон сбежал вниз и увидел, что заинтересовавшее его сооружение было своеобразным наблюдательным пунктом, надежно укрепленным, высоко поднятым над землей и сверху закрытым до половины толстым стеклом. С одной стороны вышки свисала веревочная лестница.

— Что здесь происходит? — гаркнул Пакстон, но голос его был заглушен доносившимся с поля грохотом.

Чтобы выяснить, в чем дело, Пакстону пришлось карабкаться по лестнице. Когда глаза его оказались на уровне закрывавшего вышку стекла, он остановился.

Мальчик не старше четырнадцати лет был, по-видимому, целиком поглощен разыгрывавшейся впереди ба-

талий. На шее у него болтался бинокль, а сбоку находилась массивная приборная доска.

Пакстон добрался до конца лестницы и проник внутрь вышки.

— Эй, молодой человек!

Мальчик обернул к посетителю милейшую физиономию со свисавшим на лоб чубом.

— Простите, сэр. Боюсь, я не слышал, как вы вошли.

— Что здесь происходит?

— Война. Петви как раз начал решающее наступление. Я изо всех сил стараюсь сдержать его.

— Невероятно! — Пакстон задыхался от возмущения.

Мальчик наморщил лоб.

— Я не понимаю.

— Ты сын Нельсона Мура?

— Да, сэр. Я Грэм Мур.

— Я давным-давно знаю твоего отца. Мы вместе ходили в школу.

— Он рад будет видеть вас, сэр, — оживился мальчик, которому не терпелось спровадить этого невесть откуда взявшегося зануду. — Ступайте прямо на север, и тропинка выведет вас к нашему дому.

— Может, пойдём вместе? — предложил Пакстон.

— Сейчас никак не могу. Я должен отразить атаку. Петви добился перевеса, сберег боеприпасы и произвел некоторые маневры, а я их не сразу заметил. Поверьте, сэр, положение мое незавидное.

— Кто этот Петви?

— Противник. Мы вот уже два года воюем.

— Понимаю, — серьезно сказал Пакстон и удалился.

Он нашел тропинку, которая привела его в лощину между двумя холмами. Здесь, под сенью густых деревьев, стоял старинный дом.

Из двора в виде патио женский голос окликнул:

— Это ты, Нельс?

Женщина сидела в кресле-качалке на гладком плитняке и казалась белым пятнышком: бледное лицо в ореоле седых волос.

— Не Нельс, — сказал Пакстон. — Старый друг вашего сына.

Здесь, он заметил, почти не слышен был шум битвы: благодаря каким-то особенностям акустики звук терял-

ся в холмах. Только небо на востоке вспыхивало от взрывов ракет и тяжелых артиллерийских снарядов.

— Мы рады вам, сэр, — сказала старая дама, не переставая раскачиваться в своем кресле. — Но мне хотелось бы, чтобы Нельсон был дома. Не люблю, когда он бродит в темноте.

— Меня зовут Стэнли Пакстон. Я из политиков.

— Ах да. Теперь припоминаю. Вы были у нас однажды на Пасху, двадцать лет назад. Я Корнелия Мур, но зовите меня просто бабушкой, как все здесь.

— Я очень хорошо вас помню, — сказал Пакстон. — Надеюсь, я не стесню вас.

— Боже упаси! У нас редко кто бывает. Мы рады каждому гостю. Особенно обрадуется Теодор. Зовите его лучше дедей.

— Дедей?

— Дедушкой. Так Грэм, когда был малышом, называл его.

— Я видел Грэма. Он, похоже, очень занят. По его словам, Петви добился перевеса.

— Этот Петви слишком грубо играет, — слегка нахмурилась бабушка.

В патио неслышно вошел робот.

— Обед готов, госпожа.

— Мы подождем Нельсона, — сказала бабушка.

— Да, госпожа. Хорошо бы он вернулся. Нам не следует слишком долго ждать. Дедя уже второй раз принимается за бренди.

— У нас гость, Илайджа. Покажи ему, пожалуйста, его комнату. Это друг Нельсона.

— Добрый вечер, сэр, — сказал Илайджа. — Попрошу вас пройти со мной. И где ваш багаж? Я могу, пожалуй, сходить за ним.

— Конечно, можешь, — сухо ответила бабушка. — И я просила бы тебя, Илайджа, не ломаться, когда у нас гости.

— У меня нет багажа, — смутился Пакстон.

Он прошел за роботом в дом и через центральный холл поднялся по очень красивой винтовой лестнице.

Комната было большая, со старомодной мебелью и камином.

— Я разожгу огонь, — сказал Илайджа. — Осенью после захода солнца бывает прохладно. И сыро. Похоже, собирается дождь.

Пакстон стоял посреди комнаты, напрягая память.

Бабушка — художница, Нельсон. — натуралист, а вот чем занимается старый дедя?

— Старый джентльмен, — сказал робот, нагибаясь к камину, — угостит вас вином. Он будет настаивать на бренди. Но, если желаете, я могу принести вам что-нибудь другое.

— Нет, спасибо. Пусть будет бренди.

— Старый джентльмен чувствует себя именинником. У него найдется, о чем с вами поговорить. Он как раз закончил сонату, сэр, над которой трудился почти семь лет, и сейчас вне себя от гордости. Не скрою, случилось, дело шло крайне туго, и он делался тогда просто невыносим. У меня до сих пор осталась вмятина, поглядите, сэр...

— Я вижу, — с чувством неловкости признал Пакстон.

Робот стоял у камина. Дрова уже начали потрескивать.

— Я схожу за вином, сэр. Если я немного задержусь, не беспокойтесь. Старый джентльмен, без сомнения, воспользуется случаем прочесть мне лекцию о правилах обхождения с гостем.

Пакстон снял плащ, повесил его на стойку возле кровати, а затем вернулся к камину и сел в кресло, протянув ноги к огню.

Не следовало приезжать сюда, подумал он. Непозволительно впутывать этих людей в грозящие ему опасности. Они живут в ином, неторопливом, спокойном мире — мире созерцания и раздумий, тогда как его мир — мир политики — состоит из сплошной суеты, а иногда чреват тревогами и смертельным страхом.

Он решил ничего им не рассказывать. И он останется здесь только на одну ночь, он уйдет еще до рассвета. Как-нибудь он сможет связаться со своей партией. Где-нибудь в другом месте он отыщет людей, которые ему помогут.

В дверь постучали. Очевидно, Илайджа управился быстрее, чем рассчитывал.

— Войдите! — крикнул Пакстон.

Это был не Илайджа; это был Нельсон Мур.

Он вошел как был, в верхней одежде, в замызганных сапогах, и на лице его осталась темная полоска грязи, когда он ладонью откинул со лба волосы.

— Бабушка сказала, что ты здесь, — проговорил он, пожимая Пакстону руку.

— У меня две недели отпуска, — по-джентльменски солгал Пакстон. — У нас только что закончились учения. Если тебя это интересует, могу сообщить, что я избран президентом.

— Ну, это замечательно! — с энтузиазмом сказал Нельсон.

— Да, пожалуй.

— Давай сядем.

— Боюсь, из-за меня задержится обед. Робот говорил...

Нельсон рассмеялся:

— Илайджа всегда торопит с едой. Хочет побыстрее отделаться. Мы привыкли и не обращаем на него внимания.

— Я жажду познакомиться с Анастазией, — сказал Пакстон. — Помнится, ты писал мне о ней и...

— Ее здесь нет, — сказал Нельсон. — Она... в общем, она меня бросила. Почти пять лет назад. Ей было тесно в этом мирке. Нам вообще следовало бы вступать в браки только с теми, кто участвует в Продолжении.

— Прости. Я не должен был...

— Ничего, Стэн. Все это в прошлом. Некоторым наш проект просто не подходит. Я после ухода Анастазии не раз думал, что мы с тобой представляем. И вообще, имеет ли все это смысл.

— Такие мысли возникают порой у каждого, — сказал Пакстон. — Иногда мне приходилось вспоминать историю, чтобы как-то оправдать наши действия. Возьми, к примеру, монахов так называемого средневековья. Им удалось все же сберечь часть эллинской культуры. Конечно, цели у них были эгоистические, как и у нас, участников Продолжения, но выиграл-то весь человеческий род.

— Я тоже обращаюсь к истории и тогда кажусь себе дикарем, забившимся в темный угол в каменном веке и деловито пытящим над своим примитивным орудием, когда другие уже летают к звездам. Все это представляется такой бессмыслицей, Стэн...

— С виду, пожалуй. То, что меня сейчас выбрали президентом, не имеет ни малейшего значения. Но может настать день, когда знание политических методов окажется очень нужным. И тогда человечеству достаточно будет вернуться на Землю, чтобы найти все в готовом виде. Эта кампания, которую я провел, была грязным делом, Нельсон. Мне она не делает чести.

— Грязи в земной цивилизации предостаточно, — сказал Нельсон, — но, раз уж мы взялись сберечь эту цивилизацию, мы должны сохранить все как есть: порок рядом с благородством, грязь рядом с безукоризненной чистотой.

Дверь тихо отворилась, и в комнату мягко скользнул Илайджа с подносом, на котором стояли две рюмки.

— Я слышал, как вы вошли, — сказал он Нельсону, — а потому захватил кое-что и для вас.

— Спасибо, ты очень любезен.

Илайджа нерешительно помялся.

— Не могли бы вы чуточку поторопиться? Старый джентльмен почти прикончил бутылку. Боюсь, как бы с ним ничего не случилось, если я сейчас же не усажу его за стол.

2

После обеда Грэма отправили на боковую, а дедя со всей торжественностью откупорил новую бутылку хорошего бренди.

— Чудной мальчик, — объявил он. — Не знаю, что из него выйдет. Как подумаю, что он целый божий день ведет эти дурацкие баталии. Я всегда полагал, что он хочет заняться каким-нибудь полезным делом. Но нет ничего бесполезнее генерала, когда все войны кончились.

Бабушка сердито скрипнула зубами:

— Не то чтобы мы не старались. Мы перепробовали решительно все. Но его ничем нельзя было увлечь, пока он не ухватился за военное дело.

— Котелок у него варит, — с гордостью заметил дедя. — Но вообразите, на днях этот наглец обратился ко мне с просьбой написать для него военную музыку. Я! Я и военная музыка! — почти завопил дедя, колотя себя по груди.

— В нем сидит дух разрушения, — продолжала возмущаться бабушка. — Он не хочет созидать. Он хочет только уничтожать.

— Не гляди на меня, — сказал Пакстону Нельсон. — Я давно отступился. Дедя и бабушка забрали его у меня сразу после ухода Анастазии. Послушать их, так подумаешь, они его терпеть не могут. Но стоит мне тронуть его пальцем, как оба они...

— Мы сделали все, что могли, — сказала бабушка. — Мы предоставили ему все возможности. Мы покупали ему любые наборы. Ты помнишь?

— Как не помнить! — ответил все еще занятый бутылкой дедя. — Мы купили ему набор для моделирования окружающей среды. И посмотрели бы вы, какую жалкую, несчастную, отвратительную планету он соорудил! Тогда мы попытались занять его роботехникой...

— Он ловко с этим разделался, — съязвила бабушка.

— Да, роботы у него получились. Он с увлечением конструировал их. Помнишь, как он бился, заставляя их воевать? Через неделю от них остались только две кучки лома. Но я в жизни не видел такого увлеченного человека, каким был всю эту неделю Грэм.

— Его едва можно было заставить поест, — сказала бабушка.

— Но хуже всего было, — сказал дедя, разливая по рюмкам бренди, — когда мы решили познакомить его с религией. Он придумал такой невысказанный культ, что мы не знали, как с этим покончить...

— А больница, — подхватила бабушка. — Это была твоя идея, Нельсон...

— Оставим этот разговор, — помрачнел Нельсон. — Стэнли, я уверен, он неинтересен.

Пакстон, поняв намек, переменял тему:

— Я хотел спросить вас, бабушка, какие картины вы пишете. Нельсон, насколько я помню, никогда об этом не говорил.

— Пейзажи, — сказала славная старушка. — Я экспериментирую.

— А я ей толкую, что это неправильно, — заявил дедя. — Экспериментировать не положено. Наше дело — соблюдать традиции, а не выдумывать, что кому заблагорассудится.

— Наше дело, — обиделась бабушка, — не допустить технического прогресса, но это не значит, что нам недозволен прогресс в чисто человеческих делах. А вы, молодой человек, — обратилась она за поддержкой к Пакстону, — разве не такого мнения?

Пакстон, очутившись между двух огней, ответил уклончиво:

— Отчасти. В политике мы, естественно, допускаем развитие, но периодически проверяем, насколько оно логично и соответствует принципам человеческого общества. И мы не позволяем себе отбросить ничего из старых приемов, какими бы отжившими они ни выглядели. То же касается и дипломатии. Я кое-что в этом смысле, потому что дипломатия и политика взаимосвязаны и...

— Вот! — сказала бабушка.

— Знаете, что я думаю? — мягко сказал Нельсон. — Мы запуганы. Впервые в нашей истории человечество оказалось в меньшинстве, и мы дрожим от страха. Мы боимся, что среди великого множества существующих в Галактике разумных существ человеческий род затеряется, утратит свое лицо. Мы боимся ассимиляции.

— Ошибаешься, сын, — возразил дедя. — Мы не запуганы, мой мальчик. Мы просто чертовски дальновидны, вот и все. Когда-то мы имели великую культуру, и зачем нам от нее отказываться? Правда, большинство современных людей приспособилось к галактическому образу жизни, но это еще не значит, что такой путь наилучший. Когда-нибудь мы можем захотеть вернуться к человеческой культуре или использовать какие-то ее разделы. И чтобы этот путь навсегда остался открыт для нас, нам необходим Проект Продолжения. Заметьте, это важно не только для человеческого рода — какие-то аспекты нашей культуры могут когда-нибудь очень и очень пригодиться всей Галактике.

— Зачем тогда держать сам проект в тайне?

— Я не считаю это тайной. Просто никто не обращает особого внимания на человечество, а на Землю — и вовсе никакого. Человеческий род против всех остальных — так, мелочь, а Земля — одряхлевшая планета, о которой и говорить не стоит. Вы когда-нибудь слышали, что наше дело — тайна? — спросил он Пакстона.

— По-моему, нет. Я всегда понимал это так, что мы не кричим о себе на всех перекрестках. На Продолже-

ние я смотрю как на вверенную нашему попечению святыню. Пока все остальное человечество осваивает цивилизации других миров, мы храним здесь, на Земле, традиции нашего рода.

Старик хихикнул:

— Если говорить о масштабах, то мы всего лишь группка бушменов, но, попомните мои слова, мы высоко-развитые и даже опасные бушмены.

— Опасные? — спросил Пакстон.

— Он имеет в виду Грэма, — тихо пояснил Нельсон.

— Нет, — сказал дедя. — Не только его. Я имею в виду всех нас. Потому что, согласитесь, все, кто присоединяются к галактической культуре, что-то в нее вносят, но неизбежно и что-то теряют, отказываются от чего-то, не соответствующего общему духу. Это касается и человеческого рода, с той, однако, разницей, что он на самом деле ничего не теряет. Все, от чего он отказывается, он оставляет в надежных руках. Человечество знает, что делает! Не зря оно содержит нас, кучку варваров, на старой, доброй планете, на которую члены этого замечательного галактического союза глядеть не хотят!

— Не слушайте его, — сказала бабушка. — Он ужасен. Вы не представляете, сколько в этом высохшем старике коварства и напористости.

— А что такое Человек? — вскричал дедя. — Он, когда надо, бывает коварен и напорист. Как достигли бы мы того, что имеем, не будь мы коварны и напористы?

Доля истины в этом есть, подумал Пакстон. Ведь и все, что человечество сейчас здесь продельывает, тоже сознательное надувательство. Впрочем, кто знает, на скольких еще планетах ведется такая же или аналогичная работа?

И если уж делать ее, то делать как следует. Нельзя просто поместить человеческую культуру в музей, потому что там она станет мертвым экспонатом. Выставка наконечников стрел может выглядеть любопытно, но человек никогда не научится изготавливать эти наконечники, просто глаза на них. Если хочешь сохранить искусство изготовления наконечников, надо продолжать выделывать их, передавая опыт из поколения в поколение еще долго после того, как нужда в самих

наконечниках отпадет. Достаточно пропустить одно поколение — искусство будет утеряно.

Так же может затеряться и любое другое искусство или мастерство. И не только связанное с чисто человеческой культурой, но и с тем, что вносит человечество своего, уникального в общую для всех разумных существ деятельность.

Илайджа внес охапку дров, свалил ее у камина, подбросил поленьев в огонь и пошуровал кочергой.

— Ты весь мокрый, — сказала бабушка.

— На дворе дождь, госпожа, — ответил Илайджа, идя к двери.

Пакстон размышлял о Проекте Продолжения, призванном сохранить все накопленные человечеством знания и искусства.

Потому и секция политиков практикует прежние методы политической борьбы, и секция дипломатов старательно создает неразрешимые как будто трудности, чтобы затем преодолевать их. И команды промышленников ведут традиционную нескончаемую войну с профсоюзами. И разбросанные по всей Земле скромные мужчины и женщины создают произведения живописи, и скульптуры, и музыки, и изящной словесности, стремясь сберечь все, из чего складывается исконно человеческая культура, не дать ей раствориться в новой и замечательной культуре, возникшей из слияния духовных богатств многих звездных миров.

И на какой же случай мы все это бережем? — подумал вдруг Пакстон. Может быть, мы делаем это из обыкновенного и даже глупого тщеславия? Может быть, мы просто не в силах отбросить скептицизм и высокомерие? Или старый дедя правильно говорит, что наши действия полны глубокого смысла?

— Вы сказали, что занимаетесь политикой, — обратился к Пакстону дедя. — Вот эту деятельность нам особенно важно сохранить. Насколько я знаю, ей сейчас не уделяется должного внимания. Есть, конечно, администрация, и понятие о гражданских обязанностях, и прочая такая чепуха, но настоящая политика у этой новой культуры в загоне. Между тем политика может

оказаться мощнейшим оружием, когда мы захотим чего-то добиться.

— Политика, — ответил Пакстон, — часто очень грязное дело. Это борьба за власть, стремление пересилить противника, морально его растоптать. А в конечном итоге у побежденного возникает комплекс неполноценности, от которого он страдает.

— И все же это, наверное, забавно. Даже, я бы сказал, волнующе.

— Волнующе — да. Эти наши последние учения предусматривали игру без правил. Мы так запланировали. Выглядело это, должен сказать, отвратительно.

— И тебя избрали президентом, — сказал Нельсон.

— Да, но ты не слышал от меня, что я горжусь этим.

— А следовало бы, — решительно заявила бабушка. — В старину стать президентом было очень почетно.

— Может быть, — согласился Пакстон, — но не таким путем, каким добилась этого моя партия.

Я мог бы пойти дальше, подумал Пакстон, и рассказать им все, чтобы они поняли. Я мог бы сказать: я зашел слишком далеко. Я очернил и опорочил своего противника сверх всякой необходимости. Я использовал любые грязные трюки. Я подкупал, и лгал, и шел на компромиссы, и торговался. И я проделал все это так ловко, что околпачил даже электронную машину, заменяющую прежних избирателей. А теперь мой противник выкинул новый трюк и испытывает его на мне.

Потому что убийство так же неотделимо от политики, как дипломатия или война. В конце концов, политика — это балансирование на острие насилия; мы предпочли моделировать не революцию, а выборы. Но политика во все времена переплеталась с насилием.

Он допил свой бренди и поставил рюмку на стол. Дедя схватил бутылку, но Пакстон покачал головой:

— Спасибо, не стоит. Если не возражаете, я скоро лягу. Мне необходимо на рассвете отправиться в путь.

Он не должен был вообще приезжать сюда. Было бы непростительно, если бы эти люди пострадали от последствий недавних учений.

Впрочем, он не прав, называя это последствиями: все происходящее является неотъемлемой частью все тех же учений.

Тренькнул дверной звонок, и было слышно, как Илайджа торопится открывать.

— Вот это да! — удивилась бабушка. — Кто мог прийти к нам так поздно? Да еще в дождь?

Это был представитель церкви.

Остановившись в холле, он потрогал рукой свой мокрый плащ и, сняв шляпу, стряхнул с ее широких полей воду.

Затем он неторопливо и степенно прошел в комнату. Все встали.

— Добрый вечер, епископ, — сказал дедя. — Хорошо, что в такую погоду вы наткнулись на наш дом. А мы рады вам, ваше преосвященство.

Епископ широко, почти по-приятельски улыбнулся.

— Я не церковник. Я только от Проекта. Но вы можете обращаться ко мне как к священнику. Это поможет мне не выйти из роли.

Илайджа, вошедший следом за ним, унес его плащ и шляпу. Епископ остался в богатом и нарядном облачении.

Дедя представил присутствующих и налил епископу бренди. Тот поднес рюмку к губам, почмокал и сел в кресло у камина.

— Думаю, вы не обедали, — сказала бабушка. — Ясно, нет. Здесь поблизости не найдется, где пообедать. Илайджа, принеси епископу поесть, да побыстрей.

— Спасибо, сударыня, — сказал епископ. — У меня позади долгий, трудный день. Я признателен вам за ваше гостеприимство. Я ценю его больше, чем вы можете себе представить.

— У нас сегодня праздник, — радостно объявил дедя, в сотый раз наполняя собственную рюмку. — К нам редко кто заглядывает, а тут за один вечер сразу двое гостей.

— Двое гостей, — повторил епископ, не сводя глаз с Пакстона. — И впрямь славно.

3

У себя в комнате Пакстон закрыл дверь и плотнее задвинул засов.

Дрова в камине почти догорели; последние угольки слабо тлея, бросали тусклый свет на пол. Дождь негромко барабанил по закрытому окну.

А Пакстон был объят тревогой и страхом.

Сомневаться не приходилось: епископ — убийца, посланный по его следу.

Никто без причины, и достаточно веской причины, не потащится осенней дождливой ночью через эти холмы. Кстати говоря, епископ почти не промок. С его шляпы упало всего несколько капель, а плащ был чуть влажным.

Более чем вероятно, епископ прилетел и был сброшен здесь, как сброшены, должно быть, еще в полудюжине мест другие убийцы: их разослали повсюду, где предположительно скрылся беглец.

Поместили епископа в комнате прямо напротив, и Пакстон подумал, что при других обстоятельствах все можно было бы закончить на месте. Он поднял лежавшую возле камина кочергу и взвесил ее в руке. Один удар этой штукой — и конец.

Но он не мог пойти на такое. Здесь, в этом доме, не мог.

Он положил кочергу и направился к кровати, рядом с которой висел его плащ. Он взял плащ и стал медленно натягивать его, вспоминая события этого утра.

Он был дома один, когда зазвонил телефон, и на экране возникло лицо Салливана — лицо насмерть перепуганного человека.

— Хантер охотится за вами. Он отправил к вам своих людей.

— Но он не смеет этого делать! — запротестовал Пакстон.

— Очень даже смеет. Он действует в рамках учений. Убийство всегда было одним из методов...

— Но учения кончились!

— Для Хантера не кончились. Вы позволили себе лишнее. Вам надо было придерживаться гипотез, связанных с проблемой; вы зря коснулись личных дел Хантера. Вы раскопали такое, о чем, по его убеждению, никто не мог знать. Как вы сумели, дружище?

— У меня есть свои каналы, — сказал Пакстон. — И в таком деле, как это, все средства годились. Он тоже боролся без перчаток.

— В общем, поторопитесь. Они явятся с минуты на минуту. У меня нет никого под рукой. Я не успею вовремя помочь вам.

И все могло бы обойтись, подумал Пакстон, если бы не авария.

Ему вдруг подумалось, не было ли здесь саботажа.

Но так или иначе, ему удалось приземлиться, и он был в состоянии идти, и смог добраться сюда, в этот дом.

Он в нерешительности стоял посреди комнаты.

Было унижительно бежать во второй раз, но ничего другого не оставалось. Он не мог допустить, чтобы превратности его собственной судьбы обрушились на этот дом.

И если не считать кочерги, он был безоружен, потому что оружие на этой, ныне мирной планете сделалось большой редкостью — не предметом обихода, как в былые времена.

Он подошел к окну и, открыв его, увидел, что дождь прекратился и из рваных, быстро несущихся облаков выглядывает половинка луны.

Прямо под его окном была крыша портика, и, окинув ее взглядом, он решил, что босиком здесь можно будет пройти, а расстояние от края крыши до земли, верно, немногим больше семи футов.

Он снял туфли, сунул их в карман плаща и вылез через окно. Но с полдороги он вернулся назад, прошел к двери и тихонько отодвинул засов. Было бы не очень красиво сбежать, оставив комнату запертой.

Крыша была скользкой после дождя, но он благополучно добрался до края. Спрыгнув, он попал в кусты и немного поцарапался, но это, сказал он себе, пустяки.

Он снова обулся и зашагал прочь от дома. Дойдя до опушки леса, он оглянулся. Позади было темно и тихо.

Он дал себе слово, как только вся эта эпопея кончится, подробно написать обо всем Нельсону и извиниться перед ним.

Он нащупал ногами тропинку и пошел по ней в призрачном полумраке — луна по-прежнему едва проливалась сквозь тучи.

— Сэр, — слышался голос рядом с ним, — я вижу, вы решили прогуляться...

Пакстон от страха подскочил.

— Славная ночь для прогулки, — спокойно продолжал тот же голос. — После дождя крутом все так чисто и свежо.

— Кто здесь? — вне себя от испуга спросил Пакстон.

— Это Петви, сэр. Петви — робот, сэр.

Пакстон издал нервный смешок:

— Ах да. Теперь припоминаю: противник Грэма.

Робот вышел из-под деревьев и двинулся вместе с ним по тропинке.

— Только подумать, что вы захотели взглянуть на поле боя!

— А что! — ухватился Пакстон за протянутую роботом соломинку. — Именно это я хочу сделать. Я никогда ни о чем подобном не слышал и, естественно, заинтригован.

— Сэр, — с готовностью произнес робот, — я весь в вашем распоряжении. Уверяю вас, никто лучше меня не сможет вам всего объяснить. Я с самого начала здесь, при мастере Грэме, и, если у вас есть вопросы, я охотно отвечу на них.

— Да, у меня есть один вопрос. Какова цель всей этой затеи?

— Ну, вначале, конечно, просто хотели развлечь подрастающего мальчугана. Но сейчас, с вашего позволения, сэр, я сказал бы, что дело куда важнее.

— Ты хочешь сказать, что это часть Продолжения?

— Ну да, сэр. Я понимаю естественное нежелание людей признаться в этом даже самим себе, но факт остается фактом: в истории человечества почти на всем ее протяжении война играла важную и разностороннюю роль. Пожалуй, ни одному из развитых им искусств Человек не уделил столько времени, внимания и денег, сколько он не пожалел уделить войне.

Тропинка пошла под откос, и в бледном, неверном свете луны проступил полигон.

— Не пойму, — сказал Пакстон, — временами мне кажется, что поле накрыто чем-то вроде чаши, а потом она пропадает...

— По-моему, это называется экранирующим прикрытием, сэр, — ответил Петви. — Его создали другие роботы. Насколько я понимаю, сэр, это не новшество — просто вариант прежних способов защиты. Насколько, конечно, усиленной.

— Но такого рода защита...

— Мы пользуемся ППБ — полностью переработанными бомбами. Их у нас очень много, и каждая из сторон применяет их по мере своих сил...

— Но вы не можете применять здесь ядерное оружие!

— Эти бомбы вроде игрушечных, сэр, — весело возразил Петви. — Они очень маленькие, почти как горошины, сэр. Критическая масса, как вы сами понимаете, ничтожна. И опасное действие радиации очень недолговременно, что-нибудь около часа...

— Ну, джентльмены, — мрачно заметил Пакстон, — вы явно стараетесь добиться полной реальности.

— Естественно. Однако операторы не подвергаются ни малейшей опасности. Мы примерно в таком же положении, как генеральный штаб. И это нормально, потому что цель всей затеи — сохранить искусство ведения войны.

— Но это искусство... — начал было Пакстон — и умолк.

Что он мог сказать? Если решено сберечь старую культуру, сберечь ее действенной и пригодной для Продолжения, значит, она должна быть сохранена целиком.

Война, надо признать, — такая же часть этой культуры, как и все другие характерные, в той или иной степени уникальные приметы именно человеческого культурного наследия, подлежащего консервации здесь для того, чтобы оказаться под рукой, когда придет время пустить его в ход.

— Конечно, в том, что мы делаем, есть определенная жестокость, — сознался Петви, — но для меня, сэр, как для робота она, пожалуй, чувствительнее, чем для человека. Ведь потери среди воюющих роботов колоссальные. Но при огромной концентрации огневой мощи на столь ограниченном пространстве это неизбежно.

— Ты хочешь сказать, что у вас есть войска, то есть что вы посылаете сюда роботов?

— Ну да. А как иначе пользоваться всем оружием? И потом, глупо ведь было бы разработать стратегию, а дальше...

— Но роботы...

— Они малюсенькие, сэр. Это необходимо хотя бы в интересах реальности. Мы стремимся создать иллюзию настоящего сражения, и потому все, чем мы оперируем, должно соответствовать масштабам поля боя. Наши войска комплектуются из самых примитивных роботов, наделенных только двумя особенностями: полным послушанием и стремлением к победе. При том массовом производстве, которое мы в своих мастерских наладили, мы не имеем возможности придавать роботам индивидуальность, да и все равно ведь...

— Да, да, понимаю. — Пакстон был несколько ошеломлен. — Однако сейчас мне, пожалуй...

— Но я ведь только еще начал объяснять, сэр, и ничего вам не показал. А здесь столько соображений, столько проблем.

Они подошли уже к самому краю насыпи, и Петви указал на ведущую вниз, на полигон, лестницу.

— Я хочу, чтобы вы увидели все своими глазами, сэр. — С этими словами он начал торопливо спускаться по ступенькам к закрытому щитом проему. — Здесь у нас единственный вход на полигон. Через него мы в периоды перемирия посылаем вниз свежие войска и боеприпасы или проникаем, чтобы немного убрать поле.

Он нажал на кнопку с одной стороны щита, и тот бесшумно пополз вверх.

— Сейчас здесь беспорядок, потому что мы уже несколько недель сражаемся, — пояснил робот.

Через проем Пакстон увидел развороченную землю со всеми красноречивыми следами недавней битвы. Вид этого зрелища подействовал на него, точно удар под ложечку. У него перехватило дыхание и закружилась голова; его едва не стошнило. Он оперся рукой о стенку траншеи, чтобы не упасть.

Петви нажал другую кнопку, и щит соскользнул вниз.

— Это только поначалу тяжело, — робот словно бы извинялся. — Но со временем привыкаешь.

Пакстон медленно перевел дух и огляделся. Проем был шире самой траншеи, и подножие лестницы имело форму буквы «Т». Пакстон увидел, что здесь прорублены узкие бойницы.

— Вы пришли в себя, сэр?

— Вполне, — с усилием отозвался Пакстон.

— А сейчас, — весело пообещал Петви, — я объясню вам, как ведется огонь и как работает контрольная установка.

Он засеменил вверх по лестнице. Пакстон шел следом.

— Боюсь, это дело затянется, — сказал он.

Но робот отмел возражение:

— Раз вы уже здесь, сэр, вы непременно должны все увидеть. — Тон его был умоляющим. — Вы не можете так уйти.

Я должен спешить, говорил себе Пакстон. Я не могу задерживаться. Как только епископ убедится, что все уснули, он пустится в погоню. Мне к этому времени надо уже быть далеко.

Петви в обход поля добрался до наблюдательного пункта, на котором Пакстон вечером побывал.

— Прошу вас, сэр, — робот указал на веревочную лестницу.

Пакстон, чуть поколебавшись, быстро залез наверх.

Авось мы тут не застрянем надолго, подумал он, не желая быть слишком резким с роботом.

Петви промывнул в темноте мимо Пакстона и склонился к приборной доске. Щелкнул тумблер; панель осветилась.

— Вот здесь схематически отражается все, что происходит на поле. Сейчас экран пуст, конечно, — поле ведь тоже неподвижно. Но во время боевых действий вы получаете абсолютно точное представление о ходе дел. А вот эта панель служит для корректировки артиллерийского огня, следующая — для отдачи команд войскам, эта панель... — увлеченно объяснял робот.

Отвернувшись наконец от приборной доски, он гордо посмотрел на Пакстона и, явно напрашиваясь на похвалу, спросил:

— Ну, как ваше мнение?

— Замечательно. — Пакстон готов был сейчас подтвердить что угодно, лишь бы побыстрее вырваться.

— Загляните сюда завтра, и вы увидите нас за делом.

И вот тут Пакстона осенило.

4

— Вообще-то, — сказал он, — я и сам охотно потренировался бы. В юности я почитывал военные труды

и, хоть это, может, и нескромно с моей стороны, считал себя в некотором роде знатоком военного дела.

— Сэр! — Петви пришел в восторг. — Вы хотите попробовать?

— Если не возражаешь.

— Вы уверены, что сможете пользоваться пультом?

— Я очень внимательно слушал твои объяснения.

— Дайте мне пятнадцать минут. Как только я доберусь на свой пункт, я подам сигнал. После этого каждый из нас может в любой момент начинать атаку.

— Пятнадцать минут?

— Может, я уложусь и быстрее. Я буду стараться.

— А тебя все это не слишком затруднит?

— Сэр, — с чувством сказал Петви, — я буду только рад. Мы с мастером Грэмом уже насквозь изучили друг друга, и это становится неинтересным. Сами понимаете, сэр, скучно воевать все время с одним и тем же противником.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Пакстон.

Он выждал, пока Петви спустится и отойдет подальше, а затем спустился и сам.

Тут почти рассосались, луна светила ярче, и на открытом пространстве можно было теперь довольно легко ориентироваться. Однако густой лес по-прежнему тонул в темноте.

Выходя на тропинку, Пакстон заметил какое-то шевеление в кустах. Он быстро спрятался под дерево и стал ждать.

Вот снова промелькнула чья-то тень, а затем Пакстон увидел епископа. И тут у него неожиданно возникла идея: кажется, появилась возможность окончательно разделаться с врагом.

Епископ прилетел, когда было уже совсем темно и шел дождь. Полигона он наверняка не заметил. Правда, он может увидеть его сейчас, но едва ли догадается о его назначении.

Пакстон восстановил в памяти разговор, который велся после появления епископа. О Грэме и его военных забавах тогда уже как будто не говорили.

Попытка, решил Пакстон, не пытка. Даже если дело не выгорит, я потеряю лишь несколько минут.

Он бросился назад к полигону. Достигнув насыпи, он прижался к земле и оглянулся: епископ крадучись шел следом за ним.

До сих пор все развивалось по плану.

Пакстон нарочно пошевелился, чтобы обнаружить себя, а затем стал спускаться по ступенькам к закрытому щитом проему.

Он нажал кнопку, поднял щит и отступил к бойницам.

Епископ медленно, соблюдая осторожность, подошел к проему и постоял, вглядываясь в развороченное поле. В руке он держал отвратительный, холодящий душу пистолет.

Пакстон, стараясь не дышать, плотнее прижался к земляному валу, но епископ даже не обернулся.

Немного постояв, он ринулся через проем на полигон. Слышно было, как шуршит его шелковый наряд.

Пакстон не двигался, пока епископ не отошел на достаточно большое расстояние, и только затем нажал пальцем другую кнопку. Щит тихо, медленно опустился.

Пакстон наконец облегченно перевел дух.

Все кончилось.

Хантер просчитался.

Пакстон неторопливо стал подниматься по ступенькам.

Ему незачем было больше спешить.

Он мог просто остаться у Нельсона, пока тот либо сам отправит его дальше, либо поможет организовать переезд в надежное место. Хантеру не могло быть известно, какой из посланных им убийц напал на след противника. У епископа не было до сих пор возможности связаться со своими, да он, верно, и не решился бы.

Уже на самом верху Пакстон споткнулся и кубарем покатился с лестницы, и тут раздался оглушительный взрыв, потрясший, казалось, Вселенную и ударом отдавшийся в его, Пакстона, мозгу.

Ошеломленный, он встал на четвереньки и, превозмогая боль, из последних сил потащился вниз, а сквозь треск и грохот настойчиво пробивалась одна-единственная мысль:

Я ДОЛЖЕН ВЫТАЩИТЬ ЕГО ОТСЮДА, ПОКА НЕ ПОЗДНО! Я НЕ МОГУ БРОСИТЬ ЕГО НА ВЕРНУЮ СМЕРТЬ! Я НЕ МОГУ УБИТЬ ЧЕЛОВЕКА!

Он слез с лестницы и продолжал ползти, пока не застрял в узком проходе.

И не слышно было орудийного огня, не рвались снаряды, не было тошнотворного стрекотания пулемета.

На небе ярко светила луна, а вокруг царила умиротворенная тишина — как на кладбище.

Только смерть, с оттенком мистического ужаса подумал он, здесь не тихая. Она обрушивается на человека, убийственно страшная, сводящая с ума; тишина приходит потом, когда все уже кончено.

При падении он ушиб голову и теперь понимал, что треск и грохот, которые так потрясли его, раздались только в его мозгу. Но с минуты на минуту Петви начнет атаку, и тишина нарушится, и поздно будет что-либо предпринимать.

А из глубин сознания возник вдруг внутренний голос, сердитый, язвительный, насмехающийся над глупым добросердечием.

Вопрос, говорил этот внутренний голос, стоит так: либо ты, либо он. Ты боролся за свою жизнь единственным доступным тебе способом. И любые твои действия оправданны.

— Я не могу этого сделать! — вскричал Пакстон, и все же он знал, что не прав, что поступает неразумно, что внутренний голос не напрасно издевается над его нелогичностью.

Он встал на ноги и, пошатываясь, побрел вниз. Голова у него раскалывалась, горло сжимал страх, но неопределенное, безотчетное побуждение, пересилившее страх, рассудок и боль, гнало его вперед.

Он дошел до щита, нажал на кнопку и через открывшийся проем выбрался на полигон, застыв от ужаса, потрясенный одиночеством и заброшенностью, которыми веяло от этой квадратной мили пространства, отгороженного от всей остальной Земли, точно место последнего, окончательного суда.

А может быть, так оно и есть, подумал он: место, где вершится суд над Человеком.

Юный Грэм, возможно, единственный из всех нас по-настоящему честен. Он истинный варвар, как называет его дедя; он не лицемерит; он видит наше прошлое таким, каким оно было в действительности, и живет по его законам.

Пакстон мельком оглянулся и увидел, что проем закрыт. А впереди, по искромсанному, исковерканному, перепаханному полю брела одинокая фигура — это мог быть только епископ.

Пакстон с криком побежал к нему, а епископ обернулся и стал поднимать руку с пистолетом.

Пакстон остановился, отчаянно жестикулируя. Пистолет поднялся выше, из его дула вырвалось голубоватое облачко, и в тот же миг Пакстона словно полоснуло по шее, и он почувствовал на коже теплую влагу.

Отскочив в сторону, он бросился на землю, ударился и пополз к ближайшей воронке. Терзаемый страхом и унижением, он забрался в нее, весь кипя от гнева и ярости.

Он пришел спасти человека, а тот едва не убил его!

Я должен был бросить его здесь, подумал он.

Я должен был оставить его умирать.

Я убил бы его собственными руками, если бы мог.

Впрочем, теперь он действительно должен был убить епископа. Убить его либо самому быть убитым — иного выбора не было.

И не просто убить, но убить как можно быстрее. Пятнадцать минут, о которых говорил Петви, истекали, и надо было успеть покончить с епископом и выбраться отсюда прежде, чем Петви откроет огонь.

А можно ли отсюда выбраться? — подумал Пакстон. Если бежать, пригнувшись и петляя, есть ли надежда вернуться от пуль епископа?

Вот так и надо сделать. Не тратить времени на убийство, если только епископ не вынудит его к этому, а просто бежать. Епископа пусть убивает Петви.

Он поднес руку к шее, и пальцы его сделались липкими. Странно, подумал он, странно, что я не чувствую боли. Наверняка боль придет потом.

Он осторожно выбрался из воронки и, перекатившись через ее край, очутился в куче металла — всего, что осталось от воюющих роботов.

А прямо перед ним тускло поблескивало в лунном свете новехонькое, без единой царапинки ружье, выпавшее, должно быть, из рук погибшего робота.

Пакстон потянулся к ружью и в этот миг увидел епископа, который был уже совсем близко: шел убедиться, что прикончил его, Пакстона!

Бежать было поздно и — странное дело — не хотелось. Пакстон никогда еще не питал ни к кому настоящей ненависти, он даже не знал до сих пор, что это такое, но теперь он узнал это, теперь его обуяла дикая

ненависть, теперь он был способен на убийство — на убийство без пощады, без жалости.

Он поднял ружье, его палец судорожно обхватил курок; из дула вырвалось пламя, раздался громкий треск.

Но епископ все шел, все приближался; он не бежал, он шел большим, размеренным шагом, чуть подавшись вперед, как будто его тело вобрало в себя смертоносный огонь, но смерть отступила перед волей, перед желанием убить противника.

Пистолет епископа взметнулся, и что-то ударило Пакстона в грудь, раз, другой, третий, и по телу его заструилась какая-то жидкость, а в сознании вдруг пронеслось: что-то здесь не так.

Потому что не могут двое людей с расстояния в дюжину футов палить и палить друг в друга, оставаясь при этом на ногах. Как бы плохо оба они ни стреляли, это невозможно.

Пакстон выпрямился во весь рост и опустил бесполезное ружье. А в нескольких шагах от него остановился епископ, отбросив пистолет.

Они стояли, глядя друг на друга в бледном свете луны, а гнев их таял и улетучивался, и на душе у Пакстона было противно.

— Пакстон, — тупо спросил епископ, — кто сотворил это с нами?

И было странно слышать его слова, как если бы он спросил: кто помешал нам убить друг друга?

На какую-то долю секунды Пакстон подумал, что, может быть, правильнее было бы не мешать им совершить убийство. Потому что некогда убийство почиталось доблестью, доказательством силы и мужества, может быть, даже доказательством права именоваться человеком.

Но им двоим не позволили убить друг друга.

Потому что нельзя убить, стреляя из пугача пластмассовыми пулями, наполненными похожей на кровь жидкостью. И нельзя убить, стреляя из ружья, которое с грохотом выплескивает какое-то подобие дыма и пламени, но заряжено холостыми патронами.

А может быть, и все это поле игрушечное? И роботы, в самые трагические моменты распадающиеся на части, будут собраны потом вновь и опять примут участие в игрушечной войне? И не является ли игрушкой вся эта

артиллерия, все эти полностью переработанные бомбы, извергающие пламя и даже способные перепахать землю, но ни для кого по-настоящему не опасные?

Епископ сказал:

— Я чувствую себя последним дураком, Пакстон, — и добавил еще несколько слов, которых никогда не произнес бы настоящий епископ, даже если бы захотел сказать, каким дураком он себя чувствует.

— Пойдемте отсюда, — сказал Пакстон, чувствуя себя примерно так же, как епископ.

— Я не понимаю...

— Забудем об этом, — гаркнул Пакстон. — Главное сейчас убраться отсюда. Петви откроет...

Но он не закончил фразы, вдруг поняв, что даже если Петви откроет огонь, ничего страшного не произойдет. И не откроет Петви никакого огня, потому что он знает, конечно, что они здесь.

Как кибер, надзирающий за расшалившимися детьми, он не препятствует их забавам, не вмешивается, пока они не подвергают себя угрозе утонуть, или свалиться с крыши, или еще какой-нибудь опасности. А затем вмешивается ровно настолько, насколько это необходимо, чтобы не позволить им сломать себе шею. Может быть, он даже поощряет их шалости, чтобы они могли разрядиться, найти выход своей энергии — в чисто человеческом стиле подменить реальность игрой.

Как кибер, надзирающий за расшалившимися детьми, не препятствующий им воображать себя кем угодно, задаваться и важничать.

Пакстон направился к выходу с полигона, епископ в своем замызганном одеянии поплелся следом за Пакстоном.

Когда они были в сотне футах от проема, щит пополз вверх, а возле него стоял Петви, ожидая, когда они подойдут, и выглядел он, как и прежде, но все-таки чуть как будто значительнее.

Они подошли к проему и смущенно выбрались наружу, не глядя по сторонам и притворяясь, что не замечают Петви.

— Джентльмены, — спросил он, — не желаете ли поиграть?

— Нет, — сказал Пакстон. — Нет, спасибо. Я не берусь говорить за нас обоих...

— Можете говорить за обоих, дружище, — вмешался епископ. — Продолжайте!

— Мой друг и я вдоволь наигрались, — сказал Пакстон. — А ты молодец, что подстраховал нас, не дал нам поранить друг друга.

Цетви прикинулся удивленным.

— Но почему здесь должны быть несчастные случаи? Это ведь только игра.

— Так мы и поняли. Куда нам идти теперь?

— Ну, — сказал робот, — куда угодно, только не назад.

ОДНАЖДЫ НА МЕРКУРИИ

Старый Крипи сидел в контрольном отсеке и вдохновенно пиликал на визжащей скрипке. Вокруг Меркурианского Силового Центра, на опаленной солнцем равнине, Цветные Шары, подхватив настроение Крипи, обратились в жителей гор и скакали в неуклюжей кадрили. Кошка Матильда сидела в холодильнике, сердито смотрела на пластины замороженного мяса, висевшие у нее над головой, и нежно мяукала. В кабинете над фотоэлементной камерой — центром станции — Курт Крейг с раздражением глядел через стол на Нормана Пейджа. За сотню миль от них Кнут Андерсон, облаченный в громоздкий защитный космический костюм, настороженно следил за вихревым искажением пространства.

У Крейга неожиданно ожила линия связи. Он повернулся на стуле, снял трубку и буркнул в телефон что-то невнятное.

— Шеф, это Кнут. — Излучения искажали голос, делали его расплывчатым.

— Ну, как? — прокричал Крейг. — Нашли что-нибудь?

— Да, очень большое, — ответил голос Кнута.

— Где?

— Даю координаты.

Крейг схватил карандаш и стал быстро записывать; голос в трубке шипел и трещал.

— Такого огромного еще не бывало, — проскрипел голос. — Все дьявольски закручено. Приборы полетели к черту.

— Придется шарахнуть по нему снарядом, — возбужденно сказал Крейг. — Уйдет, конечно, уйма энергии, но ничего не поделаешь. Если эта штука придет в движение...

Голос Кнута шипел, трещал и расплывался в пространстве, Крейг не мог разобрать ни слова.

— Возвращайтесь немедленно обратно! — заорал он. — Там опасно. Не подходите близко...

До него донесся голос Кнута, заглушаемый воем поврежденной линии связи.

— Тут еще кое-что есть, чертовски забавное...

Голос умолк.

Крейг закричал в микрофон:

— В чем дело, Кнут? Что забавное?

Он замолчал, потому что внезапно шипение, треск и свист прекратились. Крейг протянул левую руку к пульта управления и нажал рычаг. Пульт загудел от притока колоссальной энергии. Чтобы поддерживать связь на Меркурии, требовалась гигантская энергия. Ответного сигнала не последовало, связь не восстановилась.

Что-то там стряслось.

Побледевший Крейг встал, глядя через иллюминатор со светофильтром на серую равнину. Беспокоиться еще рано. Пока рано. Надо подождать, когда Кнут вернется. Это будет скоро. Ведь он приказал ему возвращаться немедленно, а эти вездеходы гоняют шустро. А если Кнут не вернется? Что если пространственный вихрь сдвинулся с места? Кнут сказал, что такого громадного еще не бывало. Правда, встречаются эти штуки часто, все время держи ухо востро, но обычно они не так уж велики, чтобы стоило волноваться. Просто небольшие искажения, вихри там, где пространственно-временной континуум колеблется, раздумывая, в какую сторону качнуться. Не столько опасно, сколько мешает. Надо быть осторожным и постараться не въехать в него, вот и все. Но если крупное завихрение начнет двигаться, оно может поглотить даже Станцию.

Шары, все еще в виде горцев с земных холмов, отдыхали после трудового дня; шаркая ногами, они поднимали пыль, подпрыгивали и размахивали руками. В них было что-то нелепое — точно плясали пугала.

Равнины Меркурия простирались до самого горизонта — равнины с клубящейся пылью. Ярко-синее Солнце казалось чудовищным на фоне мрачно-черного неба; алые языки пламени рвались из него, извиваясь, словно щупальца. Меркурий находился ближе к Солнцу, чем другие планеты, на расстоянии всего лишь двадцати девяти миллионов миль. Поэтому, вероятно, и рождались искажения — из-за близости к Солнцу и появления на нем пятен. А впрочем, солнечные пятна могли и не иметь к этому никакого отношения. Кто знает?

Крейг вспомнил про Пейджа, только когда тот кашлянул. Крейг вернулся к столу.

— Надеюсь, — проговорил Пейдж, — вы передумали. Мой план значит для меня очень много.

Крейга внезапно охватил гнев: до чего навязчивый тип.

— Я вам уже ответил, — отрезал он. — И хватит. Своих решений я не меняю.

— Не понимаю, почему вы против, — не отставал Пейдж. — В конце концов, эти Цветные Шары...

— Не дам я ловить Шары, — оборвал его Крейг. — Ваш план просто безумие, это вам любой скажет.

— Ваше отношение меня удивляет, — настаивал Пейдж. — В Вашингтоне меня уверяли...

— Плевать мне на Вашингтон, — заорал Крейг. — Вы отправитесь обратно, как только прибудет корабль с кислородом. И отправитесь без всяких Шаров.

— Кому от этого вред? А я готов заплатить за все услуги.

Крейг не обратил внимания на предложенную взятку.

— Попробую объяснить вам еще раз, — он настаивал на Пейджа карандаш. — Я хочу, чтобы вы наконец поняли: Цветные Шары — уроженцы Меркурия. Они первые появились здесь. Они жили здесь, когда пришли люди, и наверняка останутся на Меркурии после того, как люди покинут его. Они не трогают нас, а мы не трогаем их. Мы оставляем их в покое по одной дьяволь-

ски простой причине: мы их боимся, мы не знаем, на что они способны, если их растревожить.

Пейдж открыл было рот, чтобы возразить, но Крейг жестом остановил его:

— Организм у них представляет собой сгусток чистой энергии; они черпают энергию Солнца, как вы и я. Только мы получаем ее окольным путем, в результате химических процессов, а они — прямо от Солнца. Благодаря этому они мощнее нас. Вот почти и все, что можно о них сказать. Больше мы ничего не знаем, хоть и наблюдаем за ними уже пятьсот лет.

— Вы полагаете, это разумные существа? — с насмешкой спросил Пейдж.

— А почему бы и нет? — повысил голос Крейг. — Думаете, если человек не может с ними общаться, так у них нет разума? Да просто им этого не очень хочется. Быть может, их мышление не имеет ничего общего с человеческим. А может, они считают человека существом низшей расы и просто не желают тратить на нас время.

— Вы с ума сошли! — воскликнул Пейдж. — Ведь они тоже наблюдали за нами все эти годы. Они видели, что мы умеем делать. Они видели наши космические корабли. Видели, как мы построили Станцию. Видели, как мы посылаем энергию на другие планеты, отстоящие на миллионы миль от Меркурия.

— Верно, — согласился Крейг, — они все видели. Но произвело ли это на них впечатление? Откуда у вас такая уверенность? Человек считает себя великим строителем. Станете ли вы лезть из кожи, чтобы поговорить с муравьем, с ласточкой, с осой? Держу пари, что нет. А ведь они все тоже великие строители.

Пейдж сердито заерзал в кресле.

— Если они находятся на более высоком уровне развития, — фыркнул он, — где те вещи, которые они создали? Где их города, машины, цивилизация?

— А может быть, — предположил Крейг, — они на тысячелетия переросли машины и города? Может быть, они достигли той ступени цивилизации, когда механизмы больше не нужны?

Он постучал карандашом по столу.

— Послушайте. Шары бессмертны. Это несомненно. Ничто не может их убить. Как видите, они не имеют тела — это просто сгустки энергии. Так они приспособо-

бились к среде. И вы еще имеете наглость думать, что поймаете кого-нибудь? Ровно ничего о них не зная, вы хотите привезти их на Землю и показывать в цирке или вместо придорожной рекламы на обозрение зевакам!

— Но люди специально прилетают сюда посмотреть на Шары, — возразил Пейдж. — Вы же знаете. Туристическое бюро рекламирует их всюю.

— Это другое дело. Здесь они у себя дома и могут вытворять что угодно, нам до этого нет дела. Но вывести их отсюда и демонстрировать на Земле невозможно. Это повлекло бы за собой кучу неприятностей.

— Но если они так чертовски умны, — выпалил Пейдж, — то чего ради так кривляются? Не успеешь о чем-нибудь подумать — готово, они уже изображают твою мысль. Величайшие мимы в Солнечной системе. И ничего-то у них не получается правильно — все вкривь и вкось. В чем тут штука?

— Ничего удивительного, — отозвался Крейг. — В человеческом мозгу не рождается четко оформленных мыслей. А Цветные Шары их в таком виде улавливают и тут же воплощают. Думая о чем-нибудь, вы не даете себе труда разрабатывать мысли детально — они у вас обрывочны. Ну, так чего же вы хотите от Шаров? Они подбирают то, что вы им даете, и заполняют пробелы по своему разумению. Вот и получается, что стоит вам подумать о верблюдах — и к вашим услугам верблюды с развевающимися гривами, верблюды с четырьмя и пятью горбами, верблюды с рогами — бесконечная вереница дурацких верблюдов.

Он раздраженно бросил карандаш.

— И не воображайте, что Цветные Шары делают это для нашего развлечения. Скорее всего они думают, что это мы имеем намерение их позабавить. И они забавляются. Может, они и терпят-то нас здесь только потому, что у нас такие забавные мысли. Когда люди впервые тут появились, здешние обитатели выглядели просто как разноцветные воздушные шары, катавшиеся по поверхности Меркурия. Их так и называли — Цветные Шары. Но потом они перебивали всем, о чем только думает человек.

Пейдж вскочил.

— Я сообщу о вашем поведении в Вашингтон, капитан Крейг.

— Черт с вами, сообщайте, — рявкнул Крейг. — Вы, кажется, забыли, где находитесь. Вы не на Земле, где взятки, подхалимство и насилие дают человеку почти все, что он пожелает. Вы в Силовом Центре на солнечной стороне Меркурия. Это — главный источник энергии, снабжающий все планеты. Если Станция испортится, если поток энергии прервется, то в Солнечной системе все полетит вверх тормашками.

Он с силой стукнул по столу.

— Здесь команду я, и вы будете подчиняться мне, как все остальные. Мое дело следить за работой станции, за регулярной подачей энергии на другие планеты. Я не позволю, чтобы какой-то невежда и высочка путался у меня под ногами. Пока я здесь, никто не посмеет тревожить Цветные Шары. У нас и без того достаточно забот.

Пейдж двинулся к двери, но Крейг остановил его.

— Хочу предупредить вас, — мягко сказал он. — На вашем месте я бы не стал выкрадывать вездеход — ни чужой, ни свой. После каждой поездки кислородный баллон вынимается из машины и запирается в стойку. Единственный ключ от стойки — у меня.

Он пристально посмотрел в глаза Пейджу и продолжил:

— В машине, конечно, остается немного кислорода. Его хватит примерно на полчаса, а может, и того меньше. Но не больше. Не очень-то приятно быть застигнутым врасплох. Около одной из станций Сумеречного пояса на днях нашли одного такого парня.

Пейдж вышел, хлопнув дверью.

Шары перестали плясать и лениво катались по равнине. Время от времени один из них принимал форму какого-нибудь предмета, но делал это вяло, нерешительно и тотчас же возвращался в прежнее состояние.

Должно быть, Криви отложил скрипку, подумал Крейг. Наверно, делает обход, проверяет, все ли в порядке. Вряд ли может что-нибудь произойти. Станция работает автоматически, от человека требуется минимум внимания.

Контрольный отсек был полон пощелкивающих, потрескивающих, звякающих, булькающих приборов — они направляли поток энергии в район Сумеречного пояса к подстанциям, которые передавали его дальше

на кольцевую линию вокруг других планет. Стоит одному прибору сплеховать, стоит потоку отклониться в пространстве на какую-то долю градуса, и... Крейг содрогнулся, представив себе, как энергетический луч устрашающей силы врзается в планету, в город. Но система не может подвести, никогда этого не было и не будет. Она абсолютно надежна. Давно прошло то время, когда Меркурий посылал в другие миры огромные партии аккумуляторов энергии на грузовых космических кораблях.

Да, это была действительно свободная энергия, неиссякаемая, неистощимая; ее передавали на расстояния в миллионы миль лучевым способом Аддисона. Энергию получали фермы на Венере, шахты на Марсе, химические заводы и лаборатории холода на Плутоне.

Крейг услышал тяжелые шаги Крипи на лестнице и обернулся к двери, как раз когда старик входил в комнату.

— Земля только что обогнула Солнце, — сказал тот. — Станция на Венере приняла добавочный импульс.

Крейг кивнул: все идет по заведенному порядку. Как только Солнце заслоняет от Меркурия какую-нибудь планету, ближайшая подстанция на ближайшей незатененной планете берет добавочную энергию и передает ее на затененную.

Крейг поднялся и, подойдя к иллюминатору, стал смотреть на пыльные равнины. На горизонте появилась точка — она быстро приближалась по мертвой серой пустыне.

— Кнут! — воскликнул он.

Крипи заковылял к двери:

— Пойду встречу его. Мы с ним уговорились сыграть сегодня партию в шахматы.

— Сначала, — сказал Крейг, — пусть зайдет ко мне.

— Ладно, — ответил Крипи.

...Крейгу никак не удавалось заснуть. Что-то тревожило его. Что-то неопределенное, так как никаких причин беспокоиться не было. Локатор показывал, что большое завихрение движется очень медленно, по несколько футов в час, и к тому же в обратном от станции направлении. Других опасных завихрений обнаружено

не было. Как будто бы все в порядке. И в то же время разные мелочи — смутные подозрения, догадки — не давали покоя. Вот, например, Кнут. Он был такой же, как всегда, но, разговаривая с ним, Крейг испытывал какое-то непонятное чувство. Он бы даже сказал — неприятное: мурашки бегали у него по спине, волосы на голове вставали дыбом. И в то же время ничего определенного.

А тут еще этот Пейдж. Проклятый дурак, чего доброго, и в самом деле удерет ловить Шары, и тогда неприятностей не оберешься. Странно, каким образом у Кнута испортились сразу обе рации — и в костюме, и в машине. Кнут не мог объяснить, как это произошло, даже и не пытался. Просто пожал плечами. Мало ли что бывает на Меркурии.

Крейг отказался от попыток заснуть. Он всунул ноги в шлепанцы, побрел к иллюминатору, поднял штору и выглянул наружу. Цветные Шары по-прежнему катались в пыли. Внезапно один из них превратился в громадную бутылку виски, она поднялась в воздух, перевернулась — жидкость полилась на землю. Крейг хихикнул: старина Крипи мечтает выпить.

Раздался осторожный стук в дверь. Крейг резко обернулся. Мгновение он стоял, затаив дыхание, и прислушивался, словно ожидая нападения. Затем тихо рассмеялся. Чуть не свалял дурака. Все нервы. Выпить-то не мешало бы ему. Снова стук, осторожный, но более настойчивый.

— Войдите.

Крипи бочком вошел в комнату.

— Так я и думал, что вы не спите, — сказал он.

— Что случилось, Крипи? — Крейг почувствовал, что снова весь напрягся. Нервы ни к черту не годятся.

Крипи подвинулся ближе.

— Кнут, — прошептал он. — Кнут выиграл у меня в шахматы. Шесть раз подряд, не дал мне ни одного шанса отыграться.

В комнате раздался хохот Крейга.

— Но прежде-то я выигрывал без труда, — настаивал старик. — Я даже нарочно давал ему иногда выиграть, чтобы он не заскучал и не бросил совсем играть. Сегодня вечером я как раз приготовился задать ему трепку, и вдруг...

Крипи нахмурился, усы его вздрогнули.

— И это еще не все, черт побери. Я как-то чувствую, что Кнут изменился...

Крейг подошел вплотную к старику и взял его за плечи.

— Я понимаю, — сказал он. — Очень хорошо понимаю, что вы чувствуете. — Опять он вспомнил, как волосы шевелились у него на голове, когда он недавно разговаривал с Кнутом.

Крипи кивнул, бледные глаза его мигнули, кадык дернулся.

Крейг повернулся на каблуках и начал стаскивать пижаму.

— Крипи, — резко произнес он, — сейчас же берите револьвер, спускайтесь в отсек управления и запритесь там. Никуда не выходите, пока я не вернусь. И не впускайте никого.

Он пристально посмотрел на старика:

— Вы понимаете? Ни-ко-го! Если вас вынудят — стреляйте. Но смотрите, чтобы никто не дотрагивался до рычагов.

Крипи вытаращил глаза и сглотнул слюну.

— А что, будут неприятности? — спросил он дрожащим голосом.

— Не знаю, — отрезал Крейг, — но хочу знать.

Внизу, в ангаре, Крейг сердито глядел на пустое место, где должна была стоять машина Пейджа. Вездеход исчез! Вне себя от злости Крейг подошел к баллонам с кислородом. Замок стойки не был поврежден. Он вставил ключ. Крышка отскочила: все баллоны на месте, стоят рядом, прикреплены к перезарядной установке. Не веря своим глазам, Крейг стоял и смотрел на баллоны.

Все на месте! Значит, Пейдж отправился без достаточного запаса кислорода. Это означает, что он погибнет мучительной смертью в пустынях Меркурия.

Крейг повернулся, чтобы идти, но вдруг остановился. Нет никакого смысла преследовать Пейджа, мелькнуло у него в голове. Этот болван, наверно, уже мертв. Самоубийство — иначе не назовешь его поступок. Настоящее самоубийство. И ведь он предупреждал Пейджа! Ему, Крейгу, предстоит работа. Что-то случилось там, около пространственного вихря. Он должен утихомирить мучительные подозрения, копошащиеся у него в мозгу. Кое в чем надо убедиться. Ему некогда пресле-

довать покойников. Проклятый дурак, самоубийца. Он просто спятил — вообразил, что поймает Цветной Шар...

Крейг выключил линию, с яростью закрутил вентиль, отсоединил баллон и с трудом вытащил его из стойки.

Когда он направился через ангар к машине, кошка Матильда сбежала по сходам вниз и сразу же сунулась ему под ноги. Крейг споткнулся, чуть не упал, но с большим трудом устоял и выругался с тем красноречием, которое достигается долгой тренировкой.

— Мя-я-у, — общительно отозвалась Матильда.

Есть что-то нереальное в солнечной стороне Меркурия, и это скорее ощущаешь, чем видишь. Солнце оттуда кажется в десять раз больше, чем с Земли, а термометр никогда не показывает ниже 650 градусов по Фаренгейту. В этой чудовищной жаре люди вынуждены носить скафандры с фотоэлементной защитой, ездить в фотоэлементных машинах и жить на Силовой Станции, которая сама есть не что иное, как мощный фотоэлемент. Электрической энергией можно управлять, но жара и излучения почти не поддаются контролю. Скалы и почва рассыпаются там в пыль, исхлестанные бичами жары и излучений. А горизонт совсем близко, всегда перед глазами, словно видимый край света.

Но не это делает планету такой странной. Странность скорее в неестественном искажении всех линий, искажении, которое трудно уловить. Быть может, ощущение неестественности вызвано тем, что близость грандиозной массы Солнца делает невозможным существование прямой линии, она искривляет магнитные поля и будоражит самую структуру космического пространства.

Крейг все время ощущал эту неестественность, пока мчался по пыльной равнине. Вездеход зашлепал по жидкой лужице, с шипением разбрызгивая не то расплавленный свинец, не то олово. Однако Крейг не заметил этого: в мозгу его громоздились сотни несвязных мыслей. Глаза, окаймленные сетью морщинок, следили через прозрачный щит за углублениями, оставленными машиной Кнута. Баллон с кислородом тихонько свистел, воздушный генератор потрескивал. Но вокруг было тихо.

Оглядевшись, Крейг заметил, что за ним как будто следует большой синий Шар, но скоро забыл о нем. Он взглянул на картину с нанесенными на нее координатами завихрения. Осталось всего несколько миль. Он уже почти на месте...

С виду никаких признаков вихря не было, хотя приборы нащупали его и нанесли на карту, когда Крейг приблизился к нему. Быть может, если встать под прямым углом к завихрению, различить слабое мерцание, колебание, как будто смотришь в волнистое зеркало. Но, пожалуй, больше ничто не указывало на присутствие вихря. Непонятно, где он начинался, где кончался. Нетрудно было войти в него даже с прибором в руке.

Крейг вздрогнул, вспомнив о первых межпланетниках, которые попадали в такие завихрения. Отважные астронавты дерзали приземляться на солнечной стороне, осмеливались путешествовать в космических костюмах старого образца. Почти все они погибали, испепеленные излучениями, буквально сваривались. Некоторые уходили в сторону равнин и исчезали. Они входили в облако и словно растворялись в воздухе. Хотя воздуха-то, собственно, никакого и не было — не было вот уже много миллионов лет. На этой планете все свободные элементы давным-давно исчезли. Все оставшиеся элементы, кроме разве тех, что залегали глубоко под грунтом, были так прочно связаны в соединениях, что невозможно было высвободить их в достаточных количествах. По этой же причине жидкий воздух доставлялся с Венеры.

Следы, оставленные машиной Кнута в пыли и на камнях, были очень отчетливы — сбиться с дороги было трудно. Вездеход немного подскочил вверх, потом нырнул в небольшую впадину. И в центре впадины Крейг увидел причудливую игру света и темноты, как будто глядел в кривое зеркало.

Вот оно — пространственное завихрение!

Крейг посмотрел на приборы — у него захватило дух. Да, это величина! Продолжая ехать по следам Кнута, Крейг скользнул во впадину, все приближаясь к тому зыбкому, почти невидимому пятну, которое было завихрением. Тут машина Кнута остановилась. Кнут, очевидно, вышел из нее и поднес приборы поближе; его следы пробороzdили мелкую пыль. Вот он вернулся обратно... остановился, снова пошел. И там...

Крейг резко затормозил, с ужасом глядя сквозь прозрачный щит. Пульс бешено застучал у него в горле. Он спрыгнул с сиденья и поспешно стал натягивать космический костюм. Выйдя из машины, он направился к темной груде, лежавшей на земле. Он медленно подступал ближе, ближе, и страх тисками сжимал ему сердце. Наконец Крейг остановился. Жар и излучения сделали свое дело: сморщили, высушили, разрушили — но сомнений быть не могло. С земли на него смотрело мертвое лицо Кнута Андерсона!

Крейг выпрямился и огляделся вокруг. Цветные Шары танцевали на холмах, кружились, толкались — молчаливые свидетели его страшного открытия. Один из них, синий Шар, который был крупнее остальных, последовал за машиной во впадину; сейчас он беспокойно раскачивался метрах в пятнадцати от Крейга.

Кнут сказал: «Кое-что забавное». Он прокричал эти слова, голос его трещал и колебался, искажаемый мощными излучениями. А Кнут ли это был? Может, он уже умер, когда Крейг получил послание?

Крейг оглянулся. Кровь стучала у него в висках. Не Шары ли виноваты в смерти Кнута? А если так, то почему они не трогают его, Крейга? Вон сотни их пляшут на холме. Если это Кнут лежит здесь, вглядываясь мертвыми глазами в черноту пространства, то кто же тот, другой, вернувшийся назад?

Значит, Шары выдают себя за людей. Возможно ли это? Они, конечно, превосходные мимы, но не настолько. В их подражании всегда что-то не так, всегда есть что-то нелепое и фальшивое. Ему припомнились глаза Кнута, возвратившегося в Центр, — их холодный пустой взгляд, какой бывает у безжалостных людей. От этого взгляда у Крейга по спине и забегали мурашки. И этот Кнут, который прежде так плохо играл в шахматы, выиграл шесть раз подряд.

Крейг снова оглянулся на машину. Цветные Шары по-прежнему плясали на холмах, но большой синий Шар исчез. Какое-то неуловимое неприятное ощущение заставило Крейга обернуться и посмотреть на завихрение. На самом его краю стоял человек. Крейг безмолвно глядел на него, не в силах сдвинуться с места.

Человек, стоявший перед ним на расстоянии не больше сорока футов, был Курт Крейг!

Его черты лица, все его, он сам, второй Курт Крейг, он как будто завернул за угол — и столкнулся с самим собой, идущим навстречу. Изумление обрушилось на Крейга, оглушило его, как гром, он быстро шагнул вперед, затем остановился. Изумление сменилось страхом; возникло острое, как удар ножа, сознание опасности.

Человек поднял руку и поманил к себе Крейга, но Крейг стоял как вкопанный, пытаясь разобраться в происходящем, успокоить сумятицу в мозгу. Это не отражение, на человеке нет космического костюма, в какой одет Крейг. И это не настоящий человек, иначе он не стоял бы так под яростными лучами Солнца. Смерть последовала бы мгновенно. Всего сорок футов — но за ними бушует завихрение, оно поглотит любого, кто перейдет через запретную невидимую границу. Завихрение передвигается со скоростью несколько футов в час, и то место, где теперь стоит Крейг и где у ног его лежит тело Кнута, несколько часов назад находилось в сфере действия завихрения.

Человек шагнул вперед, и в тот же момент Крейг отступил назад и рука его взялась за револьвер. Но он успел только наполовину вытащить оружие: человек исчез. Исчез и все. Ни дымки, ни дрожания разрушающейся материи. Человека не было. На его месте раскачивался большой синий Шар.

Холодный пот выступил у Крейга на лбу и заструился по лицу. Он знал, что был сейчас на волосок от смерти, а может быть, чего-нибудь и похуже. Он повернулся и как безумный бросился к машине, рванул дверцу, схватился за рычаги.

Крейг гнал машину как одержимый. Страх схватил его холодными щупальцами. Дважды едва не произошла катастрофа: один раз вездеход нырнул в облако пыли, в другой раз пронесся по озеру расплавленного олова. Крейг твердо сжимал руль, упорно направляя машину вверх по скользкому от пыли холму.

Проклятие, этот субъект, который вернулся вместо Кнута, был точь-в-точь Кнут. Ему было известно то, что знал Кнут, он вел себя, как Кнут. Те же повадки, тот же голос, даже ход мыслей такой же. Что могут сделать люди — человечество — против этого? Смогут ли они отличать подлинных людей от двойников? Как они

распознают самих себя? Существо, которое пробралось в Центр, с легкостью выиграло у Крипи в шахматы. Крипи приучил Кнута к мысли, что он, Кнут, играет не хуже Крипи. Но Крипи-то знал, что может выиграть у Кнута в любое время. Кнут же этого не знал, а значит, и тварь, изображавшая Кнута, тоже не знала. Поддельный Кнут сел за стол и выиграл у Крипи шесть партий подряд к огорчению и недоумению старика. Есть тут какой-нибудь смысл или нет?

Синий Шар прикинулся Крейгом. Он пытался заманить Крейга в пространственное завихрение. Очевидно, Шары способны менять свою структуру и, таким образом находиться в завихрении без всякого для себя ущерба. Они заманили туда Кнута, приняв вид человеческих существ и возбудив в нем любопытство. Он вступил в завихрение и тут-то Цветные Шары и напали на него. Они ведь не могут добраться до человека, одетого в космический костюм, потому что Шары — сгустки энергии. В борьбе энергии с фотоэлементом всегда побеждает фотоэлемент.

Они не дураки, подумал Крейг. Метод Троянского коня. Сперва они добрались до Кнута, потом попытались проделать такую же штуку со мной. Окажись в Центре двое Шаров, им было бы нетрудно заполучить и Крипи.

Крейг бешено крутанул руль, давая выход злости. Потом затормозил перед ущельем и свернул на равнину. Прежде всего нужно отыскать Шар, который играл Кнута. Сначала надо его найти, а потом уже решать, что с ним делать.

Найти его оказалось не так-то просто. Крейг и Крипи, одетые в космические костюмы, стояли посреди кухни.

— Он должен быть где-то здесь, будь я проклят, — сказал Крипи. — Просто он так запрятался, что мы его проглядели.

Крейг покачал головой.

— Нет, Крипи, мы не проглядели. Мы с вами все обыскали, ни одной щели не оставили.

— А может быть, — предположил Крипи, — он сообразил, что игра проиграна, и дал тягу. Может, он удрал, когда я сторожил отсек управления?

— Может быть, — согласился Крейг. — Я тоже об этом думал. По крайней мере мы знаем, что он

разбил рацию. Наверное, боялся, что мы вызовем помощь. А это означает, что у него был свой план. И возможно, в этот момент он приводит его в исполнение.

Станция молчала, но тишину подчеркивали и усиливали еле слышимые звуки: слабое пощелкивание приборов в нижнем этаже, шипение и сдержанное клокотание в воздушном генераторе, бульканье синтезируемой воды.

— Чтоб ему, — выругался Крипи, — я знал, что этого не может быть. Кнут просто не мог честным путем обыграть меня.

Из холодильной камеры раздалось отчаянное мяуканье.

Крипи двинулся к двери холодильника, захватив по дороге щетку.

— Опять эта чертова кошка, — пробурчал он, — никогда не упустит случая забраться туда.

Крейг стремительно шагнул вперед и отбросил руку Крипи от двери.

— Стойте! — приказал он.

Матильда жадно мяукала.

— Но ведь Матильда...

— А что, если это не Матильда? — резко сказал Крейг.

Со стороны двери, ведущей в коридор, послышалось тихое мурлыканье. Оба обернулись. Матильда стояла на пороге, и выгнув спину и задрав кверху пушистый хвост, терлась боком о косяк. В этот момент из холодильной комнаты донесся дикий, злобный кошачий вой.

Глаза Крипи сузились. Метла со стуком упала на пол.

— Но у нас же одна кошка!

— Вот именно, — отрезал Крейг. — Одна из них Матильда, а другая — Кнут или вернее тварь, которая изображала Кнута.

Пронзительно затрещал сигнальный звонок, Крейг поспешно шагнул к иллюминатору и поднял штору.

— Это Пейдж! — воскликнул он. — Пейдж вернулся!

Крейг оглянулся на Крипи. Лицо его выражало недоверие: Пейдж уехал часов пять назад, без кислорода, и тем не менее он здесь, вернулся. Но человек не смог бы прожить без кислорода больше четырех часов. Взгляд Крейга стал жестким, между бровей пролегли морщины.

— Крипи, — сказал он внезапно, — отойдите от двери в холодильник, возьмите кошку на руки и держите, чтобы не убежала.

Крипи сделал кислое лицо, но опустил плечи по сходящим, открыл дверь и поднял с пола Матильду. Она громко замурлыкала, цепляясь за его руки в перчатках изящными лапками.

Пейдж вышел из машины и направился через ангар прямо к Крейгу, стуча каблуками. Крейг неприязненно смотрел на него сквозь маску космического костюма.

— Вы нарушили мой приказ, — отрывисто сказал он. — Отправились ловить Шары и даже кого-то поймали.

— Ничего страшного, капитан Крейг, — отозвался Пейдж. — Послушные, как котята. Ничего не стоит их приручить.

Он громко свистнул, и из машины выкатились два Шара — красный и зеленый. Они остановились и принялись раскачиваться.

Крейг посмотрел на них оценивающим взглядом.

— Сообразительные ребята, — добродушно заметил Пейдж.

— И как раз нужное число, — сказал Крейг.

Пейдж вздрогнул, но быстро овладел собой.

— Да, я тоже так думаю. Я, конечно, научу их обращению с приборами, но боюсь, что все ракеты полетят к черту, стоит им только приблизиться к приборам.

Крейг подошел к стойке с кислородными баллонами и откинул крышку.

— Одного я не могу понять, — сказал он. — Я предупреждал, что стойку вам не открыть. И предупреждал еще, что без кислорода вы погибнете. И тем не менее вы живы.

Пейдж рассмеялся.

— У меня было спрятано немного кислорода, капитан. Я как будто предчувствовал, что вы мне откажете.

Крейг вытащил один баллон из стойки.

— Вы лжете, Пейдж, — спокойно сказал он. — У вас не было другого кислорода. Да вам он и не нужен. Любой человек умер бы ужасной смертью, выйди он отсюда без кислорода. Но вы не умерли — потому что вы не человек!

Пейдж быстро отступил, но замер на месте, устремив взгляд на баллон с кислородом, когда Крейг предо-

стерегающе его окликнул. Крейг сжал пальцами предохранительный клапан.

— Одно движение, и я выпущу кислород, — мрачно сказал он. — Вы, конечно, знаете, что это такое — жидкий кислород. Холодной самого пространства.

Он злобно усмехнулся:

— Небольшая доза перетряхнет весь ваш организм, правда? Вы, Шары, привыкли жить на поверхности, в чудовищной жаре, и не выносите холода. Вы нуждаетесь в колоссальном количестве энергии, а у нас здесь, на Станции, энергии немного. Мы вынуждены беречь ее как зеницу ока, а не то погибнем. Но в жидком кислороде энергии еще несравненно меньше... Вы сами создаете себе защитное поле и даже распространяете его вокруг, и все же оно не безгранично.

— Если бы не космические костюмы, вы бы иначе заговорили, — с горечью сказал Пейдж.

— Они, видно, поставили вас в тупик, — улыбнулся Крейг. — Мы их надели потому, что гонялись за вашим приятелем. Он, по-моему, в холодильнике.

— В холодильнике? Мой приятель?

— Да, который вернулся вместо Кнута. Он притворился Матильдой, когда понял, что мы за ним охотимся. Но он перестарался. Он настолько почувствовал себя Матильдой, что забыл, кто он на самом деле, и забрался в холодильник. И это ему пришлось не по вкусу.

У Пейджа опустились плечи. На какое-то мгновение черты лица его расплылись, затем снова стали четкими.

— Дело в том, что вы перебарщиваете, — продолжал Крейг. — Вот и сейчас вы больше Пейдж, чем Шар, больше человек, чем сгусток энергии.

— Не стоило нам делать этой попытки, — сказал Пейдж. — Надо было дождаться, пока вас кто-нибудь сменит. Мы ведь знаем, что вы не относитесь к нам с презрением, как многие люди. Я говорил, что следует подождать, но тут в пространственное завихрение попал человек по имени Пейдж...

Крейг кивнул.

— Понимаю, вы просто не могли упустить случай. Обычно до нас трудно добраться. Вам не справиться с фотоэлементными камерами. Но вам следовало сочинить что-нибудь поубедительнее. Эта чепуха насчет пойманных Шаров...

— Но ведь Пейдж отправился именно за ними, — настаивал мнимый Пейдж. — Ему бы, разумеется, это не удалось, но он-то был уверен в успехе.

— Очень было умно с вашей стороны — привести с собой ваших ребят, сделать вид, что вы их поймали, и в один прекрасный момент взять нас врасплох. Да, это было умнее, чем вы думаете.

— Послушайте, — сказал Пейдж, — нам ясно, что мы проиграли. Как вы поступите?

— Выпустим вашего друга из холодильной камеры, — ответил Крейг, — потом отопрем двери — и ступайте себе.

— А если мы не уйдем?

— Тогда выпустим жидкий кислород. У нас наверху полные баллоны. Изолируем комнату и превратим ее в настоящий ад. Вы этого не вынесете, погибнете от недостатка энергии.

Из кухни донесся чудовищный шум. Можно было подумать, будто связка колючей проволоки скачет по жестяной крышке. Шум чередовался с воплями Крипи. По сходням из кухни выкатился меховой шар, а за ним Крипи, яростно размахивающий метлой. Шар распался и превратился в двух одинаковых кошек. Распушившиеся хвосты торчали кверху, шерсть на спине стояла дыбом, глаза сверкали зеленым огнем.

— Мне надоело держать эту проклятую кошку, и я... — выдохнул Крипи.

— Понятно, — прервал его Крейг. — И вы сунули ее в холодильник к другой кошке.

— Так оно и было, — сознался Крипи. — И предомной разверзлась преисподняя.

— Ладно, — сказал Крейг. — Теперь, Пейдж, скажите, которая ваша.

Пейдж что-то быстро произнес, и одна из кошек начала таять. Очертания ее стали неясными, и она превратилась в Шар, маленький, трогательный бледно-розовый Шар.

Матильда испустила душераздирающий вопль и бросилась наутек.

— Пейдж, — сказал Крейг, — мы всегда были против осложнений. Если вы только захотите, мы можем быть друзьями. Есть ли для этого какой-нибудь способ?

Пейдж покачал головой:

— Нет, капитан. Мы и люди — как два полюса. Мы с вами разговариваем сейчас, но разговариваем как человек с человеком, а не как человек и представитель моего народа. В действительности различия слишком велики, нам не понять друг друга.

Он засмеялся и выговорил с запинкой:

— Вы славный парень, Крейг. Из вас вышел бы хороший Шар.

— Крипи, — окликнул Крейг, — отпери дверь.

Пейдж повернулся, чтобы идти, но Крейг остановил его:

— Еще минутку. В виде личного одолжения. Не скажете ли, на чем все это основано?

— Трудно объяснить, — ответил Пейдж. — Видите ли, дружище, все дело в культуре. Культура, правда, не совсем то слово, но иначе я не могу выразить этого на вашем языке. Пока вы не появились здесь, у нас была своя культура, свой образ жизни, свой образ мыслей — они были наши собственные. Мы развивались не так, как вы, мы не проходили этой предварительной незрелой стадии цивилизации, какую проходите вы. Мы начали с того места, до которого вы не доберетесь и через миллион лет. У нас была цель, идеал, к которым мы стремились. И мы продвигались вперед. Мне трудно объяснить это на вашем языке. И вдруг появились вы...

— Дальше догадываюсь, — прервал его Крейг. — Мы привнесли чужое влияние, нарушили вашу культуру, ваш образ мыслей. Наши мысли вторгаются в ваши, и вы становитесь не более как подражателями, перенимающими чужие идеи и повадки.

Он посмотрел на Пейджа:

— Неужели же нет выхода? Проклятие, неужели надо враждовать из-за этого?

Он еще не договорил, а уже знал ответ: выхода не было. Долгая земная история насчитывала сотни подобных войн: войны из-за различия религий, религиозной терминологии, из-за разницы в идеологии, в типе культуры. И ведь те, кто воевал, принадлежали к одной — людской — породе, а не к двум разным, разного происхождения.

— Нет, — сам же ответил вслух Крейг, — выхода нет. Когда-нибудь мы отсюда уйдем. Найдем другой

источник энергии, подешевле, и оставим вас в покое. Но до тех пор... — Он не договорил.

Пейдж повернулся и пошел к двери, за ним последовали два больших Шара и один маленький, розовый.

Стоя у входа плечом к плечу, двое землян смотрели, как Цветные Шары вышли наружу. Сперва Пейдж сохранял человеческий облик, потом очертания его расплылись, съежились, и вот на его месте уже показывался Шар.

Крипи захихикал.

— Фиолетовый, чтоб он пропал.

Крейг сидел за столом и писал свой отчет в Совет Солнечной энергии; перо быстро бегало по бумаге.

«Пятьсот лет они выжидали, прежде чем начать действовать. Быть может, они медлили из предосторожности или в надежде найти какой-то иной способ. А может быть, время имеет у них другой счет. Для жизни, уходящей в бесконечность, время вряд ли имеет ценность. В течение всех этих пяти-сот лет они наблюдали за нами, изучали нас. Они читали в нашем мозгу, поглощали наши мысли, докапывались до наших знаний, впитывали нашу индивидуальность. Они, наверно, знают нас лучше, чем мы сами. Что такое их неуклюжее подражание нашим мыслям? Просто хитрость, попытка заставить нас считать их безвредными? Или между их подражанием и нашими мыслями такая же разница, как между пародией и настоящим произведением искусства? Этого сказать я не могу. У меня нет никаких догадок на этот счет. До сих пор мы не пытались защищаться от них, так как считали их забавными существами и ничем больше. Я не знаю, была ли кошка в холодильнике Шаром или Матильдой, но именно кошка в холодильнике подала мне мысль о жидком кислороде. Несомненно, есть более удачные способы. Подойдет все, что может быстро лишить их энергии. Я убежден, что они будут делать новые попытки, даже если им придется ждать еще пятьсот лет. Поэтому я настаиваю...»

Он положил перо. Корзина для бумаг, стоявшая в углу комнаты, зашевелилась, и из нее вылезла Матиль-

да. Хвост у нее воинственно торчал кверху. Презрительно поглядев на Крейга, она направилась к двери и стала спускаться вниз по сходням.

Крипи нехотя пробовал скрипку. Настроение у него было скверное, он думал о Кнута. Если не считать споров за шахматами, они всегда были друзьями.

Крейг прикидывал, что делать дальше. Надо съездить за телом Кнута и отправить его на Землю, чтобы его там похоронили. Но прежде всего он ляжет спать. С ума сойти, как хочется спать!

Он взял перо и продолжал писать:

«...чтобы были приложены все старания к изобретению эффективного оружия. Но использовать его мы будем только в качестве защиты. Об истреблении, какое велось на других планетах, не может быть и речи.

Но для этого мы должны изучить их так, как они изучили нас. Чтобы воевать с ними, надо их знать. К следующему разу они, несомненно, выдумают новый способ нападения. Необходимо также разработать систему проверки каждого входящего на Станцию, чтобы определить, человек он или Шар.

И, наконец, следует приложить все усилия к тому, чтобы обеспечить себя каким-то другим источником энергии на тот случай, если Меркурий станет для нас недоступным».

Он перечел докладную записку и отложил ее в сторону.

— Им это не понравится, — сказал он себе, — особенно последний пункт. Но ведь нужно смотреть правде в лицо.

Крейг долго думал. Потом поднялся и пошел к иллюминатору.

Снаружи, на равнинах Меркурия, Цветные Шары, разделившись попарно, превратились в громадные кости домино и теперь скакали в пыли. Насколько хватал глаз, равнина была усеяна этакими скачущими костяшками.

И при каждом прыжке их становилось все больше...

МИР ТЕНЕЙ

МИР «ТЕНЕЙ»

Я выкатился из спального мешка пораньше, чтобы успеть часок-другой поработать над своим сектором в макете до того, как Гризи спроворит завтрак. Когда я вылез из своей палатки, Бенни — моя «тень» — уже ждала меня. Поблизости в ожидании своих людей стояли еще несколько «теней», а все это вместе, если остановиться и подумать, было настоящим сумасшедшим домом. Только никто не останавливался и не задумывался — теперь мы к ним привыкли.

Гризи уже разжег плиту, и из трубы вился дымок. Я мог слышать, как он громко напевает под перестук своих кастрюль. Это была шумная часть суток. В течение всего утра он был шумным и несносным, но ближе к середине дня становился тихим как мышка. Наступало время уставиться в грезоскоп. При этом он действительно серьезно рисковал. К любому владельцу прибора закон был крайне суров. Мэк Болдуин — управляющий нашего проекта — устроил бы изрядный скандал, узнай он, что у Гризи есть грезоскоп. Но знал об этом только я. Я обнаружил его совершенно случайно, и даже Гризи не догадывался, что мне известно о нем, а я держал язык за зубами.

Я поздоровался с Бенни, но она мне не ответила. Она мне никогда не отвечала — чтобы отвечать, у нее не было рта. Не думаю, чтобы она меня даже слышала —

ушей у нее тоже не было. Эти самые «тени» были обделены судьбой. У них не было ни рта, ни ушей, ни даже носа.

Но зато у каждой было по глазу. Он был расположен в середине лица, приблизительно там, где должен находиться нос, если бы тень таковой имела. И этот глаз с лихвой оправдывал недостаток рта, ушей и носа.

Глаз был около трех дюймов в диаметре и по сути дела не являлся глазом в прямом смысле слова. У него не было ни радужки, ни зрачка, а сам он напоминал озеро, полное неповторимой игры света и теней. Иногда он был навывкате и слегка косил, как у дурачка, иногда его взгляд был тверд, и он сверкал, как линза объектива, а иногда в нем сквозили печаль и одиночество, как в грустных глазах собаки.

Эти «тени» уж точно являли собой компанию более чем странную. Больше всего они походили на тряпичных кукол, которым кто-то забыл нарисовать черты лица. Это были сильные и подвижные гуманоиды, и я с самого начала подозревал, что они отнюдь не простачки. По поводу последнего утверждения мнения несколько разделились, многие из ребят до сих пор считают, что они сродни улюлюкающим дикарям. Только они не улюлюкают — нечем, ртов-то у них нет. Ни ртов, чтобы улюлюкать или есть, ни носов, чтобы нюхать или дышать, ни ушей, чтобы слышать.

Согласно голой статистике, вероятность их существования должна бы просто отсутствовать. Но они существовали повсюду и существовали отнюдь не плохо.

Одежды они не носили. По чести говоря, она и не была им нужна. Они были лишены признаков пола точно так же, как и черт лица. Это была просто банда тряпичных кукол со здоровенным глазом посреди лица.

Зато они носили что-то, что с равным успехом могло быть и украшением, и простенькой драгоценностью или символом «братства теней». На каждой был узкий пояс, с него свисала то ли сумка, то ли сетка, в которой при каждом шаге позвякивали какие-то безделушки. Содержимого этих «авосек» никто никогда не видел. От пояса крест-накрест через плечи расходились ремни, превращая всю конструкцию в обыкновенную упряжь, а на

груди, там, где ремни пересекались, был прикреплен большой драгоценный камень. Благодаря сложной огранке он сверкал как алмаз; очень может быть, что это и был алмаз, но наверняка сказать никто не мог. Приблизиться к нему настолько, чтобы разглядеть, никому не удавалось. Делаешь движение в ту сторону, и «тень» исчезает.

Все верно. Исчезает.

Я поздоровался с Бенни — она, естественно, не ответила — и, обойдя стол, начал работать над макетом. Бенни встала у меня за спиной и наблюдала, как я работаю. Она проявляла большой интерес ко всему, что я делаю. Куда я — туда и она. В конце концов, она была моей «тенью».

Есть стихотворение, которое начинается со слов: «У меня есть маленькая тень...» Я часто его вспоминал, но ни автора, ни продолжения припомнить не мог. Я закрываю глаза и вижу яркую картину рядом со стихами — ребенок в пижаме со свечкой в руке поднимается по лестнице, а на ступени и стенку позади падает его тень.

Интерес Бенни к макету мне отчасти импонировал, хотя я и понимал, что это, возможно, ничего не значит. Ей было бы точно так же интересно, если бы я пересчитывал бобы.

Я гордился своим макетом и потратил на него больше времени, чем имел на то право. На пластиковом основании было написано мое имя — Роберт Эммет Дрейк, а вся штуковина выглядела немного амбициозней, чем я замышлял вначале.

Я позволил своим эмоциям выплеснуться наружу, что не так уж трудно понять. Не каждый день специалисту по охране природы выпадает шанс переустраивать абсолютно девственную планету земного типа буквально с листа. И хотя это был лишь один маленький кусочек изначального проекта, он включал в себя почти все черты, присущие переустройству в целом. И я разместил тут все — дамбы и дороги, электростанции и заводы, лесопилки и водохранилища и многое, многое другое.

Не успел я усесться за работу, как со стороны столовой послышался какой-то шум. Я мог различить изрыгающий проклятия голос Гризи и звуки глухих ударов. Дверь кухни распахнулась настежь, и оттуда

пулей вылетела «тень», которую буквально по пятам преследовал Гризи. В руке у повара была сковорода, которой он нашел «достойное» применение, и было любо-дорого смотреть, с каким изяществом он ею орудует. Делая каждый очередной шаг, он опускал сковороду на «тень», при этом вокруг разносились угрозы, не предназначенные для деликатного уха.

«Тень» прогалопировала через лагерь с наседающим Гризи за спиной. Наблюдая за ними, я подумал о любопытном факте: стоит сделать движение в сторону драгоценного камня, как «тень» тут же исчезает, но в то же время терпит насилие, подобное тому, что чинил ей Гризи со своей сковородкой.

Когда они достигли моего макетного стола, повар прекратил преследование. Его спортивная форма оставляла желать лучшего.

Он встал рядом со столом и воинственно упер руки в боки, так что сковорода, которую он продолжал сжимать, встала торчком.

— Я не позволю этой вонючке находиться на кухне, — отдуваясь и пыхтя, сказал мне он. — Хватит того, что она шатается вокруг столовой и подглядывает в окна. Хватит того, что я и так натываюсь на нее на каждом шагу. Я не позволю ей совать нос на кухню — она лезет руками во все, что ни увидит. Будь я на месте Мэка, я бы им устроил. Я бы гнал их метлой так быстро и так далеко, что им бы...

— У Мэка хватает и других забот, — прервал я его довольно резко. — Из-за всех этих неполадок мы отстали от проектного графика.

— Саботаж это, а не неполадки, — поправил меня Гризи. — Могу поспорить на последний доллар, что это все они — «тени». Если бы мне дали волю, я бы вообще выгнал их из этих мест.

— Но это их страна, — возразил я. — Они здесь жили еще до нашего прихода.

— Планета большая, — сказал Гризи. — Пусть найдут себе другое место.

— Но это их право — жить здесь. Эта планета — их дом.

— Нет у них никаких домов, — отрезал он.

Он резко повернулся и пошел обратно на кухню. Его «тень», которая все это время стояла в сторонке, рва-

нула вслед. Было непохоже, чтобы взбучка, которой она подверглась, ее волновала. Но что она там себе думала, распознать было невозможно. Внешне их эмоции никак не проявлялись.

Говоря о том, что у них нет никакого дома, Гризи слегка покривил душой. Он имел в виду, конечно, то, что у них не было поселка, что они являли собой всего лишь что-то вроде беззаботного табора цыган. Но для «теней» эта планета была их домом, и они имели право пойти куда угодно и делать там все, что им заблагорассудится. То, что они не жили в определенном месте, или не имели поселков (а возможно, и крова), или не выращивали урожай, не играло никакой роли.

Задумайтесь: зачем выращивать урожай, если у тебя нет рта, чтобы есть? А если ты не ешь, то как ты можешь существовать? А если...

Вы видите, куда ведут подобные рассуждения. Поэтому-то и не стоило о «тенях» особо задумываться. Как только пытаешься о них что-нибудь понять — запутываешься полностью.

Я бросил косой взгляд на Бенни, чтобы посмотреть, как та восприняла избиение своей подруги, но она была такой же как всегда. Вылитая тряпичная кукла.

Из палаток стали выбираться люди, и каждая «тень» галопом бросалась к своему мужчине. И куда бы ни направился человек, «тень» как привязанная следовала за ним.

Центральная часть проектируемого поселка располагалась на вершине холма, и с того места, где находился макетный стол, передо мной раскрывалась новая стройка, как если бы оживали чертежи.

Вон там начат котлован для административного здания, а вон там сверкают опоры торгового центра, а за ним — перепаханные клочки того, что со временем станет улицей с ровными рядами по сторонам.

Все это не очень походило на результат поистине доблестных усилий первопроходцев на вновь осваиваемой планете, но совсем скоро будет походить. Походило бы и сейчас, если бы нас не преследовали сплошные неудачи. И «тени» ли в них повинны или что-то еще, надо быть стойкими и выправить положение.

Ибо это было важно. Здесь, в этом мире, Человек не повторит старых досадных ошибок, которые он совер-

шил на Земле. Здесь, на планете земного типа — одной из немногих найденных до сих пор, — Человек не станет разбазаривать ценные ресурсы, которым он позволил истощиться на родной планете. Он будет рационально использовать воду и землю, древесину и полезные ископаемые, внимательно следить за тем, чтобы отдавать столько же, сколько он взял. Эта планета не будет разграблена и разорвана, как это произошло с Землей. Ею будут пользоваться разумно, как хорошо отлаженным механизмом.

Мне было бы благо от того, что я просто здесь стою, смотрю по-над холмами и долинами на виднеющиеся вдалеке горы, размышляя о том, каким же уютным будет этот дом для человечества.

Лагерь стал оживать. Снаружи, возле палаток, мужчины умывались перед завтраком. Кругом раздавались приветственные оклики, тут и там возникала дружественная возня. Снизу, со склада оборудования, донеслась громкая ругань, и я точно мог сказать, что произошло. Машины, или по крайней мере часть из них, снова были не в порядке, и половина утра уйдет на то, чтобы их отремонтировать. Конечно, то, что машины выходят из строя каждый божий день, весьма странно.

Через некоторое время Гризи зазвонил в колокол, сзывая ребят на завтрак. Все всё побросали и ринулись к столу, а «тени», толкаясь, сгрудились у них за спиной. До кухни мне было ближе большинства, и, будучи неплохим спринтером, я занял одно из лучших мест за большим столом на открытом воздухе. Оно находилось прямо рядом с кухонной дверью, так что я мог получить свою порцию первым, как только Гризи вынесет еду наружу. Повар как раз начал обход, что-то ворчливо бормоча под нос, как он это обычно делал во время трапез, хотя иногда мне казалось, что это поза, с помощью которой он пытался скрыть удовлетворение от сознания, что его стряпня более чем съедобна.

Я сел рядом с Мэком, а секундой позже место с другого от меня бока захватил техник-оператор Рик Торн. Напротив сидел Стэн Карр — биолог, а рядом с ним, у самого края стола, — эколог Джадсон Найт.

Не трата времени на болтовню, мы набросились на пшеничные булочки, свиные отбивные и жареную картошку. Во всей Вселенной ничто не вызывает такой аппетит, как утренний воздух Стеллы IV.

Наконец, утолив первый голод, мы приступили к светской беседе.

— С утра все та же старая история, — с горечью сообщил Мэку Торн. — Застопорило больше половины оборудования. Чтобы все запустить, потребуется несколько часов.

С утрюмым видом он подгребал еду, при этом пережевывая ее с ненужной тщательностью. Он стрельнул сердитым взглядом поперек стола на биолога.

— Почему ты с этим не разберешься? — спросил Торн.

— Я? — переспросил Карр в легком замешательстве. — С какой стати с этим разбираться должен я? В машинах я ничего не смыслю и не хочу смыслить. Дурацкие изобретения в лучшем случае.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — сказал Торн. — Нечего винить машины. Они не ломают сами себя. Это все «тени», а ты — биолог, и они, «тени», — твоего ума дело, и...

— Дел у меня и так хватает, — перебил Карр. — Сначала я должен решить эту проблему с земными червями, а как только это будет сделано, Боб хочет, чтобы я изучил некоторые повадки дюжины различных грызунов.

— Да уж, хотелось бы, — подтвердил я. — У меня такое предчувствие, что кое-кто из этих маленьких негодников может доставить нам массу неприятностей, когда мы займемся земледелием. Хотелось бы знать загодя, на что способны эти вредители.

Я подумал, что так уж в жизни устроено, что, сколько ни пытайся учесть все обстоятельства, буквально из любой щели, из-под любого куста всегда может появиться что-то неожиданное. Создается впечатление, что никак не можешь дочитать до конца длинный список.

— Было бы неплохо, — недовольно пробурчал Торн, — если бы «тени» оставили нас в покое и дали устранить последствия их грязных делишек. Но как бы не так! Пока мы занимаемся починкой, они будут дышать нам в затылки, совать головы в двигатели по самые плечи, а при каждом движении ты будешь наткаться на одну из них. Вот как-нибудь, — свирепо добавил он, — я возьму разводной ключ и немножко расчищу место вокруг себя.

— Они обеспокоены — что это вы там делаете с их машинами, — сказал Карр. — Они воспринимают машины так же, как людей.

— Это ты так думаешь, — вставил Торн.

— А может быть, они пытаются в них разобраться? — предположил Карр. — Может быть, они их ломают для того, чтобы, когда вы их ремонтируете, разобратся в устройстве. До сих пор они не пропустили ни одной детали. Ты на днях мне говорил, что каждый раз ломается что-то новое.

— Я тут долго размышлял о сложившейся ситуации, — с видом мудрой совы сказал Найт.

— О да! — откликнулся Торн, и по тону, которым он это сказал, можно было судить, чего стоят, с его точки зрения, размышления Найта.

— Я искал какую-нибудь мотивацию, — сказал он Торну. — Ведь, если «тени» действительно это делают, должен же на то быть какой-то мотив. Ты так не думаешь, Мэк?

— Похоже, ты прав, — ответил Мэк.

— Не исключено, — продолжал Найт, — что по какой-то причине эти «тени» нас любят. Они объявились, как только мы совершили посадку, и с тех пор все время с нами. Их поведение говорит за то, что они хотят, чтобы мы остались. Может быть, они ломают машины, чтобы мы вынуждены были остаться?

— Или убраться прочь, — ответил Торн.

— Все это хорошо, — сказал Карр, — но с какой стати им хотеть, чтобы мы остались? Что конкретно им в нас нравится? Если бы выяснить точно хотя бы только этот вопрос, мы, возможно, смогли бы заключить с ними что-то вроде сделки.

— Ну, не знаю, — признался Найт. — Тут может быть масса самых разных причин.

— Назови хотя бы три из них, — язвительно бросил Торн.

— С удовольствием, — ответил Найт с таким выражением, как если бы всадил в селезенку Торна нож. — Возможно, им что-то от нас очень нужно, только не спрашивай меня, что именно. Или они пытаются обратить на себя внимание, чтобы сообщить нам что-то очень важное. А может быть, они хотят нас перекроить на свой лад, только вот что их в нас не устраивает, я не

имею ни малейшего представления. Может быть, они борются с нами, а может, это — просто любовь.

— Это все? — спросил Торн.

— Только начало, — ответил Найт. — Возможно, они нас изучают, а чтобы все разгадать, им необходимо какое-то время. Может быть, они специально нас раздражают, чтобы посмотреть на нашу реакцию и...

— Изучают нас! — гневно пророкотал Торн. — Да это же просто ничтожные дикари!

— Не думаю, — откликнулся Найт.

— Они ходят совсем без одежды! — прогремел Торн, грохнув по столу кулаком. — У них нет инструментов. У них нет поселка. Они не знают, как построить даже лачугу. У них нет правительства. Они не могут ни говорить, ни слышать.

Я почувствовал к нему отвращение.

— Ладно, утомонись, — прервал я. — Давайте-ка за работу.

Я поднялся со скамьи, но не успел сделать и двух шагов, как вниз из радиорубки тяжелой трусцой спустился человек. Он размахивал зажатым в руке клочком бумаги. Это был наш связист Джек Поллард, он же, по совместительству, специалист по электронике.

— Мэк! — вопил он. — Эй, Мэк!

Мэк поднялся из-за стола.

Поллард передал ему бумагу.

— В тот момент, когда Гризи протрубил сбор, как раз шла передача, — выдохнул он. — У меня были сложности с приемом. Ретранслировали откуда-то очень издалека.

Мэг прочитал радиограмму, и лицо у него покраснело и стало недовольным.

— Что случилось, Мэк? — поинтересовался я.

— К нам едет ревизор, — сказал он, делая ударение на каждом слове.

— Это может плохо обернуться?

— Возможно, достанется большинству из нас, — сказал Мэк.

— Но ведь нельзя же так!

— Это ты так думаешь. Мы отстали от графика на шесть недель, а проект горит синим пламенем. Земные

политиканы надавали кучу обещаний, и если они не отчитаются за их выполнение, им вообще ни черта не придется больше отчитываться. Если мы только не сможем что-то сделать — и сделать это быстро, — нас отсюда вышвырнут, а взамен пришлют новую команду.

— Но если учесть все обстоятельства, мы поработали не так уж и плохо, — мягко заметил Карр.

— Пойми меня правильно, — обернулся к нему Мэк. — Ничем лучше нашей новая команда не будет. Им просто нужно отписаться, что меры приняты, а мы окажемся в роли стрелочников. Если бы смогли устранить этот прорыв, у нас, возможно, оставался бы шанс. Если бы могли сказать этому инспектору: «Да, конечно, на нас свалились неприятности, но мы с ними справились, и сейчас у нас все в порядке». Если бы могли ему это сказать, то, может быть, и спасли бы свои шкуры.

— Мэк, ты думаешь, все это из-за «теней»? — спросил Найт.

Мэк поднял руку и поскреб в затылке.

— Должно быть, так. Ничего другого просто не приходит в голову.

— Конечно, это они, чертовы «тени»! — крикнул кто-то из-за соседнего стола.

Мужчины поднялись со своих мест и сгрудились вокруг нас.

Мэк поднял руки вверх.

— Ребята, давайте-ка за работу. Если у кого-то возникнут какие-то хорошие идеи, приходите в мою палатку, и мы их обсудим.

Люди стали роптать.

— Идеи! — взревел Мэк. — Я сказал: «идеи»! Какого, кто не выдаст стоящую идею, я уволю по сокращению штатов.

Они немного притихли.

— И еще одно, — продолжил он. — Никакого насилия по отношению к «теням». Вести себя как и прежде. Расстреляю любого, кто применит к ним силу.

Он обратился ко мне:

— Пойдем.

Я последовал за ним, и Карр с Найтом пристроились сзади. Торн остался, хоть я и ожидал, что он пойдет вместе с нами.

Войдя в палатку, мы уселись за стол, заваленный чертежами, истирканными листочками, бумагами со столбиками цифр и графиками, нарисованными от руки.

— Я полагаю, — сказал Карр, — что все-таки это «тени».

— Какая-нибудь гравитационная аномалия? — предположил Найт. — Какое-нибудь необычное атмосферное явление? Какие-то свойства искривленного пространства?

— Может быть, — отозвался Мэк. — Все это звучит не очень реально, но я готов уцепиться за любую соломинку, которую вы мне протянете.

— Меня удивляет одна вещь, — вставил я, — это то, что команда изыскателей не упоминает о «теньях». Изыскатели были уверены, что на планете отсутствуют какие-либо формы разумной жизни. Они не нашли никаких следов цивилизации. И это было хорошо, ибо означало, что не нужно перекраивать весь проект, приводя его в соответствие с законами о преимущественных правах аборигенов. И все же не успели мы сесть, как «тени» прискакали нас встречать, словно они обнаружили нас заранее и только ждали, когда мы высадимся.

— Что еще забавно, — сказал Карр, — так это, как они разбились с людьми по парам. Как будто они все спланировали. Словно вышли за нас замуж или что-то в этом роде.

— К чему ты клонишь? — буркнул Мэк.

— Мэк, — сказал я, — где находились «тени», когда здесь была изыскательская команда? Можем ли мы быть абсолютно уверены, что они родом с этой планеты?

— Если они не местные, — возразил Мэк, — то как они сюда попали? Машин у них нет. Нет даже инструментов.

— В этом докладе изыскателей, — сказал Найт, — есть еще одна заковыка, над которой я ломал голову. Вы все его читали...

Мы согласно кивнули. Мы его не то что читали, мы его штудировали и зубрили. За время долгого путешествия на Стеллу IV мы не расставались с ним ни днем ни ночью.

— В отчете изыскателей говорится о каких-то конусообразных предметах, — продолжил Найт. — Располагались они в ряд — ну, вроде пограничных столбов. Но

видели они их только издалека и отписались, как о явлении, не имеющем большого значения.

— Они о многом написали, как о не имеющем большого значения, — сказал Карр.

— Так мы ничего не добьемся, — пожаловался Мэк. — Одни разговоры.

— Если бы смогли поговорить с «теньями», — сказал Карр — то, может быть, чего-то и добились бы.

— Но мы же не можем! — возразил Мэк. — Мы пробовали и так и сяк — как об стенку горох. Пробовали общаться и языком знаков, и с помощью пантомимы, извели уйму бумаги на диаграммы и рисунки — все абсолютно без толку. Джек сварганил этот свой электронный коммуникатор и испытал его на «тнях». А они просто сидели — все из себя довольные и дружелюбные — и смотрели на нас этим своим глазом, и вся недолга. Мы даже телепатию пробовали...

— Ну Мэк, тут ты не прав, — возразил Карр. — Телепатию мы не пробовали потому, что понятия не имеем, что это такое. Просто мы уселись в кружок, держась с ними за руки, и сосредоточенно думали. Ну и, конечно, опять же без толку. Они, наверно, восприняли это просто как игру.

— Послушайте, — взмолился Мэк. — Этот инспектор будет у нас не позже чем через десять дней. Необходимо что-то придумать. Так что давайте-ка ближе к делу.

— Если бы каким-нибудь образом удалось убрать «тени» подальше, — сказал Найт. — Если бы мы смогли их напугать так, что...

— Ты знаешь, как их напугать? — спросил Мэк. — Можешь хотя бы намекнуть, чего они больше боятся?

Найт отрицательно покачал головой.

— Первым делом, — сказал Карр, — нужно разобратся, что они собой представляют. Нужно узнать, что это за животное. Забавное животное — это мы знаем. У него нет ни рта, ни носа, ни ушей...

— Он просто невозможен! — взвыл Мэк. — Нету никакого такого животного.

— Но оно же существует, — возразил Карр, — и вполне благополучно. Нам нужно разобратся, как оно добывает пищу, как общается с себе подобными, каковы условия его обитания, каковы его реакции на различные раздражители. Нам ничего не удастся сделать до

тех пор, пока мы не будем иметь хоть малейшее представление о том, с чем имеем дело.

— Надо было заняться этим гораздо раньше, — согласился Найт. — Конечно, кое-что сделать мы пытались, но всерьез душа у нас к этому не лежала. Нам слишком не терпелось поскорее приступить к реализации проекта.

— И куда как преуспеть в этом, — с сарказмом сказал Мэк.

— Прежде чем что-то исследовать, это что-то нужно иметь, — ответил я Найту. — Похоже, нам стоит попытаться прикинуть, как поймать «тень». Только сделаешь к ней резкое движение — как она исчезает.

Но даже произнося эти слова, я знал, что не совсем прав. Я вспомнил, как Гризи гонял свою «тень», охаживая ее сковородкой.

И тут мне припомнилось кое-что еще и меня буквально осенило, но я боялся что-либо говорить. Какое-то мгновение мне и самому себе было страшно признаться в том, что пришло мне в голову.

— Нужно каким-то образом застать одну из них врасплох и «вырубить», прежде чем она исчезнет, — сказал Карр. — И делать это надо наверняка, ибо если мы попробуем и потерпим неудачу, то «тени» будут уже на чеку и другого шанса мы лишимся.

— Никаких грубостей, — предупредил Мэк. — Нельзя совершать насилие, не зная, чем это обернется для тебя самого. Нельзя убивать, будучи неуверенным в том, что это не повлечет за собой твою собственную смерть.

— Никаких грубостей, — согласился Карр. — Если «тень» способна разнести вдребезги внутренности большой землеройной машины, мне не хотелось бы увидеть, что она может сделать с человеческим телом.

— Все надо проверить мгновенно и наверняка, — сказал Найт, — а мы даже не знаем, что именно. К примеру, что будет, если огреть ее по голове бейсбольной клюшкой, — клюшка отскочит или раздробит ей череп? И так на данный момент буквально во всем.

— Это верно, — кивнул Карр. — Газом отравить нельзя, потому что «тени» не дышат...

— А может, они дышат через поры, — предположил Найт.

— Очень даже может быть, но, прежде чем использовать газ, мы должны в этом убедиться. Можно вкатыть одной из них паралитик, но какой препарат использовать? Можно попробовать гипноз...

— Насчет гипноза я сомневаюсь, — перебил Найт.

— А как насчет Дока? — спросил я. — Если удастся вырубить «тень», займется ли Док ее обследованием? Насколько я его знаю, он может поднять изрядный шум. Будет утверждать, что «тень» разумное существо и, пока не доказано обратное, исследовать ее было бы нарушением врачебной этики.

— Вы поймите «тень», а уж с Доком я разберусь, — мрачно пообещал Мэк.

— Будет много крика.

— С Доком я разберусь, — повторил Мэк. — Этот инспектор будет здесь что-то через неделю...

— Нам не обязательно разбираться со всем этим досконально, — сказал Найт. — Если мы сможем продемонстрировать инспектору, что находимся на верном пути, что прогресс — налицо, он должен бы сыграть за нашу команду.

Я сидел спиной к выходу и услышал, как кто-то неловко возится с входным клапаном.

— Заходи, Гризи, — пригласил Мэк. — Придумал что-нибудь толковое?

Гризи вошел и приблизился к столу. Край его фартука был заткнут за пояс брюк — как всегда, когда он готовил, — а в руке он сжимал что-то непонятное. Он водрузил это что-то на стол.

У нас перехватило дыхание, а волосы на голове Мэка встали дыбом.

Это была одна из сумочек, которые «тени» носили на поясе.

— Где ты это взял? — потребовал ответа Мэк.

— У своей «тени», пока она не видела,

— Пока она не видела!

— Ну, вы понимаете, Мэк, дело было так. «Тень» вечно сует свой нос куда не надо. Я натыкаюсь на нее на каждом шагу. А сегодня утром она почти до половины сунулась в посудомоечную машину, а эта «авоська» болталась у нее на поясе. Ну я и взял кухонный нож и срезал эту штуку.

Поднявшись из-за стола, Мэк распрямился во весь рост, и по его виду можно было судить, каких усилий ему стоило не ударить Гризи.

— Итак, это все, что ты сделал? — угрожающе спросил он низким голосом.

— Конечно, — ответил Гризи. — Тут нет ничего сложного.

— Ну да, ты просто отвлек ее пустой болтовней. Ты просто так, походя, совершил непоправимое...

— А может быть, и нет, — поспешил вставить Найт.

— Уж коль скоро урон нанесен, — сказал Карр, — стоило бы глянуть на содержимое. Может быть, там, внутри, мы найдем какой-то ключ?

— Я не смог ее открыть, — ворчливо пожаловался Гризи. — Пробовал и так и сяк — она вообще не открывается.

— А что делала «тень», пока ты пробовал? — спросил Мэк.

— Да она даже не заметила. Она засунула голову в посудомоечную машину... Эта «тень» глупа, как...

— Не говори так! Я не желаю, чтобы о «тенях» говорили, что они глупы. Может быть, это и так, но пока не доказано обратное, считать их глупыми не имеет смысла.

Найт приподнял сумку и стал крутить и вертеть ее в руках. При этом внутри сумки что-то позвякивало.

— Гризи прав, — сказал он. — Я что-то не вижу, как ее можно открыть.

— Убирайся! — гаркнул на Гризи Мэк. — Займись работой. И чтоб больше даже поползновений таких не было!

Гризи повернулся и вышел, но не успел он сделать и шага, как издал такой вопль, от которого кровь стынет в жилах.

Я едва не опрокинул стол, выскакивая наружу, чтобы посмотреть, что там еще случилось.

А происходило там всего лишь восстановление справедливости.

Гризи улепетывал во все лопатки, а сзади на него насадала «тень» со сковородой в руке. И делая очередной шаг, она каждый раз опускала ее на Гризи, притом у нее это получалось ничуть не хуже, чем у повара.

Гриззи кружил и петлял, пытаясь прорваться на кухню, но каждый раз «тень» его перехватывала и продолжала гонять по кругу.

Все побросали работу, чтобы поглазеть. Одни выкрикивали советы Гриззи, другие подбадривали «тень». Мне хотелось бы остаться и понаблюдать, но я знал, что, если я хочу осуществить свой замысел, — другого случая может не представиться. Я повернулся и поспешил вниз по улице к своей палатке. Нырнув в нее, схватил сумку для образцов и выбрался наружу.

Я увидел, что Гриззи направился к складу с оборудованием, а «тень» все так же не отстает от него ни на шаг. Рука ее работала исправно, и сковорода ни разу не опустилась мимо цели.

Я побежал на кухню. Перед дверью я остановился и оглянулся назад. Гриззи карабкался по стреле экскаватора, а «тень» поджидала внизу. Она помахивала сковородкой, как бы приглашая Гриззи быть настоящим мужчиной и спуститься вниз. Всех занимало происходящее, и я был уверен, что никто меня не заметит.

Я открыл дверь на кухню и вошел внутрь.

Я опасался, что, возможно, столкнусь с трудностями при поисках, но с третьей попытки нашел то, что искал, на топчане под матрасом.

Достав грезоскоп, я сунул его в сумку и поспешил выскочить наружу.

В своей палатке я поставил сумку в угол, завалил ее старой одеждой и снова вышел.

Страсти потихоньку стихали. «Тень», зажав сковороду под мышкой, возвращалась в сторону кухни, а Гриззи спускался со стрелы. Все мужчины толпились вокруг экскаватора, стоял дикий гомон, и я думал, что пройдет немало времени, прежде чем ребята перестанут подтрунивать над поваром. В то же время я понимал, что он сам на это напросился.

Вернувшись в палатку Мэка, я обнаружил там остальных. Все трое стояли возле стола, разглядывая то, что лежало на нем.

Сумка исчезла, а на ее месте осталась кучка безделушек. Глянув на них, я рассмотрел миниатюрные сковородки, кастрюли и другую утварь, с которой работал Гризи. И там же полускрытая всем этим торчала маленькая фигурка повара.

Я протянул руку и взял ее. Ошибки быть не могло — вылитый Гризи. Это была неправдоподобно тонкая резьба по камню. Прищурившись, я смог рассмотреть даже морщины на лице.

— Сумка просто исчезла, — сказал Найт. — Когда мы бросились наружу, она лежала здесь, а когда вернулись, она исчезла, а на столе валялось все это барахло.

— Не понимаю, — сказал Карр.

И он был прав — я тоже ничего не понимал.

— Не нравится мне это, — медленно сказал Мэк.

Мне это тоже не нравилось. В голове крутилось слишком много вопросов, а ответы на некоторые из них вызывали весьма неутешительные подозрения.

— Они делают модели наших вещей, — заключил Найт. — Вплоть до чашек и ложек.

— Я не придавал бы этому большого значения, — сказал Карр. — А вот модель Гризи действительно меня волнует.

— Давайте-ка присядем, — предложил Мэк, — и не будем разбрасываться мыслями. Это как раз то, чего и следовало ожидать.

— Что ты имеешь в виду?

— Что мы делаем, сталкиваясь с незнакомой культурой? То же самое, что и «тени». Другими методами, но цель та же. Мы пытаемся узнать об этой культуре все, что только можно. И не забывайте, что для «теней» мы не только чужая, но и захватническая культура. Поэтому если они обладают хоть долей здравого смысла, то попытаются узнать о нас как можно больше и в кратчайшие сроки.

В этом, конечно, что-то было. Но мне казалось, что изготовление моделей с этой целью выходило за рамки необходимого. И если у них есть модели чашек и ложек, посудомоечной машины и кофеварки, то у них есть и модели землеройных машин, экскаваторов, бульдозеров и всего остального. А если у них есть модель Гризи, значит, у них есть модели Мэка, Торна, Карра и остальной команды, включая меня самого.

Интересно, насколько они правдоподобны? Насколько глубже простирается сходство с оригиналом, нежели просто внешне?

Я попытался не думать об этом, ибо и так запутал себя едва ли не до смерти.

Но я не мог остановиться. Я продолжал размышлять.

Они выводили из строя оборудование так, что механикам приходилось разбирать машины по частям, чтобы запустить их вновь. Почему «тени» этим занимались? Никакой другой причины, кроме как разобраться во внутреннем устройстве машин, похоже, не было. Любопытно, а что, если модели машин совпадают с оригиналами на самом тонком, самом сложном уровне?

А если это так, то до какой степени совпадает с оригиналом фигурка Гризи? Есть ли у нее сердце и легкие, кровеносные сосуды, мозг и нервы? Не присущи ли ей черты характера Гризи, его мысли, манера поведения?

Не знаю наверняка, думали ли остальные в эту минуту о том же, но тревожный блеск их глаз говорил сам за себя.

Мэк пошевелил кучку пальцами, и миниатюрные предметы рассыпались по всей столешнице. А потом рука его дернулась и что-то выудила, в то время как лицо управляющего покраснело от гнева.

— Мэк, что это? — спросил Найт.

— Грезоскоп, — воскликнул Мэк, слова застыли у него в горле. — Модель грезоскопа — вот что это такое!

Все сидели, широко раскрыв глаза, и я почувствовал, как меня прошиб холодный пот.

— Если у Гризи есть грезоскоп, — произнес Мэк деревянным голосом, — я сверну его грязную шею.

— Успокойся, Мэк, — сказал Карр.

— Ты знаешь, что такое грезоскоп?

— Конечно, знаю.

— Ты когда-нибудь видел, что делает грезоскоп с человеком, который им пользуется?

— Нет, никогда.

— А я видел, — Мэк бросил модель обратно на стол, повернулся и вышел из палатки. Остальные последовали за ним.

К нам в окружении посмеивающихся ребят приближался Гризи.

Мэк ждал, уперев руки в боки.

Гризи подошел к нам почти вплотную.

— Гризи! — обратился к нему управляющий.

— Да, Мэк?

— Ты прячешь у себя грезоскоп?

Гризи лишь моргнул, но не колебался ни секунды.

— Да что вы, сэр, — соврал он и без зазрения совести продолжил: — Я даже понятия не имею, как он выглядит. Конечно, я о нем слышан, но...

— Мы заключим с тобой сделку, — перебил Мэк. — Если у тебя есть грезоскоп, ты мне его немедленно отдашь. Я его разобью, оштрафую тебя на полную месячную зарплату, и мы обо всем забудем. Но если ты будешь мне лгать и мы где-то найдем аппарат, я вышвырну тебя с работы.

У меня перехватило дыхание. Происходящее мне не нравилось, и я подумал, что за редкостное невезение — этому надо было случиться именно тогда, когда я стащил грезоскоп, хотя я был совершенно уверен, что никто не видел, как я шарил на кухне — по крайней мере я так считал.

Гризи упорствовал.

— У меня его нет, Мэк, — покачал он головой.

— Хорошо. — Лицо Мэка стало жестким. — Мы пойдем и посмотрим.

Он направился в сторону кухни, Найт и Карр пошли следом, но я поспешил к своей палатке.

Когда Мэк не найдет грезоскоп на кухне, с него станется обыскать весь лагерь. Поэтому, чтобы не нажить себе на голову неприятностей, мне следовало улизнуть из лагеря, прихватив с собой грезоскоп.

Бенни, сидя на корточках, ждала меня возле палатки. Она помогла мне вывести роллер, после чего я взял сумку для образцов и пристроил ее в багажнике.

Я сел на роллер, а Бенни запрыгнула на багажник за моей спиной. Она покачивалась из стороны в сторону, пытаюсь удержать равновесие подобно мальчишке, который едет на велосипеде без помощи рук.

— Держись крепче, — резко сказал я. — Если свалишься, на этот раз останавливаться не буду.

Уверен, что она меня не слышала, тем не менее она обвила руками мою талию, и окруженные облаком пыли мы наконец-то отбыли.

Если вы не ездили на роллере, значит, вы ничего в этой жизни не испытали. Это все равно, что ехать на мотороллере по ровному береговому песку, только еще безопасней и надежней. Два больших резиновых пончика с двигателем и сиденьем посередине, которые могут, дай им волю, вскарабкаться и по отвесной стене. Слишком норовистые для цивилизованной езды, но то, что нужно, для неосвоенной чужой планеты.

Мы двинулись по равнине в сторону отдаленных сопок. День был прекрасным, хотя с точки зрения погоды на Стелле IV все дни были прекрасными. Идеальная планета земного типа — отличная погода круглый год, неисчерпаемые природные ресурсы, отсутствие опасных животных и смертоносных вирусов — она буквально молила о том, чтобы кто-нибудь пришел и заселил ее.

Наступит время, и так оно и произойдет. Как только будут здесь возведены административный центр и жилые дома, построены дамбы и магазины, завершена электростанция — сюда придут люди. А по прошествии лет сектор за сектором, коммуна за коммуной человеческая раса распространится по всему лицу планеты. Но делаться все это будет планомерно.

Здесь не будет неудачников, которые волей-неволей на свой страх и риск устремляются в пограничье — на ближние планеты, где смерть настигает их раньше, чем сбываются надежды: никаких спекулянтов, никаких погонь за золотым тельцом, никаких разорений дотла. Здесь будет не пограничье, а планомерное освоение. И здесь в кои веки впервые с планетой будут обращаться нормально.

Но дело даже не только в этом, сказал я себе.

Если Человек и дальше намерен осваивать космос, он должен взять на себя ответственность за правильное использование природных ресурсов, которые он там найдет. Простой факт, что их очень много, не оправдывает никакое разбазаривание. Мы уже не дети, и нам нельзя поганить каждый мир, как это было сделано с Землей.

К тому времени когда разум становится способным завоевать космос, он должен быть взрослым. Теперь настало время человеческой расе доказать, что она повзрослела. Мы не можем опустошить Галактику, как орда жадных детей.

Мне показалось, что освоение этой планеты должно стать одним из многих доказательств, чего стоит на самом деле раса Человека.

Однако если мы хотим, чтобы дело было сделано, если мы вообще хотим что-то делать, то существует проблема, которую надо решить в первую очередь. Если «тени» являются причиной всех наших неурядиц, то необходимо как-то их остановить. Причем не просто остановить, а понять их самих и мотивацию их поведения. Ибо как можно бороться с тем, спросил я себя, чего ты не понимаешь?

А чтобы понять «тени» — там, в палатке, мы сошлись на этом, — необходимо разобраться, что они представляют собой физически. С этой целью одну из них надо «сцапать». И сделать это четко — ведь если первая попытка не удастся, это насторожит «тени» и второго случая может и не быть.

А вот с грезоскопом, подумал я, попытка будет беспроигрышной. Если я попробую использовать грезоскоп, но он не сработает, то хуже от этого никому не станет. Это будет неудача, которую никто не заметит.

Мы с Бенни пересекли равнину и подъехали к сопкам. Я направился к месту, которое называл «садом». Не потому, что оно было садом в полном смысле этого слова, а потому, что в этом районе было много плодовых деревьев. Я все собирался добраться сюда и провести тесты с фруктами на их пригодность для человека.

Мы домчались до сада, я припарковал роллер и осмотрелся. И сразу же заметил, что тут что-то изменилось. Когда я был здесь около недели назад, деревья ломились под тяжестью плодов, которые, казалось, почти созрели. Теперь же фрукты исчезли.

Я шмыгнул под деревья посмотреть, не осыпались ли плоды, но там оказалось пусто. Было похоже на то, как если бы кто-то пришел и собрал урожай.

Мне стало интересно, уж не дело ли это «теней», хотя я знал наверняка, что им плоды не нужны. «Тени» не едят.

Я не стал доставать грезоскоп сразу, а уселся под дерево, чтобы перевести дух и немного поразмышлять.

С того места, где я сидел, был виден лагерь. Любопытно, что предпринял Мэк, когда не нашел грезоскоп? Я мог представить, как он выходит из себя. И мог представить себе вздохнувшего с облегчением Гризи,

который ломает голову, куда мог подеваться грезоскоп, и даже пеняет Мэку за подозрения.

У меня появилось чувство, что не стоит появляться в лагере по крайней мере до обеда. Возможно, к этому времени Мэк немного поостынет.

Я подумал о «теньях».

Жалкие дикари, как сказал Торн. Однако они были отнюдь не дикарями. Они были истинными леди (или джентльменами — Бог их знает, какого они пола, если не обоих сразу), а настоящие дикари — отнюдь не леди и не джентльмены по ряду самых основополагающих пунктов. Тени же были умыты, здоровы и хорошо воспитаны. Они обладали определенной культурой поведения. Больше всего они походили на группу цивилизованных туристов, правда, без обычного снаряжения.

Вне всяких сомнений, они скрупулезно нас изучали. Они хотели знать о нас все, что только можно, но зачем им это было нужно? Какой им толк от горшков и сковородок, землеройных машин и всего прочего?

Или они просто прикидывали, как посподручнее будет нас извести?

И была еще масса вопросов.

Где они шатаются все остальное время?

Как исчезают, а когда исчезают, то куда?

Как они питаются и дышат?

Как они общаются между собой?

По чести говоря, признался я себе, «тени» несомненно знают о нас гораздо больше, чем мы о них. Ибо наш список на проверку оказался бы весьма жидковат.

Я еще немного посидел под деревом, в голове роились мысли, но толку от этого было мало. Встав на ноги, я подошел к роллеру и достал грезоскоп.

Я впервые держал аппарат в собственных руках, и мне было интересно и слегка не по себе — с такой вещью не до шуток.

С виду штуковина выглядела просто — коробочка с двумя окулярами и множеством верньеров по бокам и сверху.

Смотришь в нее и регулируешь, пока не получишь желаемую картину. Затем как бы переступаешь через порог и живешь той жизнью, которую обнаруживаешь

внутри, — той самой жизнью, которую ты выбрал с помощью настройки. А выбирать было из чего, ибо верньерами можно набрать миллионы комбинаций — от прозрачной мишуры роскошной жизни до самых невообразимых кошмаров.

Естественно, грезоскопы были вне закона — это было хуже алкоголя или наркотиков, хуже самого страшного зла, когда-либо обрушивавшегося на человека. Они травмировали психику, калечили души и затягивали навсегда. Когда человек обретал привычку, а сделать это было весьма просто, он был уже не способен ее преодолеть. Остаток жизни он проводил, пытаясь отделить события собственной жизни от фантазий, уходил от реальности все дальше и дальше, пока все вообще не становилось для него ирреальным.

Я присел на корточки рядом с роллером и попытался разобраться в верньерах. Их было тридцать девять, все пронумерованы от 1 до 39, и я задумался, что бы могли означать эти цифры.

Бенни подошла, сгорбилась надо мной и, коснувшись моего плеча, стала наблюдать, чем я занимаюсь.

Я задумался над цифрами, но толку от этого не было. Существовал лишь один способ добиться того, чего я хотел. Поэтому я выставил все верньеры на «ноль», а затем щелкнул на пару делений номером первым.

Я знал, что на самом деле с грезоскопом так не обращаются. Следовало установить определенные верньеры на определенные цифры, перемешав различные факторы в соответствующей пропорции так, чтобы добиться желаемого образа жизни. Но мне это было не нужно. Все, что я хотел узнать, так это, чем управляет тот или иной верньер.

Потому-то я и перевел первый номер на пару делений и поднес грезоскоп к глазам... И вернулся в поле своего детства — неправдоподобно зеленое, над ним простиралось голубое небо цвета старого застиранного шелка, а неподалеку журчал ручей и порхали бабочки.

Более того, казалось, что этот день никогда не кончится, это место не знало, что такое время, а солнечный свет был ярким отблеском детского счастья.

Я буквально чувствовал прикосновение травы к босым ногам, видел, как солнце отражается в водной ряби ручья. Это было самым трудным в моей жизни, но я это сделал — я оторвал грезоскоп от лица.

Я сидел на корточках, держа аппарат на коленях. Мои руки дрожали от искушения поднести его к глазам и еще раз посмотреть на картины давно утраченного детства, но я заставил их не делать этого.

Номер первый оказался не тот, что был мне нужен, и я вернул его в исходное положение. А поскольку увиденное мною было самым далеким от того, что я искал, я перевел на несколько делений номер тридцать девятый.

Я уже было наполовину поднес грезоскоп к лицу, как вдруг испугался. Опустив его, я немного посидел, набираясь мужества. Затем снова его поднял и поднес к глазам, и меня захлестнул ужас, пытавшийся затянуть мой разум в какой-то омут.

Я не могу этого описать. Не могу сейчас даже вспомнить отдельные фрагменты того, что увидел. Скорее даже не увидел, а почувствовал. Это были только эмоции — сюрреалистические образы всего самого отвратительного и отталкивающего и в то же время сохраняющего гипнотическую притягательность, которая не давала оторваться от происходящего.

Потрясенный, я отдернул грезоскоп от лица и застыл. Какое-то мгновение в голове было абсолютно пусто, лишь остатки страха напоминали о пережитом кошмаре.

Постепенно они исчезли, я снова сидел на корточках на склоне холма, а сгорбившаяся «тень» касалась плечом моего плеча.

Страшная вещь, подумал я, врагу не пожелаешь, не то что «тени». Всего лишь два деления — и такой ужас; включенный на полную мощность, он просто разрушит чей-то мозг.

Бенни протянула руку, чтобы взять у меня грезоскоп. Я отдернул его в сторону, но она продолжала цепляться. Времени для размышлений оставалось немного.

Я сказал себе, что это как раз то, чего я добивался. С той лишь разницей, что назойливость Бенни облегчала осуществление моего плана.

Я подумал обо всем, что зависело от поимки «тени». Подумал и о собственной душе в том случае, если по

приезде инспектор нас выгонит и пришлет другую команду. Такие планеты на дороге не валяются, и второго такого шанса у меня может не быть.

Поэтому я крутанул пальцем тридцать девятый верньер до упора и отдал грезоскоп Бенни.

Уже сделав это, я вдруг засомневался, сработает ли мой план или я просто строю замки на песке. Может и не сработать, подумал я, ведь аппарат сделан человеком, рассчитан на человека, настроен на человеческую нервную систему и ее реакции.

И тут же понял, что не прав, что принцип действия грезоскопа основан не только на электронике, но и на реакциях мозга и организма его пользователя — он был спусковым крючком, который высвобождает величие и красоту, страхи и ужасы, заключенные в сознании пользователя. И страх для «тени», хотя, возможно, и в другой форме, обличье и проявлениях, останется страхом точно так же, как и для человека.

Бенни подняла грезоскоп к единственному огромному глазу и наклонила голову, чтобы заглянуть в объектив. Тут я увидел, как она дернулась и застыла. Подхватив падающее тело, я осторожно опустил его на землю.

Я стоял над ней, испытывая триумф и гордость — и, возможно, отчасти жалость — за содеянное. Сыграть подобную штуку с собственной «тенью», которая лишь минуту назад сидела рядом плечом к плечу с тобой.

Я опустил на колени и перевернул ее. Она оказалась совсем не тяжелой, чему я был рад, так как надо было погрузить ее на роллер и гнать в лагерь на максимальной скорости, ибо предсказать, сколько еще времени она пробудет в подобном состоянии, было невозможно. Я подобрал грезоскоп, пристроил его в багажник и стал искать веревку или провод, чтобы привязать к роллеру Бенни.

Не знаю, послышался мне шум или нет. Я склонен думать, что никакого шума не было — какое-то внутреннее чувство тревоги заставило меня обернуться.

Бенни стала деформироваться под собственной тяжестью. На мгновение меня охватила дикая паника. Я подумал, что она умерла, что она не выдержала шока от ужаса, обрушившегося на нее из грезоскопа.

И тут я вспомнил слова Мэка о том, что нельзя кого-то убивать, не зная наверняка, не повлечет ли за собой убийство твою собственную смерть.

Если Бенни умрет, то на наши головы могут обрушиться все небесные кары.

Если она умирала, то происходило это весьма любопытным образом. Какие-то части тела проваливались внутрь, какие-то рассыпались на мелкие кусочки, а какие-то превращались во что-то, напоминающее прах. В конце концов от самой Бенни не осталось и следа. Лежала лишь сбруя с сумкой и драгоценным камнем. Наконец и сумка исчезла, а на ее месте появилась горсть побрякушек, рассыпавшихся по земле.

И было там еще кое-что...

Там остался лежать глаз Бенни. Глаз являлся основанием конуса, который был встроен в голову Бенни.

Я вспомнил, что команда изыскателей видела похожие конусы, но не смогла к ним приблизиться.

Я был настолько испуган, что не мог двинуться с места. Я стоял и смотрел, а мое тело постепенно покрывалось гусиной кожей.

Ибо Бенни не была разумным существом, она была всего лишь орудием в руках каких-то разумных существ, которых мы никогда не видели и даже представить себе не могли, кто они такие.

В моей голове мелькали самые разные предположения, но все они были порождением охватившей меня паники и исчезали так быстро, что я не мог сосредоточиться ни на одном.

Но что было ясно как божий день — эти инопланетяне, которым «тени» служили авангардом, были более чем разумны. Как мудро было с их стороны выслать нам навстречу что-то не только отдаленно напоминающее человека, но и способное вызвать жалость, презрение, гнев — только не страх. Жалкое маленькое существо — карикатура на человека, — глупое настолько, что не способно даже говорить. И в то же время достаточно чуждое, чтобы вызвать озадаченность, чтобы загнать нас в тупик по множеству важных пунктов и отбить всякую охоту даже пытаться что-либо прояснить.

Я бросил быстрый взгляд через плечо и втянул голову; если бы хоть что-нибудь шевельнулось, я задал бы стрекача, как испуганный кролик. Но ничто не шевели-

лось. Ничто даже не шелохнулось. Кроме собственных мыслей, бояться мне было нечего.

Но я чувствовал настоящее желание побыстрее отсюда убраться. Опустившись на четвереньки, я стал собирать останки Бенни.

Я сгреб кучку безделушек и драгоценный камень и засунул все в сумку вместе с грезоскопом. Затем я вернулся и подобрал глядящий на меня единственным глазом конус. Было видно, что глаз мертв. Конус был скользкий, на ощупь вроде бы из металла, тяжелый и неудобный, так что я потратил изрядное время, прежде чем ухватился за него как следует. Наконец я впихнул его в сумку и отбыл в лагерь.

Я несся так, словно за мной гнались черти. В мою душу закрался страх, и я выжимал из роллера все, что можно.

Ворвавшись в лагерь, я направился к палатке Мэка, но прежде чем туда попасть, обнаружил, что, похоже, вся команда сооружает самое хитроумное устройство, которое только кто-либо когда-либо мог себе представить. Это было скопище шестеренок, эксцентриков, колес, цепных передач и всякой всячины, размещенное на территории, которая там, дома, выглядела бы съёмочной площадкой приличных размеров.

Сбоку возле сооружения стоял Торн и, покрикивая то на одного, то на другого, руководил работой. Я видел, что он доволен собой — это было в его духе.

Я затормозил роллер рядом с ним и опустил ногу, удерживая равновесие.

— Что происходит? — спросил я.

— Мы готовим для них сюрприз, — ответил он. — Мы собираемся свести их с ума.

— Их? Ты имеешь в виду «тени»?

— Им нужна информация, не так ли? — Торн был полон энтузиазма. — Они путаются под ногами днем и ночью, прямо шагу нельзя ступить, вот теперь мы и дадим им кое-что, что отвлечет их внимание.

— Но что эта штуковина делает?

— А ничего. — Торн насмешливо прищелкнул. — В том-то и вся прелесть.

— Ладно, — сказал я, — надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Мэку известно о том, что происходит?

— Мэк, Карр и Найт — те великие умы, которые все это придумали, — сообщил он. — Я всего лишь исполнитель.

Подъехав к палатке Мэка, я припарковал роллер. Хозяин явно был дома, ибо из палатки доносились звуки ожесточенного спора.

Я взял сумку, вошел в палатку и направился к столу. Перевернув сумку, я вывернул ее содержимое.

У меня совершенно вылетело из головы, что вместе с «останками» Бенни там лежит грезоскоп.

Теперь ничего не поделаешь. Грезоскоп во всей своей наготе лежал на столе, и в палатке повисла мертвая тишина. Я видел, что через мгновение Мэк взорвется.

Он уже набрал в грудь воздух, но я его опередил.

— Заткнись, Мэк, — набросился я на него. — Не хочу тебя даже слушать.

Видимо, он растерялся, потому что, посмотрев на меня глупым взглядом, медленно выпустил воздух. Карр и Найт так и застыли на своих местах. Вокруг по-прежнему царил мертвая тишина.

— Это была Бенни, — сказал я, кивнув на стол. — Все, что от нее осталось. Это сделал один взгляд в грезоскоп.

Карр слегка пошевелился.

— Но грезоскоп! Где только мы...

— Я знал, что у Гризи он есть, и, когда мне в голову пришла идея, я его стащил. Вспомните, мы говорили о том, как поймать «тень»..

— Я готов предъявить тебе обвинения! — взревел Мэк. — Я устрою над тобой показательный суд! Я готов...

— Ты готов заткнуться, — сказал я ему. — Ты готов тихо сидеть и слушать, иначе я вышвырну тебя отсюда, как пустую консервную банку!

— Пожалуйста! — попросил Найт. — Джентльмены, пожалуйста, ведите себя прилично.

Если он стал называть нас джентльменами, значит, и вправду запахло жареным.

— Мне кажется, — сказал Карр, — что история с грезоскопом несколько перестала иметь значение, коль скоро Боб нашел для него полезное применение.

— Давайте-ка присядем, — призвал нас Найт, — и, может быть, сосчитаем до десяти. А потом Боб расскажет, что у него на уме.

Это было стоящее предложение. Мы все сели, и я поведал о том, что произошло. Они сидели, слушали и глазели на барахло, особенно на конус, который лежал на боку, откатившись к краю стола, и смотрел на нас мертвым рыбьим глазом.

— Эти «тени», — закончил я, — вовсе не живые существа. Они всего лишь какие-то шпионские устройства, засланные к нам кем-то еще. Все, что необходимо, так это заманить «тени» по одной к грезоскопу и дать им посмотреть в него, установив тридцать девятый верньер на максимум, и...

— Это не решение вопроса, — сказал Найт. — Они будут присылать новые с той же скоростью, с какой мы их будем уничтожать.

— Не думаю. — Я покачал головой. — Какой бы искусной ни была эта чужая раса, вряд ли они управляют «тенями» телепатически. Бьюсь об заклад — здесь не обошлось без машин. И у меня такое предчувствие, что, когда мы уничтожаем «тень», мы выводим из строя какую-то машину. А если мы сломаем достаточное количество, то обеспечим их хозяевам такую головную боль, что они наконец-то перестанут скрываться. Вот тогда-то и можно будет наладить торговый обмен.

— Боюсь, ты не прав, — отозвался Найт. — Эта раса прячется, я бы сказал, по вынужденной причине. Возможно, они создали подземную цивилизацию и никогда не выходят на поверхность из-за враждебной для них окружающей среды. Наверно, они следят за тем, что происходит на поверхности, с помощью этих конусов. А когда здесь появились мы, они придали им форму, слегка напоминающую человека, — что-то, что мы заведомо примем, — и послали их посмотреть на нас поближе.

Мэк поднял руки и потер ими голову.

— Не нравятся мне эти прятки. Я люблю играть в открытую — я вижу их удары, они видят мои. По мне, так было б гораздо лучше, если бы «тени» оказались настоящими инопланетянами.

— Я не согласен с твоей мыслью о подземных жителях, — сообщил Карр Найту. — Мне кажется, невозможно создать такую цивилизацию, если живешь под землей. Ты будешь изолирован от всех природных явлений и не...

— Хорошо, — перебил Найт, — а что можешь предложить лично ты?

— Может быть, они умеют перемещать материю на расстояние — факты, как вы знаете, это подтверждают. А это означает, что им вовсе не обязательно путешествовать по поверхности планеты, они могут перемещаться с места на место за считанные секунды. Тем не менее им необходимо знать, что здесь происходит, потому в качестве глаз и ушей они используют что-то вроде телевизионных радарных систем...

— Слушайте, шутники, — неодобрительно возразил Мэк, — вы все ходите по кругу. Вы даже не подозреваете, на каком вы сейчас небе.

— Полагаю, это знаешь ты? — съязвил Найт.

— Нет, не знаю, — согласился Мэк. — Но я достаточно честен, чтобы прямо это признать.

— Полагаю, Карр и Найт слишком увлеклись, — сказал я. — Возможно, эти инопланетяне будут прятаться до тех пор, пока не разберутся, кто же мы такие, можно ли нам доверять или лучше турнуть нас с планеты.

— Ладно, — сказал Найт, — что бы вы там ни говорили, но нужно признать, что, вероятнее всего, им известно про нас практически все — уровень техники, наши цели, физиология и даже, возможно, язык.

— Они знают слишком много, — сказал Мэк. — Это начинает меня путать.

У входа в палатку поскреблись, и в проеме появилась голова Торна.

— Послушай, Мэк, — сказал он, — у меня идея. Как насчет того, чтобы вокруг нашей штуковины установить оружие? Когда «тени» столпятся около нее...

— Никакого оружия, — твердо отрезал Найт, — никаких ракет. Никаких электрических ловушек. Делайте только то, что вам сказано. Как можно больше суетитесь. Как можно больше показной деловитости. Но не более того.

Найт обратился ко мне:

— Мы не надеемся, что это продлится достаточно долго, но может отвлечь их на недельку-другую, чтобы

мы смогли спокойно поработать. А когда уловка себя исчерпает, мы сварганим что-нибудь еще.

Все это, конечно, хорошо, подумал я, но особого воодушевления идея во мне не вызвала. В лучшем случае мы выиграем время, но не более того. И то только в том случае, если нам удастся их обмануть. А я почему-то вовсе не был в этом уверен. Десять против одного, что они раскусят наши хитрости в первую же минуту после запуска машины.

Мэк встал и обошел стол. Он взял конус и сунул его под мышку.

— Отнесу его в мастерскую, — пояснил он. — Может быть, ребятам удастся разобраться, что это такое.

— Я могу и так тебе сказать, — вмешался Карр. — Эту штуку инопланетяне используют для управления «теньями». Помнишь конусы, которые видели изыскатели? Это один из них. Скорее всего это сигнальное устройство, способное передавать информацию на базу или куда там еще.

— Все равно, — сказал Мэк, — мы распилим его и посмотрим, что там находится.

— А грезоскоп? — спросил я.

— Об этом я позабочусь.

Я протянул руку и взял аппарат.

— Ну уж нет! Ты относишься к тому типу слепых фанатиков, которые берут и просто разбивают...

— Но ведь хранить его — незаконно! — запротестовал Мэк.

— Вовсе нет, — поддержал меня Карр. — Отныне это инструмент, оружие, которое мы можем использовать.

Я передал грезоскоп Карру.

— Пригляди за ним. Положи в надежное место. Он нам может еще пригодиться.

Я собрал побрякушки из сумки Бенни, ее драгоценный камень и ссыпал все в карман своей куртки.

Мэк с конусом под мышкой ушел в мастерские. Остальные выползли из палатки, ощущая после всего случившегося легкую дрожь в коленях.

— Гризи может от него достаться, — забеспокоился Найт.

— Я поговорю с Мэком, — сказал Карр. — Я постараюсь его убедить, что Гризи, притащив сюда аппарат, возможно, оказал нам услугу.

— Думаю, — сказал я, — мне надо рассказать повару, что случилось с грезоскопом.

— Не надо, — покачал головой Найт, — пусть немного попотеет. Ему это будет полезно.

Вернувшись в свою палатку, я попытался заняться кое-какими бумагами, но никак не мог заставить себя сосредоточиться. Полагаю, я был перевозбужден, напуган тем, что потерял Бенни, меня отвлекали мысли о ситуации, сложившейся вокруг всей этой истории с «теньями».

Мы дали им правильное название, хотя они являлись несколько большим, чем просто теньями, — они были в своем роде нашим отражением. Но даже зная, что это замаскированные шпионские устройства, мне было трудно думать о них как о чем-то неодушевленном.

Конечно, это были не более чем конусы, а конусы, в свою очередь, являлась не более чем наблюдательными устройствами тех существ, которые прятались где-то на этой планете. В то время как, возможно, в течение тысячелетий конусы вели наблюдения, их создатели скрывались где-то еще. А может быть, конусы были не только наблюдателями, но и сеятелями, и сборщиками урожая, доставляющими дары дикой природы к столу своих таинственных хозяев. Более чем вероятно, что именно конусы собирали урожай фруктов в «саду».

Но если здесь существовала цивилизация, если другая раса имела преимущественное право на планету, то как быть с притязаниями Земли? Означало ли это, что мы должны несолоно хлебавши покинуть планету земного типа, одну из тех немногих, что удалось найти за столько лет исследования космоса.

Я сидел за секретером и размышлял о наших планах, о проделанной работе, о средствах, уже вложенных в проект, хотя это и было каплей в море капиталовложений, необходимых для превращения планеты во вторую Землю.

Здесь, в центральном поселке, мы только-только завершили нулевой цикл. Но уже через несколько недель корабли начнут доставлять сталепрокатное оборудование. И уже только эта задача была сама по себе грандиозной: привести и смонтировать оборудование, добыть руду и выплавить металл, наконец, запустить прокатные станы. Но это было бесконечно проще и

легче, чем тащить металл, необходимый даже только для поселка, с самой Земли.

Мы не могли позволить, чтобы все наши усилия рассыпались прахом. После всех этих лет подготовки и исследований, учитывая огромную потребность Земли в новом жизненном пространстве, мы не могли просто так бросить Стеллу IV. И в то же время мы не могли игнорировать преимущественное право. Если эти существа, когда они наконец объявятся, скажут, что они не хотят, чтобы мы здесь оставались, мы будем лишены выбора. Мы будем просто обязаны покинуть планету

Но прежде чем они нас выкинут отсюда, они, конечно, обернут нас до нитки. Несомненно, многие наши вещи окажутся малопригодными для инопланетян, но некоторые из изобретений будут иметь для них огромное значение. Двухсторонний контакт между разными цивилизациями выгоден для любой расы. Но контакт, который установили эти инопланетяне, был целиком односторонним — информация шла только в их сторону.

Про себя я назвал их просто бандой космических жуликов.

Я достал из кармана предметы, оставшиеся после Бенни, высыпал на секретер и стал сортировать. Там были макет сектора, роллер, секретер, моя маленькая книжная полка, карманные шахматы и копии прочих личных вещей.

Там было все, кроме меня самого.

Тень Гризи таскала с собой фигурку повара. Я своей фигурки не нашел и немного обиделся на Бенни. Могла бы сделать лишнее усилие и изготовить мою статуэтку

Перебирая копии, я еще раз задумался о том, до каких пределов они совпадают с оригиналом. Может быть, это не модели, а образцы? Возможно, сказал я себе, давая волю воображению, каждая из этих маленьких моделей содержит какой-то код — полный анализ и описание предмета, который она представляет. Человек, анализируя и исследуя, запишет все данные, зафиксирует особенности объекта с помощью символов на двух-трех листочках бумаги. Может быть, эти модели являются эквивалентом нашей записной книжки, своеобразным способом записи.

Я задумался о том, как же они пишут, то есть как они изготавливают модели, но никакого ответа не придумал.

Оставив попытки заняться работой, я вышел из палатки. Поднялся на небольшой взгорок, где Торн с командой строили свою «мухоловку» для «теней».

Они вложили в ее создание массу труда и изобретательности, но смысла — впрочем, как это и было задумано, — в ней не было никакого.

Если удастся отвлечь «тени» этим хитроумным устройством на достаточно долгое время, может быть, они оставят нас в покое и мы сможем немного поработать.

Торн и компания притащили из мастерской полдюжины запасных моторов и установили их как источник энергии. Очевидно, они использовали все запасные части, которые только можно было найти. В бессмысленную конструкцию были соединены оси и шестеренки, эксцентрики и поршни — самые разные передачи и устройства. Тут и там они установили что-то наподобие панелей управления, которые, конечно же, ничем не управляли, но были так напичканы самыми разнообразными лампочками и циферблатами, что походили на рождественские елки.

Я стоял неподалеку и наблюдал, пока Гризи не зазвонил на обед. Вместе со всеми я потрусил в сторону кухни.

Ребята громко переговаривались и шутили, но никто не терял времени даром. Заглотив свои порции, они поспешили обратно к «мухоловке».

Перед самым закатом они ее запустили, и это было самое бессмысленное переплетение крутящихся и движущихся деталей, которое кто-либо когда-либо видел. Они бешено вращались, казалось, миллион шестеренок цеплялись друг за друга зубьями, эксцентрики равномерно вихляли, а поршни сновали вверх-вниз, вверх-вниз.

Все было отполировано до блеска и работало как часы; при этом ничего, кроме движения, не производилось, но сам процесс зачаровывал даже человека. Я обнаружил, что стою как прикованный на одном месте, поражаясь плавности и точности хода и убийственной бесцельности рокового изобретения.

А в это время на фальшивых пультах управления сверкали и вспыхивали лампочки, которые последовательно перемигивались то порядно, то целыми группами. При попытке уловить в этом какую-то закономерность глаза начинали слезиться.

«Тени» глазели на происходящее еще с начала монтажа, а теперь они расположились совсем близко и замерли, сомкнувшись плотным кольцом.

Я обернулся — прямо за мной стоял Мэк. Он удовлетворенно потирал руки, а лицо его радостно светилось.

— Все как по маслу, — сказал он.

Я согласился, но у меня были кое-какие сомнения, которые я не мог бы точно выразить.

— Мы добавим еще огней, — сказал Мэк, — так, чтобы они видели их днем и ночью. Считай, что мы их накололи.

— Думаешь, они здесь останутся? — спросил я. — Думаешь, они не догадаются?

— Ни в коем случае.

Я вернулся к себе, налил изрядную порцию выпивки и уселся на стул перед входом в палатку.

Кто-то из мужчин растягивал кабель, кто-то подвешивал к нему гирлянды из лампочек, а с кухни доносилось грустное пение. Мне стало жаль Гризи.

Возможно, Мэк и прав, признался я себе. Наверно, нам удалось соорудить ловушку, способную отвлечь «тени». Что еще, кроме магии чистого движения, могло заставить их оставаться на месте? Она производила завораживающее впечатление даже на человека, и можно было только гадать, какое впечатление она производит на чужое сознание. Несмотря на очевидно высокий технический уровень инопланетян, вполне возможно, что их развитие шло по пути, отличному от земного, и вращающееся колесо, снующий поршень или мягкий блеск металла были для них внове.

Я попытался представить себе технологию, не использующую движение, но подобное просто не укладывалось в голове. И именно по той же причине мысль о нашей машине могла просто не укладываться в голове инопланетянина.

Пока я так сидел, на небе появились звезды; к счастью, никто не забрел ко мне поболтать — хотелось побыть одному.

Через некоторое время я зашел в палатку, выпил еще стаканчик и решил ложиться спать.

Я снял куртку и бросил ее на секретер. Раздался глухой стук, и как только я его услышал, я уже знал, что это такое. Я совершенно забыл, что «алмаз», который остался от Бенни, я тоже засунул в куртку. Пошарив в кармане, я достал его наружу, все время опасаясь, не разбил ли я хрупкую вещицу. С камнем действительно было что-то не в порядке — каким-то образом его перекосило. Лицевая поверхность отошла от остальной части, и я увидел, что это просто-напросто крышка от ящичка.

Я положил мнимый алмаз на секретер, сдвинул крышку до конца, и там, внутри ящичка, обнаружил себя самого. Фигурка была закреплена в каком-то причудливом приспособлении и ничем не уступала в изяществе фигурке Гризи.

Я испытал что-то вроде гордости и удовлетворения. В конце концов, Бенни про меня не забыла!

Я долго сидел, разглядывая фигурку и пытаюсь разобраться в механизме. Я внимательно изучил «алмаз» и наконец разрешил загадку.

Это был вовсе никакой не алмаз — это была фотокамера. С той лишь разницей, что снимки она делала не плоские, а объемные. И конечно же, именно таким способом «тени» изготавливали модели. Хотя, может быть, это были не просто модели, а именно образцы.

Я разделся и лег поверх спального мешка, уставившись в полотно палатки. Постепенно фрагменты стали складываться в ясную картину, и она была прекрасной. Прекрасной, естественно, для инопланетян. Мы выглядели как скопище дураков.

С помощью конусов инопланетяне наблюдали за изыскателями, но не позволяли к ним приблизиться. А когда прилетели мы, они были к этому уже готовы. Они замаскировали конусы под что-то, что не испугало бы нас, а скорее рассмешило. И это был самый надежный способ, какой только можно придумать, — подослать жертве что-то чуть-чуть смешное. Ибо кто будет придавать значение выходам клоуна?

Нам дали волю, а клоун был во всеоружии, и к тому времени, когда мы проснулись, нас уже осмотрели и навесили бирки.

А что они предпримут дальше? Будут придерживать-ся какой-то своей программы, продолжать наблюдение, пока не высосут до дна все, что мы можем предложить?

А когда они будут готовы, когда они получают все, что хотели, или решат, что получили, они появятся и покончат с нами.

Я был слегка напуган и зол, чувствовал себя изрядным простофилей, и все это наводило на грустные мысли.

Мэк обманывал сам себя, считая, что решил проблему с помощью своей «мухоловки». Оставались нерешенными другие вопросы. Так или иначе, но было необходимо выследить этих инопланетян и вмешаться в их маленькие игрища.

Как-то незаметно я уснул и тут же проснулся от того, что кто-то тряс меня за плечо и орал в ухо, чтобы я вставал.

Я присел на кровати и увидел, что это Карр. Он нес что-то нечленораздельное. Указывая на вход, он промычал невнятно насчет забавного облачка, и большего я от него добиться не смог. Пришлось влезть в штаны и ботинки и выйти с ним наружу. Мы припустили к вершине холма. Рассвет только начинался. «Тени» по-прежнему располагались вокруг «мухоловки», а толпа мужчин стояла рядом, глядя на восток.

Мы протолкались вперед и увидели облако, о котором тараторил Карр. Оно было уже довольно близко и плыло медленно и торжественно над равниной. Над ним летела серебристая сфера, которая сверкала и поблескивала в первых лучах солнца.

Больше всего облако походило на кучу хлама. Я видел, как из него торчит что-то похожее на стрелу, тут и там были видны какие-то колеса. Я пытался рассмотреть, что же это такое, но так и не смог, а облако все приближалось и приближалось.

Слева от меня стоял Мэк, я попытался с ним заговорить, но он не отвечал. Совсем как Бенни — он не мог мне ответить. Он был загипнотизирован.

Чем ближе было облако, тем фантастичней и неправдоподобней оно становилось. Ибо теперь уже не вызывало сомнений, что эта груда техники — точно такое же оборудование, как и у нас. Там были тракторы и землеройные машины, экскаваторы и бульдозеры, а между крупными агрегатами находились всевозможные устройства меньшего размера.

Еще через пять минут облако хлама зависло почти над нами и стало медленно опускаться. Мы наблюдали, как оно коснулось грунта — мягко, почти без стука, хотя и заняло два или три акра. За крупным оборудованием просматривались палатки, чашки и ложки, столы, стулья и скамейки, пара ящиков виски и какое-то исследовательское оборудование. Мне показалось, что там есть почти все, что было у нас в лагере.

Когда все это приземлилось, маленькая серебристая сфера тоже опустилась и направилась к нам. Она остановилась на некотором расстоянии, и Мэк двинулся в ее сторону. Я последовал за ним. Краем глаза я увидел, что Карр и Найт тоже пошли вперед.

Мы остановились в четырех-пяти футах от нее, и теперь было видно, что сфера — это какой-то защитный костюм. Внутри сидел маленький бледный гуманоид. Не человек, но по крайней мере две руки, две ноги, одна голова. Надо лбом у него торчала спираль антенны, уши были длинными и стояли торчком, а череп был абсолютно голым.

Он опустил сферу на землю, мы подошли еще чуть ближе и сели на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне.

Он ткнул пальцем за спину, указывая на оборудование, которое притащил с собой.

— Расплата, — объявил он тонким писклявым голосом.

Мы не ответили. Каждый сглатывал ком в горле.

— Расплата за что? — наконец удалось выдать Найту.

— За удовольствие, — ответило существо.

— Не понял, — сказал Мэк.

— Мы не знали, чего вы хотите, и сделали всего по одному. К сожалению, два набора потерялись. Возможно, несчастный случай.

— Модели, — сообщил я остальным. — Вот о чем он говорит. Модели были образцами, а модели от «тени» Гризи и Бенни...

— Это не все, — сказала существо. — Скоро будет остальное.

— Подождите-ка минутку, — сказал Карр. — Давайте кое-что проясним. Вы нам платите. Платите за что? Конкретно, что мы для вас сделали?

— Как вам это удалось? — выпалил Мэк.

— По очереди, ребята! — взмолился я.

— Машины могут делать, — ответило существо. — Знать как, и машины могут все сделать. Очень хорошие машины.

— Но почему? — снова спросил Карр. — Зачем вы это для нас сделали?

— За удовольствие, — терпеливо объяснило существо. — За смех. За время. Длинное слово, я не могу...

— Развлечение? — предположил я.

— Так правильно, — подтвердило существо. — Развлечение — верное слово. У нас много времени для развлечения. Мы сидим дома, смотрим развлекательный экран. Мы устали от него. Мы ищем что-то новое. Вы что-то новое. Даете нам много интересного. Мы пытаемся за это заплатить.

— О Боже! — воскликнул Найт. — Теперь я начинаю понимать. Мы были телевизионной сенсацией, и они послали операторов, чтобы все отснять. Мэк, вы разобрали конус вчера вечером?

— Да, — сказал Мэк. — Насколько мы можем судить, это телекамера. Конечно, не совсем такая, как наши, есть отличия, но мы считаем, что это устройство для передачи информации.

Я обернулся к инопланетянину в этой его блестящей сфере.

— Слушайте внимательно, — сказал я. — Давайте-ка ближе к делу. У вас есть желание расплачиваться до тех пор, пока мы вас развлекаем?

— С удовольствием! — ответило существо. — Вы нас развлекаете — мы даем вам то, что вам необходимо.

— Вместо одной вещи — одной из многих — вы нам сделаете дубликаты в неограниченном количестве?

— Похожих, — сказала существо, — и скажите сколько.

— Сталь? — спросил Мэк. — Вы можете сделать для нас сталь?

— Не знаю, что такое сталь. Покажите. Из чего сделано, размеры, форма. Сделаем.

— Если мы вас развлекаем?

— Да, так есть, — сказала существо.

— Сделка? — спросил я.

— Сделка, — подтвердило оно.

— Начиная с этого момента? И не прекращая, до?..

— ...до тех пор, пока мы счастливы.

— Однако придется кое-что сделать, — заявил мне Мэк.

— Не придется, — ответил я.

— С ума сошел! — воскликнул Мэк. — Они же не позволят себя обьегорить.

— Да позволят, позволят, — начал объяснять я. — Земля пойдет на все, чтобы заполучить эту планету. Неужели ты не понимаешь, что подобный обмен покроет все расходы. Все, что требуется от Земли, так это прислать по одному образцу всего, что нам понадобится. Одного образца будет достаточно. Один инфракрасный излучатель — и они нам сделают миллион. Это лучшая сделка, которую когда-либо заключала Земля!

— Мы делаем нашу часть, — со счастливым видом заметило существо, — пока вы делаете свою.

— Я сделаю заявку прямо сейчас, — сказал я Мэку, — все напишу, а Джек ее отошлет.

Я поднялся и отправился в лагерь.

— Остальное, — существо указало за плечо.

Я резко повернулся и посмотрел туда.

Еще одна куча очень низко приближалась к лагерю. На сей раз это были мужчины — плотная упаковка мужчин.

— Эй! — закричал Мэк. — Так нельзя! Так делать просто неправильно!

Мне не было надобности смотреть. Я точно знал, что случилось. Инопланетяне скопировали не только наше оборудование, но и нас самих. В пачке мужчин были

дубликаты всех членов экспедиции, всех, кроме меня и Гризи.

Напуганный до смерти, возмущенный, как был бы любой на моем месте, я не мог не задуматься о некоторых сложностях, которые могут возникнуть в создавшейся ситуации. Представьте двух Мэков, спорящих, чей приказ выполнять! Представьте двух Торнов, пытающихся работать вместе!

Я не стал задерживаться. Я оставил Мэка и остальных объяснять, почему не нужно копировать людей. У себя в палатке я сел и написал заявку: — *Безотлагательно, вне всякой очереди, насущная потребность — пятьсот грезоскопов.*

ВЕДРО АЛМАЗОВ

Полиция задержала дядюшку Джорджа, когда в три часа утра он шел по Элм-стрит. Он брел посреди улицы, пошатываясь и что-то бормоча себе под нос. А главное — с него текло так, словно он только что побывал под страшным ливнем, хотя у нас в округе вот уже три месяца не было даже намека на дождь, пожелтевшая кукуруза в полях годилась разве что в печку. Под мышкой дядюшка Джордж держал большую картину, а в руке — ведро, до краев полное алмазов. Он шествовал без ботинок, в одних носках. Когда дежурный полицейский Элвин Сондерс остановил старика и спросил, что с ним происходит, дядюшка Джордж в ответ пробормотал что-то нечленораздельное. Он, видимо, был здорово на взводе.

Именно поэтому Элвин доставил его в полицейский участок, и только там кто-то обратил внимание на его оттопыривающиеся карманы. Естественно, полицейские вывернули их и разложили содержимое на столе. Когда они внимательно осмотрели все это добро, сержант Стив О'Доннелл тут же позвонил шерифу Чету Бэрнсайдю за указаниями, что делать дальше. Шериф, отнюдь не в восторге, что его подняли среди ночи, приказал до утра запереть дядюшку Джорджа в камере, что

и было исполнено. Конечно, трудно в чем-нибудь винить шерифа. Из года в год старик доставлял достаточно неприятностей и хлопот полиции Уиллоу-Гроув.

Но стоило дядюшке Джорджу попасть в камеру, немного очухаться и разобраться, что к чему, как он тут же схватил стул и принялся дубасить в решетчатую дверь, крича, что эти подонки опять все подстроили, наплевав на его законные конституционные права свободного и добропорядочного гражданина.

— Вы обязаны дать мне позвонить! — что есть мочи вопил дядюшка Джордж. — Вы еще пожалеете, когда я выйду на свободу и подам на всех вас в суд за несправедливый арест.

Он настолько всем надоел своим криком, что они открыли камеру и разрешили ему подойти к телефону.

Конечно же, как и всегда, звонок был ко мне.

— Кто там еще? — Элси проснулась и села в кровати.

— Твой дядюшка Джордж. — сказал я.

— Так я и знала! — воскликнула жена. — Стоило тетушке Мирте уехать в Калифорнию навестить родственников, и он снова принялся за старое.

— Ладно, что там приключилось на этот раз? — спросил я дядюшку.

— Почему ты говоришь со мной таким тоном, Джон? — обиженно ответил он. — Я тебе звоню всего раз или два в году. Какой смысл иметь в семье адвоката, если...

— Может быть, ты все-таки перейдешь к делу? — прервал я. — Что случилось?

— На этот раз они у меня попляшут! С правами они попались, как миленькие. Все, что с них присудят, разделим пополам. Я ничего не сделал, я просто шел по улице, когда появился этот подонок и потащил меня в каталажку. Я не шатался, не пел и не нарушал порядка. Послушай, Джон, разве человек не имеет права ходить по улицам, хотя бы и в полночь...

— Сейчас приеду. — вновь перебил я его.

— Долго там не торчи. — заметила Элси. — У тебя завтра в суде трудный день.

— Ты что, смеешься? — не сдержался я. — Раз появился дядюшка Джордж, считай, что день потерян.

Когда я подъехал к полицейскому участку, все уже были в сборе. Дядюшка Джордж сидел за столом, на

котором высилось ведро с алмазами и лежала кучка отобранных у него вещей. К ножке стола была прислонена картина. Шериф прибыл в участок за несколько минут до меня.

— Итак, — сказал я, — перейдем к делу. В чем его обвиняют?

— Пока нам не требуется никаких обвинений.

Шериф до сих пор злился, что его подняли с постели среди ночи.

— Вот что, Чет, — сказал я, — не пройдет и нескольких часов, как тебе потребуется официальное обвинение, да еще как. Так что советую подумать над этим сейчас.

— Я предпочитаю подождать, что скажет Чарли.

Он имел в виду прокурора Чарли Нивинса.

— Ладно, раз нет обвинения, то каковы хотя бы обстоятельства ареста?

— Этот Джордж тащил ведро алмазов. А теперь ты мне ответь, где он их добыл?

— Возможно, это вовсе не алмазы, — предположил я. — Ты в этом уверен?

— Утром, когда Гарри откроет свою лавочку, мы пригласим его посмотреть.

Гарри был ювелиром, который держал магазинчик на другой стороне площади.

Я подошел к столу и взял несколько камней. Конечно, я не ювелир, но мне они показались настоящими алмазами. Камни были превосходно отшлифованы, и их грани так и горели, когда на них падал свет. Некоторые были с кулак величиной.

— Даже если это алмазы, при чем здесь арест? Я что-то не слышал о законе, который запрещал бы человеку носить алмазы в ведре.

— Вот-вот, выложи-ка им, Джон! — обрадовался дядюшка Джордж.

— Помолчи, — сказал я, — и вообще не суйся не в свое дело, раз я им занялся.

— Но ведь у Джорджа сроду не водилось никаких алмазов, — не сдавался шериф. — Должно быть, они краденые.

— Значит, вы обвиняете его в краже?

— Ну, не то чтобы так сразу, — шериф держался не слишком уверенно. — У меня пока нет доказательств.

— А потом еще эта картина, — вставил Элвин Сондерс. — Сдается мне, весьма ценная — похоже, кого-то из старых мастеров.

— Удивительное дело, — сказал я, — не скажет ли мне кто-нибудь из вас, где в Уиллоу-Гроув можно было бы украсть картину, принадлежащую кисти старого мастера, или же ведро алмазов?

Тут они, конечно, притихли. В нашем Уиллоу-Гроув если у кого и можно найти порядочную картину, то только у банкира Эймоса Стивенса, который привез одну, когда ездил в Чикаго. Впрочем, с его познаниями в искусстве не исключено, что ему всучили подделку.

— И все-таки, согласитесь, тут что-то не то, — вздохнул шериф.

— Возможно, но я сомневаюсь, что этого достаточно, чтобы держать человека в тюрьме.

— Дело даже не столько в картине или алмазах, — шериф был явно озабочен, — сколько в остальном добре. Из-за него-то мне и сдается, что дело нечистое. Взгляни-ка сам.

Он взял со стола какую-то штуковину и протянул мне.

— Осторожно, — предупредил он, — один конец у нее очень горячий.

Вещица была около фута длиной и по форме напоминала песочные часы из прозрачного пластика. Узенькая в центре, она расширялась к полным концам. В середине был вставлен небольшой, по-видимому, металлический, прут. Один его конец рдел, как раскаленное железо, и когда я поднес ладонь к открытой полости, то почувствовал дуновение горячего воздуха. Другой же конец, белый, был покрыт кристалликами. Я повернул непонятное приспособление.

— Смотри, не вздумай до него дотронуться, — предупредил шериф, — палец примерзнет — видишь, на нем лед.

Я осторожно положил вещицу на стол.

— Как ты думаешь, что это такое? — спросил шериф.

— Откуда мне знать.

Я действительно не имел ни малейшего представления. Физика никогда не была в числе моих любимых предметов, к тому же я давно забыл даже то небольшое, что когда-то учил в школе. И все же я готов был голову

дать на отсечение, что лежавшая на столе штуковина не могла существовать в природе. Тем не менее вот она перед нами: один конец раскален, другой — холоднее льда.

— А как тебе нравится это? — шериф взял в руки небольшой треугольник из тонких прутиков металла или пластика. — По-твоему, что это такое?

— Что это такое? Ну просто...

— Просто? Попробуй-ка просунуть в него палец.

В голосе шерифа послышалось настоящее торжество.

Я попытался выполнить его указание, но из этого ничего не вышло. Внутри треугольника была пустота. Во всяком случае, мой палец не встретил никакого препятствия, и все же я не мог продвинуть его ни на миллиметр, словно треугольник был заполнен невидимым и неосязаемым, но твердым, как сталь, веществом.

— Разреши-ка взглянуть, в чем там дело, — попросил я.

Шериф охотно передал мне загадочную вещь. Я поднял ее так, чтобы свет от лампочки проходил через самый центр. Ничего. Я вертел треугольник и так и этак, но не обнаружил даже намека на какую-нибудь прозрачную пластинку. Но всякий раз, когда я пытался просунуть палец в отверстие, что-то его не пускало.

Дело кончилось тем, что я положил треугольник на стол рядом со штуковиной, похожей на песочные часы.

— Хватит или еще показать? — осведомился шериф.

Я мотнул головой.

— Согласен, Чет, я ни черта во всем этом не понимаю, и все-таки это еще не основание держать Джорджа под замком.

— Он останется здесь, пока я не поговорю с Чарли, — заупрямился шериф.

— Надеюсь, ты понимаешь, что, как только откроется суд, я явлюсь сюда с постановлением о его освобождении.

— Знаю, Джон. — Спорить с шерифом было явно бесполезно. — Конечно, ты отличный адвокат, но я просто не могу отпустить Джорджа.

— В таком случае составьте заверенную опись всех вещей, которые вы отобрали у него. Я отсюда не уйду, пока не удостоверюсь, что они заперты в сейф.

— Но...

— Теоретически все это собственность Джорджа.

— Это невозможно, ты же сам знаешь, Джон, что это невысказано. Ну посуди сам, где он, черт побери, мог достать...

— До тех пор пока вы не докажете, что он украл все эти вещи у какого-то конкретного лица, по закону они принадлежат ему. Человек вовсе не обязан предоставлять доказательства того, где он приобрел свою собственность.

— Ладно, ладно, — согласился шериф, — я составлю опись, вопрос только, как назвать все эти штуковины.

Ну, это была уже его забота.

— А сейчас мне надо обсудить с моим клиентом некоторые вопросы наедине, — сказал я.

Немного поспорив и поворчав, шериф открыл комнату для свидания с арестованными.

— Итак, Джордж, расскажи, что же все-таки с тобой произошло. Я имею в виду все-все. И постарайся по порядку.

Джордж понял, что я не шучу. К тому же он давно убедился, что лгать мне бесполезно: я все равно всегда на чем-нибудь ловил его в таких случаях.

— Ты, конечно, знаешь, что Мирта уехала, — начал он.

— Да.

— И ты знаешь, что, когда ее нет, я позволяю себе немного развлечься, пропустить рюмочку-другую и в конце концов влипаю в какую-нибудь историю. На этот раз я дал себе слово, что не возьму ни капли в рот и обойдусь без всяких там неприятностей. Бедняжке Мирте из-за меня и так уже изрядно досталось, вот я и решил доказать, что вполне могу держаться в рамках приличия. Сiju я вчера вечером в гостиную. В одних носках — ботинки я снял. Включил телевизор, смотрю бейсбол. Знаешь, Джон, если бы «Близнецы» нашли себе стоппера получше, на будущий год у них могли бы быть шансы. Конечно, кроме стоппера, им нужна еще и отбивка попримечнее да пару-тройку левшей не мешало бы...

— Не отвлекайся. — прервал я.

— Да, так вот, сiju я тихо-мирно, смотрю игру. Ну, пиво потихоньку потягиваю — я притащил полдюжины, и у меня как раз пятая бутылка кончалась. .

— А мне показалось, что ты дал себе обещание не пить.

— Конечно, Джон, чтоб мне провалиться! Так ведь это же было пиво. Я его могу целый день дуть и ни в одном глазу...

— Хорошо, продолжай.

— Значит, я и говорю, пью пиво. Шел седьмой период, «Янки» уже двоих провели, и вдруг Мэнтл как...

— Да черт с ней, с игрой! — не выдержал я. — Я хочу знать, что приключилось с тобой. Ведь влип-то ты, а не какой-то Мэнтл.

— А больше ничего и не было. Как раз в седьмом периоде Мэнтл вдарил с лёта, а потом смотрю: иду это я по улице, а из-за угла выныривает полицейская машина.

— Ты хочешь сказать, что не помнишь, что произошло в промежутке? Что не знаешь, откуда у тебя оказалось ведро алмазов, картина и все прочее.

Джордж покачал головой:

— Я тебе рассказываю все, как было. Больше ничего не помню. Я бы не стал тебе врать. Нет смысла, все равно ты на чем-нибудь подловишь.

Некоторое время я молча разглядывал дядюшку Джорджа. Расспрашивать дальше было без толку. Возможно, он рассказал правду, хотя, скорее всего, и не всю, но, чтобы вытянуть из него остальное, у меня сейчас не было времени.

— Ладно, — сказал я, — пусть пока будет так, как ты говоришь. А теперь возвращайся к себе в камеру, и чтобы было тихо. Веди себя прилично. Часам к девяти я вернусь и постараюсь выцарапать тебя отсюда. Ни с кем не разговаривай. Не отвечай ни на какие вопросы. Ничего не объясняй и не рассказывай. Если будут приставать и настаивать, скажи, что я запретил тебе говорить.

— Мне оставят алмазы?

— Трудно ручаться, может, это вовсе и не алмазы.

— Но ты же сам потребовал, чтобы составили опись.

— Ну и что из того? Я не могу гарантировать, что заставлю их вернуть отобранное.

— Послушай, Джон, у меня во рту пересохло, сил больше нет...

— Нет, и не надейся.

— Ну всего бутылочки три-четыре пивка, а? С них не будет никакого вреда. Так, глотку промочит! Человек не может опьянеть от нескольких бутылочек пива. Я вчера вовсе не был пьян. Клянусь, ни в одном глазу...

— Где я тебе достану пива среди ночи?

— У тебя в холодильнике всегда несколько бутылок припрятано. А ехать каких-нибудь шесть кварталов.

— Так и быть, я поговорю с шерифом.

Шериф не имел ничего против: ладно, пусть дядюшка Джордж хлебнет пива, ничего страшного не случится.

Из-за купола здания суда выглядывал краешек луны. В свете раскачивающейся на ветру лампы то возникал, то скрывался во тьме памятник Неизвестному солдату, стоявший в центре площади. Я поднял голову: на небе ни облачка. О дожде не могло быть и речи. Скоро наступит утро, взойдет солнце, и опять на полях будет сохнуть кукуруза, а фермеры будут с тревогой следить, как насосы, фыркая и кашляя от натуги, с трудом выплевывают в деревянные корыта тонкие струйки воды, которой все равно не хватит, чтобы как следует напоить скот.

На газоне перед зданием суда возились пять-шесть собак. Выпускать их на улицу было запрещено, но никто из жителей Уиллоу-Гроув не обращал внимания на этот запрет в надежде, что собаки успеют вернуться домой раньше, чем Вирджил Томпсон, городской собачник, выйдет на промысел.

Я сел в машину, поехал к себе, взял из холодильника четыре бутылки пива и отвез их дядюшке Джорджу в полицию, после чего снова вернулся домой.

Часы показывали половину пятого утра. Я решил, что нет смысла ложиться, сварил кофе и начал жарить яичницу. Услышав, как я громыхаю на кухне посудой, Элси спустилась вниз. Пришлось добавить пару яиц и на ее долю. Потом мы уселись за стол и принялись обсуждать случившееся.

Дядюшка Джордж уже не раз попадал во всякого рода истории, впрочем, не очень серьезные, и мне всегда удавалось уладить дело. Он вовсе не был забулдыгой, напротив, в городе его любили за честность и незлобивый характер. Он держал свалку на окраине города и умудрялся жить на мизерную плату, которую взимал с тех, кто прибегал к его услугам. Мусор он отправлял на заболоченный участок неподалеку, а вся-

кую дребедень, которая еще на что-либо годилась, тщательно отбирал и затем продавал по дешевке. Конечно, это было не слишком прибыльное и процветающее предприятие, но, во всяком случае, дядюшка Джордж имел свое дело, а в таком маленьком городишке, как наш Уиллоу-Гроув, это кое-что значило.

Но вещицы, которые обнаружили у него на сей раз, были совершенно иного рода, и это-то меня беспокоило. Где он мог их заполучить?

— Тебе не кажется, что следует позвонить тетушке Мирте? — озабоченно спросила Элси.

— Не сейчас. От нее все равно проку не будет. Единственное, на что она способна, так это причитать и заламывать руки.

— Что ты собираешься предпринять?

— Прежде всего нужно найти судью Бенсона и получить от него постановление об освобождении дядюшки Джорджа. Если только Чарльз Нивинс не придумает каких-нибудь оснований для продления ареста, хотя это и маловероятно. По крайней мере, сейчас.

Увы, утром мне так и не удалось получить постановления. Я уж совсем было собрался поехать в суд и отыскать судью Бенсона, как моя секретарша Дороти Инглез, суровая старая дева, сообщила, что меня просит к телефону Чарли Нивинс.

Не успел я взять трубку, как прокурор, не дав мне даже поздороваться, начал кричать:

— Не вздумай отмалчиваться! Лучше говори сразу, как ты это устроил? Как помог Джорджу удрать из камеры?

— Но ведь он в полиции! Когда я уезжал, он сидел под замком, и я как раз собирался к судье...

— Ну так вот, его там давно уже нет! — надрывался Чарли. — Дверь заперта, а он исчез. Единственное, что от него осталось, это четыре пустые бутылки из-под пива, выстроенные в ряд на полу.

— Послушай, Чарли, ты же меня знаешь. Так вот, поверь, я не имею ровно никакого отношения ко всей этой истории.

— Конечно, я тебя знаю. Нет такой грязнойделки...

От возмущения он даже подавился и закашлялся. И поделом ему. Из всех крючкотворов-законников в нашем штате Чарли Нивинс самый несносный.

— Если ты намерен отдать приказ о задержании Джорджа как беглеца, то не забывай об отсутствии оснований для его первоначального ареста.

— Какие, к черту, основания! Достаточно одного ведра алмазов.

— Если они подлинные.

— Это настоящие алмазы, будь спокоен. Гарри Джонсон смотрел их сегодня утром. Так вот, он утверждает, что нет ни малейшего сомнения в их подлинности. Вся загвоздка, по его словам, только в том, что на Земле таких огромных алмазов нет. Да и по чистоте с ними ни один не сравнится.

Чарли на мгновение умолк, а затем произнес хриплым шепотом:

— Послушай, Джон, скажи честно, что происходит? Я никому...

— Я и сам не знаю, что тут творится.

— Но ты же беседовал с Джорджем, и он заявил шерифу, что ты приказал ему не отвечать ни на какие вопросы.

— Обычная юридическая процедура, — сказал я. — Против этого тебе нечего возразить. И еще одно. Ты отвечаешь за то, чтобы алмазы ненароком не исчезли. Я заставил Чета составить и подписать опись, и поскольку не выдвинуто обвинение...

— А как насчет бегства из участка?

— Сначала еще нужно доказать, что арест был произведен на законных основаниях.

Чарли грохнул трубкой, а я уселся в кресло и попытался привести факты в порядок. Однако все происшедшее казалось слишком фантастическим, чтобы в нем можно было толком разобраться.

— Дороти, — позвал я секретаршу.

Она просунулась в дверь, всем своим видом выражая неодобрение. Судя по всему, она уже слышала — как, впрочем, и весь город — о том, что произошло, и к тому же вообще была весьма невысокого мнения о дядюшке Джордже. Наши с ним отношения вызывали у нее недовольство, и она не упускала возможности подчеркнуть, что он стоил мне немалых денег и времени без какой-либо надежды на компенсацию. Это, конечно, соответствовало истине, но нельзя же ожидать от владельца городской свалки, чтобы он платил адвокату

баснословный гонорар. А кроме всего прочего, Джордж ведь приходился Элси дядюшкой.

— Дороти, свяжись с Кэлвином Россом из института искусств в Миннеаполисе, он мой старый друг...

Банкир Эймос Стивенс ворвался в комнату словно метеор. Он промелькнул мимо Дороти прежде, чем она успела вымолвить слово.

— Джон, ты знаешь, что у тебя там?..

— А, ты имеешь в виду ту картину?

— Как, по-твоему, где Джордж раздобыл Рембрандта? Ведь картины этого художника на дороге не валяются, их только в музеях и увидишь.

— Скоро мы все это выясним, — я поспешил успокоить Стивенса, единственного эксперта по вопросам искусства в Уиллоу-Гроув. — Мне сейчас должны звонить и...

В дверях опять показалась голова Дороти:

— Мистер Росс на проводе.

Я взял трубку и почувствовал некоторую неловкость. С Кэлом Россом мы не виделись лет пятнадцать, и я даже не был уверен, что он меня помнит. Но все же я назвал себя и непринужденным тоном начал разговор, словно мы только вчера вместе завтракали. Впрочем, и он меня приветствовал в том же духе. Затем я перешел к делу:

— Кэл, у нас есть одна картина, по-моему, тебе не мешало бы на нее взглянуть. Кое-кто считает ее старинной. Возможно, она даже принадлежит кисти одного из старых мастеров. Понятно, это может показаться тебе невероятным, но...

— Где, ты говоришь, находится эта картина?

— Здесь, в Уиллоу-Гроув.

— Ты ее видел?

— Взглянул разок, но мне трудно...

— Скажи ему, что это Рембрандт, — свирепо шептал Стивенс.

— Кто ее владелец?

— Пока практически никто. Она находится в полицейском участке.

— Джон, признайся честно, не намереваешься ли ты втянуть меня в какую-нибудь историю? Может быть, я тебе понадобился как свидетель-эксперт?

— Об этом речь не идет, хотя в какой-то мере твоя помощь связана с делом, которым я сейчас занимаюсь.

Возможно, мне удастся договориться, чтобы тебе запла-
тили за...

— Скажи ему, — не унимался Стивенс, — что это Рембрандт!

— Там, кажется, кто-то говорит о Рембрандте? — спросил Кэл.

— Да нет, никто точно этого не знает.

— Ну что ж, возможно, я сумею к вам выбраться.

Кэл явно заинтересовался. Или точнее, пожалуй, был заинтригован.

— Я найму самолет, чтобы тебя доставили прямо в Уиллоу-Гроув. — пообещал я.

— Неужели дело настолько важно?

— Откровенно говоря, Кэл, я и сам толком не знаю. Мне хотелось бы услышать твое мнение.

— Ладно, договаривайся насчет самолета и позвони мне. Через час я могу быть в аэропорту.

— Спасибо, Кэл. Я тебя встречу.

Я заранее знал, что Элси будет на меня дуться, а Дороти придет в негодование. Какому-то адвокату в таком заштатном городишке, как наш, нанимать самолет было явным сумасбродством. Но если нам удастся выцарапать алмазы или хотя бы часть их, плата за самолет покажется такой мелочью, о которой и говорить не стоит. Правда, я не был полностью уверен, что Гарри Джонсон сумеет отличить настоящий алмаз от поддельного, даже если увидит его. Конечно, ему приходилось торговать алмазами в своей лавчонке, но я подозреваю, что он просто верил какому-нибудь оптовому поставщику на слово, что это действительно алмазы.

— С кем ты говорил? — спросил Стивенс.

Я рассказал ему, кто такой Кэлвин Росс.

— Тогда почему ты не сказал ему, что это Рембрандт? — набросился на меня банкир. — Неужели ты не веришь, что кого-кого, а уж Рембрандта я всегда смогу отличить?

Я чуть было не сказал ему, что именно это и имел в виду, но вовремя спохватился: не исключено, что в будущем мне еще не раз придется обращаться к нему за кредитом.

— Послушай, Эймос, — схитрил я, — мне просто не хотелось бы раньше времени влиять на его заключение. Как только он прибудет сюда и взглянет на картину, он, без сомнения, увидит, что это Рембрандт.

Моя уловка несколько утешила банкира. Затем я вызвал Дороти и попросил ее договориться о самолете для Кэла. С каждым моим словом ее тонкогубый рот все больше поджимался, а лицо приобретало не просто кислое, а прямо-таки уксусное выражение. Не будь при этом Эймаса, она бы не преминула прочитать мне нотацию о том, как пагубно швыряться деньгами.

Глядя на Дороти, я мог понять, почему она получала огромное наслаждение на слетах Приверженцев Очищения, которые каждое лето, словно грибы после дождя, рождались в Уиллоу-Гроув и окрестных городках. Она не пропускала ни одного из них — неважно, какая община или секта была организатором, — стойчески высиживала часами на жестких скамейках в летнюю жару, неизменно бросала монетку на тарелку для сбора пожертвований и с огромным удовлетворением выслушивала всю эту болтовню о грешниках и адском огне. Она постоянно уговаривала меня посетить такое собрание, причем у меня сложилось впечатление, что, по ее глубокому убеждению, это пошло бы мне только на пользу. Но до сих пор я успешно противостоял всем ее атакам.

— Вы опоздаете в суд, — в голосе Дороти сквозило явное неодобрение, — а ведь сегодня слушается дело, на которое вы затратили столько времени.

Это нужно было так понимать, что мне не следовало бы зря тратить время на дядюшку Джорджа.

Пришлось отправиться в суд.

Во время перерыва я позвонил в полицию, но дядюшки Джорджа там не было и в помине. В три часа пришла Дороти с сообщением о том, что Кэлвин Росс прибудет в пять. Я попросил ее позвонить Элси и предупредить, что к обеду у нас будет гость, который, возможно, останется ночевать. Дороти промолчала, но по ее глазам я прочитал, что она считает меня зверем, и будет только справедливо, если в один прекрасный день Элси соберется и уйдет от меня.

В пять часов я встретил Кэла на аэродроме. К тому времени там уже собралась изрядная толпа — люди каким-то образом пронюхали о приезде эксперта, который даст свое суждение о картине, чудом попавшей в руки Джорджа Уэтмора.

Кэл здорово постарел и выглядел еще более важным, чем я его помнил. Но, как и раньше, он был вежлив

и так же поглощен своим искусством. Больше того, я сразу же увидел, что он не на шутку взволнован. Возможность открытия давно утерянного полотна, представляющего хоть какую-то ценность, — насколько я понимаю, — мечта каждого искусствоведа.

Я оставил машину на площади, и мы отправились с Кэлом в полицию, где я познакомил его с нашими блюстителями порядка. Чет сказал, что о Джордже по-прежнему нет ни слуху ни духу. После недолгих препирательств он достал картину и положил на стол прямо под лампой.

Кэл подошел взглянуть на нее и вдруг замер, словно сеттер в стойке, заметивший перепелку. Он стоял и смотрел, не произнося ни слова, а мы, столпившись вокруг, старались не слишком сопеть от нетерпения.

Наконец Кэл достал из кармана лупу, наклонился над полотном и принялся изучать его дюйм за дюймом. Прошло еще немало томительных минут, прежде чем он выпрямился ко мне:

— Джон, поддержи, пожалуйста, полотно вертикально...

Я поднял картину, и Кэл отступил на несколько шагов и вновь принялся рассматривать. Затем он наклонился немного в одну сторону, потом в другую, все же не спуская с картины глаз, вновь приблизился к столу и взялся за лупу. Наконец он выпрямился и обратился к Чету:

— Весьма вам признателен. Будь я на вашем месте, то собрал бы для охраны этой картины все ваши наличные силы.

Чет просто умирал от нетерпения, так ему хотелось знать мнение Кэла, но я предусмотрительно решил не предоставлять ему возможности задавать вопросы, хотя и не сомневался, что Кэл не станет особо распространяться. Поэтому я поспешил увести Кэла на улицу и втолкнуть в машину, где мы некоторое время сидели молча, уставившись друг на друга.

— Если только мне не изменяет зрение и я вдруг не позабыл все, что знал о живописи, это картина Тулуз-Лотрека «Кадриль в Мулен-Руж».

Значит, это все-таки был не Рембрандт! Мне бы следовало об этом догадаться. Хорош же знаток искусства Эймос Стивенс!

— Готов дать голову на отсечение, — Кэл начал горячиться, — это подлинник. Скопировать картину столь безукоризненно просто физически невозможно. Загвоздка только в одном.

— В чем?

— «Кадриль в Мулен-Руж» находится в Вашингтоне, в Национальной галерее.

Я почувствовал, как внутри у меня что-то оборвалось. Если дядюшка Джордж каким-то чудом ухитрился обокрасть Национальную галерею, мы оба конченные люди.

— Вполне возможно, что картина Тулуз-Лотрека пропала из Национальной галереи, а ее дирекция хочет выждать день-другой и не сообщает об этом, — продолжал Кэл. — Хотя обычно в таких случаях они уведомляют большие музеи и кое-кого из оценщиков.

Он недоуменно покачал головой:

— Но кто мог додуматься до этого, ума не приложу. Конечно, всегда есть возможность продать украденную картину какому-нибудь коллекционеру, который будет украдкой любоваться ею. Однако это сопряжено с предварительными переговорами, да и, кроме того, немногие коллекционеры рискнут купить такой всем известный шедевр, как «Кадриль в Мулен-Руж».

Я схватился за его слова.

— Значит, ты исключаешь вероятность кражи картины дядюшкой Джорджем?

Кэл озадаченно посмотрел на меня:

— Насколько я понимаю, этот твой дядюшка вряд ли отличит одну картину от другой.

— Вот именно.

— В таком случае не стоит даже думать о краже. Видно, он где-то подобрал эту картину. Но где? Вот в чем вопрос.

Тут я ничем не мог ему помочь.

— Надо немедленно позвонить в Вашингтон, — сказал Кэл.

Мы поехали ко мне на работу. В приемной меня встретила Дороти.

— В кабинете вас дожидается Шелдон Рейнольдс, — сухо сообщила она. — Полковник военно-воздушных сил.

— Я тогда позвоню отсюда, — извиняющимся тоном сказал Кэл.

— Полковник Рейнольдс ждет уже не меньше часа. Он производит впечатление весьма терпеливого человека.

Дороти ясно давала понять, что она не одобряет моих отношений с людьми из мира искусств, еще более осуждает мою встречу с представителем военно-воздушных сил и очень сердита на меня за то, что я счел возможным предупредить Элси о госте к обеду в самую последнюю минуту. Моя секретарша буквально кипела от негодования, но была слишком хорошо воспитана и слишком лояльна ко мне, как к хозяину, чтобы устраивать сцену в присутствии Кэла.

Я вошел в кабинет, и, конечно же, полковник Рейнольдс был там и всем своим видом демонстрировал крайнее нетерпение, сидя на самом краешке стула и раздраженно барабанил по нему пальцами. Увидев меня, он прекратил свои музыкальные упражнения и встал.

— Мистер Пейдж, если не ошибаюсь?

— Извините, что заставил вас ждать. Чем могу быть полезен?

Мы пожали друг другу руки, и он опять уселся на стул, на сей раз достаточно плотно, а я с тревожным предчувствием примостился на краешек стола.

— До меня дошли сведения о том, что в вашем городе имели место несколько необычные... происшествия, — начал полковник, — причем с ними связана находка определенных предметов. Я говорил с прокурором, и тот указал на вас как на человека, к которому следует обратиться по данному вопросу. Кажется, существуют некоторые неясности относительно того, кому конкретно принадлежат указанные предметы?

— Если вы говорите о том, что имею в виду я, то никаких неясностей не существует. — возразил я. — Все предметы, о которых идет речь, являются собственностью моего клиента.

— Насколько мне известно, ваш клиент бежал из полиции.

— Исчез, — поправил я. — Причем первоначально он был взят под арест совершенно незаконным путем. Он не совершил никакого преступления, просто шел по улице.

— Мистер Пейдж, меня совершенно не касаются подробности этого дела. Военно-воздушные силы, которые я представляю, интересуют лишь определенные предметы, имеющиеся у вашего клиента.

— Вы видели эти предметы?

Рейнольдс покачал головой:

— Нет. Прокурор заявил, что в суде вы распнете его на кресте, если он разрешит мне осмотреть их. Однако, по его словам, вы человек разумный и при соответствующем подходе...

— Послушайте, полковник, — прервал его я, — в тех случаях, когда благосостоянию моего клиента что-нибудь угрожает, я никогда не являюсь разумным человеком.

— Вы не знаете, где сейчас находится ваш клиент?

— Понятия не имею.

— По-видимому, он рассказал вам, где достал эти вещицы?

— Мне кажется, он и сам толком не знает.

Я видел, что полковник не поверил ни единому моему слову, и не мог винить его в этом.

— Разве ваш клиент не сказал вам, что встретился с «летающей тарелкой»?

Я был настолько изумлен, что лишь покачал головой. Вот это новость! У меня даже мысли об этом не было.

— Мистер Пейдж. — Голос полковника стал необыкновенно серьезным. — Не стану от вас скрывать: эти предметы очень важны для нас. Причем не только для ВВС, а для всей нации. Если противная сторона завладеет ими раньше...

— Минуточку, — прервал я его. — Вы на самом деле пытаетесь уверить меня в том, что на свете существуют такие вещи, как «летающие тарелки»?

— Я вовсе не пытаюсь делать этого, — моментально насторожился полковник. — Я просто спрашиваю...

Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова Кэла.

— Извините, что прерываю вас, но мне нужно ехать, — сказал он.

— Нет, нет, ты этого не сделаешь, — запротестовал я. — Элси ждет тебя к обеду.

— Мне необходимо быть в Вашингтоне, — не сдавался Кэл. — Твоя секретарша обещает отвезти меня на аэродром. Если пилоту удастся доставить меня домой за час с небольшим, я могу успеть на самолет в Вашингтон.

— Ты дозвонился до Национальной галереи?

— Картина у них. — Кэл был явно озабочен. — Правда, ее могли подменить, но это слишком невероятно, особенно при такой строгой охране. Я почти не рассчитываю, что ты позволишь...

— И правильно делаешь. Картина в любом случае должна быть здесь.

— Но ее место в Вашингтоне!

— Только не в том случае, если их две! — не выдержал я.

— Это невозможно!

Теперь мы оба перешли на крик.

— И все же, по-видимому, это так, — не сдавался я.

— Мне было бы намного спокойнее, Джон, если бы картина находилась в надежном месте.

— Полиция стережет ее.

— Сейф в банке представляется мне куда более надежным.

— Ладно. Постараюсь что-нибудь сделать, — пообещал я. — Что тебе сказали в Национальной галерее обо всем этом?

— Да почти ничего. Они поражены. Кто-нибудь от них, возможно, приедет сюда.

— Пускай. Пентагон уже здесь.

Мы пожали друг другу руки, и Кэл поспешно вышел, а я опять примостился на краю стола.

— Да, с вами нелегко иметь дело, — протянул полковник. — Чем вас пронять: может быть, патриотизмом?

— Боюсь, что я не слишком патриотичен. Предупреждаю, что и моему клиенту я дам указание не перебарщивать с патриотизмом.

— Деньги?

— Если их будет целая куча.

— Интересы общества.

— Сначала вам придется доказать, что это действительно в его интересах.

Мы в упор смотрели друг на друга. Полковник Рейнольдс не вызывал во мне ни малейшей симпатии, как, впрочем, и я в нем.

Зазвонил телефон. Это оказался Чет, который затараторил с бешеной скоростью, едва я взял трубку.

— Джордж объявился, — кричал он. — С ним еще один тип, и они приехали на какой-то шукувине вроде автомобиля, только без колес...

Я бросил трубку и устремился к двери. Краем глаза я увидел, что полковник Рейнольдс тоже вскочил и последовал за мной.

Чет был прав. Эта штукавина действительно выглядела как спортивный автомобиль без колес. Она стояла перед полицейским участком, точнее, висела в двух футах от земли, и легкое гудение свидетельствовало о том, что внутри помещался какой-то механизм, который работал необычайно ровно. Вокруг собралась целая толпа, и я едва протолкнулся к машине.

Джордж сидел там, где должен был находиться водитель, а рядом торчало настоящее пугало с неописуемо унылой физиономией. Незнакомец был одет в черный, застегнутый спереди, стянутый у горла балахон, голову плотно облежала черная шапочка, спускавшаяся на самые глаза, лицо и кисти рук этого чудовища были белые как снег.

— Что с тобой произошло? — строго спросил я Джорджа. — И вообще чего ради ты здесь расселся?

— Понимаешь, Джон: я боялся, что Чет опять упрячет меня под замок. Эта штука просто чудо. Она и по земле может катить и летать, как самолет. Я, правда, еще толком в ней не разобрался, ведь вожу-то я ее всего ничего, но управлять ею одно удовольствие, и младенец бы смог.

— Скажи ему, — вмешался Чарли Нивинс, — что никто его не собирается арестовывать. Тут творится что-то необычное, но я вовсе не уверен, что это является нарушением закона.

Я с удивлением оглянулся. Проталкиваясь к машине, я и не заметил прокурора, а теперь он стоял рядом. В тот же миг Рейнольдс оттолкнул меня в сторону и протянул руку Джорджу.

— Я полковник Рейнольдс из военно-воздушных сил. Совершенно необходимо, чтобы вы рассказали мне обо всем подробно. Это очень важно.

— Так она просто стояла там вместе со всяким барахлом, — принялся объяснять Джордж, — ну я и взял ее. Видно, она никому не нужна, и ее просто выкинули. Там целая куча людей выбрасывала всякие штуки, которые им без надобности.

— Вот-вот, и алмазы кто-то выбросил, и картину тоже, — ехидно вставил Чет.

— Про них я ничего не знаю, — на полном серьезе ответил Джордж. — Я про тот раз ничего не помню. Дождь шел, и куча разного добра лежала...

— Помолчи-ка, Джордж, — сказал я.

Мне он ничего не говорил о какой-то куче добра. Или память у него улучшилась, или прошлый раз он просто врал мне.

— Мне кажется, — примирительно сказал Чарли, — что нам следует спокойно сесть и постараться разобраться в том, что происходит.

— Не возражаю, — ответил я, — только учтите, что эта машина является собственностью моего клиента.

— По-моему, ты слишком много на себя берешь.

— Ты же сам видишь, Чарли, что меня к этому вынуждают. Стоит мне на секунду ослабить бдительность, и вы вместе с Четом и Пентагоном растопчете меня.

— Хорошо, оставим это. Джордж, опусти машину на землю и пойдем с нами. Чет останется здесь и последит, чтобы никто ее и пальцем не тронул.

— При этом не забудьте, что картина и алмазы тоже должны находиться под постоянной охраной. Думаю, картина стоит огромных денег, — добавил я.

— Самое подходящее время для ограбления банка, — с раздражением заявил Чет, — если я поставлю всех моих полицейских охранять добро вашего Джорджа.

— Мне кажется, что при нашей беседе должен присутствовать и спутник Джорджа, — не обращая внимания на слова шерифа, продолжал Чарли. — Возможно, он сможет добавить кое-что весьма важное.

Спутник Джорджа, казалось, не слышал, о чем мы говорили. Он вообще не обращал никакого внимания на то, что происходило вокруг. Он просто сидел в машине, словно аршин проглотил, и смотрел отсутствующим взглядом вперед.

Чет с важным видом обошел вокруг машины, и в этот момент необычный пассажир заговорил каким-то странным, высоким и пронзительным голосом. Я не понял ни слова, но, хотя это и может показаться невероятным, совершенно точно знал смысл его речи.

— Не прикасайтесь ко мне! — потребовал незнакомец. — Уйдите прочь. Не мешайте.

После этого он открыл дверцу и ступил на землю. Чет попятился, остальные тоже. Наступило тягостное

молчание, хотя за секунду до этого толпа гудела, как пчелиный рой. По мере того как незнакомец шел по улице, люди расступались перед ним. Чарли и полковник тоже отступили назад, давая ему дорогу, и притиснули меня к машине. Незнакомец прошел всего в каких-нибудь десяти шагах от меня, и я смог хорошенько рассмотреть его лицо: на нем не было совершенно никакого выражения, а сердито-кислым оно явно было от природы. Именно таким, как я представляю, мог бы выглядеть средневековый инквизитор. При этом в незнакомце было еще что-то, что трудно выразить словами. Он как бы оставлял ощущение какого-то необычного запаха, хотя на самом деле от него ничем не пахло. Пожалуй, наиболее точным для передачи этого ощущения будет запах святости, если таковой вообще существует. От него словно бы исходило вибрирующее излучение, которое действовало на органы чувств так же, как ультразвук воздействует на собаку, хотя человек его и не слышит. Незнакомец прошествовал мимо меня и направился дальше по улице сквозь строй расступающихся людей. Шагал он медленно, отрешенно, так, как если бы вокруг никого не было, и, очевидно, не замечал никого из нас. Зато все мы не отрывали от него глаз, пока он не вышел из толпы и не повернул за угол. Даже после этого мы еще какое-то время стояли, не двигаясь, словно бы в растерянности, и только чей-то шепот вывел нас из транса. Толпа вновь загудела, хотя куда более приглушенно, чем раньше.

Чьи-то пальцы жестко схватили меня за руку. Оглянувшись, я увидел, что это Чарли. Впереди стоял полковник и не сводил с меня глаз. Его напряженное лицо побледнело, а на лбу выступили капли пота.

— Джон, — тихо произнес Чарли, — нам нужно немедленно уединиться и все обсудить.

Я обернулся к машине и увидел, что она уже стоит на земле, и из нее вылезает Джордж.

— Пошли, — сказал я ему

Впереди, расталкивая людей, шел Чарли, за ним — полковник Рейнольдс, а мы с Джорджем замыкали шествие. Не произнося ни слова, мы прошли к площади и прямо через газон направились к зданию суда. Когда мы расположились в кабинете Чарли, тот запер дверь и достал из ящика письменного стола бутылку виски и

четыре бумажных стаканчика, которые он наполнил почти до краев.

— Льда нет, — извинился он. — Впрочем, шут с ним, сейчас нужно как раз что-нибудь покрепче.

Мы молча разобрали стаканчики, уселись, кто где сумел, и так же молча залпом выпили неразбавленное виски.

— Вы что-нибудь поняли, полковник? — спросил Чарли.

— Было бы полезно побеседовать с пассажиром, — вместо ответа заметил Рейнольдс. — Надеюсь, его постараются задержать.

— Не мешало бы, — согласился Чарли. — Хотя, убей меня Бог, не представляю, каким образом можно его взять.

— Он захватил нас врасплох, — заявил полковник. — В следующий раз мы будем наготове: заткнем уши ватой, чтобы не слышать его птичьей тарбарщины...

— Едва ли этого будет достаточно, — возразил Чарли. — Кто-нибудь из вас слышал, как он говорил?

— Он на самом деле говорил, — вставил я. — Пронизносил слова, но все они были совершенно незнакомые — какое-то непонятное щебетанье.

— И все же мы поняли, о чем он говорил, — не сдавался Чарли. — Каждый из нас. Может быть, это была телепатия?

— Сомневаюсь, — скептически заметил полковник Рейнольдс. — Телепатия вовсе не такая простая штука, как полагают многие.

— Скорее новый язык, — предположил я, — созданный на научной основе. Звуки в нем подобраны так, чтобы вызвать определенные понятия. Если хорошенько покопаться в семантике...

Чарли прервал меня, не дослушав мое весьма интересное предположение относительно семантики, которое ему мало что говорило, ибо он в ней ничего не смыслил.

— Джордж, что ты о нем знаешь?

С зажатым в изрядно грязной руке стаканчиком, вытянув ноги в носках чуть ли не на середину кабинета, Джордж почти лежал в кресле и благодушествовал. Не так уж много спиртного потребовалось, чтобы привести его в расслабленное состояние.

— А ничего, — лениво произнес он.

— Но ведь ты же приехал с ним. Неужели он ничего тебе не рассказывал?

— За все время не проронил ни звука. Я как раз отъезжал, когда он примчался и молча прыгнул рядом со мной, а потом...

— Откуда ты отъезжал?

— Ну, оттуда, где лежала куча всякого барахла. Она, пожалуй, занимала несколько акров, да и ввысь было навалено порядочно. Вроде нашей площади перед судом, только без газонов, а просто мостовая, из бетона, а может, из чего другого, но она тянулась во все стороны, и кругом, только довольно далеко, стояли огромные дома.

— Ты узнал это место? — прервал выведенный из терпения Чарли.

— Так я же его прежде никогда не видел, — ответил Джордж, — ни на картинках, ни так.

— Вот что, Расскажи-ка нам все по порядку.

Джордж начал почти теми же словами, какими в свое время описывал мне приключившееся с ним.

— Первый раз там лил такой дождь, что просто ужас. И было темновато, вроде как бы вечер наступал, и я заметил только кучу всякой всячины. Никаких зданий я не видел.

Мне он, правда, не говорил, что вообще что-то видел. Он утверждал, что ни с того ни с сего очутился прямо в Уиллоу-Гроув на улице, и к нему подъехала полицейская машина. Но я промолчал и продолжал слушать его рассказ.

— Потом, когда Чет посадил меня в каталажку...

— Минуточку, минуточку, — остановил его Чарли. — Мне кажется, ты кое-что пропустил. Где ты взял алмазы, картину и все прочее?

— Да из той кучи, что лежала там, — ничуть не смутившись, ответил дядюшка Джордж. — Там было много всякой всячины, и, если бы у меня хватило времени, я бы выбрал кое-что получше. Но мне словно что-то шептало, что все вот-вот кончится, да еще дождь лупил, холодный, как осенью, а само место казалось каким-то диковинным. Ну, я взял первое, что подвернулось, положил в карман. Потом смотрю — ведро с алмазами, только я не думал, что они настоящие. А затем еще картину прихватил, а то моя Мирта все ныла,

что ей, видите ли, нужна первоклассная картина для столовой.

— После этого ты пошел домой?

— Ага, только я оказался на улице. Иду себе, никого не трогаю, никаких законов не нарушаю..

— А что произошло во второй раз?

— Это как я снова туда попал?

— Совершенно верно, — подтвердил Чарли.

— Первый раз это у меня получилось случайно. Сажу я в гостиную, ботинки снял, потягиваю пиво, смотрю телевизор, и вдруг в седьмом периоде, когда «Янки» уже провели двоих, и Мэнтл как... Послушайте, что произошло дальше, я ведь так и не знаю? «Янки» выиграли?

— Выиграли, выиграли, — успокоил его Чарли.

Джордж удовлетворенно кивнул.

— Второй раз я вроде бы повторил все это. Дело даже не столько в том, что меня посадили в камеру, сколько в несправедливости, ведь я ничего такого не сделал. В общем, я уговорил Джона принести мне пива, устроился поудобнее и решил немного промочить горло. Телевизора, конечно, там не было, но я его очень ясно себе представил. И игру, все как было. У «Янки» уже двое в «дому», Мэнтл выходит на удар — все это в уме, ясное дело, — и, видно, оно и сработало. Я враз очутился на том месте, где лежала куча всякого барахла, хотя это вовсе не было барахло на самом деле — это все были хорошие вещи, некоторые из них вообще не поймешь для чего. Так вот, они там лежали, и время от времени кто-нибудь подходил из тех высоченных домов, — поверьте мне, до них было вовсе не два шага, это только казалось, что они близко, — тащил что-нибудь в руках, бросал в общую кучу и шел назад.

— Насколько я понимаю, во время второго посещения этого места вы были там значительно дольше, — вставил полковник.

— Дело было днем, да и дождь не лил как ведра, — объяснил дядюшка Джордж. — Само место уже не выглядело таким диковинным, хотя и казалось унылым, точнее, пустынным. Людей не было видно, если не считать тех, кто приходил что-нибудь бросить в общую кучу. Никто из них не обращал на меня никакого внимания, они вели себя так, словно меня вообще не было. Сказать по чести, я не знал, удастся ли еще раз

побывать там, а много в руках не унесешь, ну я и решил, что уж на этот раз торопиться не буду, сделаю все как следует. Осмотрю всю кучу и выберу то, что мне нужно. Вернее, там было много, чего бы мне хотелось, но я решил отобрать то, что понравилось больше всего. Вот я и начал ходить вокруг кучи и брать разные вещи, которые приглянулись, а потом попадалось что-нибудь еще лучше и приходилось выбирать из отобранного. Иногда я сразу клал вещь назад, а иногда оставлял и бросал что-нибудь из взятого. Сами знаете, человек всего не унесет, а у меня и так уже набрались полные руки. По краям той груды лежало множество отличных вещей. Один раз я было попытался взобраться наверх за очень любопытной штуковиной, но там все было навалено кое-как, и, когда я начал лезть, вся куча зашевелилась, и я побоялся, что она свалится на меня. Я поскорее слез, как можно осторожнее, и потом волей-неволей брал только то, что лежало внизу.

Рассказ дядюшки Джорджа настолько заинтересовал полковника Рейнольдса, что он весь подался вперед, боясь пропустить хоть слово.

— Не могли бы вы описать, каковы были предметы в этой груде вещей?

— Ну, например, пара очков с какой-то нашлапкой на оправе. Я их примерил, и мне стало так радостно, что я просто испугался. Стоило снять их, и я сразу перестал чувствовать себя счастливым. Еще раз надел, и опять чуть ли не сомлел от счастья.

— Ты почувствовал себя счастливым? — переспросил Чарли. — Иными словами, от очков ты опьянел?

— Да нет, я был счастлив вовсе не так, как бывает после доброй порции виски. Просто счастлив, и все. Заботы, неприятности куда-то исчезли, мир вдруг оказался прекрасным, а жизнь — отличной. Была там еще одна вещь — большой кусок стекла, квадратный, а может, и кубический. У гадалок бывают похожие, только у них маленькие, круглые. Так вот, это стекло было такое красивое, смотрел бы в него и смотрел. Нет, в нем ничего не отражалось, как скажем, в зеркале, и все равно казалось, что где-то глубоко внутри в нем картина. Сначала мне только почудилось, будто это дерево, а потом пригляделся — точно, дерево. Большой вяз, как тот, что рос во дворе у моего деда, с гнездом иволги на кривой ветке. На этом тоже было гнездо иволги, и сама

птичка рядом сидела. Смотрю еще: ба, да ведь это тот самый вяз, а за ним дом деда и загородка со сломанной жердью, и сам дед сидит на траве, курит свою трубку из кукурузного початка. Значит, сообразил я, стекло показывает все, что вы захотите. Сперва в нем было только дерево. Стоило мне подумать про иволгу, и про гнездо, и они тут как тут, деда вспомнил — и он сразу появился, хотя уже больше двадцати лет прошло, как его похоронили. Я немного посмотрел на деда, а потом заставил себя отвернуться — уж очень я любил его, и тут, как увидел, сразу не по себе стало. К этому времени я уже разобрался, что это было за стекло, и для пробы подумал про пирог с тыквой — ну, он тоже сразу появился, корочка поджаристая и вся в пупырышках от масла. Про пиво еще вспомнил, и оно...

— Я не верю ни единому слову из всей этой сказки, — сказал Чарли.

— Продолжайте, — вмешался полковник. — Расскажите нам, что произошло дальше.

— Ну, я обошел почти вокруг всей кучи, насобирав всякой всячины да и обратно выкинул немало, и все равно у меня рук не хватало, еле тащил. И карманы набил полнехоньки, а кое-что даже на шею положил. Вдруг от домов мчитсЯ машина, летит над землей совсем низко прямехонько ко мне...

— Вы имеете в виду машину, на которой приехали?

— Вот именно, а в ней сидит какой-то грустный старикан. Подъехал он к куче, опустил машину на землю, вылез и назад заковылял. Тогда я подошел к машине, положил все свое добро на заднее сиденье и подумал: «Вот, черт возьми, как повезло! Сколько еще добра можно взять!» Конечно, сначала я решил попробовать, сумею ли ею управлять, влез внутрь, где старикашка сидел, и оказалось, что это проще пареной репы. Я приподнял машину над землей и двинулся потихоньку вдоль кучи; все вспомнить пытаюсь, где я разные штуковины побросал: хотел вернуться, собрать их и сложить на заднее сиденье. Вдруг слышу, кто-то бежит сзади. Обернулся — этот тип в черном, что со мной приехал. Подбежал к машине, положил руку на борт и плюхнулся рядом. И тут раз — и мы в Уиллоу-Гроув.

Полковник Рейнольдс вскочил на ноги.

— Вы хотите сказать, — закричал он, — что на заднем сиденье в машине лежат все те необычные предметы, о которых вы нам только что рассказывали?!

— Пожалуйста, сядьте, полковник, — вмешался Чарли. — Надеюсь, вы не верите всем этим басням, которыми он нас потчевал. Совершенно очевидно, что то, о чем говорил Джордж, просто физически невозможно и...

— Чарли, — сказал я, — разреши мне напомнить еще о нескольких невозможных вещах, таких, как картина, которая находится в Национальной галерее и одновременно у нас, в Уиллоу-Гроув, машина без колес, шутовина, один конец которой раскален, а другой — холодный как лед.

— Боже, у меня ум за разум заходит, — прошептал Чарли в отчаянии. — И надо же, чтобы все это свалилось на мою голову.

— Послушай, Чарли, — заметил я, — по-моему, на твоей голове пока еще ничего нет. Все эти загадки не имеют ни малейшего отношения к нарушениям закона. Конечно, ты можешь сослаться на то, что Джордж взял автомобиль без разрешения владельца. Но ведь это же не автомобиль...

— Все равно это средство передвижения, — заупрямился Чарли.

— Но владелец выбросил его! Он бросил его, ушел и...

— Мне бы прежде всего хотелось узнать, где находится это место и почему люди выбрасывали свое добро, — заявил полковник.

— И конечно, вы бы хотели прибрать его к рукам, — добавил я.

— Вы чертовски правы, — согласился он. — Именно это я намерен сделать. Вы отдаете себе отчет, что могут значить подобные предметы для нашей страны? Например, склонить чашу весов в нашу пользу, имея в виду потенциального противника, и я отнюдь не...

На лестнице, а затем в холле послышался топот. Дверь распахнулась, и в комнату, чуть не грохнувшись, ворвался помощник шерифа.

— Сэр, — с трудом переводя дыхание, обратился он к Чарли, — я не знаю, что делать. Какой-то сумасшедший проповедует возле памятника Неизвестному

солдату. Мне сказали, что шериф отправился с намерением прогнать его в шею, поскольку у того нет разрешения выступать с проповедями в общественном месте, а потом шерифа видели бегущим в участок. Я вошел туда с заднего входа. Смотрю: шериф хватает винтовку и подсумки, а когда я спросил его, в чем дело, он не захотел со мной разговаривать, потащил целую охапку оружия на площадь и свалил все у памятника. Там собралась толпа, и все тащат разное добро и бросают...

Я не стал дожидаться, когда он кончит, и бросился к двери.

Куча вещей у памятника выросла настолько, что уже сравнялась с его подножием. Там были навалены велосипеды, радиоприемники, пишущие машинки, электробритвы, швейные машины, пылесосы и много чего еще. Стояло даже несколько автомобилей. Наступили сумерки, в город стекались фермеры, и вместе с жителями со всех сторон шли через площадь, таща разное добро, чтобы прибавить его к быстро растущей куче.

Незнакомца, приехавшего с Джорджем, нигде не было видно — он сделал свое черное дело и исчез. Стоя на площади и глядя на темные фигурки людей, которые, словно муравьи, спешили со всех сторон прямо к памятнику Неизвестному солдату, мрачно замершему в неровном свете трех качающихся на легком ветерке уличных ламп, я представил себе множество других городов по всей стране с огромными горами всевозможных выброшенных вещей.

Боже, подумал я, ведь никто из них не понял ни слова, ни единого звука из птичьего языка проповедника. Однако то, что он хотел им сказать, как и тогда, когда мы все отступили назад, давая ему дорогу, явилось для них неоспоримым приказом. Значит, я не ошибся, когда предположил, что весь секрет кроется в семантике.

Конечно, в нашем языке есть множество слов, гораздо больше, чем необходимо обыкновенному человеку, однако мы так к ним привыкли, привыкли к их непрерывным приливам и отливам, что многие из них — возможно, большинство — утратили глубину и точность содержания. А ведь было время, когда великие ораторы овладевали вниманием множества людей с помощью простой поэзии своих речей; такие ораторы подчас

меняли общественное мнение и направляли его по другому руслу. Увы, теперь слова, которые мы произносим, потеряли свою былую силу.

«Вот смех всегда сохранит свою ценность», — подумал я. Простой веселый смех, даже если человек и не знает его причины, способен поднять настроение. Громкий и раскатистый смех означает дружелюбие, тихий и сдержанный — свидетельствует о превосходстве интеллекта и в соответствующих условиях может даже выбить почву из-под ног.

Все дело в звуках, в звуках, которые вызывают главные эмоции и реакции человека. Не использовал ли чего-нибудь в этом роде таинственный пришелец? Не были ли эти звуки настолько хитро сплетены, настолько глубоко проникающими в психику человека, что они наполнялись таким же большим содержанием, как и тщательно составленные предложения в нашей речи, но с одним решающим преимуществом: присущая им сила убеждения недоступна обычным словам. Ведь существовали же на заре истории человечества и предупреждающее ворчание, и вопль ярости, крик, обозначающий пищу, и дружелюбное кудахтанье знакомства! Так не является ли странный язык незнакомца некой сложнейшей разновидностью этих примитивных звуков?

Старик Кон Узэрби тяжело протопал по газону и водрузил на самый верх кучи портативный телевизор. Шедшая следом молодая женщина, которую я не узнал в лицо, бросила рядом с телевизором сушилку для волос, пылесос и тостер. Мое сердце обливалось кровью при виде этого зрелища. Наверно, мне следовало бы подойти к ним и попытаться привести их в чувство — по крайней мере Кона, — постараться остановить, доказать, что они совершают величайшую глупость. Ведь тот же Кон по центам копил деньги, страдал без рюмочки, выкуривал лишь три дешевые сигары в день вместо обычных пяти, и все ради того, чтобы приобрести этот телевизор. Однако каким-то образом я знал, что останавливать их бесполезно.

Я шел прямо по газону, чувствуя себя разбитым и опустошенным. Навстречу мне, пошатываясь под тяжестью ноши, шла знакомая фигура.

— Дороти? — удивленно воскликнул я.

Дороти резко остановилась, и несколько книг, которые она тащила в охапке, шлепнулись на землю. Меня словно молнией озарило — ведь это же были мои книги по юриспруденции!

— Немедленно соберите все и отнесите назад! — приказал я. — Что это взбрело вам на ум?

Вопрос, разумеется, совершенно излишний. Кто-кто, а уж она-то обязательно ухитрилась оказаться на месте, чтобы послушать невесть откуда взявшегося проповедника, и, безусловно, первой уверовала в его бред собачий. Она чуяла всяких евангелистов миль за двадцать, и самыми волнующими моментами в ее жизни были часы, проведенные на жестких скамьях в удушливой атмосфере молитвенных собраний, где заезжий пророк вещал о геенне огненной.

Я направился было к Дороти, но тут же забыл и о ней, и о моих книгах — с противоположной стороны площади донесся захлебывающий лай, и из темноты боковой улицы на свет выбежала нескладная фигура, которую преследовала свора собак. Незнакомец в черном, а это был именно он, подобрал полы своего балахона, чтобы они не путались в ногах, и явно показывал неплохие результаты в этом импровизированном состязании. Время от времени то одной, то другой собаке удавалось в прыжке отхватить кусок его развевающегося балахона, но это не умаляло его прыти.

Да, с людьми у него явно дело обстояло лучше, чем с собаками. Их как раз выпустили погулять с наступлением темноты, и, естественно, просидев целый день на цепи, они теперь нуждались в хорошей разминке. Видимо, собаки не понимали птичьего языка незнакомца, они сразу же решили, что это чужой, с которым нечего церемониться. Он помчался по газону вместе с преследующей его сворой, свернул в идущую от площади улицу, и только тогда я понял, куда он бежит, — я что-то прокричал и ринулся вслед за ним. Ведь он наверняка хотел добраться до машины, на которой прибыл дядюшка Джордж и которая была собственно-стью последнего. Этого допустить было нельзя.

Я знал, что едва ли сумею догнать пришельца, и рассчитывал только на Чета. Надо полагать, он поставил одного-двух полицейских охранять машину, а пока про-

поведник будет их уговаривать, пройдет какое-то время, и я успею перехватить его раньше, чем он умчится.

Конечно, он может попытаться одурачить и меня своим щебетаньем, но я усиленно внушал себе, что должен устоять.

Так мы мчались по улице — впереди незнакомец, чуть позади свора лающих собак, а за ними я, — когда показалась стоящая у полицейского участка машина, которую все еще окружала порядочная толпа. Проповедник несколько раз каркнул — я затрудняюсь подобрать другое слово, — и люди поспешно стали расходиться. Он даже не замедлил своего бега, и тут следует отдать ему должное — он показал себя неплохим спортсменом, а футах в десяти от машины просто сильно оттолкнулся, подпрыгнул и словно поплыл к ней по воздуху, а затем плюхнулся прямо на место водителя. Возможно, все дело было в том, что собаки до смерти его напутали, а при определенных критических обстоятельствах человек способен буквально на чудеса, которые в обычное время кажутся невероятными. Впрочем, даже в этом случае проповедник продемонстрировал отличную атлетическую подготовку, никак не вязавшуюся с его внешностью огороженного путала.

Едва он оказался на месте водителя, как машина мгновенно взмыла в воздух и в считанные секунды, легко порхнув над крышами, исчезла в темном небе. Двое полицейских, которых Чет выделил для охраны, стояли, разинув рты и глядя на то место, где она только что находилась. Начавшие было расходиться по приказу незнакомца люди остановились и тоже удивленно таращились на пустое место. Даже собаки, носившиеся по кругу, были обескуражены и то и дело поднимали головы и жалобно подвывали.

Я стоял вместе со всеми, стараясь отдышаться после пробежки, когда сзади послышался топот, и кто-то схватил меня за руку — это был полковник Шелдон Рейнольдс.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

Я с горечью и отнюдь не стесняясь в выражениях объяснил ему, что именно произошло.

— Он улетел в будущее, — заключил полковник. — Ни его, ни машины мы никогда больше не увидим.

— В будущее?

— Да, скорее всего туда. Иначе это никак не объяснишь. Сначала я полагал, что Джордж установил контакт с «летающей тарелкой», но я ошибся. Незнакомец, должно быть, — путешественник из будущего. Видимо, вы были правы в отношении его языка. Это новая семантика — своего рода стенографический язык, составленный из основополагающих звуковых комбинаций. Вероятно, такой язык можно создать искусственно, но это потребует много времени. Надо полагать, он возник или был позаимствован, когда их раса отправилась к звездам, — знаете, своего рода универсальный язык, вроде языка некоторых индейских племен...

— Но ведь тогда выходит, что и дядюшка Джордж путешествовал во времени! — воскликнул я. — Да у него не хватит ума...

— Послушайте, — остановил меня полковник, — для того чтобы путешествовать во времени, возможно, вообще ничего не нужно знать. Возможно, человек просто должен что-то почувствовать или быть в соответствующем настроении. Не исключено, что в современном мире найдется всего лишь один человек, способный испытывать подобные чувства...

— Но, полковник, это же абсурд! Допустим, чисто теоретически, что Джордж действительно побывал в будущем. Почему же, скажите на милость, люди будущего выбрасывали свои вещи, почему там была эта самая свалка?

— Откуда мне знать, — сказал полковник. — Вернее, я не могу ручаться, но у меня есть одна гипотеза.

Он подождал, не спрошу ли я, какая именно, но так как я промолчал, начал сам:

— Мы немало говорили о контакте с другими цивилизациями, которые рассеяны в космосе, и даже проводили специальные прослушивания космоса в надежде поймать сигналы, посланные разумными существами! Пока таких сигналов не удалось принять, и, возможно, что мы их вообще никогда не услышим, ибо отрезок времени, на протяжении которого цивилизация является высокоразвитой в технологическом отношении, может оказаться очень кратким.

Я покачал головой:

— Не пойму, к чему вы ведете. Какое отношение к сигналам из космоса имеет то, что произошло в Уиллоу-Гроув?

— Согласен, возможно, не такое уж большое, если не считать того, что, если контакт когда-либо и состоится, он должен произойти с технологически развитой расой, подобной нашей. А, по мнению ряда социологов, технологическая фаза любого общества со временем сама себя изживает или же создает такие условия, против которых восстают люди, или, наконец, приводит к тому, что интерес общества переходит с технологии на другие вопросы, и...

— Постойте-ка, — прервал я его. — Уж не хотите ли вы сказать, что та груда разного добра, которую видел Джордж, — это результат того, что человеческая раса далекого будущего отвергла технологическое общество и выбросила различные продукты техники? Но ведь это невозможно. Если даже когда-нибудь это и случится, то отмирание техники и всех ее атрибутов произойдет постепенно. Люди просто не могут в один прекрасный день решить, что техника им больше не нужна, и начать выбрасывать всевозможные отличные и полезные вещи...

— И все же это возможно, — мрачно произнес полковник. — Это могло быть и в том случае, если отказ явился следствием какого-то религиозного движения. Незнакомец, видимо, как раз и был евангелистским проповедником из будущего. Посмотрите, что он натворил за такое короткое время. Пишущие машинки, радиоприемники, телевизоры, пылесосы, сваленные в кучу у памятника, — это же продукты технологии!

— А как же быть с картиной и ведром алмазов? — возразил я. — Их ведь не назовешь техническими изделиями.

Мы оба вдруг замолчали и уставились друг на друга в сгустившейся темноте. Нам одновременно пришла в голову мысль — как глупо стоять и спорить просто ради спора.

— Не знаю, — пожал плечами полковник Рейнольдс. — Я только высказал предположение. Машина, конечно, пропала навсегда, а с ней и все то, что Джордж сложил на заднем сиденье. Но кое-что у нас все же осталось...

Один из двух полицейских, оставленных сторожить машину, внимательно прислушивался к нашему разговору.

— Простите, что позволю себе вмешаться, — запинаясь, сказал он. — Но от всего этого добра ничего не осталось. Все пропало.

— Все пропало! — в отчаянии закричал я. — И картина, и алмазы?! Но ведь я же предупреждал Чета, чтобы он принял...

— Шериф тут ни при чем, — возразил полицейский. — Он оставил нас двоих здесь, а двоих в здании сторожить вещи. А позднее, когда на площади началась вся эта петрушка, ему понадобились люди и он...

— ...принес картину, алмазы и все остальное сюда и положил в машину! — с ужасом догадался я, зная Чета и его образ мышления.

— Он считал, что таким образом мы вдвоем сможем охранять все сразу, — оправдывающимся тоном сказал полицейский. — Мы бы прекрасно справились, если бы...

Я повернулся и пошел прочь. Я не желал больше ничего слышать. Попадись мне сейчас Чет, я бы задушил его. Я выбрался на тротуар и почувствовал, что со мной кто-то идет. Я обернулся — так и есть! — опять полковник. Глядя на меня, он безмолвно произнес: «Джордж». И тут меня осенило, я понял, что он имел в виду.

— Сегодня по телевизору будут передавать встречу «Янки» с «Близнецами»?

Полковник молча кивнул.

— Господи, тогда нужно скорее достать где-нибудь пива!

Мы сделали это в рекордно короткое время, причем каждый притащил по целой дюжине бутылок.

Но Джордж нас перехитрил — он сидел перед телевизором в одних носках и с бутылкой пива в руке следил за перипетиями игры.

Мы не промолвили ни слова, а просто поставили бутылки рядом с ним на пол, чтобы запас, не приведи Бог, не кончился раньше времени, вышли в столовую и, тихо сидя в темноте, терпеливо принялись ожидать развития событий.

В шестом периоде ситуация повторилась — «Янки» провели уже двоих, а Мэнгл вышел на удар, — но

ничего не произошло. Джордж продолжал потягивать пиво, чесать пятки и смотреть телевизор.

— Возможно, это случится в седьмом периоде, — сказал полковник.

— Возможно, — согласился я.

Мы упорно сидели в столовой, и наши надежды постепенно таяли, ведь до конца сезона «Янки» всего лишь четыре раза встретятся с «Близнецами». А в следующем сезоне Мэнтл, как писали газеты, по всей вероятности, больше не выйдет на поле.

ЗЕМЛЯ ОСЕННЯЯ

Он сидел на крыльце в кресле-качалке, раскачивался вперед-назад и прислушивался к скрипу половых досок. Через улицу, во дворе дома, что стоял напротив, пожилая женщина срезала хризантемы, цветы продолжавшейся без конца осени. Вдалеке виднелись поля и леса, осененные прозрачной голубизной бабьего лета. В деревне было тихо, царил покой сродни тому, который свойствен старости. Она, казалось, выстроена не для живых существ, а для фантомов, порожденных рассудком. Другому соседу, дряхлому старику, имевшему обыкновение прогуливаться с палочкой по заросшей травой улице, появляться было еще рано; что же до голосов детей, он вряд ли услышит их до темноты, если услышит вообще — такое случалось отнюдь не всегда.

При желании он мог бы погрузиться в чтение, однако подобного желания как-то не возникало. Он мог также вновь взяться за лопату и в очередной раз перекопать огород, дабы как можно лучше подготовить почву к посадке семян. Впрочем, какие семена в краю, где не бывает весны? Давным-давно, не зная в ту пору о неизбежности осени, он упомянул о семенах в разговоре с Молочником, и тот был буквально шокирован услышанным.

The Autumn Land, 1971

© 1994 К. Королев, перевод на русский язык

Он оставил за спиной много миль, покинул мир горечи и, очутившись здесь, поначалу вполне удовлетворился жизнью в полном безделье, возможностью ничего — или почти ничего — не делать и не испытывать при этом ни стыда, ни чувства вины. Он ступил на тихую деревенскую улицу, залитую лучами осеннего солнца, и первой, кого он увидел, была та самая пожилая женщина, что жила теперь в доме напротив. Она поджидала его у изгороди, как будто догадывалась, что он должен прийти. «Добро пожаловать, — сказала она. — Нынче к нам приходят немногие. Ваш дом вон тот, через улицу; надеюсь, мы станем друзьями». Он поднес руку к голове, чтобы снять шляпу, совсем забыв, что никакой шляпы нет и в помине. «Меня зовут Нельсон Рэнд, — проговорил он. — Я инженер. Постараюсь оправдать ваше доверие». Фигура женщины, несмотря на известную возрастную полноту и сутулость, отличалась несомненным изяществом. «Заходите, — пригласила дама. — Я угощу вас лимонадом и печеньями. Правда, у меня гости, но я не стану представлять их вам». Он ожидал услышать объяснение, но объяснения не последовало, и потому он направился вслед за дамой по выложенной кирпичом дорожке, вдоль которой расположились огромные клумбы роскошных астр и хризантем, к большому дому.

В просторной гостиной с высоким потолком имелся камин, в котором пылал огонь; в простенках между скрытыми затейливыми шторами окнами стояли старинные, массивные шкафы. Дама усадила его за столик у камина, сама села напротив, разлила лимонад и передала Рэнду блюдо с печеньем. «Не обращайтесь на них внимания, — посоветовала она. — Им до смерти хочется познакомиться с вами, однако я не собираюсь потакать невежливости».

Не обращать внимания было легко, поскольку в комнате, кроме них двоих, не присутствовало ни единой живой души.

— Майору — он облокотился на каминную полку, по-моему, весьма развязная поза — не нравится мой лимонад, — продолжала хозяйка. — Он предпочитает более крепкие напитки. Мистер Рэнд, будьте любезны, попробуйте мой лимонад и скажите, так ли он плох. Уверяю вас, вы не разочаруетесь. Я приготовила его собственными руками, у меня ведь нет ни служанки, ни

кухарки. Я живу одна, и одиночество меня ничуть не тяготит, хотя мои друзья считают иначе и потому заглядывают ко мне гораздо чаще, чем следовало бы.

Он осторожно пригубил лимонад; тот оказался поистине замечательным, наподобие того, какой он пил в детстве, четвертого июля* и на школьных пикниках, — надо же, сколько минуло лет, а вкус не позабылся.

— Превосходно, — похвалил он.

— Дама в голубом, — сказала хозяйка, — которая сидит в кресле у окна, жила здесь десятилетия назад. Мы с ней были подружками, а потом она ушла, но, как ни удивительно, частенько возвращается. Признаться, меня беспокоит, что я никак не могу вспомнить ее имени. Вы не знаете случайно, как ее зовут?

— Боюсь, что нет.

— Ну разумеется, разумеется. Вы же новенький. Я совсем запамятовала; старость не радость.

Он пил лимонад и грыз печенье, а хозяйка все щебетала о своих невидимых гостях. В конце концов он откланялся, пересек улицу, подошел к дому, который, по словам женщины, принадлежал ему, и лишь тут сообразил, что она так и не представилась. С тех самых пор и по сей день она оставалась для него просто «дамой с цветами».

Когда же он пришел сюда? Не вспомнить, как ни старайся. Все дело в осени. Как можно следить за временем, когда на дворе постоянно осень?

Все началось в тот день, когда он ехал через Айову, направляясь в Чикаго. Нет, возразил он себе, раньше, все началось с прорех, которые сперва не слишком бросались в глаза. Он всего-навсего машинально отмечал их, приписывая то причудам воображения, то необычному состоянию атмосферы и преломлению света. Прорехи, прорехи — мир словно утрачивал присущую ему прочность, утончался до некой едва различимой грани между «здесь» и «там».

В силу того что правительственный контракт так и не был заключен, он потерял свою работу на западном побережье. Подобная участь постигла множество фирм, и сотни инженеров в мгновение ока превратились в безработных. Он рассчитывал устроиться в Чикаго, со-

* День Независимости США. — *Примеч. пер.*

знаявая, впрочем, что вероятность успеха крайне мала. Он твердил себе, что обладает по сравнению с товарищами по несчастью целым рядом преимуществ: молод, не женат, несколько долларов на банковском счету, никаких закладных под дом, купленных в рассрочку машин или детей, которых надо водить в школу. Он одинок, а потому не обязан содержать кого-либо, кроме себя. Старый дядюшка, человек суровых нравов, убежденный холостяк, который воспитывал Рэнда на своей ферме в гористой висконсинской местности после того, как родители мальчика погибли в автокатастрофе, отошел в прошлое, его образ приобрел размытые очертания, постепенно утратил знакомые черты. Дядюшку он не любил — не то чтобы ненавидел, нет, просто не любил и потому не заплакал, узнав, что старика забодал рассвирепевший бык. Итак, Рэнд был одинок, настолько, что даже с трудом припоминал, что у него когда-то была семья.

Он потихоньку копил деньги, откладывал жалкие гроши на черный день, понимая, что в случае чего вряд ли сразу сумеет подыскать себе новое место: ведь вокруг полным-полно тех, чья квалификация гораздо выше, а послужной список — намного длиннее.

Видавший виды автомобильчик имел одно несомненное достоинство: спать в нем было весьма удобно. Что касается еды, тут Рэнд поступал следующим образом — останавливался время от времени в придорожном леске и готовил себе на костре что-нибудь горячее. Так он пересек почти весь штат; уже начался извилистый подъем на холмы, что преграждали путь к Миссисипи, впереди на горизонте изредка мелькали высотные чикагские здания, над которыми клубился дым из заводских труб.

Перевалив через холмы, Рэнд въехал в городок, оседлавший реку по обеим берегам. Именно здесь он ощутил и увидел, если можно так выразиться, ту прореху, о которой и не подозревал раньше. Она наводила на мысль о чужеродности, нереальности происходящего, окрестности будто затянуло пеленой тумана, которая закружляла углы и делала нечеткими контуры, напоминая отражение на зеркальной глади озера, зарябившей вдруг от налетевшего ветерка. Прежде, испытывая подобное чувство, он приписывал его дорожному утомлению, открывал окно, чтобы глотнуть свежего воздуха,

или тормозил, выбирался из машины и принимался расхаживать по дороге, ожидая, пока оно благополучно минует. Однако на сей раз впечатление было столь ярким, что он даже испугался, испугался за себя, решив, что с ним явно творится что-то неладное.

Он нажал на тормоз, остановил машину на обочине, и ему показалось, что обочина более неровная, чем ей следует быть. Он выглянул наружу и убедился, что дорога изменилась: на ней появились выбоины, тут и там валялись камни, довольно-таки увесистые булыжники; некоторые из них, побывавшие, очевидно, под колесами автомобилей, превратились в скопище мелких обломков. Он оторвал взгляд от дороги и посмотрел на город — тот исчез, на его месте громоздились развалины. Рэнд сидел, вцепившись в руль, и внезапно услышал в мертвой, неестественной тишине карканье ворон. Непонятно, с какой стати он попытался вспомнить, когда слышал воронье карканье в последний раз, и тут увидел птиц — черные точки над вершиной холма. Вдруг он понял, что деревья тоже исчезли, сгнули в никуда, сохранились лишь почерневшие пни. Развалины города, приземистые пни, хриплые крики воронья — зрелище заставляло трепетать и повергало в панику.

Едва созная, что делает, он вылез из машины. Впоследствии, раздумывая над случившимся, он укорял себя за безрассудство: ведь машина была единственным связующим звеном с пропавшей реальностью. Вылезая, он оперся рукой о сиденье и ощутил под ладонью прямоугольный предмет, на котором его пальцы сомкнулись словно сами собой. Рэнд выпрямился, поднес руку к лицу и обнаружил, что прихватил фотоаппарат, лежавший рядом на сиденье.

Он продолжал раскачиваться в кресле, под которым по-прежнему поскрипывали доски, и размышлял о том, что снимки сохранились до сих пор. Он давно уже не рассматривал их, очень давно, ибо, живя в краю вечной осени, предпочитал удовлетворять лишь повседневные, насущные нужды, как будто норовил отвлечься от мыслей о прошлом, отвернуться от того, что знал — или полагал, что знает.

Решение фотографировать не было сознательным, хотя позже он и пытался убедить себя, что это не так (правда, рассудок все равно отказывался внимать); сейчас Рэнд кисло поздравил себя с тем, что сообразил

подкрепить свидетельства памяти, на которые никогда нельзя полагаться целиком и полностью, кое-чем более надежным и достоверным. Человеческое воображение способно творить чудеса, воспроизводить то, чего на деле вовсе не происходило, поэтому безоговорочно доверять ему не следует ни в коем случае. Происшествие, если вдуматься, носило некий мистический оттенок, словно реальность, в которой существовал разрушенный город, находилась в ином измерении и ее нельзя было ни объяснить, ни рационализировать. Рэнд смутно припомнил, как навел фотоаппарат, услышал щелчок затвора и увидел, что с холма на него несется целая толпа. Он кинулся к машине, захлопнул за собой дверцу и включил зажигание, намереваясь сбежать от разгневанных людей, которые находились не далее чем в сотне футах.

Однако стоило ему съехать с обочины, как дорога вновь изменилась, стала гладкой и устремилась к городу, который неожиданно обрел прежний облик. Рэнд затормозил и обмяк на сиденье; прошло несколько минут, прежде чем он нашел в себе силы продолжить путь. Теперь он ехал медленно, ибо опасался собственных взвинченных нервов.

Он планировал пересечь реку и добраться к ночи до Чикаго, но действительность внесла в эти планы существенные коррективы. Во-первых, его физическое состояние оставляло желать лучшего, а во-вторых, надо было проявить пленку; помимо всего прочего, не мешало как следует поразмыслить. Поэтому, миновав город, он свернул с дороги на лесную стоянку с местом для костра и старомодной колонкой. В багажнике у него имелся небольшой запас дров. Он развел костер, вытащил коробку с кухонной утварью и провизией, достал из нее кофейник, поставил на жаровню сковородку и разбил на ней три яйца. Сворачивая на стоянку, он заметил на обочине человека; тот приближался неторопливым шагом и остановился у колонки.

— Работает?

— Работает, — отозвался Рэнд. — Я только что набрал воды в кофейник.

— Жаркий денек, — сказал мужчина, нажимая на рукоятку. — В такую жару много не находишь.

— Вы идете издалека?

— Да, уже шестую неделю.

Рэнд присмотрелся к незнакомцу. Одежда того было поношенной, но чистой, брился он, по всей видимости, день или два назад, волосы явно нуждались в ножницах парикмахера.

Из крана хлынула вода. Мужчина наклонился и поставил под струю сложенные чашечкой ладони.

— Хорошо, — проговорил он, отдуваясь. — Жажда замучила.

— Как у вас с едой? — спросил Рэнд.

— Плоховато, — ответил мужчина, поколебавшись.

— Загляните в багажник. Там должна быть тарелка с вилкой, думаю, найдется и чашка. Кофе вот-вот сварится.

— Мистер, мне бы не хотелось, чтобы вы решили, будто я свернул сюда...

— Забудем, — перебил его Рэнд. — Вы меня не объедите, тут вполне достаточно для двоих.

Мужчина извлек тарелку с чашкой, вилку, ложку и нож, а затем подошел к огню.

— Мне как-то не по себе, — признался он. — Все произошло так быстро... У меня всегда была работа, целых семнадцать лет.

— Держите, — Рэнд положил ему яичницы и принялся готовить порцию для себя.

Мужчина уселся за деревянный столик поблизости от костра.

— Не ждите меня, — сказал Рэнд. — Ешьте, пока горячая. Если хотите, вот хлеб. А кофе будет чуть погодя.

— Если не возражаете, я возьму кусочек попозже, — отозвался мужчина.

Он назвался Джоном Стерлингом. Интересно, подумалось Рэнду, где сейчас Джон Стерлинг? Бродит по стране, ищет работу, любую — на день, на час? Каково ему без работы после того, как он отрубил на одном месте семнадцать лет? Вспомнив про Стерлинга, он ощутил угрызения совести. Он был обязан Стерлингу, находился у того в долгу, причем тогда, во время разговора, даже и не подозревал, что подобное случится.

Они сидели за столом и говорили, уплетая за разговором яичницу, вытирая хлебом тарелки и попивая горячий кофе.

— Семнадцать лет, — рассказывал Стерлинг. — Я работал оператором в одной фирме, которая всегда

держалась за меня, а потом выкинула на улицу, меня и сотни других. Нас было много, несколько тысяч, тех, кого взяли и сократили. Нет, фирму я не виню. Они ждали правительственного заказа, а он не поступил, и все остались без работы. А вы? Тоже в таком же положении?

— Как вы догадались? — спросил Рэнд, утвердительно кивнув.

— По еде. Так ведь дешевле, чем в ресторане, верно? К тому же у вас с собой спальный мешок. Вы спите в машине?

— Да, — ответил Рэнд. — Мне проще, чем многим другим, у меня нет семьи.

— А у меня есть, — вздохнул Стерлинг. — Жена и трое детей. Мы с женой долго спорили. Она не хотела меня отпускать, но в конце концов я ее убедил. Денег ни гроша, кругом сплошная безработица, — я превратился в обузу, а без меня ей будет легче. Знаете, такой участи не пожелаешь и врагу. Когда-нибудь я вернусь к своим, когда все наладится. Они меня ждут.

По шоссе проносились автомобили. Со стоявшего неподалеку дерева соскочила белка, осторожно направилась к столу, но что-то, видно, напугало ее, и она опрометью кинулась обратно.

— Не знаю, — проговорил Стерлинг, — возможно, наше общество оказалось нам не по силам. Может, мы переоценили себя. Я люблю читать, всегда любил. Так вот, я обычно размышляю над прочитанным. Похоже, мы перенапряглись. Пожалуй, наши мозги годились для доисторической эпохи. Все шло нормально, пока мы не насоздавали того, чего не в состоянии оказались постичь. Наши мозги, мне кажется, отстали от жизни. Мы выпустили на волю экономических и политических монстров, с которыми не ведаем, как справиться, а значит, не можем подчинить их себе. Может статься, вот причина, по которой мы с вами лишились работы.

— Трудно сказать, — отозвался Рэнд, — я как-то не задумывался.

— Человек думает, — продолжал Стерлинг, — думает и грезит. Когда идешь по дороге, заняться чем-нибудь иным чаще всего не получается. Он воображает себе всякую ерунду; вернее, ерундой она представляется на первый взгляд, но если присмотреться, начинаешь потихоньку сомневаться. С вами такое бывало?

— Иногда.

— Меня одолевала одна глупая мыслишка, совсем глупая. Я никак не мог от нее отвязаться, может, потому, что шел пешком. Время от времени меня подвозили, а так я шел себе и шел. Мыслишка вот такая: если идти, не останавливаясь, может, удастся уйти от всего этого? Чем дальше ты ушел, тем меньше у тебя забот.

— Куда вы направляетесь? — полюбопытствовал Рэнд.

— В общем-то, никуда. Просто иду, и все. Через месяц-другой поверну на юг, чтобы обмануть зиму. В северных штатах зимой не слишком уютно.

— Осталось два яйца, — сказал Рэнд. — Хотите?

— Мистер, я не могу...

— Да хватит вам, право слово.

— Ну, если вы настаиваете... Только давайте разделим пополам: яйцо мне, яйцо вам. Идет?

Пожилая дама кончила возиться с хризантемами и ушла в дом. Издалека доносилось постукивание палки: старый сосед Рэнда вышел на вечернюю прогулку. Заходящее солнце заливало мир багрянцем. Листва на деревьях переливалась всеми оттенками алого и золотого. Рэнд наслаждался игрой красок с того самого дня, как поселился здесь. Трава имела рыжевато-коричневый оттенок: она еще не высохла, однако мнилось, что ее смерть уже не за горами. На улице показался старик. Судя по всему, палка была ему не особенно нужна, он вполне мог бы обойтись без нее. Задержавшись у калитки Рэнда, он произнес: «Добрый вечер». «Добрый вечер, — отозвался Рэнд. — Сегодня прекрасная погода для прогулки». Старик кивнул с таким видом, будто был каким-то образом причастен к тому, что день выдался на славу. «Похоже, — проговорил он, — завтра тоже будет ясно». Затем повернулся и заковылял дальше. Этот обмен мнениями представлял собой нечто вроде ритуала, повторяющегося изо дня в день. Несмотря на чередование дня и ночи, в деревне ровным счетом ничего не менялось. Просиди он на крыльце хоть тысячу лет, сказал себе Рэнд, старик все так же будет проходить мимо и произносить те же слова, как если бы дело происходило не в действительности, а в каком-то фильме, отрывок из которого раз за разом прокручивают зрителям. Время остановило свой бег и зациклилось на осени.

Рэнд не понимал этого и не пытался понять, ибо не знал, что тут понимать. Стерлинг сказал, что, возможно, человек перенапряг свой слабый, доисторический рас-судок — слабый или грубый, животный? Во всяком случае здесь доискиваться смысла совершенно не сто-ило. Неожиданно Рэнд осознал, что прежний мир чудит-ся ему некой мифологической конструкцией, столь же нереальной, как и настоящий. Попадет ли он когда-либо в реальность? Хочет ли он ее обрести?

Отыскать реальность было очень и очень просто. Следовало всего-навсего вернуться в дом и достать из ящика прикроватной тумбочки фотографии. Они осве-жат память, поставят лицом к лицу с реальностью. Эти снимки куда реальнее того мира, в котором он находит-ся сейчас, и того, в котором пребывал когда-то. На них изображено то, что не являлось до сих пор человече-скому взору, было неподвластно толкованию человече-ского разума. Тем не менее они относились к неоспо-рым фактам. Камера добросовестно зафиксировала то, что попало в объектив; она не фантазировала, не рационализировала и не страдала провалами памяти. Рэнду вспомнился служащий фотоателье, куда он за-шел, чтобы забрать снимки.

— С вас три девяносто пять, — сказал тот, протя-гивая конверт.

Рэнд извлек из кармана пятидолларовую бумажку и положил ее на стол.

— Простите за любопытство, — сказал служа-щий, — но где вы снимали?

— Это монтаж, — объяснил Рэнд.

— Если так, — проговорил служащий, качая голо-вой, — лучшего мне видеть не доводилось. — Он про-бил чек и, не закрыв кассу, взял в руки конверт.

— Что вам нужно? — спросил Рэнд.

Служащий перебрал фотографии.

— Вот, — произнес он, показывая один из сним-ков.

— Что «вот»? — холодно справился Рэнд.

— Человек, который впереди всех, — это мой луч-ший друг, Боб Джентри.

— Вы ошибаетесь, — возразил Рэнд, забрал фото-графии и положил их обратно в конверт.

Служащий отсчитал ему сдачу, продолжая покачивать головой — озадаченно и, пожалуй, немного испуганно.

Не теряя времени, но и не гоня с сумасшедшей скоростью, Рэнд проехал через город, пересек реку и очутился на вольном просторе. Тут он прибавил газу. Взгляд его то и дело обращался на зеркало заднего вида. Служащий был в таком смятении, что с него станется позвонить в полицию. К тому же фотографии могли видеть и другие. Впрочем, полиции опасаться нечего, ведь он не нарушил никаких законов. Разве существует закон, запрещающий фотографировать?

Милях в двадцати от реки он свернул с шоссе на пыльную проселочную дорогу и ехал по ней, пока не достиг моста, переброшенного через небольшую речушку. Судя по следам на обочине, место пользовалось популярностью; вероятно, сюда частенько наведывались рыбаки. Правда, сейчас поблизости никого не было. Рэнд полез в карман за конвертом и с удивлением обнаружил, что у него дрожат руки. Итак, что же он снимал?

Он поразился количеству фотографий, ему казалось, что их должно быть раза в два меньше. При взгляде на снимки память ожила и возвратилась, хотя ее образы оставались-таки размытыми и нечеткими. Он вспомнил: ему тогда померещилось, что окрестности затянуты пеленой тумана; однако фотографии представляли тот мир с безжалостной резкостью. Почерневшие развалины не оставляли сомнения в том, что город подвергся бомбардировке; на голой вершине холма виднелись скелеты деревьев, каким-то образом уцелевших среди безумия пожара. Что касается людей, спешивших по склону холма, они попали лишь на одну-единственную фотографию, и удивляться тут было нечему: заметив их, он сломя голову кинулся к машине, ему было не до снимков. Разглядывая фото, Рэнд отметил, что люди были ближе, чем ему показалось в тот момент. Должно быть, они находились там все время, просто он, в своем потрясении, не сразу заметил их. Если бы они не шумели, то без труда застали бы его врасплох. Да, как они близко, можно даже различить отдельные лица! Интересно, кто из них тот самый Боб Джентри, которого узнал служащий из ателье?

Рэнд сложил фотографии в конверт и запихнул его в карман пиджака, а затем выбрался из машины и спустился к воде. Ширина речки составляла не больше десяти футов. Под мостом течение слегка замедлялось; здесь было нечто вроде заводи, по берегам которой, похоже, предпочитали устраиваться рыбаки. Рэнд уселся на землю и уставился на реку. Берег нависал над водой козырьком, под которым, на глубине, сновали, должно быть, рыбы, ожидая крючков с насаженными на них червями. Сидеть у воды, в тени раскидистого дуба, что рос за мостом, было приятно и покойно. Где-то вдалеке тарахтела сенокосилка, гладь реки сверкала на солнце, подергиваясь рябью всякий раз, как очередное плавающее насекомое попадало в рыбью пасть. Хорошо, подумал Рэнд, отличное место, чтобы отдохнуть. Он попытался освободить мозг, избавиться от воспоминаний, притвориться, будто ничего не случилось, будто тревожиться совершенно не о чем. Однако его попытки оказались тщетными. Он понял, что должен поразмыслить над словами Стерлинга. «Если идти, не останавливаясь, может, удастся уйти от всего этого?»

До какой степени отчаяния нужно довести человека, чтобы он стал задаваться такими вопросами! Или дело тут не в отчаянии, а в беспокойстве, одиночестве, усталости, неспособности, наконец, предугадать будущее? Да, неспособность предугадать будущее или страх перед завтрашним днем. Это волнение сродни знанию о том, что через несколько лет (всего ничего, иначе откуда бы тот тип из ателье узнал своего приятеля на фотографии?) боевая ракета сотрет с лица земли крохотный городок в штате Айова. За что его уничтожить? Обыкновенный провинциальный городок, не Лос-Анджелес, не Нью-Йорк и не Вашингтон, отнюдь не транспортный или промышленный центр, никакого правительство в нем не располагается. Ему достанется просто так, по ошибке, из-за отклонения от программы. Впрочем, какая разница? Вполне возможно, что через те же несколько лет придет конец стране и всему миру. Так оно и будет, подумал Рэнд. Сколько усилий, сколько надежд и упований — и все, все без исключения пойдет коту под хвост. Разумеется, от подобного исхода захочется не то что уйти, а сбежать, рассчитывая найти где-нибудь по дороге забвение. Однако необходимо,

чтобы было откуда уйти, ибо так, с бухты-барухты, никуда и ни от чего не уйдешь.

Сидя на берегу реки, Рэнд размышлял о том, что сказал Стерлинг, и не торопился прогонять обуревавшие его мысли, которые при иных условиях, в иной обстановке счел бы нелепыми и праздными. Мысли накапливались в его мозгу, как бы порождая новое пространство и время, и вдруг он понял — внезапно и сразу, без утомительных поисков ответа, — что знает, откуда следует начинать. На мгновение ему стало страшно, он почувствовал себя дурачком, угодившим в ловушку собственных бессознательных фантазий. Здравый смысл твердил ему, что так оно на самом деле и есть. Горькие странствия отвергнутого по бесконечным дорогам, шок фотографий, странная, месмерическая притягательность тенистой заводи, словно отделенной от реального мира, — если сложить все вместе, чем не бредовая фантазия?

Рэнд поднялся и повернулся лицом к машине, однако перед его мысленным взором по-прежнему маячило то место, откуда следовало начинать. В мальчишеском возрасте, лет девяти или десяти от роду, он обнаружил распадок, не то чтобы овраг, но и не лощину, выведивший от холма, на котором стояла ферма дядюшки, в речную долину. Он был в том распадке один-единственный раз, больше не получилось: работы на ферме вечно было невпроворот. Рэнд принялся вспоминать, что и как, но быстро сообразил, что память вновь подводит его. Ему вспоминался лишь один миг, мгновение истинного волшебства, некое подобие кадра из художественного фильма, картина, которая почему-то запечатлелась в памяти. Почему? Может, потому, что лучи солнца как-то по-особенному осветили тогда местность? Или потому, что у него будто открылось второе зрение? Или потому, что он на долю секунды ощутил истину, соприкоснулся с тем, что лежит за гранью повседневности? Так или иначе, он был убежден, что познал подлинное волшебство.

Рэнд вернулся к машине, уселся за руль. Он глядел на мост, на реку и поля за ней, однако видел не их, а карту местности. Выехав на шоссе, он повернет не направо, а налево, в сторону города, а там, не доезжая реки, будет поворот на проселок, который, через сотню с небольшим миль, выведет к волшебному распадку. Да,

Рэнд видел перед собой карту, и в нем исподволь укреплялась решимость. Однако он сказал себе: хватит глупить, какие еще волшебные долины, поворачивать нужно направо, думать же не о всякой ерунде, а о работе, которая, возможно, ждет его в Чикаго. Тем не менее на шоссе он повернул налево.

Попасть сюда было легче легкого, думал он, сидя на крыльце. Никаких блужданий по дорогам, никаких остановок, чтобы узнать, куда ли он направляется. Нет, он вел машину так, словно ехал этой дорогой только вчера. Ему пришлось остановиться у горла долины, ибо проселок внезапно обрывался; он остановил автомобиль и двинулся дальше пешком. Рэнд признался себе, впервые с тех пор, как очутился в деревне, что запросто мог не попасть в нее, пускай даже исходил распадок вдоль и поперек; главное было не найти, а узнать. Ему повезло, он узнал то, что видел и запомнил мальчишкой, узнал и вновь ощутил волшебство. Он отыскал тропинку, которая возникла будто из пустоты, привела его на вершину холма и незаметно перетекла в деревенскую улицу. Он ступил на эту улицу, залитую лучами осеннего солнца, и вскоре увидел пожилую даму, что поджидала его у забора своего дома, как если бы ее заранее известили о том, что он вот-вот подойдет.

Расставшись с ней, он зашагал к дому, который, по словам дамы, принадлежал ему. Едва он поднялся на крыльцо, как послышался стук: кто-то стучал в заднюю дверь.

— Я Молочник, — объяснил стучавший, когда Рэнд отпер дверь. То был то ли человек, то ли призрак: его облик словно постоянно менялся; стоило на мгновение отвернуться, как создавалось впечатление, что перед вами — совсем другое лицо.

— Молочник, — повторил Рэнд. — Что ж, пожалуй, молоко мне пригодится.

— Вдобавок, — продолжал Молочник, — могу предложить яйца, хлеб, масло, ветчину и прочее. Вот керосин, теперь у вас есть чем заправить лампы. Дров достаточно, потом наколю еще. Спички и щепки на растопку, как войдете, слева от двери.

Рэнд припомнил вдруг, что ни разу не платил Молочнику и даже не порывался заплатить. Молочник был не из тех, при ком можно было упоминать о деньгах. В заказах необходимости, как правило, не возникало:

Молочник каким-то образом узнавал, кто и в чем нуждается, не заводя о том разговора. Рэнду стало стыдно при воспоминании о том, какие последствия имела его необдуманная фраза насчет семян. Он поставил в неловкое положение не только Молочника, но и самого себя, ибо, едва слова сорвались у него с языка, он понял, что нарушил некий неписанный закон, который тут обязателен для всех.

На дворе постепенно сгущались сумерки. Скоро пора будет готовить ужин. А потом? Почитать? Нет, не хочется. Может, посидеть над планом разбивки сада? Опять-таки нет. Во-первых, у него все равно нет семян, а во-вторых, кто же сажает сад в краю вечной осени?

В гостиной дома напротив, просторной комнате с массивной мебелью и огромным камином, зажегся свет. Старик с палочкой что-то не возвращался, хотя ему давно уже пора было вернуться. Издалека доносились голоса играющих детей. Старость и молодость, подумал Рэнд, старость, которая ни о чем не тревожится, и молодость, которая ни о чем не думает. Однако он не стар и не молод; что же он тогда делает здесь?

Рэнд встал, спустился с крыльца и вышел на улицу, пустынную, как всегда. Он медленно направился в сторону парка на окраине деревни, где часто бывал и просиживал часами на скамейке под сенью деревьев. Он был уверен, что найдет там детей, хотя не знал, на чем основывается его уверенность; до сих пор он детей не встречал, лишь слышал их голоса. Он шагал мимо притаившихся в сумраке домов и думал о том, жили ли в них когда-нибудь люди. Сколько вообще жителей в этой безымянной деревушке? Пожилая дама рассуждала о своих друзьях, которые когда-то проживали тут, но потом уехали. Однако вполне возможно, что с возрастом она приобрела привычку выдавать желаемое за действительное. Так или иначе, заметил про себя Рэнд, дома находились в довольно-таки приличном состоянии. Там не хватало черепицы, сям облупилась краска, но нигде не было видно ни выбитых окон, ни прогнившей древесины, ни покосившихся водопроводных труб. Словом, возникало впечатление, что их совсем недавно отремонтировали.

Улица привела Рэнда в парк. Он по-прежнему слышал голоса детей, но теперь они звучали приглушеннее, не так громко, как раньше. Рэнд прошел через парк и

остановился на опушке, глядя на окрестные поля. На востоке вставала луна, полная луна, струившая столь яркий свет, что можно было рассмотреть каждую кочку, каждый куст, чуть ли не каждый листик на дереве, под которым стоял Рэнд. Он осознал вдруг, что луна была полной всегда, она поднималась в небо с заходом солнца и исчезала перед рассветом и выглядела всегда огромной желтой тыквой, таким вечноспелым плодом, еще одной характерной особенностью края вечной осени. Осознание этого явилось для Рэнда чем-то вроде потрясения основ. Почему, ну почему он не замечал прежде? Ведь он пробыл здесь достаточно долго, чтобы заметить, достаточно долго, в конце концов, смотрел на луну, — и на тебе! А сколько он пробыл здесь — недели, месяцы, год? Он попытался посчитать, прикинуть и обнаружил, что у него ничего не выходит. Ему не от чего было оттолкнуться. Дни тут были похожи друг на друга как близнецы, время текло столь плавно, что трудно было сказать, движется оно или застыло в неподвижности.

Детские голоса постепенно отдалялись. Прислушавшись к ним, Рэнд постиг, что они звучат у него в сознании. В действительности же дети давно разошлись по домам. Да, они придут снова, если не завтра, то послезавтра, придут и будут играть и шуметь, но теперь они ушли. Впрочем, какая разница? К чему убеждать себя, что они и впрямь существуют?

Рэнд повернулся спиной к полям и побрел обратно. Когда он приблизился к своему дому, ему навстречу из темноты выступила какая-то фигура. Он узнал пожилую даму. Судя по всему, она дожидалась его возвращения.

— Добрый вечер, мэм, — поздоровался Рэнд. — Отличная погода, не правда ли?

— Он ушел, — проговорила дама. — Ушел и не вернулся, точь-в-точь как остальные.

— Вы про старика?

— Про нашего соседа, — ответила она. — Старика с палочкой. Я не знаю, как его зовут, никогда не знала. И ваше имя для меня тоже загадка.

— Я вам представлялся, — заметил Рэнд, но она не обратила на его слова ни малейшего внимания.

— Мы жили почти рядом, — продолжала она, — и понятия не имели, как кого зовут. Мы безымянный народ. По-моему, это ужасно, ужасно!

— Я поищу его, — сказал Рэнд. — Он мог заблудиться.

— Да, поищите, поищите, — отозвалась дама, — пожалуйста, поищите его. Вам станет легче. Вы избавитесь от чувства вины. Но вам его не найти.

Рэнд медленно двинулся в том направлении, какое обычно избирал старик. У него сложилось впечатление, что тот ходил по центральной площади и обратно, но наверняка сказать было невозможно; до сих пор маршрут прогулок старика не представлялся чем-то важным, что заслуживало бы изучения. Едва ступив на площадь, Рэнд углядел на тротуаре некий предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении стариковой шляпой. Хозяина шляпы нигде не было. Рэнд подобрал головной убор, расправил его и взял за поле, чтобы лишний раз не забыть.

Площадь нежилась в лунном свете. Посреди нее возвышался памятник неизвестно кому. Обосновавшись в деревне, Рэнд попробовал было выяснить, кого изображает статуя, но потерпел неудачу. На гранитном постаменте не было ни бронзовой таблички с именем, ни выбитой в камне пояснительной надписи. Черты лица статуи сгладились под воздействием времени, плащ, в который облачил изваяние неведомый скульптор, лишил возможности датировать ее по одежде, в позе каменного человека не было ровным счетом ничего примечательного. Статуя стояла на площади немым свидетельством людской забывчивости.

Рэнд огляделся по сторонам и, в который уже раз, поразился нарочитой несовременности деревни. Лавка мясника, парикмахерская, кузница, но ни гаража, ни станции обслуживания, ни пиццерии, ни закусочной. Жилые дома рассказывали историю поселения, а площадь словно кичилась ей. Деревня была неизмеримо древней, осколком былого, уцелевшим в урагане времени, кусочком минувшего столетия. Правда, на ней лежал отпечаток нереальности, как будто ее построили специально, чтобы продемонстрировать, каким было прошлое. Рэнд покачал головой. Что с ним сегодня такое? Откуда взялись эти сомнения и подозрения, после стольких-то дней мира и покоя?

Рэнд пересек площадь и почти сразу натолкнулся на палку старика. Получается, тот свернул в переулок, рядом с которым валялась его трость? Но почему он

бросил палку? Сначала шляпа, потом палка. Что тут произошло? Рэнд вновь огляделся, надеясь уловить в тени какое-нибудь движение, различить на границе света и тьмы чей-то призрачный силуэт, но, как и следовало ожидать, ничего не увидел. Если кто и был на площади, он давно уже ушел отсюда.

Шагая переулком, которым, вероятно, проходил старик, Рэнд восторженно всматривался во мрак. Темнота дурачила его, поминутно заставляя напрягаться, а потом, словно потешаясь, отступала, показывая, что волноваться было нечего. Несколько раз он замирал на месте, ибо ему чудилось, что кто-то крадется по улочке, прячась в тени домов, однако тревога оказывалась ложной. Наконец переулок вывел Рэнда на окраину поселения и обернулся утоптанной тропинкой. Рэнд заколебался. Старик потерял шляпу и трость; судя по тому, где он их потерял, он избрал именно этот путь. Если так, значит, он покинул деревню. Может, ему что-то угрожало? Гадать можно было сколько угодно, одна версия представлялась ничуть не хуже другой. Возможно, старик заплутал в ночи, возможно, испугался или ему стало плохо; так или иначе, он наверняка нуждается в помощи.

Рэнд устремился вперед. Тропа мало-помалу становилась все менее различимой. По траве прошмыгнул кролик, вдалеке зловеще заухала сова. С запада задувал пронизывающий ветер, он навевал тоску и печаль, свойственные местности, которую населяют лишь кролики да совы. Тропа оборвалась. Рощицы и заросли приземистых кустов сошли на нет; перед Рэндом простиралась травянистая равнина, выбеленная лучами луны, безликая прерия. Рэнд откуда-то знал, что она тянется до самого горизонта. Эта равнина обладала вкусом и запахом вечности. Он вздрогнул и тут же спросил себя, отчего дрожит. Ответ был очевиден: он смотрел на траву, а трава глядела на него, знала и поджидала, манила к себе. Стоит ему войти в нее, и он стинет навсегда, поглощенный беспредельностью и обезличенностью равнины. Рэнд развернулся и побёжал. Ему было страшно, до такой степени, что он не постеснялся бы признаться в этом первому встречному. На окраине деревни он остановился и оглянулся. Трава осталась позади, ее не было видно, однако ему чудилось, что она крадется во тьме, подбирается ближе и ближе, а ветер гонит по ней серебристые волны.

Рэнд побежал дальше, но уже не так быстро, вскоре очутился на площади, пересек ее, достиг своего дома. Его удивило, что в окнах дома напротив нет света, однако он не стал задерживаться и направился на ту улицу, которая когда-то привела его сюда. Что-то подсказывало ему, что пришла пора покинуть деревню, распрощаться с волшебством вечной осени и всегда полной луны, с безликим морем травы и голосами невидимых детей, со стариком, который канул в небытие, бросив шляпу и трость; что следует отыскать дорогу в прежний мир, где некоторые люди работают, а другие бродят по свету в поисках работы, где происходят мелкие стычки, а фотоаппараты добросовестно фиксируют будущее.

Он вышел из деревни. Сейчас, сейчас тропа вильнет вправо, вниз по обрывистому склону, к источнику волшебства, обретенному столько лет спустя. Рэнд двигался медленно и осторожно, пристально глядя себе под ноги, чтобы не прозевать поворот. Путь занял гораздо больше времени, чем он предполагал, и внезапно он понял, что, как бы ни старался, сколько бы ни искал, ему не найти обрывистого склона и тропы, что бежит вниз. Перед ним стеной встала трава. Он догадался, что угодил в западню, что ему не покинуть деревни иначе, нежели как по дороге, избранной стариком, по дороге в никуда. Он не стал приближаться к траве, памятуя о пережитом ужасе. Пускай его назовут трусом, но ужаса с него достаточно.

Рэнд возвратился в деревню. На всякий случай он не сводил глаз с тропы, надеясь в глубине души, что вот-вот покажется желанный поворот. Но чуда не произошло, хотя поворот, несомненно, существовал — по крайней мере в ту пору, когда он пришел сюда. Кроны деревьев, сквозь которые пробивался лунный свет, отбрасывали на стены зданий причудливые тени. В доме напротив по-прежнему было темно; вдобавок от него почему-то исходило ощущение заброшенности. Рэнд вспомнил, что не ел с самого полудня, когда утолил голод сэндвичем. Надо посмотреть в молочном ящике. Кстати, он заглядывал туда утром или нет?

Рэнд направился к черному ходу, возле которого был установлен молочный ящик. Там стоял Молочник, выглядевший призрачнее обычного, что ли, размытее, рас-

пловчате; шляпа с широкими полями совершенно затеняла его лицо.

Рэнд ошарашенно уставился на него. Облик Молочника как-то не вязался с лунным светом осенней ночи. Он принадлежал раннему утру, прочие времена суток были не для него.

— Я пришел узнать, не требуется ли моя помощь, — сказал Молочник.

Рэнд промолчал. Голова у него шла кругом, язык не поворачивался сказать хоть слово.

— Вам не нужен пистолет? — справился Молочник.

— Пистолет? Зачем он мне?

— Вечер доставил вам много неприятностей. Возможно, с пистолетом в руке или на поясе вы почувствуете себя спокойнее.

Рэнд заколебался. Ему показалось или в голосе Молочника и впрямь проскользнула насмешка?

— Или крест.

— Крест?

— Распятие. Символ...

— Нет, — прервал Рэнд, — Крест мне ни к чему.

— Может быть, книгу по философии?

— Нет! — воскликнул Рэнд, — Это все в прошлом. Мы верили во все это, полагались на него, а потом оказалось, что полагаться не стоило, и...

Он умолк, потому что собирался сказать совсем не то, если собирался вообще. Он ощущал себя марионеткой: слова как будто вкладывал в его уста кто-то другой, а сам он лишь раскрывал рот.

— Или вам нужны деньги?

— Вы смеетесь надо мной, — вздохнул Рэнд, — Какое у вас право...

— Я только перечисляю то, чему привержены люди, — отозвался Молочник.

— Скажите мне, пожалуйста, без утайки: можно ли выбраться отсюда?

— Вернуться туда, откуда вы пришли?

— Да, именно так.

— Вам не к чему возвращаться, — проговорил Молочник. — Таков удел всякого, кто приходит сюда.

— Но ведь старик ушел! Помните, старик в черной фетровой шляпе, с тросточкой? Он потерял их, а я нашел.

— Он не вернулся, — возразил Молочник, — он отправился дальше. Не спрашивайте куда, я все равно не знаю.

— Однако вы не станете отрицать, что замешаны в этом?

— Я лишь скромный слуга. У меня есть работа, которую я стараюсь выполнять по мере сил. Я забочусь о тех, кто живет здесь, не более того. Рано или поздно наступает время, когда люди уходят. Я бы назвал деревню местом отдыха на пути в неведомую даль.

— Местом подготовки, — поправил Рэнд.

— Что?

— Так, ничего, — пробормотал Рэнд. — Просто совпало с языка.

Во второй раз, подумалось ему, он произносит то, что вовсе не думал произносить.

— Приятнее всего то, — сказал Молочник, — что тут никогда ничего не происходит, и о том не следует забывать. — Он спустился с крыльца на садовую дорожку. — Вы упоминали старика. Так вот, ушел не только он. Пожилая дама тоже. Они оба задержались куда дольше, чем принято.

— Выходит, я остался один?

Молочник, который направился к калитке, остановился и обернулся.

— Скоро придут другие, — проговорил он. — Они приходят постоянно.

Что там говорил Стерлинг о переоценке человеком собственных умственных способностей? Рэнд напряг память, но, как ни старался, так и не сумел вспомнить. Но если Стерлинг прав по сути, какая разница, какими словами он выразил свою мысль? В таком случае человеку необходимо место вроде этого, где ничего не случается, луна всегда полная и круглый год осень; да, необходимо — на известный срок.

Внезапно у Рэнда возникла новая мысль, и он крикнул вслед Молочнику:

— Но эти другие, станут ли они разговаривать со мной? Смогу ли я поговорить с ними? Узнаю ли, как их зовут?

Молочник отворил калитку. Судя по всему, он не слышал вопросов Рэнда.

Лунный свет утратил толику своей яркости, небо на востоке слегка порозовело — занимался очередной бесподобный осенний день.

Рэнд обошел вокруг дома, поднялся на парадное крыльцо, уселся в кресло-качалку и принялся ждать новеньких.

СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА

В том же самом году, когда люди впервые ступили на Марс, с Луны был запущен космический зонд к Плутону. Пять лет спустя поступили фотоснимки поверхности планеты, сделанные с орбиты. Качество их было невысоким, однако даже то, что удалось различить, вызвало бурю: прежние теории рассыпались в прах, возникло множество вопросов, ответов на которые и не предвиделось. Судя по фотографиям, поверхность Плутона была абсолютно ровной, если не считать того, что в некоторых местах, вдоль экватора, просматривались какие-то точки, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Они присутствовали на всех снимках, так что от версии помех при передаче информации с зонда на Землю пришлось отказаться. Помехи, разумеется, были, но точки никуда не исчезли и после их устранения. Тогда специалисты пришли к выводу, что это либо детали ландшафта, либо тени, отбрасываемые упомянутыми деталями; впрочем, учитывая расстояние, на котором находится Плутон от Солнца, о каких тенях могла идти речь? Прочие сведения были не менее обескураживающими. Планета оказалась меньше, чем предполагалось, ее диаметр составил на деле около тысячи миль, а плотность равнялась 3,5 грамма на кубический санти-

Construction Shack, 1972

© 1994 К. Королев, перевод на русский язык

метр вместо полученной ранее путем теоретических выкладок неправдоподобной цифры 60 граммов.

Отсюда следовало несколько вещей. Выходило, что где-то в глубине космоса, на удалении от Солнца более чем в семь миллиардов миль, движется по своей орбите десятая планета Солнечной системы, — ведь размеры и масса Плутона никак не объясняли эксцентricность орбит Урана и Нептуна. Расчеты массы Плутона, как оказалось, ошибочные, базировались на анализе выше-названной эксцентricности; теперь стало ясно, что необходимо другой критерий.

Кроме того, Плутон представлял собой настоящую диковинку: планета с гладкой поверхностью, однообразие которой не нарушалось ничем, за исключением протянувшейся по экватору вереницы точек. Эту гладкость ни в коем случае нельзя было приписать воздействию лишенной турбулентности атмосферы, ибо Плутон был слишком мал и холоден, чтобы иметь какую бы то ни было атмосферу вообще. Ряд ученых выдвинул гипотезу о том, что планета закована в ледяной панцирь, возникший из остатков древней, просуществовавшей единый миг атмосферы, однако в силу различных причин от этой гипотезы также вынуждены были отказаться. Кое-кто высказывал мысль о металле; но тогда становилась непонятной малая плотность Плутона.

Земляне утешали себя тем, что еще через пять лет зонд возвратится, причем с оригинальными материалами, в том числе фотографическими, и, возможно, многое из того, что ныне кажется невразумительным, получит логическое объяснение. Тем временем поступила новая партия снимков, пользы от которых было чуть, поскольку качество по-прежнему оставляло желать лучшего. Затем произошло автоматическое отделение отработанной ступени, и зонд устремился обратно, сообщая звуковыми сигналами окружающему пространству, что мчится домой. Однако вскоре случилось нечто непредвиденное: сигналы смолкли. Поначалу лунная база терпеливо ожидала их возобновления, ибо вполне могло оказаться, что молчание вызвано какой-то мелкой неисправностью, которая быстро будет устранена, но ожидание затягивалось, и в конце концов специалисты скрепя сердце признали, что зонд сгинул без следа на расстоянии около трех миллиардов миль от Солнца.

Посылать к Плутону другой не имело смысла, поскольку прежде следовало добиться значительных улучшений в технике фотосъемки, именно значительных, потому что иначе средства и усилия вновь были бы пущены на ветер.

Вторая и третья марсианские экспедиции благополучно достигли цели и вернулись на Землю. Среди сделанных ими открытий важнейшим было то, что они обнаружили на Марсе следы обитания примитивных существ, в результате чего удалось раз и навсегда покончить со стародавним убеждением: мол, жизнь — отклонение от нормы и присутствует только на Земле. Перед фактом наличия жизни на двух планетах одной и той же системы вынуждены были сложить оружие даже закоренелые скептики. Четвертая экспедиция высадилась на Марсе — и погибла, и на красной планете появилось первое земное кладбище. Пятая экспедиция отправилась в путь задолго до того, как на Земле завершилось отдавание почестей погибшим.

Теперь, с обнаружением следов жизни на другой планете, когда стало ясно, что Марс обладал атмосферой, схожей своими характеристиками с земной, что его поверхность покрывали моря и реки, что мы не одиноки — не были одиноки — во Вселенной, снова пробудился интерес общественности к космическим полетам. Ученые, вспомнив о загадке сгинувшего в черноте пространства зонда — по правде сказать, они вовсе не забывали о нем, однако обстоятельства заставляли заниматься иными делами, — принялись планировать экспедицию на Плутон, исходя из того, что аппаратура по-прежнему несовершенна, значит, придется положиться на свидетельства людей.

Меня включили в состав экспедиции в качестве геолога, хотя зачем геолог на Плутоне, мне было ни капельки не понятно. Всего нас было трое, несмотря на то что, по мнению психологов, тройка — самое неудачное число. Двое объединяются против одного или игнорируют его, и потом, в коллективе не прекращается борьба за то, кто окажется в большинстве; ведь кому охота оставаться предоставленным лишь своему собственному обществу? Однако наши отношения сложились иначе, мы неплохо уживались друг с другом, пускай даже среди нас и возникали порой известные разногласия. Срок в пять лет, который понадобился зонду, чтобы

достичь Плутона, для нас сократился более чем наполовину, не только за счет увеличения мощности двигателей, но и по той причине, что пилотируемый корабль способен развить скорость, намного превышающую пределы безопасности при автоматическом режиме. Впрочем, и два года с хвостиком — весьма продолжительный период времени для тех, кто заключен в корпусе ракеты, мчащейся сквозь пустоту. Возможно, было бы полегче, когда бы в пространстве существовали ориентиры, по которым человек мог бы судить о продвижении звездолета к месту назначения, а так у меня, например, постоянно создавалось впечатление, что мы просто-напросто висим в пустоте.

Итак, нас было трое. Меня зовут Говард Лант; моими товарищами были химик Орсон Гейтс и инженер Тайлер Хэмптон. Да, мы неплохо уживались друг с другом, организовывали шахматные турниры — втроем-то! — которые проходили на должном уровне, чин чинном, поскольку никто из нас не умел играть. Думаю, в противном случае мы бы рано или поздно переругались и перессорились. Кроме того, мы сочиняли похабные песенки и, чрезвычайно довольные собой, распевали их во весь голос, притом что все были начисто лишены слуха. В общем, какой ерундой мы только не занимались! Правда, нам полагалось проводить достаточно серьезные научные эксперименты и наблюдения, но главной своей задачей мы считали сохранение здравомыслия.

Когда корабль приблизился к Плутону, настало время перестать валять дурака. Мы отрывались от телескопов лишь затем, чтобы обсудить увиденное. Откровенно говоря, особенно обсуждать было нечего. Планета сильнее всего напоминала бильярдный шар. Ни тебе гор, ни долин, ни кратеров — абсолютно ровная поверхность. Точки? Ну разумеется, куда бы они делись? Мы насчитали в экваториальном поясе целых семь групп. При внимательном рассмотрении выяснилось, что на самом деле это какие-то сооружения. Звездолет совершил посадку неподалеку от одной из таких групп, причем посадка оказалась не столь мягкой, как мы рассчитывали. Поверхность планеты была необычайно твердой; тем не менее мы сели, да так аккуратно, что не поломали ни единого строеньица.

Меня часто просили и просят описать Плутон. При-
знаюсь сразу: подобрать нужные слова неимоверно
сложно. Да, поверхность гладкая; да, там всегда темно,
даже в светлое время суток. Солнце выглядит с Плуто-
на этаккой крохотной звездочкой, немногим ярче осталь-
ных, потому солнечный свет сюда не доходит и, естест-
венно, не слепит глаза. Планета лишена воздуха и воды,
на ней царит жуткий холод. Однако холод, с человече-
ской точки зрения, вещь относительная. Как только
температура опускается до ста градусов Кельвина, че-
ловеку уже все равно, будет ли она понижаться дальше,
особенно — если человек в скафандре с системой
жизнеобеспечения. Без такого скафандра на Плуtone
можно протянуть от силы несколько секунд. Вас погу-
бит либо холод, либо внутреннее давление, — какая
разница? Или замерзнуть приятнее, нежели разлететь-
ся перед тем на кусочки?

В общем, на Плуtone темно и холодно, воздуха нет,
а поверхность планеты изумительно ровная. Но это
лишь внешние признаки. Стоит взглянуть на Солнце,
как понимаешь, в какую даль ты забрался, на самый
край Солнечной системы, за которым — неизведанная
бездна. Впрочем, не совсем так, ибо существует еще
десятая планета, пускай в теории, но существует; и
потом, не нужно забывать о миллионах комет, которые
тоже принадлежат к системе, хотя настолько далеки,
что вспоминают о них крайне редко. Потому можно
уверить себя: дескать, какой же это край, если за ним
кометы и гипотетическая десятая планета? Но рациона-
лизация, как правило, не выдерживает проверки практи-
кой: доводы рассудка опровергаются тем, что твердят
вам органы чувств. На протяжении сотен лет Плутон
являлся чем-то вроде форпоста системы; и вот, Господи
Боже, вы стоите на Плуtone, в невообразимом далеке
от дома, и ощущаете громадность расстояния от Земли
на собственной шкуре. Вы словно затерялись в про-
странстве или очутились в темном закоулке, из которо-
го ну никак не выбраться на залитые светом широкие
улицы.

Вы чувствуете не тоску по дому, нет, вам чудится,
будто дома у вас никогда и не было, будто внезапно
разорвались все и всяческие связи. Разумеется, посте-
пенно свыкаешься со своей участью — по крайней

мере пытаешься свыкнуться, а получается ли — другой вопрос.

Мы вышли из корабля и ступили на поверхность Плутона. Первое, что удивило нас, — близость горизонта; на Луне он гораздо дальше. Мы сразу ощутили, что находимся на маленькой планете. Горизонт бросился нам в глаза даже раньше тех сооружений, что представлялись на фотографиях со спутника черными точками, тех, которые мы и прилетели исследовать. Да, сооружения или конструкции; слово «здания» к ним явно не подходило. Здания подразумевают замкнутое пространство, а здесь этого не было. Сооружения напоминали недостроенные купола: переплетение балок и опор, соединенных скобами и распорками. Впечатление было такое, будто кто-то взялся возводить их и не довел дело до конца. Всего конструкций насчитывалось три, причем одна значительно превосходила размерами две другие. Возможно, я несколько упростил картину: помимо балок и прочего, сооружения изобиловали деталями, которые, на наш взгляд, не несли никакой сколько-нибудь полезной нагрузки.

Мы постарались понять, что тут к чему. Для чего, к примеру, нужны канавки, испещрявшие поверхность планеты внутри сооружений? Канавки имели закругленные края и лично мне показались следами наподобие тех, какие оставляет в мороженом лопаточка продавца. Правда, какова должна быть лопаточка, если след от нее — около шести футов в поперечнике и три фута глубиной?

Именно тогда Тайлер как будто начал что-то соображать. Тайлер инженер, а потому мог бы разобраться во всем — как, впрочем, и мы с Орсоном, — едва очутившись на планете, но первый час вне стен корабля был для нас сущей мукой. Конечно, мы учились обращаться со скафандрами и не раз тренировались в них, однако сила тяжести на Плутоне оказалась еще ниже той, к которой нас готовили, так что какое-то время нам пришлось потратить на привыкание к ней. Кстати говоря, мы выяснили, высадившись на Плутоне, что все теоретические выкладки земных ученых никуда не годятся.

— Эта поверхность, — проговорил Тайлер, обращаясь ко мне. — С ней что-то не так.

— Мы же знали, что она гладкая, — возразил Орсон. — Фотографии не обманули.

— Настолько гладкая? — спросил Тайлер. — Настолько ровная? — Он повернулся ко мне. — Что скажет геолог?

— По-моему, в естественных условиях такое невозможно, — ответил я. — Любое возмущение недр приводит к изменению поверхности. Эрозии тут взяться неоткуда... Что же могло выровнять ее? Метеоритные дожди? Но вряд ли они здесь падают, да и потом, метеориты, наоборот, делают поверхность неровной, а не сглаживают ее.

Тайлер неуклюже опустился на колени и провел по поверхности рукой в перчатке. Даже в тусклом свете звезд можно было различить, что под ногами у него тонкий слой пыли.

— Посвети-ка сюда, — попросил Тайлер.

Орсон послушно навел фонарь. То место, которое слегка расцистил Тайлер, выделялось темным пятном на сером фоне.

— Космическая пыль, — заключил Тайлер.

— По идее ее тут должно быть всего ничего, — сказал Орсон.

— Верно, — отозвался Тайлер, — но за четыре миллиарда лет или около того накопилось, как видишь, достаточно. Это ведь не результат эрозии?

— Какая там эрозия, — хмыкнул я. — Мне кажется, Плутон — мертвая планета. Предположим, что у него была когда-то атмосфера: она испарилась из-за малой гравитации. Ни атмосферы, ни воды; что касается аккумуляции, сомневаюсь, что она вообще наличествовала — молекулы, похоже, здесь долго не задерживаются.

— А космическая пыль?

— Вот она могла задержаться. Возможно, мы столкнулись с некой разновидностью электростатического притяжения.

Тайлер вновь принялся смахивать пыль с поверхности.

— У нас есть бур? — справился он. — Ну, для забора образцов?

— Сейчас достану, — сказал Орсон, извлек бур из своего ранца и передал его Тайлеру. Тот установил его и нажал кнопку. Ясно видимый в луче света бур начал вращаться. Тайлер надавил сильнее.

— Крепкая, зараза, — буркнул он.

Бур вонзился в поверхность планеты. Дело шло туго. Наконец Тайлер отступился. Отверстие, проделанное буром, было весьма неглубоким, а кучка стружек — просто крохотной. Тайлер выключил двигатель.

— Хватит для анализа? — спросил он.

— Надеюсь, что да. — Орсон забрал у Тайлера бур и вручил ему взамен мешочек для образцов, куда Тайлер и ссыпал стружки.

— Теперь мы узнаем, — проговорил он, — узнаем наверняка.

Часа два спустя мы и впрямь узнали.

— Ну и ну, — сказал Орсон, — не могу поверить.

— Металл? — поинтересовался Тайлер.

— Конечно, но не тот, который ты, вероятно, имеешь в виду. Сталь.

— Сталь? — выдохнул я. — Но этого не может быть! Сталь не встречается в природе в чистом виде. Ее изготавливают!

— Железо, — пустился перечислять Орсон, — никель, молибден, ванадий, хром. В итоге получается сталь. Я знаю о ней не столько, сколько хотелось бы, но сомневаться не приходится. Отличная сталь — крепкая, нержавеющая.

— Может, мы бурили опорную платформу? — предположил я. — Может, они все стоят на таких вот подушках?

— Пошли проверим, — сказал Тайлер.

Мы открыли транспортный отсек корабля, сбежали по трапу вниз и забрались в кабину вездехода, а перед тем как уехать, отключили телекамеру. Лунная база видела вполне достаточно; если хотят большего, пусть попросят. Мы сообщали туда обо всем — за исключением стальной поверхности. Тут мы были единодушны: пока не разберемся, следует помалкивать. Тем более что ответа все равно скоро не дождешься, поскольку сигнал от Земли до Плутона идет шестьдесят часов.

Мы отъехали от корабля миль на десять, раз за разом останавливаясь, чтобы взять образцы, а затем вернулись обратно по собственным следам. Мы выяснили то, что стремились узнать, но торжества по этому поводу никто, сдается мне, не испытывал. Везде и всюду нам попадалась одна только сталь.

Потребовалось некоторое время, чтобы переварить открытие. Потом, посоветовавшись, мы пришли к выводу, что Плутон — не планета, а металлический шар размером с небольшую планету. Правда, небольшой-то небольшой, но тем, кто его создал, пришлось изрядно потрудиться. А кто его создал? Вот вопрос, который незамедлительно встал перед нами. Кто и с какой целью? А если неведомые строители достигли своей цели — если достигли, — почему они бросили Плутон на краю Солнечной системы?

— Так или иначе, они не из нашей системы, — заявил Тайлер. — Здесь нет никого кроме нас. Марсианская жизнь не в счет: она не поднялась выше примитивных форм. На Венере слишком жарко, Меркурий чересчур близко к Солнцу. Крупные планеты? Может быть, хотя вряд ли. Нет, тут замешан кто-то со стороны.

— Как насчет пятой планеты? — справился Орсон.

— Ее, скорее всего, не существовало, — ответил я. — Материал имелся, но планета, похоже, так и не образовалась. По всем законам небесной механики она должна была помещаться между Марсом и Юпитером, но не поместилась.

— Значит, тогда десятая, — гнул свое Орсон.

— Которая есть только на бумаге, — заметил Тайлер.

— Да, ты прав, — согласился Орсон. — К тому же по выкладкам на ней не те условия, чтобы развивалась жизнь как таковая, не говоря уж о разумной.

— Остаются пришельцы, — подытожил Тайлер.

— Которые заглянули к нам в незапамятные времена, — прибавил Орсон.

— С чего ты взял?

— Пыль. Во Вселенной не так уж много пыли.

— И никто не знает, что она такое, если не считать теории грязного льда...

— Я понимаю, к чему ты клонишь. Но почему обязательно лед? Да, не графит, ни что-либо другое...

— Ты хочешь сказать, тот серый порошок...

— Может быть, может быть. Как по-твоему, Говард?

— Не уверен, — отозвался я. — Мне известно лишь одно: эрозией тут и не пахнет.

Перед сном мы попробовали составить отчет для лунной базы, однако он получился столь путаным и

неправдоподобным, что мы решили повременить. Утром, перекусив, мы влезли в свои скафандры и отправились изучать загадочные сооружения. Их назначение по-прежнему оставалось непонятным, равно как и назначение тех штук-дючек, что крепились к балкам и распоркам, а также канавок с закругленными краями.

— Приделать к ним ножки, — заметил Орсон, — вышли бы стулья.

— Не слишком удобные, — буркнул Тайлер.

— А если чуть наклонить? — не сдавался Орсон.

Впрочем, наклон ничего не менял. Интересно, что навело его на мысль о стульях? Лично я не видел ни малейшего сходства.

Мы бродили вокруг да около, осматривали сооружения дюйм за дюймом, не переставая спрашивать себя, не пропустили ли мы чего-то важного. Судя по всему, пропускать было просто нечего.

А потом... Смех да и только. Понятия не имею, почему мы так поступили — наверное, с отчаяния. Мы все трое опустили на четвереньки и принялись разгребать пыль. Трудно сказать, что мы рассчитывали найти. Дело продвигалось медленно, пыль прилипала к перчаткам и оседала на скафандрах.

— Надо было захватить с собой метлы, — сострил Орсон.

Метел у нас, к сожалению, не было. Какому здравомыслящему человеку могло прийти в голову, что нам захочется подмести планету?

Мы оказались в нелепейшем положении: прилетели на планету, которая на деле — изготовленный искусственным путем металлический шар, рыскаем и копаемся в пыли среди сооружений, смысл существования которых не поддается объяснению! Мы проделали далекий путь и надеялись совершить на Плутоне грандиозное открытие, а что в результате? Сплошной бред!

Наконец нам надоело возиться в пыли, мы встали, отряхнулись и вопросительно переглянулись, и вдруг Тайлер громко вскрикнул и указал себе под ноги. Наклонившись, мы увидели на том месте, где отпечатались следы его башмаков, три крошечных отверстия, примерно трех дюймов глубиной и около дюйма в диаметре; они располагались рядом друг с другом и образовывали треугольник. Тайлер вновь опустился на четвереньки.

ки и осветил фонарем поочередно каждое из отверстий, а потом поднялся.

— Не знаю, — проговорил он. — Похоже на замок. Внизу, на донышках, видны пазы. Что случится, если мы...

— Плутон взорвется ко всем чертям, — хмыкнул Орсон, — причем вместе с нами.

— Не думаю, — возразил Тайлер, — не думаю. С какой стати было оставлять здесь мину? В расчете на кого?

— Откуда нам знать? — пробормотал я. — Мы же не сталкивались с теми, кто все это построил.

Тайлер вместо ответа принялся расчищать поверхность, подсвечивая себе фонарем. Не желая бездельничать, мы стали помогать ему. На сей раз удача улыбнулась Орсону: он обнаружил трещину толщиной с волос. Чтобы различить ее, требовалось едва ли не уткнуться носом в поверхность. Находка Орсона подогрела наш энтузиазм. Вскоре выяснилось, что трещина описывает круг диаметром приблизительно три фута и что таинственное отверстие находится внутри этого круга.

— Кто из вас, ребята, специалист по замкам? — справился Тайлер.

Таковых не нашлось.

— Вероятно, какой-то люк, — произнес Орсон. — Металлический шар, на котором мы стоим, должен быть полым, иначе его масса была бы гораздо больше.

— И какой дурак взялся бы изготавливать цельный шар? — прибавил я. — Сколько ушло бы металла, сколько энергии понадобилось бы, чтобы привести его в движение!

— Ты уверен, что он двигался? — спросил Орсон.

— А ты нет? Ведь его построили не в нашей системе. Нам такое не под силу.

Тайлер извлек из ранца отвертку и ткнул ею в одно из отверстий.

— погоди-ка! — воскликнул Орсон. — Я кое-что придумал.

Он отпихнул Тайлера, сунул в отверстие три пальца и потянул на себя. Люк не оказал ни малейшего сопротивления. Пространство под крышкой заполняли предметы, сильнее всего напоминавшие рулоны бумаги, в какую заворачивают рождественские подарки, правда, побольше размерами, около шести футов в поперечни-

ке. Я вытащил один рулон, причем мне пришлось помучиться — так плотно они прилегали друг к другу. Однако в конце концов я добился своего. Рулон был тяжелым и имел в длину добрых четыре фута.

Дальше было проще. Мы достали еще три штуки, с тем чтобы рассмотреть их на корабле. А перед тем как уйти, Орсон попросил меня поддержать оставшиеся в хранилище рулоны, чтобы они не упали, а сам посветил вниз. Мы предполагали, что под рулонами окажется нечто вроде перекрытия, а колодец поведет глубже и расширится до пределов жилого помещения или мастерской. Однако нас ожидало разочарование. Судя по всему, днище углубления составляло единое целое со стенками. На нем виднелись следы то ли бура, то ли вырубного штампа. Углубление служило единственной цели — оно предназначалось для хранения рулонов.

Когда мы возвратились на корабль, нам пришлось подождать, пока рулоны хоть немного оттают, но даже так мы вынуждены были работать в перчатках. Теперь, при хорошем освещении, стало видно, что рулоны представляют собой множество скатанных вместе отдельных листов. Последние казались изготовленными из какого-то необычайно тонкого металла или пластика. От тепла они так и норовили свернуться, поэтому, расстелив на столе, мы прижали их по краям разного рода тяжестями.

На первом листе содержались схемы, чертежи и некое подобие спецификаций, на схемах и полях. Естественно, спецификации были для нас китайской грамотой (впрочем, впоследствии некоторые удалось расшифровать, и наши математики с химиками получили в свое распоряжение ряд новых формул и уравнений).

— Чертежи, — проговорил Тайлер. — Строительные чертежи.

— Если так, — заметил Орсон, — значит, те диковинки на опорах — приспособления для крепления инструментов.

— Вполне возможно, — согласился Тайлер.

— Может, если поискать другие люки, в них найдутся и инструменты? — сказал я.

— Вряд ли, — ответил Тайлер. — Улетая отсюда, они наверняка забрали все инструменты с собой.

— А чертежи оставили?

— Чертежи не инструменты, после окончания работы они уже ни к чему. Кроме того, чертежи обычно делаются в нескольких экземплярах. Вероятнее всего, мы наткнулись на копии, а оригиналы — у хозяев.

— Чего я не понимаю, — сказал я, — так это того, что именно они тут строили? И почему? При желании Плутон можно охарактеризовать как огромную строительную площадку. Но почему здесь? Что, в Галактике не нашлось более подходящего места?

— Сколько вопросов сразу, — усмехнулся Орсон.

— Давайте посмотрим, — произнес Тайлер. — Может, что и прояснится.

Он скинул первый лист на пол. Тот мгновенно свернулся в свиток. Второй, третий и четвертый листы не содержали ничего интересного, зато пятый...

— Вот это уже кое-что, — проговорил Тайлер.

Мы наклонились над столом.

— Солнечная система, — воскликнул Орсон.

— Девять планет, — посчитал я.

— А где десятая? — спросил Орсон. — Должна быть десятая!

— Что-то не так, — пробормотал Тайлер.

— Планета между Марсом и Юпитером, — сказал я.

— Плутон, выходит, не показан, — произнес Орсон.

— Разумеется, — фыркнул Тайлер. — Плутон не планета.

— Получается, что когда-то между Марсом и Юпитером и впрямь существовала планета, — заметил Орсон.

— Не скажи, — возразил Тайлер. — Она должна была существовать там.

— То есть?

— Они все испортили, — заявил Тайлер, — построили сикось-накось.

— Ты с ума сошел! — вырвалось у меня.

— Пораскинь мозгами, Говард. С точки зрения теорий, которых придерживаются наши физики, я действительно спятил. Они утверждают, что протозвезда возникла на заре мироздания из облака пыли и газа, которое ни с того ни с сего начало вдруг сокращаться. Они вывели целую кучу законов, объясняющих, как все якобы произошло. И то сказать, какому безумцу придет

в голову мысль о космических инженерах, что шатаются по Вселенной, создавая звездные системы?

— Но десятая планета? — упорствовал Орсон. — Куда она могла деться? Громадная как...

— Они заporоли проект пятой, — перебил Тайлер, — и одному только Богу известно, что еще. Возможно, напортачили с Венерой. Венера не должна была быть такой, какая она есть; скорее всего она планировалась как вторая Земля, быть может, с чуть более жарким климатом. А что в итоге? Сущее пекло! И с Марсом тоже все насмарку! Там зародилась жизнь, но у нее не было ни малейшего шанса развиваться. А Юпитер? Этакая глыба...

— По-твоему, планеты существуют единственно для поддержания жизни?

— Не знаю. Надо бы порыться в спецификациях. Подумать только: из трех планет с условиями, годными для развития жизни, удалась лишь одна!

— Тогда, — заявил Орсон, — должна быть и десятая, та, которая даже и не планировалась.

— С такими мастерами можно ожидать чего угодно! — Тайлер в сердцах стукнул кулаком по столу, смахнул лист на пол и ткнул пальцем в следующий. — Вот, полюбитесь!

Чертеж, на который он указывал, изображал планету в разрезе, так сказать, ее поперечное сечение.

— Ядро, — произнес Тайлер, — атмосфера...

— Земля?

— Возможно. А может быть, Марс или Венера.

Лист покрывали непонятные символы.

— Вид какой-то не такой, — сказал я.

— Да, если говорить о Марсе или Венере. А как насчет Земли?

— Никак.

Тайлер продолжал копаться в чертежах. Он показал нам еще один.

— Атмосферный профиль, — проговорил я.

— Это общие спецификации, — буркнул Тайлер. — В других рулонах, верно, найдутся расчеты конкретно для каждой планеты.

Я попытался вообразить себе, как было дело. Строительная площадка посреди газопылевого облака, инженеры, тысячелетия напролет собиравшие звезды и

планеты, творение системы, что должна просуществовать миллиарды лет...

Тайлер утверждает, что строители все перепутали. Может статься, он прав. Но вот с Венерой он, мне кажется, погорячился. Ее, вероятно, создавали по иным спецификациям. Может быть, она изначально мыслилась такой, какой является сейчас. Может быть, миллиард лет спустя, когда человечество исчезнет с лица Земли, что, как мне представляется, произойдет так или иначе, на Венере возникнет новая разумная жизнь.

Нет, с Венерой Тайлер ошибается, да и с другими планетами, пожалуй, тоже. Хотя — откуда нам знать?

Тайлер рассматривал чертеж за чертежом.

— Вы только подумайте! — кричал он. — Эти головотяпы...

ГРОТ ТАНЦУЮЩИХ ОЛЕНЕЙ

1

Поднимаясь по крутой тропе, которая вела к пещере, Бойд слышал, как Луи играет на свирели. Собственно говоря, снова приходить сюда никакой необходимости не было: работа закончена, все измерено, нанесено на схемы, сфотографировано, вся доступная информация с места раскопок уже собрана. Это касалось не только рисунков. Археологи обнаружили в пещере обожженные кости животных, угли давно погасшего костра; небольшой запас разноцветной глины, из которой художники изготавливали свои краски; ремесленные поделки; отрубленную кисть человеческой руки (почему ее отрубили и оставили в пещере, где спустя столько тысячелетий она найдена учеными?); лампу из песчаника с выдолбленным углублением, куда вставлялся клочок мха и заливался жир: мох служил фитилем и давал художнику немного света... Так сложились обстоятельства, что местечко Гаварни — возможно, благодаря использованию новейших методов исследования — стало одним из наиболее важных открытий в истории изучения наскальной живописи. Пусть найденное не настолько впечатляет, как, скажем, обнаруженное в

Ласко, но оно дает гораздо больше ценнейших сведений.

Да, никакой необходимости приходить сюда снова не было, и все же Бойда не отпускало странное беспокойное чувство, устойчивое ощущение, что он чего-то не заметил в спешке и увлечении, о чем-то забыл. Впрочем, говорил Бойд себе, может быть, все это игра воображения и, увидев пещеру еще раз (если там действительно найдется нечто такое, что вызывало это ощущение, другими словами, если за беспокойством и в самом деле кроются какие-то упущения), он мгновенно поймет, что беспокойство связано с мелочью, что это обманчивое, пустое впечатление, возникшее неизвестно почему, чтобы потерзать его напоследок...

И вот он снова взбирается по крутой тропе с геологическим молотком на поясе и большим фонарем в руке. Взбирается и слушает свирель Луи, который устроился на небольшой каменной террасе, у самого входа в пещеру, на той самой террасе, где он жил, пока продолжалась работа. В любую погоду Луи оставался там, в своей палатке, готовил на переносной плитке и исполнял назначенную самим себе роль сторожа, охраняющего пещеру от непрошенных гостей, хотя таких было немного: несколько любопытных туристов, случайно услышавших о раскопках и протопавших значительное расстояние в сторону от основного маршрута. Жители долины, лежавшей внизу, их совсем не беспокоили — этих людей археологические находки на склоне горы волновали меньше всего на свете.

Бойд знал Луи уже давно. Десять лет назад тот появился на раскопках пещер, которые ученый вел милях в пятидесяти от этих мест, и остался с группой на два сезона.

Луи взяли рабочим, но он оказался способным учеником, и со временем ему стали поручать более ответственные задания. Спустя неделю после начала раскопок в Гаварни он появился в лагере и сказал:

— Я узнал, что вы здесь. Для меня найдется какая-нибудь работа?

Свернув по тропе за скалу, Бойд увидел, что Луи сидит, скрестив ноги, перед своей потрепанной палаткой и наигрывает на свирели.

Именно наигрывает, потому что музыка у него получалась примитивная, простая. Едва ли это вообще музыка, хотя Бойд признавался себе, что в музыке он совсем не разбирается. Четыре ноты... В самом деле четыре?.. Полая кость с удлинённой щелью, куда дуют, и два высверленных отверстия вместо клапанов.

Решив как-то поинтересоваться у Луи, что это за инструмент, Бойд сказал:

— Я никогда не видел ничего похожего.

— Такое в здешних местах не часто увидишь, — ответил Луи. — Разве что в дальних горных деревнях.

Бойд сошел с тропы, пересек поросшую травой террасу и сел рядом с Луи. Тот перестал играть и положил свирель на колени.

— Думал, ты уехал, — сказал Луи. — Остальные-то уже два дня как отбыли.

— Решил заглянуть сюда в последний раз, — ответил Бойд.

— Не хочется уезжать?

— Пожалуй, да.

Под ними бурными красками осени стелилась долина. Небольшая речушка блестела на солнце серебряной лентой. Красные крыши домов вдоль реки выделялись яркими пятнами.

— Хорошо здесь, — произнес Бойд. — Снова и снова ловлю себя на том, что пытаюсь представить, как все это выглядело во времена, когда создавались рисунки. Видимо, примерно так же. Горы едва ли изменились. Полей в долине не было — только естественные пастбища. Кое-где деревья, но не очень много. Охота богатая. Хорошие уголья для травоядных... Я даже пробовал представить себе, где люди устраивали стойбища. Думаю, там, где сейчас деревня.

Он оглянулся на Луи. Тот все еще сидел со свирелью на коленях. Уголки губ его чуть сместились вверх, словно он улыбался каким-то своим мыслям. На голове у Луи прочно сидел черный берет. Круглое гладкое лицо, ровный загар. Коротко подстриженные черные волосы, расстегнутый ворот голубой рубашки. Молодой еще человек, сильный, и ни единой морщинки на лице.

— Ты любишь свою работу? — спросил Луи.

— Я ей предан. Так же, как и ты, — сказал Бойд.

— Но это не моя работа.

— Твоя или не твоя, ты хорошо ее выполняешь, — сказал Бойд. — Хочешь пройтись со мной? Бросить последний взгляд?

— У меня кое-какие дела в деревне.

— Ладно. А я, признаться, тоже думал, что ты уже уехал, — переменял тему Бойд, — и очень удивился, услышав твою свирель.

— Скоро уеду, — ответил Луи. — Через день-другой. Причин оставаться в общем-то никаких, но, как и тебе, мне тут нравится. А торопиться некуда — никто меня не ждет. И несколько дней ничего не решают.

— Можешь оставаться, сколько захочешь, — сказал Бойд. — Теперь ты тут единственный хозяин. Через какое-то время, правда, правительство наймет сюда смотрителя, но правительство, как ему и полагается, спешить не будет.

— Наверное, мы больше не увидимся...

— Я на два дня ездил в Ронсесвальес, — продолжил Бойд, — в то самое место, где гасконцы перебили в 778 году аррьергард Карла Великого.

— Знаю.

— Мне всегда хотелось там побывать, но вечно не хватало времени. Часовня Карла Великого стоит в развалинах, но мне говорили, что в деревенской церкви все еще служат мессы в память об убитых паладинах. Ну а вернувшись из поездки, я не удержался и решил снова заглянуть в пещеру.

— Я рад, — сказал Луи. — Мне хотелось предложить кое-что, если я еще не надоел...

— Ну что ты, Луи...

— Тогда, может быть, мы пообедаем напоследок вместе? Например, сегодня вечером. Я приготовлю омлет.

Бойд хотел было пригласить Луи пообедать с ним в деревне, но передумал:

— С удовольствием, Луи. Я принесу бутылку хорошего вина.

2

Направив фонарь на стену пещеры, Бойд наклонился, чтобы получше разглядеть камень. Нет, ему не привиделось. Он оказался прав. Здесь, именно в этом

месте, стена действительно была не сплошная. Камень растрескался на несколько кусков, но так, что это было почти незаметно. Обнаружить трещины можно было лишь случайно, и если бы он не смотрел прямо на них, не искал их, проводя лучом света по стене, Бойд тоже ничего бы не нашел. Странно, подумал он, что никто другой не заметил трещин, пока группа работала в пещере.

От волнения он задержал дыхание, чувствуя себя при этом немного глупо, потому что находка в конце концов могла оказаться пустой и никчемной. Может быть, камень просто растрескался от холода и влаги. Хотя нет, конечно, здесь не должно быть таких трещин...

Он отцепил от пояса молоток, переложил фонарь в другую руку и, направив луч света в нужное место, всадил острый конец молотка в одну из трещин. Сталь легко ушла в камень. Бойд слегка потянул рукоятку в сторону, и трещина стала шире. Когда же он нажал посильнее, камень выдвинулся из стены. Бойд положил молоток и фонарь на землю, ухватился за камень обеими руками и вытащил его. Под ним лежали два других, но они вынули так же легко, как и первый. Бойд убрал еще несколько глыб, потом встал на колени и осветил в открывшийся ему лаз.

Туда вполне мог заползти взрослый человек, но некоторое время Бойд никак не мог решиться. Одному это делать небезопасно. Если что-то случится, если он застрянет, если камни сместятся и его придавит и завалит, некому будет прийти на помощь или, по крайней мере, прийти на помощь вовремя. Луи вернется к своей палатке и будет ждать, но когда Бойд не появится, скорее всего, решит, что это либо наказание за слишком фамильярное приглашение, либо просто проявление невнимания или даже презрения — чего еще ожидать от американца? Он никогда не догадается, что Бойд застрял в пещере.

Однако это — последний шанс. Завтра уже нужно будет ехать в Париж, чтобы успеть на самолет. А здесь такая загадка, которую просто нельзя оставить без внимания. Этот тоннель может привести к чему-то важному, иначе зачем так старательно маскировать вход? Кто и когда это сделал? Наверняка очень давно. В наше

время любой, кто нашел вход в пещеру, сразу заметил бы наскальные рисунки, и о находке стало бы известно. Тоннель замаскировал, должно быть, человек, который не понимал важности этих рисунков или считал их делом вполне обычным.

Такую возможность, решил Бойд, упускать нельзя. Нужно лезть. Он закрепил молоток на поясе, подобрал фонарь и пополз в тоннель.

Футов сто или чуть больше тоннель шел прямо. Там едва хватало места для ползущего человека, но кроме этого — никаких сложностей. Затем совершенно неожиданно тоннель кончился. Бойд лежал на животе, направляя луч фонаря вперед, и напряженно вглядывался в гладкую стену, преградившую ему путь.

Очень странно. С какой стати будет кто-нибудь закладывать камнями вход в пустой тоннель? Конечно, Бойд мог пропустить что-то важное, но он полз медленно и все время держал фонарь перед собой, и если бы по дороге обнаружилось нечто необычное, то наверняка бы это заметил.

Потом ему в голову пришла новая мысль, и, чтобы проверить догадку, он начал медленно поворачиваться на спину. И, направив луч света вверх, получил ответ на свой вопрос — в потолке тоннеля зияла дыра.

Бойд осторожно сел, затем поднял руки и, ухватившись за выступы камня, подтянулся вверх. Поворачивая фонарь из стороны в сторону, он обнаружил, что дыра ведет не в новый тоннель, а в маленькую, около шести футов в любом направлении, куполообразную камеру. Стены и потолок у камеры были гладкие, словно когда-то, в давнюю геологическую эпоху, когда вздымались и опадали эти горы, навечно застыл в твердеющем расплавленном камне пузырек воздуха.

Проведя лучом света по стенам камеры, Бойд судорожно втянул в себя воздух: все стены были украшены цветными изображениями животных. Прыгающие бизоны. Лошади, бегущие легким галопом. Кувыркающиеся мамонты. А в самом низу по кругу танцевали олени. Они стояли на задних ногах, держась друг за друга передними, и грациозно покачивали из стороны в сторону рогами.

— Боже милостивый! — пробормотал Бойд.

Словно диснеевские мультфильмы каменного века...

Если это действительно каменный век. Может быть, совсем недавно в грот забрался какой-нибудь шутник и разрисовал его стены? Бойд обдумал это предположение и отверг. Насколько он мог судить, никто в долине — и во всей округе, если уж на то пошло, — не подозревал о существовании пещеры до тех пор, пока несколько лет назад на нее не наткнулся пастух, который разыскивал заблудившуюся овцу. Маленький вход в пещеру, по всей видимости, уже несколько веков до этого скрывался за густыми зарослями кустарника.

Да и выполнены рисунки были так, что в них чувствовалось что-то доисторическое. Из-за отсутствия перспективы все они выглядели плоско, как и положено выглядеть доисторическим рисункам. Фон тоже отсутствовал: ни линии горизонта, ни деревьев, ни трав или цветов, ни облаков, ни даже намек на небо. Хотя, напомнил себе Бойд, любой человек, хоть немного знакомый с пещерной живописью, мог знать обо всех этих особенностях и старательно их воспроизвести.

Конечно, такие шуточные рисунки совсем не характерны для тех времен, но изображения животных все равно производили впечатление подлинной доисторической живописи. Вот только кто, какой пещерный человек мог нарисовать резвящихся бизонов или кувыркающихся мамонтов? Здесь, в пещере, что они исследовали, наскальные рисунки были абсолютно серьезны (хотя это и не везде так). Консервативная по форме, честная попытка передать животных такими, какими их видел художник. Никакой легкомысленности, даже ни одного отпечатка испачканной в краске руки, какие часто встречаются в других пещерах. Людей, работавших здесь, еще не коснулось растлевающее влияние символизма, проникшего в доисторическую живопись, очевидно, гораздо позже.

Так кто же этот шутник, что в одиночку забирался в крохотную потайную пещеру и рисовал своих забавных зверей? Без сомнения, одаренный художник с безупречной техникой исполнения.

Бойд пролез через дыру и присел, согнувшись, на каменной площадке фута два шириной, которая охватывала дыру по кругу. Встать в полный рост было негде. Видимо, большинство рисунков художник сделал, лежа на спине и протягивая руку к изогнутому потолку.

Скользнув по площадке лучом фонаря, Бойд заметил что-то на противоположном краю, вернул луч и поводил фонарем взад-вперед, чтобы получше разглядеть предмет — что-то, скорее всего, оставленное художником, когда он закончил работу и покинул грот.

Наклонившись, Бойд пристально вглядывался, пытаясь понять, что это такое. Предмет напоминал лопатку оленя. Рядом лежал кусок камня.

Бойд осторожно продвинулся по площадке. Да, он был прав. Это действительно лопатка оленя. На плоской поверхности остались комочки какого-то вещества. Может быть, краска? Смесь животных жиров с глиной, которую доисторические художники употребляли в качестве краски? Он поднес фонарь ближе. Так и есть: по поверхности кости, служившей палитрой, была размазана краска, рядом лежали нерастертые комочки, заготовленные художником, но так и не использованные. Краска высохла, окаменела, и на поверхности ее остались какие-то следы. Бойд наклонился ближе, почти к самой палитре, и увидел, что это — отпечатки пальцев, некоторые совсем глубокие. Словно подпись того древнего, давно уже умершего художника, который работал здесь, согнувшись в три погибели и подпирая плечами каменные своды так же, как сейчас Бойд. Он протянул было руку, чтобы потрогать палитру, и тут же ее отдернул. Конечно, символично желание коснуться предмета, которого касалась рука художника, творца, но слишком много веков их разделяют.

Он направил свет фонаря на небольшой камень рядом с лопаткой. Лампа. Выдолбленное в куске песчаника углубление для жира и клочка мха, который должен служить фитилем. И жир, и мох давно истлели, исчезли, но на краях углубления все еще сохранялась тонкая пленка сажи.

Закончив работу, художник оставил свои инструменты, оставил даже лампу, — может быть, еще коптящую — с последними остатками жира. Оставил все и в темноте выполз через тоннель. Наверное, ему и не нужен был свет. Он слишком хорошо знал дорогу на ощупь, не один раз, должно быть, забираясь в грот и выбираясь обратно, поскольку рисунки на стенах отняли у него довольно много времени, может быть, несколько дней.

Итак, он все оставил, выбрался из тоннеля, потом закрыл вход камнями, замаскировал его и ушел, спустившись в долину, где его заметили разве что пасущиеся на склонах животные — оторвались от еды, подняли головы, провожая человека взглядом, и снова уткнулись в траву.

Но когда все это произошло? Возможно, после того, говорил себе Бойд, как была украшена рисунками сама пещера. А может, много позже, когда эти рисунки потеряли свое значение для тех, кто здесь жил. Одинокiй художник, вернувшийся, чтобы воплотить свои тайные замыслы в укрытом от глаз людских гроте. Пародия на помпезные, исполненные магического значения рисунки в главной пещере? А протест против их строгого консерватизма? Или может быть, это улыбка художника, всплеск жизни, радостный бунт против мрачности и однонаправленности охотничьего колдовства. Бунтарь, доисторический бунтарь. Интеллектуальный бунт? Или просто его взгляд на мир немного отличался от принятого в то время?

Но это все — о доисторическом художнике... А как поступить ему самому? Обнаружив грот, что он должен делать дальше? Конечно же, он не может просто повернуться спиной и уйти, как сделал художник, бросивший здесь палитру и лампу. Без сомнения, это очень важная находка. Новый, неожиданный подход к пониманию разума доисторического человека, новая сторона мыслительных процессов наших предков, о которой никто даже не догадывался...

Оставить все, как есть, завалить пока вход в тоннель, позвонить в Вашингтон, потом в Париж, распаковать багаж и остаться еще на несколько недель, чтобы поработать с находками. Вернуть фотографов и всех остальных членов группы. Работать так работать. Да, сказал Бойд себе, так, видимо, и нужно поступить...

В луче света мелькнул еще один небольшой предмет, лежавший за каменной лампой и не замеченный раньше. Что-то белое...

Пригнув голову, Бойд продвинулся ближе, шаркая ногами по каменной площадке.

За лампой лежал кусок кости, возможно, из ноги небольшого травоядного животного. Бойд протянул ру-

ку, подобрал ее и, поняв наконец, что это такое, замер в полнейшем недоумении.

В руке у него оказалась свирель, родная сестра той самой, что Луи постоянно носил в кармане куртки еще в пору, когда они впервые встретились много лет назад. Такая же щель вместо мундштука и два круглых отверстия. Наверное, в тот далекий день, когда художник закончил свои рисунки, он сидел здесь, сгорбившись, при свете мерцающей лампы и негромко играл сам для себя такие же простые мелодии, какие Луи наигрывал каждый вечер после работы.

— Боже милостивый, — произнес Бойд, словно и в самом деле обращаясь к Всевышнему, — этого просто не может быть!

Так он и сидел там, замерев в неудобной позе и пытаясь прогнать настойчивые, тяжелые, как удары молота, мысли. Но мысли не уходили. Стоило Бойду отогнать их чуть-чуть в сторону, как они стремительно возвращались и захлестывали его, словно волны...

В конце концов он вырвался из оцепенения, в котором держали его собственные догадки, и принялся за работу, заставляя себя выполнять необходимые действия.

Стянув с плеч штормовку, он осторожно завернул в нее костяную палитру и свирель. Лампу оставил на месте. Затем спустился в узкий тоннель и пополз, старательно защищая сверток от ударов. Оказавшись в пещере, Бойд заложил вход в тоннель, тщательно подгоняя камни друг к другу, потом собрал с пола пещеры несколько горстей земли и размазал ее тонким слоем по камням, чтобы замаскировать вход.

На каменном уступе рядом с пещерой никого не было: Луи ушел по своим делам в деревню и, видимо, еще не вернулся.

Оказавшись в отеле, Бойд первым делом позвонил в Вашингтон. В Париж он решил не звонить.

3

Осенний ветер гонял по улицам последнюю октябрьскую листву. Над Вашингтоном светило бледное солнце, то и дело скрывавшееся за облаками.

Джон Робертс ждал его на скамейке в парке. Они молча кивнули друг другу, и Бойд сел рядом.

— Ты здорово рисковал, — сказал Робертс. — Если бы таможенники...

— Я не особенно беспокоился на этом счет, — перебил его Бойд. — У меня есть один знакомый в Париже, и он уже долгие годы занимается контрабандой, переправляя в Америку всякие вещи. Специалист в своем деле. И он кое-чем был мне обязан. Что ты узнал?

— Возможно, больше, чем тебе захочется услышать.

— Попробуй.

— Отпечатки пальцев совпадают, — сказал Робертс.

— Тебе удалось снять отпечатки с краски, оставшейся на палитре?

— Идеальные образцы.

— Через ФБР?

— Да. Это было непросто, но у меня там есть друзья.

— А возраст?

— Тоже не проблема. Самым сложным оказалось убедить того человека, что это совершенно секретно. Он все еще сомневается.

— Но он не будет болтать?

— Я думаю, не будет. Без доказательств никто ему не поверит. Это похоже на сказку.

— Ну?

— Двадцать две тысячи. Плюс-минус триста лет.

— И отпечатки пальцев совпадают? На бутылке и на...

— Я же говорил тебе, что совпадают. Но теперь, будь добр, скажи мне, каким образом человек, который жил двадцать две тысячи лет назад, мог оставить отпечатки пальцев на бутылке, изготовленной в прошлом году?

— Это долгая история, — ответил Бойд. — И я не уверен, что мне следует ее рассказывать. Кстати, где ты держишь палитру?

— В надежном месте, — сказал Робертс. — В очень надежном. Но могу вернуть тебе и палитру, и бутылку по первому же требованию.

Бойд поежился.

— Пока не надо. Я не знаю, когда они мне понадобятся. Может быть, никогда.

— Никогда?

— Знаешь, Джон, мне надо все это обдумать.

— Черт, вот ерунда какая! — произнес Робертс. — Получается, никому это не нужно. Никто не осмелится хранить и выставлять эти вещи. Люди из Смитсоновского института к ним и близко не подойдут. Я не спрашивал, и они ничего еще не знают, но я просто уверен. Если не ошибаюсь, есть ведь какие-то законы о тайном вывозе изделий из страны...

— Да, есть, — ответил Бойд.

— А теперь и сам ты от них отказываешься.

— Я этого не говорил. Просто пусть они пока побудут у тебя. Место надежное?

— Вполне. А теперь...

— Я же сказал, это долгая история. Но постараюсь не очень растекаться. Короче, есть один человек.. Баск. Он появился у нас в лагере десять лет назад, когда я занимался раскопками в пещерах...

Робертс кивнул:

— Я помню эту экспедицию.

— Так вот, он попросил работу, и я его взял. Он довольно быстро вник в суть дела и почти сразу освоил нужные приемы. Стал ценным помощником. С местными рабочими это часто случается. Они словно чувствуют, где кроется их древняя история. А когда мы начали работу в Гаварни, появился снова, и я, признаться, был рад его видеть. У нас сложились, можно сказать, дружеские отношения. В последний мой вечер перед отъездом он приготовил восхитительный омлет — яйца, помидоры, зеленый перец, лук, сосиски и ветчина домашнего копчения. Я прихватил бутылку вина.

— Ту самую?

— Да, ту самую.

— И что дальше?

— Он играл на свирели. На костяной свирели. Маленькая такая пищалка. И не бог весть какая музыка..

— Там была свирель...

— Это другая. Того же типа, но другая. Они почти одинаковые. Одна лежала у живого человека в кармане, другая — рядом с палитрой в гроте... И в нем самом тоже было что-то необычное. Ничего такого, что бросалось бы в глаза, но тем не менее я постоянно замечал всякие странные мелочи. Раз, потом другой. Порой с большими интервалами... Иногда даже забываешь, что

привлекло внимание в первый раз, и трудно связать свои наблюдения. Чаще всего у меня возникало впечатление, что он слишком много знает. Какие-то мелкие подробности, которые вряд ли мог знать человек вроде него. Или что-то такое, чего вообще не может знать никто. В разговоре проскальзывали разные мелочи, а он этого, видимо, даже не замечал... И его глаза... Раньше я не осознавал. Только потом, когда нашел вторую свирель и начал задумываться обо всем остальном.. Однако я говорил о глазах. Так вот, выглядит он молодо, этаким никогда не стареющий молодой человек, но глаза у него очень старые...

— Том, ты говорил, что он баск.

— Да, верно.

— Я когда-то слышал, что баски — это, возможно, потомки кроманьонцев..

— Есть такая теория. И я об этом думал.

— Может быть, этот твой друг — настоящий кроманьонец?

— Я тоже начинаю склоняться к этой мысли.

— Но сам подумай: двадцать тысяч лет!

— Да, понимаю, — сказал Бойд.

4

Свирель Бойд услышал еще у подножия тропы, которая вела к пещере. Неровные, словно обрываемые ветром звуки. Вокруг поднимались на фоне глубокого голубого неба Пиренеи.

Пристроив бутылку вина под мышкой понадежнее, Бойд начал подъем. Внизу лежали красные крыши деревенских домов в окружении увядающих коричневых красок осени, захвативших долину. Сверху все еще доносилась музыка, звуки то взлетали, то опадали, повинаясь порывам игривого ветра.

Луи сидел, скрестив ноги, у своей потрепанной палатки. Увидев Бойда, он положил свирель на колени, но продолжал сидеть. Бойд опустился на траву рядом с ним и вручил Луи бутылку. Тот принялся вытаскивать пробку.

— Я узнал, что ты вернулся, — сказал он. — Как прошла поездка?

— Успешно.

— Значит теперь ты знаешь, — произнес Луи.

Бойд кивнул.

— Я думаю, ты сам хотел, чтобы я узнал. Почему?

— Годы становятся все длиннее, — ответил Луи, — а ноша тяжелее. Мне одиноко, ведь я один.

— Ты не один.

— Одиноко потому, что никто меня не знает. Ты первый, кто узнал меня по-настоящему.

— Но ведь это ненадолго. Пройдет сколько-то лет, и снова никто не будет о тебе знать.

— Хотя бы на время мне станет легче, — сказал Луи. — Когда ты уйдешь, я снова смогу взвалить на себя эту ношу. И еще...

— Да. Что такое, Луи?

— Ты сказал, что, когда тебя не станет, снова не будет никого, кто обо мне знает. Означает ли это.

— Если ты хочешь узнать, расскажу ли я кому-то еще, то нет, не расскажу. Если ты сам этого не захочешь. Я уже думал о том, что может с тобой случиться, если миру станет о тебе известно.

— У меня есть кое-какие способы защиты. Без них я вряд ли прожил бы так долго.

— Какие способы?

— Всякие. Давай не будем об этом.

— Пожалуй, это действительно меня не касается. Извини. Но есть еще один момент... Если ты хотел, чтобы я узнал, зачем такие сложности? Если бы что-нибудь пошло не так, если бы я не нашел грот...

— Сначала я надеялся, что грот не понадобится. Я думал, ты и так догадаешься.

— Я чувствовал, что здесь что-то не так. Однако все это настолько невероятно, даже дико, что я не доверился бы собственным догадкам. Ты же сам знаешь, насколько это невероятно, Луи. И если бы я не нашел грот.... Это ведь чистая случайность.

— Если бы ты его не нашел, я просто подождал бы еще. Другого раза, другого года или кого-нибудь другого. Какого-то иного способа выдать себя.

— Ты мог бы просто сказать мне.

— Ты имеешь в виду — прямо так?

— Вот именно. Я бы тебе не поверил, конечно. По крайней мере сразу.

— Как ты не понимаешь? Я не мог сказать тебе прямо. Скрытность уже давно моя вторая натура. Один

из способов защиты, о которых я говорил. Я бы не смог заставить себя признаться ни тебе, ни кому другому.

— Но почему ты выбрал меня? Почему ты ждал все эти годы, пока я не появлюсь?

— Я не ждал, Бойд. Были и другие. В разные времена... Ничего из этого не выходило. Ты же понимаешь, я должен был найти человека достаточно сильного, чтобы он мог взглянуть правде в глаза, а не шарахаться от меня с дикими криками. Я знал, что ты выдержишь.

— Тем не менее мне потребовалось какое-то время, чтобы обдумать то, что я узнал, — сказал Бойд. — Я, видимо, уже свыкся с новыми фактами, принял их, но едва-едва. Ты как-нибудь можешь объяснить свое положение, Луи? Почему ты так отличаешься от всех нас?

— Не имею понятия. Даже не догадываюсь. Одно время я думал, что есть другие, подобные мне, искал их. Но никого не нашел. И теперь уже не ищу.

Луи вытащил пробку и передал бутылку Бойду.

— Ты первый, — сказал он твердо.

Бойд поднес бутылку к губам, сделал несколько глотков, потом вручил ее Луи. Глядя, как тот пьет, Бойд невольно задумался: неужели он действительно сидит тут и спокойно разговаривает с человеком, который прожил, оставаясь всегда молодым, двадцать тысяч лет? При мысли о неоспоримости этого факта ему снова стало не по себе, но факт оставался фактом. Анализ лопатки и небольшого количества органического вещества, сохранившегося в краске, показал, что их возраст двадцать две тысячи лет. Никаких сомнений в идентичности отпечатков пальцев в краске и на бутылке тоже не было. Еще в Вашингтоне он спросил специалистов, надеясь обнаружить доказательства фальсификации, можно ли воссоздать древнюю краску, которой пользовались доисторические художники, чтобы затем оставить на ней отпечатки пальцев и подбросить в грот. Ему ответили, что это невозможно, потому что любая подделка красителя обязательно обнаружилась бы при анализах. Но ничего такого они не нашли. Красящему веществу исполнилось двадцать две тысячи лет, и ни у кого не было на этот счет никаких сомнений.

— Ладно, кроманьонец, — произнес Бойд, — расскажи, как тебе это удалось. Как может человек оставаться в живых так долго? Ты, разумеется, не стареешь,

и тебя не берет никакая болезнь. Но, насколько я понимаю, ты не защищен от насилия или несчастных случаев, а в истории нашего мира масса всяческих бурных событий. Как можно двести веков подряд ускользать от роковых случайностей и человеческой злонамеренности?

— На заре моей жизни, — сказал Луи, — случилось, что я бывал близок к смерти. Довольно долго я просто не понимал, чем отличаюсь от всех прочих. Разумеется, я жил дольше и дольше оставался молодым. Но осознавать это я начал, видимо, только тогда, когда стал замечать, что все люди, которых я знал раньше, уже умерли, причем умерли давно. Именно тогда я понял, что отличаюсь от остальных. И примерно в то же время на это обратили внимание другие люди. Ко мне начали относиться с подозрением. Кое-кто с ненавистью. Люди решили, что я какой-то злой дух, и в конце концов мне пришлось бежать из своего племени. Я превратился в вечно скрывающегося изгнанника. И вот тогда-то я и начал изучать принципы выживания.

— И что это за принципы?

— Не высовываться. Не выделяться. Не привлекать к себе внимания. Ко всему относиться осторожно. Не быть храбрецом. Не рисковать. Оставлять грязную работу другим. Никогда не вызываться добровольцем. Таиться, бежать, скрываться в случае опасности. Отрастить толстую непробиваемую шкуру: тебе должно быть наплевать, что думают другие. Отбросить все благородные помыслы и любую ответственность перед обществом. Никакой преданности племени, народу или стране. Ты живешь один, сам, для себя. Ты всегда наблюдатель и ни в коем случае не участник. Ты все время с краю, никогда — в центре. И ты настолько сосредоточиваешься на себе, что со временем начинаешь верить, будто тебя не в чем обвинить, будто твой образ жизни — единственно разумный, будто ты живешь, как и должен жить человек... Ты ведь не так давно был в Ронсесвальесе?

— Да. Когда я упомянул о поездке туда, ты сказал, что слышал об этих местах.

— Слышал! Черт побери, я был там в тот самый день, 15 августа 778 года. Разумеется, я был наблюдателем, а не участником. Трусливый, никчемный челове-

чек, который тащился за отрядом благородных гасконцев, победивших Карла Великого. Гасконцы! Как же! Это для них слишком красивое имя. Самые обыкновенные баски — вот кто они такие! Собирище негодяев, каких свет не видывал. Баски бывают благородными людьми, но только не эта банда. Вместо того чтобы сразиться с франками лицом к лицу, они спрятались в горах и завалили могучих рыцарей камнями в ущелье. Но их интересовали, конечно, не рыцари, а обоз. Они не собирались воевать или мстить за причиненное зло. Просто хотели ограбить богатый обоз. Хотя им это не пошло на пользу.

— Почему?

— Так уж вышло, — сказал Луи. — Они понимали, что основная часть армии франков вернется, если аррьергард не догонит ее в скором времени, а им это совсем не улыбалось. Короче, они поснимали с рыцарей доспехи и дорогую одежду, золотые шпюры, кошельки с деньгами, погрузили все это на телеги и дали деру. Потом, отъехав на несколько миль, забрались далеко в горы и спрятались в глубоком каньоне, где, как им казалось, они будут в безопасности. Даже если бы их нашли, у них там получилось нечто вроде форта. Полумилей ниже того места, где они устроили лагерь, каньон сужался, резко забирая в сторону. Там произошел мощный обвал, и образовалась настоящая баррикада, ее могла бы горстка людей удерживать против целой армии. К тому времени я уже был далеко. Я чувствовал, что вот-вот произойдет что-то скверное. Это еще одна из сторон искусства выживания. У тебя развивается какое-то особое чувство, и ты способен заранее предсказывать неприятности. О том, что случилось в ущелье, я узнал гораздо позже.

Луи поднес бутылку к губам и сделал еще глоток, потом передал ее Бойду.

— Не томи, — сказал тот. — Что было дальше?

— Ночью, — продолжил Луи, — разразилась буря. Одна из тех внезапных свирепых бурь, что случаются в здешних местах летом. А тогда начался еще и жуткий ливень. Мои храбрые гасконцы погибли все до одного. Вот и плата за храбрость.

Бойд сделал глоток, опустил бутылку и прижал ее рукой к груди.

— Ты знаешь вещи, — сказал он, — которых не знает никто. Может быть, никто никогда и не задумывался о том, что случилось с гасконцами, которые разбили нос Карлу Великому... Видимо, тебе известно множество ответов на другие загадки. Боже, это как живая история. Ты ведь, наверное, не всегда жил здесь?

— Временами я отправлялся странствовать. Не сиделось на месте, многое хотелось увидеть. И кроме того, я просто должен был кочевать: если я оставался в каком-то одном месте надолго, люди начинали замечать, что я не старею.

— Ты пережил Черную Чуму, — произнес Бойд. — Видел римские легионы. Сам слышал рассказы о завоеваниях Атилы. Следил за крестовыми походами. Ходил по улицам древних Афин...

— Афины мне почему-то никогда не нравились, — сказал Луи, — зато я прожил какое-то время в Спарте. И Спарта, я тебе скажу, действительно того стоила.

— Насколько я понимаю, ты образованный человек... Где ты учился?

— Однажды в Париже, в четырнадцатом веке. Потом в Оксфорде. После этого — в других местах. Под разными именами. Так что, если кто попытается проследить мою жизнь по университетам, которые я посещал, ничего не выйдет.

— Ты мог бы написать книгу, — сказал Бойд, — и она побила бы все рекорды по числу проданных экземпляров. Ты стал бы миллионером. Одна книга — и ты миллионер!

— Я не могу позволить себе стать миллионером, потому что не могу быть на виду, а миллионеры слишком заметны. Кроме того, я не стеснен в средствах. И никогда не был стеснен. Для человека с моей биографией всегда найдутся только ему известные клады, и у меня есть несколько собственных тайников. Так что я вполне обеспечен.

«Конечно же, Луи прав, — подумал Бойд. — Он не может стать миллионером. Не может написать книгу. Ни в коем случае он не может позволить себе стать известным или хоть каким-то образом заметным. В любой ситуации он должен оставаться совершенно неприметным, безликим. Принципы выживания, говорил он. И это органическая их часть, хотя далеко не все. Луи

упомянул искусство предвидеть неприятности, способность предчувствовать. Кроме того, нужны и мудрость, и смекалка, и определенная доля цинизма, которая приобретается человеком с годами, и опыт, и умение разбираться в характерах, и знание внутренних побуждений человека, и понимание власти — любой власти: экономической, политической, религиозной... Да полно, человек ли он? Или двадцать тысячелетий превратили его в какое-то высшее существо? Может быть, он уже сделал тот шаг, что вынес его за пределы человечества, в ряды существ, которые придут нынешнему человеку на смену?»

— Еще один вопрос, — сказал Бойд. — Как появились эти «диснеевские» рисунки?

— Они были выполнены позже других, — ответил Луи. — Но кое-какие из ранних рисунков в пещере тоже сделал я. Например, медведь, который ловит рыбу, — мой. Я давно знал о гроте. Нашел его когда-то случайно, но никому не говорил. Так, безо всяких причин. Просто люди иногда оставляют для себя такую вот ерунду, чтобы казаться самим себе позначительнее. Я, мол, знаю что-то такое, чего ты не знаешь... Глупая забава... Но позже я вернулся, чтобы расписать грот. Рисунки в пещере были такие серьезные, строгие... Столько в них вкладывалось этого глупого колдовства. А мне казалось, что живопись должна дышать радостью. Когда племя ушло из этих мест, я вернулся и расписал грот просто для собственного удовольствия. Как тебе, кстати, эти рисунки, Бойд?

— Отличные рисунки. Настоящее искусство, — ответил Бойд.

— Я боялся, что ты не найдешь грот, а помочь тебе никак не мог. Однако я знал, что ты заметил трещины в стене, потому что наблюдал за тобой, когда ты смотрел в ту сторону. Я надеялся, что ты вспомнишь об этом. И рассчитывал, что ты найдешь отпечатки пальцев и свирель. Все это, конечно, просто удачное совпадение. Я ничего не планировал, когда оставил в гроте свои вещи. Свирель, конечно, выдавала меня сразу, и я надеялся, что ты, по крайней мере, заинтересуешься. Хотя здесь, у костра, ты ни словом не обмолвился о находке, и я решил, что шанс упущен. Но когда ты припрятал и унес с собой бутылку, я понял, что мой план сработал... А

теперь самый главный вопрос. Ты собираешься оповестить мир о рисунках в гроте?

— Не знаю. Мне нужно будет подумать. А как бы тебе хотелось?

— Я, пожалуй, предпочел бы, чтобы ты этого не делал.

— Ладно, не буду, — сказал Бойд. — По крайней мере какое-то время. Что-нибудь еще я могу для тебя сделать? Тебе что-нибудь нужно?

— Ты сделал самое для меня главное, — сказал Луи. — Ты узнал, кто я. Или что я. Сам не понимаю почему, но это для меня очень важно. Видимо, тревожит полная безвестность. Когда ты умрешь, — а это, я надеюсь, случится еще не скоро, — на свете снова не будет никого, кто знает. Но память, что один человек знал и, более того, понимал, поможет мне продержаться века... Подожди минутку, у меня кое-что для тебя есть...

Он поднялся, забрался в палатку, потом вернулся и вручил Бойду листок бумаги. Своего рода топографический план.

— Я тут поставил крестик, — сказал Луи. — Чтобы пометить место.

— Какое место?

— Место неподалеку от Ронсесвальеса, где ты найдешь сокровища Карла Великого. Телеги с награбленным добром смыло потоками воды и пронесло вдоль каньона. Но они застряли на повороте, у той каменной баррикады, о которой я говорил. Ты там их и найдешь, очевидно, под толстым слоем галечника и нанесенного мусора.

Бойд оторвал взгляд от карты и вопросительно взглянул на Луи.

— Дело стоящее, — сказал Луи. — Кроме того, это еще одно доказательство в пользу моего рассказа.

— Я поверил тебе, и мне не нужно больше доказательств.

— Все равно. Это не мешает. А теперь пора уходить.

— Как «пора уходить»? Нам еще очень о многом нужно поговорить.

— Может быть, позже, — сказал Луи. — Время от времени мы будем встречаться. Я об этом позабочусь. Но сейчас пора уходить.

Он двинулся по тропе вниз, а Бойд остался сидеть, провожая его взглядом. Сделав несколько шагов, Луи обернулся.

— Мне постоянно кажется, что пора уходить, — произнес он, как будто поясняя.

Бойд встал, но, не трогаясь с места, продолжал смотреть вслед удаляющейся фигуре. Ощущение глубочайшего одиночества вызывал у него уже один вид этого человека. И вправду, самого одинокого человека на всей Земле.

ПРИЗРАК МОДЕЛИ «Т» *

Он возвращался домой, когда вновь услышал звук мотора модели «Т». Вот уж не тот звук, который можно с чем-то спутать, — и ведь это не впервые за последние дни, что звук долетал к нему издали, с шоссе. Удивительная история: ведь, по его сведениям, ни у кого во всей стране не было больше модели «Т» Ему доводилось читать — где? вероятно, в газете, — что за старые машины, такие, как модель «Т», нынче выкладывают большие деньги, хотя смысл подобной покупки оставался за пределами его понимания. Кому в здравом уме нужна модель «Т», когда вокруг полно современных, бесшумных, сверкающих автомобилей? Но в эти сумасбродные времена не разберешься, что люди делают и зачем. Не то что в прежние деньки, однако прежние деньки давно миновали, и все, что остается, — приноровиться как умеешь к нынешним правилам и порядкам.

Брэд уже закрыл пивную, закрыл чересчур рано, и теперь идти было просто некуда, только домой. Хотя с тех пор, как Баунс состарился и издох, возвращаться

A Ghost of the Model T, 1975

© 1994 О. Битов, перевод на русский язык

* «Форд» модели «Т», первый массовый американский автомобиль, был выпущен за 1908—1927 годы в количестве 15 миллионов штук. Выпуск автомобилей «максвелл», о которых также идет речь в рассказе, был прекращен в 1925 году — *Примеч. пер.*

домой было страшновато. «Не хватает мне Баунса, — признался он себе, — мы так хорошо ладили, прожили вместе больше двадцати лет, а нынче, когда пса не стало, в доме одинокая, гулкая пустота...»

Он брел проселком на краю своего городишки, шаркая по пыли и пиная комки земли. Ночь была светла почти как день, над деревьями висела полная луна. Сиротливые сверчки возвещали конец лета. И раз уж он брел пешком, то волей-неволей вспомнил ту модель «Т», какая была у него в молодые годы, — он проводил часы в ветхом машинном сарае, отлаживая и регулируя ее, хотя, видит Бог, модель «Т» в сущности не нуждалась в регулировке. Это был простой механизм, проще не придумаешь, подчас чуть-чуть сварливый, но верный друг, каких, пожалуй, с тех пор уже и не создавали. Он вез вас, куда вам надо, и возвращал обратно, — в те времена никто ничего большего и не требовал. Крылья дребезжали, жесткие покрышки могли вытрясти из вас душу, иной раз машина упрямылась на подъеме, но если вы знали, как управляться с ней и ухаживать за ней, серьезные неприятности вам не угрожали.

То были деньки, говорил он себе, когда вся жизнь была простой, как модель «Т». Не было ни подоходного налога (хотя, коль на то пошло, для него лично подоходный налог никогда не был проблемой), ни социального страхования, отбирающего у вас часть заработка, ни лицензий на то и на другое, ни порядка, повелевающего закрывать пивные в определенный час. «Жить было легко, — решил он, — человек брел себе по жизни как получалось, и никто не приставал к нему с советами и не становился ему поперек дороги...»

А звук мотора модели «Т», вдруг выяснилось, становился все громче — он был так погружен в свои мысли, что по-настоящему не обращал на это внимания. Однако теперь звук достиг такой силы, будто машина прямо у него за спиной. Понятно, звук воображаемый, но уж такой естественный и такой близкий, — и он отпрянул в сторону, чтобы машина его не задела.

Она не задела его, а подъехала и остановилась — самая настоящая, в натуральную величину, казалось бы, ничего непривычного. Но правая передняя дверца (другой впереди и не было — слева дверцы не полагалось) распахнулась. Распахнулась сама собой — ведь машина пришла пустой, открыть дверцу никто не мог. Впро-

чем, это его тоже не особенно удивило: насколько помнилось, ни один владелец модели «Т» не додумался, как удерживать эту дверцу закрытой. Там же всего одна незатейливая защелка, и при каждом толчке (а уж толчков хватало — таковы были в те времена дороги, и покрышки были жесткие, и подвеска) проклятая дверца распахивалась без промедления.

Только на этот раз — после стольких-то лет — дверца распахнулась как-то особенно. Она вроде бы приглашала войти: машина остановилась мягко, и дверца не отвалилась, а открылась плавно, торжественно, как бы зазывая человека в салон.

И он забрался внутрь, присел на правое сиденье, и как только оказался в салоне, дверца сама собой закрылась, а машина тронулась. Он хотел было перебраться за руль — там же не было шофера, а дорога впереди изгибалась и надо было помочь машине одолеть поворот. Но прежде чем он успел передвинуться и положить руки на баранку, машина принялась поворачивать сама и так точно, будто кто-то управлял ею. Он застыл в недоумении и даже не пытался больше прикоснуться к рулю. Машина справилась с поворотом без колебаний, а за поворотом начинался крутой затяжной подъем, и мотор взревел во всю мощь, набирая скорость перед подъемом.

«И самое-то странное, — сказал он себе, все еще готовясь взяться за баранку и все еще не трогая ее, — что не было здесь никогда ни поворота, ни подъема...» Он знал эту дорогу назубок, она бежала прямо почти три мили, пока не выводила на другую дорогу вдоль реки, и на протяжении всех трех миль не изгибалась и не петляла, не говоря уж о том, что не поднималась ни на какие холмы. А вот сегодня поворот был, и подъем на холм тоже был: машина пыжилась изо всех сил, но надорвалась и сбавила ход, и ей волей-неволей пришлось переключиться на низшую передачу.

Мало-помалу он решился сесть прямо, а потом и отодвинулся от руля вправо. Стало очевидным, что данная модель «Т» по ведомым только ей причинам не нуждается в шофере, а может, даже чувствует себя лучше без шофера. Казалось, она прекрасно знает, куда ехать, и приходилось признаться, что она знает больше, чем он. Местность, хотя и смутно знакомая, была определенно не той, что окружала городок Уиллоу Бенд. Тут

вокруг поднимались холмы, изрезанные оврагами, а Уиллоу Бенд расположен на ровных и просторных заливных лугах у реки, где ни холмика, ни овражка не сыщешь, пока не доберешься до конца равнины, до замыкающих ее отдаленных скал.

Он сдернул с головы кепку и предоставил ветру трепать волосы, и ветер занялся этим не мешкая — кузов был с откидным верхом, и верх откинут. Машина вползла на вершину холма и устремилась вниз, старательно вписываясь в изгибы дороги, петляющей по склонам. И едва дорога пошла вниз, зажигание каким-то образом выключилось: в точности так, вспомнилось, поступал и он сам, когда имел свою собственную модель «Т». Цилиндры хлопали и хлюпали вхолостую, а двигатель остывал.

Машина одолела очередной резкий поворот над глубокой черной лощиной, сбегаящей куда-то вниз меж холмов, и он уловил свежий сладкий запах тумана. Запах всколыхнул воспоминания, и не сознавая он, что такого не может быть, он решил бы, что вернулся в края своей юности. Потому что юность его прошла среди лесистых холмов, и там летними вечерами накатывал такой же туман, принося с собой снизу ароматы кукурузных полей, клеверных пастбищ и смесь других ароматов, какими полны богатые плодородные земли. Однако здесь, это уж наверняка, другие края — те, где прошла юность, далеко, до них никак не меньше часа езды. Хотя он, если честно, по-прежнему недоумевал, куда его занесло: все, что было видно вокруг, даже не напоминало места поблизости от городка Уиллоу Бенд.

Машина скатилась со склона и весело побежала по ровной дороге. Мимо мелькнула ферма, приютившаяся у подножия холмов, — два слабо освещенных окошка, а рядом неясные контуры амбара и курятника. На дорогу выскочил пес и облаял модель «Т». Других домов не попадалось. Правда, на дальних склонах кое-где проступали булавочные огоньки, и не приходилось сомневаться, что там такие же фермы. Встречных машин тоже не попадалось, хотя в этом, если вдуматься, не было ничего странного. Работали на фермах до заката и ложились сразу же, потому что вставали с первыми лучами зари. На сельских дорогах никогда не бывало большого движения, кроме как по субботам и воскресеньям.

Модель «Т» прошла новый поворот, и впереди возникло яркое пятно света, а когда подъехали поближе, то слышалась музыка. И опять его кольнуло ощущение чего-то знакомого, и опять он не мог понять почему. Модель «Т» замедлила ход и вкатилась в пятно света, и стало ясно, что свет исходит из танцевального павильона. По фасаду висели гирлянды лампочек, на высоких столбах вокруг автостоянки горели фонари. Сквозь освещенные окна он увидел танцующих, и вдруг до него дошло, что такой музыки он не слышал более полувека. Модель «Т» мягко въехала на стоянку и выбрала себе место рядом с машиной марки «максвелл». «Туристский "максвелл", — подумал он с изрядным удивлением. — Да ведь эти машины исчезли с дорог многие годы назад! Такой в точности "максвелл" был у старины Верджа как раз тогда, когда у меня была модель "Т". Старина Вердж — сколько же лет прошло, не сосчитать...»

Он попытался припомнить фамилию старины Верджа, да не получилось. Как ни грустно, с возрастом вспоминать имена и названия становилось все труднее. Вообще-то старину Верджа звали Верджил, но дружки всегда сокращали имя до односложного. Теперь ему вспомнилось, что они были почти неразлучны, удирая из дому на танцы, распивая украдкой самогон, играя на бильярде, бегая за девчонками, — в общем, занимаясь помаленьку всем, чем занимаются юнцы, когда у них находится время и деньги.

Он открыл дверцу и выбрался из машины на стоянку, выложенную крупным гравием. Гравий хрустнул под ногами, и хруст словно послужил толчком, чтобы наконец узнать это место. То-то оно показалось ему знакомым, только он не понимал почему, а теперь понял. Он застыл как вкопанный, почти оцепенев от свалившегося на него откровения, вглядываясь в призрачную листву огромных вязов, высящихся по обе стороны павильона. Его глаза различили очертания холмов над павильоном — он узнал эти очертания, а затем напряг слух и уловил бормотание бегущей воды: неподалеку на склоне бил родник, и вода стекала по деревянному лотку к придорожным поилкам. Только поилки уже разваливались, как и лоток, — за ними перестали следить с тех пор, как на смену конным экипажам окончательно пришли автомобили...

Отвернувшись, он бессильно опустился на подножку, опоясывающую борта модели «Т». Глаза не могли обмануть его, уши не могли предать. В былые годы он слишком часто слышал характерное бормотание бегущей по лотку воды, чтобы спутать этот звук с каким-либо другим. И контуры вязов, и очертания холмов, и гравийная автостоянка, и гирлянда лампочек на фасаде — все это вместе взятое могло значить только одно: каким-то образом он вернулся, или его вернули, к Большому Весеннему Павильону. «Но это же, — сказал он себе, — было более пятидесяти лет назад, когда я был молод и беззаботен, когда у старины Верджа был его "максвелл", а у меня модель "Т"...»

Неожиданно для себя он разволновался, и волнение захватило его безраздельно, пересилив удивление и чувство абсурдной невозможности происходящего. Само по себе волнение было так же загадочно, как этот павильон и то, что он опять очутился здесь. Он встал и пересек автостоянку, гравий хрустел, скользил и перекатывался под ногами, а тело было наполнено необыкновенной, юношеской легкостью, какой он не ведал годами. Музыка плыла навстречу, обволакивала и звала — не та музыка, что нравится подросткам в нынешние времена, не грохот, усиленный электронными приспособлениями, не скрежет без всякого подобия ритма, от которого у нормальных людей сводит зубы, а у придурков стекленеют глаза. Нет, настоящая музыка, под которую хочется танцевать, мелодичная и даже прилипчивая — сегодня никто и не помнит, что это такое. Звонко и сладостно пел саксофон — а ведь, сказал он себе, сакс сегодня почти совершенно забыт. И тем не менее здесь сакс пел в полный голос, лилась мелодия, и ветерок, налетающий снизу из долины, покачивал лампочки над дверью.

Он был уже на пороге павильона, как вдруг сообразил, что вход не бесплатный, и приготовился достать из кармана мелочь (ту, что осталась после бесчисленных кружек пива, выпитых у Брэда), но тут заметил на запястье правой руки чернильный штамп. И вспомнил, что таким штампом на запястье помечали тех, кто уже заплатил за вход в павильон. Так что осталось лишь показать штамп сторожу у дверей и войти внутрь. Павильон оказался больше, чем ему помнилось. Ор-

кестр расположился у стенки на возвышении, а зал был полон танцующими.

Годы улетучились, все было как встарь. Девчонки пришли на танцы в легких платьицах, и ни одной в джинсах. Кавалеры, все без исключения, надели пиджаки и галстуки, и все старались соблюдать приличия, вести себя с галантностью, о какой он давным-давно забыл. Тот, кто играл на саксофоне, поднялся в рост, и сакс заплакал мелодично и грустно, накрывая зал волшебством, какого, еще недавно подозревал он, в мире просто не сохранилось.

И он поддался волшебству. Не помня себя, удивившись себе, едва до него дошло, что случилось, он оказался в зале среди танцующих. Он включился в волшебство, танцуя сам с собой, — после стольких лет одиночества он наконец-то вновь ощутил себя частью целого. Музыка заполнила мир, мир сузился до размеров танцевальной площадки, и пусть у него сегодня не было девчонки и он танцевал сам с собой, зато он вспомнил всех девчонок, с какими танцевал когда-либо прежде.

Чья-то тяжелая рука легла ему на предплечье, но кто-то другой сказал:

— Да ради Бога, оставь ты старика в покое, у него есть такое же право веселиться, как у любого из нас...

Тяжелая рука отдернулась, хозяин руки побрел, пошатываясь, куда-то прочь, и вдруг в том направлении завязалась возня, которую при всем желании нельзя было принять за танец. Тут откуда-то возникла девчонка и сказала:

— Давай, папаша, пойдем отсюда...

Кто-то подтолкнул его в спину, и он вслед за девчонкой очутился на улице.

— Знаешь, папаша, иди-ка ты лучше подобру-поздорову, — предложил какой-то парнишка. — Они вызвали полицию. Да, а как тебя зовут? Откуда ты взялся?

— Хэнк, — ответил он. — Меня зовут Хэнк, и я раньше частенько сюда хаживал. Вместе со стариной Верджем. Мы тут бывали почти каждый вечер. Хотите, я подвезу вас? У меня модель «Т», она там на стоянке...

— Ладно, почему бы и нет, — откликнулась девчонка. — Поехали...

Он пошел впереди, а они повалили следом и набились в машину, и их оказалось гораздо больше, чем

думалось поначалу. Они не поместились бы в машину, если б не залезли друг дружке на колени. А он сел за баранку, но ему и в голову не пришло прикоснуться к ней: он уже усвоил, что модель «Т» сама сообразит, что от нее требуется. И она, конечно же, сообразила — завелась, вырулила со стоянки и выбралась на дорогу.

— Эй, папаша, — обратился к нему парнишка, сидевший рядом, — не хочешь ли хлебнуть? Не первый сорт, но шибает здорово. Да ты не бойся, не отравишься — никто из нас пока что не отравился...

Хэнк принял бутылку и поднес ее ко рту. Запрокинул голову, и бутылка забулькала. Если б у него еще были сомнения насчет того, куда он попал, спиртное растворило бы их окончательно. Потому что вкус этой бурды был незабываем. Впрочем, запомнить вкус тоже было невысказано — но попробуешь сызнова и не спутаешь ни с чем. Оторвавшись от бутылки, он вернул ее тому, у кого взял, и похвалил:

— Хорошее пойло...

— Не то чтобы хорошее, — отозвался парнишка, — но лучшее, какое удалось достать. Этим чертовым бутлегерам все равно, какой дрянью торговать. Прежде чем покупать у них, надо бы заставлять их самих пригубить, да еще и понаблюдать минутку-другую, что с ними станет. Если не свалятся замертво и не ослепнут, тогда, значит, пить можно...

Другой парнишка перегнулся с заднего сиденья и вручил Хэнку саксофон.

— Ты, папаша, смахиваешь на человека, умеющего обращаться с этой штуковиной, — заявила одна из девчонок, — так давай, угости нас музыкой...

— Где вы его взяли? — удивился Хэнк.

— Из оркестра, — ответили сзади. — Тот мужик, что играл на нем, если разобраться, не имел на то никакого права. Терзал инструмент, и все.

Хэнк поднес саксофон к губам, пробежал пальцами по клапанам, и сразу зазвучала музыка. «Смешно, — подумал он, — я же до сих пор даже дудки в руках не держал...» У него не было музыкального слуха. Однажды он попробовал играть на губной гармонике, думал, она поможет ему коротать время, но звуки, какие она издавала, заставили старого Баунса завывать. Так что пришлось забросить гармонику на полку, и он даже не вспоминал о ней до этой самой минуты.

Модель «Т» легко скользила по дороге, и вскоре павильон остался далеко позади. Хэнк выводил рулады на саксофоне, сам поражаясь тому, как лихо у него получается, а остальные пели и передавали бутылку по кругу. Других машин на дороге не было, и вот немного погодя модель «Т» вскарабкалась на холмы и побежала вдоль гребня, а внизу, как серебряный сон, распластался сельский пейзаж, залитый лунным светом.

Позже Хэнк спрашивал себя, как долго это продолжалось, как долго машина бежала по гребню в лунном свете, а он играл на саксе, прерывая музыку и откладывая инструмент лишь затем, чтоб сделать еще глоток-другой. Казалось, так было всегда и так будет всегда: машина плывет в вечность под луной, а следом стелются стоны и жалобы саксофона...

Когда он очнулся, вокруг опять была ночь. Сияла такая же полная луна, только модель «Т» съехала с дороги и встала под деревом, чтобы лунный свет не падал ему прямо в лицо. Он забеспокоился, впрочем, довольно вяло, продолжается ли та же самая ночь или уже началась другая. Ответа он не знал, но не замедлил сказать себе, что это, в сущности, все равно. Пока сияет луна, пока у него есть модель «Т» и есть дорога, чтоб ложиться ей под колеса, спрашивать не о чем и незачем. А уж какая именно это ночь, и вовсе не имеет значения.

Молодежь, что составляла ему компанию, куда-то запропастилась. Саксофон лежал на полу машины, а когда Хэнк приподнялся и сел, в кармане что-то булькнуло. Он провел расследование и извлек бутылку с самогоном. В ней все еще оставалось больше половины, и вот уж это было удивительно: столько пили и все-таки не выпили.

Он сидел за рулем, вглядываясь в бутылку и прикидывая, не стоит ли приложиться. Решил, что не стоит, засунул бутылку обратно в карман, потянулся за саксофоном и бережно положил инструмент на сиденье рядом с собой.

Модель «Т» вернулась к жизни, кашлянула и содрогнулась. Выбралась из-под дерева, вроде бы неохотно, и плавно повернула к дороге. А затем выехала на дорогу и тряско покатилась вниз, взбивая колесами облачка пыли — в лунном свете они зависали над дорогой тонкой серебряной пеленой.

Хэнк гордо восседал за баранкой. И чтоб никоим образом не прикоснуться к ней, сложил руки на коленях и откинулся назад. Чувствовал он себя превосходно, лучше, чем когда-либо в жизни. «Ну, может, не совсем так, — поправил он себя, — вспомни молодость, когда ты был шустряком, гибким и полным надежд. Ведь выпадали, наверное, дни, когда ты чувствовал себя не хуже...» Разумеется, выпадали: переворотив память, он ясно припомнил вечер, когда выпил как раз, чтоб быть под хмельком, но не окосеть и даже не хотеть добавить, — он стоял в тот вечер на гравийной автостоянке у Большого Весеннего, впитывая музыку перед тем как войти, а бутылка за пазухой приятно холодила тело. Днем была жара, он вымотался на сенокосе, но вечер принес прохладу, снизу из долины поднялся туман, напоенный невнятными запахами тучных полей, — а в павильоне играла музыка и ждала девчонка, которая, само собой, не сводила глаз с дверей в предвкушении, что он вот-вот войдет.

«Что и говорить, — подумалось ему, — тогда было здорово...» Тот вечер, выхваченный памятью из пасти времени, был хорош — и все же не лучше нынешней ночи. Машина катится вдоль гребня, залитый лунным сиянием мир стелется внизу. Тот вечер был хорош, но и эти минуты, пусть непохожие на тот вечер, в каком-то смысле не хуже.

А дорога сбежала с гребня и устремилась обратно в долину, змеясь по скалистым склонам. Сбоку выпрыгнул кролик и застыл на мгновение, пригвожденный к дороге слабеньким светом фар. Высоко в ночном небе вскрикнула невидимая птица, но это был единственный звук, не считая клацанья и дребезжанья модели «Т».

Машина достигла долины и понеслась во всю прыть. К самой дороге подступили леса, то и дело загораживая луну. Потом машина свернула с дороги, и он услышал под колесами хруст гравия, а впереди обозначился темный затаившийся в ночи силуэт. Машина затормозила, и на этот раз Хэнк, примерзший к сиденью, ни на секунду не усомнился, где он.

Модель «Т» вернулась к танцевальному павильону, но волшебство рассеялось. Огни погасли, все опустело. На автостоянке не осталось других машин. Едва модель «Т» заглушила мотор, наступила полная тишина, и он

услышал бормотание родниковой воды, стекающей по лотку к поилкам.

Внезапно его охватил холод и неясное чувство тревоги. Здесь теперь было так одиноко, как может быть лишь в очень памятном месте, откуда вдруг вычерпали всю жизнь. Против собственной воли он шевельнулся, выкарабкался из машины и встал с нею рядом, не отпуская дверцу и недоумевая, чего ради модель «Т» прикатила сюда снова и зачем ему понадобилось из нее вылезать.

От павильона отделилась темная фигура и двинулась к стоянке, еле различимая во мраке. Послышался голос:

— Хэнк, это ты?

— Я самый, — отозвался Хэнк.

— Скажи на милость, — спросил голос, — куда это все подевались?

— Не знаю, — ответил Хэнк. — Я был здесь недавно. Здесь было полно народу.

Фигура подошла ближе.

— Слушай, у тебя нет ничего выпить?

— Конечно, Вердж, — ответил он. Теперь он узнал голос. — Конечно, у меня есть что выпить.

Вытащив бутылку из кармана, он протянул ее Верджу. Тот взял, но сразу пить не стал, а, присев на подножку модели «Т», принялся нянчить бутылку, как дитя.

— Как поживаешь, Хэнк? — спросил он. — Черт, как давно мы не виделись!

— Живу ничего себе, — ответил Хэнк. — Переехал в Уиллоу Бенд да так и застрял там. Ты знаешь такой городишко Уиллоу Бенд?

— Был однажды. Проездом. Даже не останавливался. Если б знать, что ты там живешь, тогда бы, конечно... Но я совсем потерял тебя из виду...

Хэнк, со своей стороны, слышал что-то про старину Верджа и еще подумал, не стоит ли об этом упомянуть, но хоть режь, не мог припомнить, что именно слышал, и поневоле промолчал.

— Мне не очень-то повезло, — продолжал Вердж. — Все вышло против ожиданий. Джанет взяла и бросила меня, и я после стал пить и пропил свою бензоколонку. А потом просто перебивался — то одно, то другое. Нигде больше не оседал надолго. И никакого стоящего дела мне больше не попадалось... — Он раскупорил

бутылку, отхлебнул и отдал Хэнку, похвалив: — Знатное пойло...

Хэнк тоже отхлебнул и опустился рядом с Верджем, а бутылку поставил на подножку посередине.

— У меня, ты помнишь, был «максвелл», — сказал Вердж, — но я его, кажется, тоже пропил. Или поставил где-то и не упомяну где. Искал где только можно, но его нигде нет...

— Не нужен тебе «максвелл», Вердж, — произнес Хэнк. — У меня же есть модель «Т»...

— Черт, как тут одиноко, — сказал Вердж. — Тебе не кажется, что тут одиноко?

— Кажется. Послушай, выпей еще малость. Потом решим, что нам делать.

— Что толку сидеть здесь? — сказал Вердж. — Надо было уехать вместе со всеми.

— Лучше посмотрим, сколько у нас бензина, — предложил Хэнк. — А то я понятия не имею, что там в баке делается...

Привстав, он открыл переднюю дверцу и сунул руку под сиденье, где обычно держал бензомерный штырь. Нашел, отвинтил крышку бензобака, но надо было подсветить, и он принялся шарить по карманам в поисках спичек.

— Эй, — окликнул Вердж, — не вздумай чиркать спичками возле бака. Взорвешь нас обоих ко всем чертям. У меня в заднем кармане был фонарик. Если он, проклятый, еще работает...

Батарей сели, фонарик светил совсем слабо. Хэнк опустил штырь в бак до упора, отметив пальцем точку, где заканчивается горловина. Когда он вытащил бензомер, штырь оказался влажным чуть не до самой этой точки.

— Смотри-ка ты, почти полный, — заметил Вердж. — Ты когда заправлялся в последний раз?

— А я вообще никогда не заправлялся.

На старину Верджа это произвело сильное впечатление.

— Кто бы мог подумать, выходит, твоя жестяная ящерка почти ничего не ест...

Хэнк навинтил крышку на бензобак, и они вновь присели на подножку и сделали еще по глотку.

— Сдается мне, я мучаюсь одиночеством уже давно, — сказал Вердж. — Что б я ни делал, мне темно и одиноко. А тебе, Хэнк?

— Мне тоже одиноко, — признался Хэнк, — с тех самых пор, как Баунс состарился и подход у меня на руках. Я же так и не женился. До этого как-то ни разу не дошло. Баунс и я, мы повсюду бывали вместе. Он провожал меня в бар к Брэду и устраивался под столом, а когда Брэд выгонял нас, провожал меня домой...

— Что проку, — сказал Вердж, — сидеть тут и плакаться? Давай еще по глотку, а потом я, так и быть, помогу тебе завестись, крутану рукоятку, и поедем куда-нибудь...

— Рукоятку даже трогать не надо, — ответил Хэнк. — Просто залезешь в машину, и она заведется сама собой.

— Ну черт бы меня побрал, — сказал Вердж. — Ты, видно, изрядно с ней повозился.

Они сделали еще по глотку и залезли в модель «Т» — и она завелась и вырулила со стоянки, направляясь к дороге.

— Куда бы нам поехать? — спросил Вердж. — У тебя есть на примете какое-нибудь местечко?

— Нет у меня ничего на примете, — ответил Хэнк. — Пусть машина везет нас, куда хочет. Она сама разберется куда.

Подняв с сиденья саксофон, Вердж поинтересовался:

— А эта штука откуда? Что-то я не помню, чтоб ты умел дудеть в саксофон...

— А я никогда раньше и не умел, — ответил Хэнк.

Он принял сакс от Верджа и поднес мундштук к губам, и сакс мучительно застонал и зажурчал беззаботно.

— Черт побери, — воскликнул Вердж. — У тебя здорово получается!

Модель «Т» весело прыгала по дороге, крылья хлопали, ветровое стекло дребезжало, а катушки магнето, навешенные на приборный щиток, звякали, щелкали и стрекотали. А Хэнк знай себе дул в саксофон, и тот отзывался музыкой, громкой и чистой. Вспугнутые ночные птицы издавали резкие протестующие крики и падали вниз, стремительно врываясь в узкую полосу света от фар.

Модель «Т» опять выбралась из долины и, лязгая, взобралась на холмы. И опять побежала по гребню, по

узкой пыльной дороге под луной, меж близких пастбищных оград, за которыми маячили, провожая машину тусклыми глазами, сонные коровы.

— Черт меня побери, — воскликнул Вердж, — ну просто все как встарь! Мы с тобой вместе, вдвоем, не считая луны. Что с нами стряслось, Хэнк? Где мы дали промашку? Мы снова вдвоем, как было давным-давно. А куда делись все годы в середине? Зачем они нужны были, эти годы в середине?

Хэнк ничего не ответил. Он продолжал дуть в саксофон.

— Разве мы просили слишком много? — продолжал Вердж. — Мы были счастливы тем, что имели. Мы не требовали перемен. Но старая компания отошла от нас. Они переженились, нашли себе постоянную работу, а кто-то даже пробился на важный пост. Это самое неприятное, когда кто-то сумел пробиться на важный пост. Нас оставили в покое. Нас двоих, тебя и меня, двоих, кто не хотел перемен. Мы что, цеплялись за молодость? Нет, не только. Тут было и что-то другое, за что мы цеплялись. Наверное, цеплялись за время, сопавшее с нашей молодостью и сумасбродством. Каким-то образом мы и сами создавали, что дело не только в молодости. И были, конечно, правы. Так хорошо не бывало больше никогда...

Модель «Т» скатилась с гребня и нырнула на долгий крутой спуск, и тут они увидели впереди внизу широкую многополосную автостраду, всю испещренную огоньками движущихся машин.

— Мы выезжаем на большое шоссе, Хэнк, — сказал Вердж. — Может, стоит свернуть в сторонку и не связываться? Твоя модель «Т» — славная старушка, лучшая из своих ровесниц, слов нет, но уж больно резвое там движение...

— Я же ничего не могу сделать, — ответил Хэнк. — Я ею не управляю. Она сама по себе. Сама решает, чего ей надо.

— Ну и ладно, какого черта, — заявил Вердж. — Поедем, куда ей нравится. Мне все равно. В твоей машине мне так спокойно. Уютно. Мне никогда не было так уютно за всю мою треклятую жизнь. Черт, ума не приложу, что бы я делал, не объявись ты вовремя. Да отложи ты свой дурацкий сакс и хлебни хорошенько, пока я все не вылакал...

Хэнк послушался, отложил саксофон и сделал два основательных глотка, чтоб наверстать упущенное, а к тому моменту, когда он вернул бутылку Верджу, машина разогналась, въехала на откос, и они очутились на автостраде. Модель «Т» радостно побежала по своей полосе и обогнала несколько других машин, отнюдь не стоявших на месте. Крылья гремели с удвоенной скоростью, а трескотня катушек магнето напоминала пулеметные очереди.

— Ну и ну, — восторженно заявил Вердж, — вы только гляньте на эту бабушку! В ней еще жизни на десятерых. Слушай, Хэнк, ты имеешь представление, куда мы держим путь?

— Ни малейшего, — ответил Хэнк и снова взялся за саксофон.

— А, черт, — сказал Вердж, — какая разница, куда мы едем, лишь бы ехать! Тут недавно был указатель, и на нем написано «Чикаго». А может, мы и правда едем в Чикаго?

Хэнк на минутку вынул мундштук изо рта.

— Может, и так. Меня это не волнует.

— Меня, в общем, тоже, — откликнулся старина Вердж. — Чикаго, эй, принимай гостей! Лишь бы выпивки хватило. Похоже, что хватит. Мы же прикладывались то и дело, а в бутылке еще больше половины...

— Ты не голоден, Вердж? — спросил Хэнк.

— Черт возьми, нет! — ответил Вердж. — Не голоден и спать не хочу. Никогда не чувствовал себя так хорошо во всей моей жизни. Лишь бы выпивки хватило и эта куча железа не вздумала развалиться...

Модель «Т» гремела и лязгала, но бежала наравне с целой стайей машин, мощных и обтекаемых, которые не гремели и не лязгали, — и Хэнк играл на саксофоне, а старина Вердж размахивал бутылкой и вопил всякий раз, когда дребезжащая старушка обставляла «линкольн» или «кадиллак». Луна висела в небе — и, кажется, на одном месте. Автострада перешла в платное шоссе, и перед ними мрачной тенью возникла первая кассовая будка.

— Надеюсь, у тебя есть мелочь, — сказал Вердж. — Что до меня, я пустой — шаром покати...

Однако мелочь не понадобилась, потому что, едва модель «Т» подкатила поближе, шлагбаум при въезде

на платный участок поднялся, и гроыхающая корбчка прошла под шлагбаум бесплатно.

— Все вышло по-нашему! — завопил Вердж. — С нас не берут платы — и не должны брать! Мы с тобой столько пережили, что нам теперь кое-что причитается...

Слева, чуть поодаль, выросла тень Чикаго. В башнях, громоздящихся вдоль озерного берега, сверкали ночные огни — но машина объехала город по длинной широкой дуге. И как только обогнула Чикаго и нижнюю часть озера, как только одолела затяжной поворот, похожий на рыболовный крючок, перед пассажирами открылся Нью-Йорк.

— Я не бывал в Нью-Йорке, — заявил Вердж, — но видел картинки Манхэттена, и чтоб мне провалиться, это Манхэттен. Только я не догадывался, Хэнк, что Чикаго и Манхэттен так близко друг от друга.

— Я тоже не догадывался, — ответил Хэнк, прерывая игру на саксе. — География, конечно, вверх тормашками, но какое нам к черту дело до географии? Пусть эта развалина шляется где уютно, весь мир теперь принадлежит нам...

Он вернулся к саксофону, а модель «Т» продолжала свою прогулку. Прогрохотала каньонами Манхэттена, объехала вокруг Бостона и спустилась назад к Вашингтону, к высокой игле одноименного монумента, и старику Эйбу Линкольну, сидящему в вечном раздумье на берегу Потомака.

Потом они спустились еще дальше к Ричмонду, проскочили мимо Атланты и долго скользили вдоль залитых лунным светом песков Флориды. Проехали по старинным дорогам под деревьями, обросшими бороатым мхом, и заметили вдаль слева огни дряхлающих кварталов Нью-Орлеана. А затем вновь направились на север, и машина вновь резвилась на гребне, а внизу опять расстилались чистенькие уголья и фермы. Луна висела там же, где и раньше, не двигаясь с места. Они путешествовали по миру, где раз и навсегда было три часа ночи.

— Знаешь, — произнес Вердж, — я бы не возражал, если б это длилось без конца. Не возражал бы, если б мы никогда не приехали туда, куда едем. Это так здорово — ехать и ехать, что не хочется узнавать, где конечная остановка. Почему бы тебе не отложить свою дудку и не хлебнуть еще чуток? У тебя же, наверное, во рту пересохло...

Хэнк отложил саксофон и потянулся за бутылкой.

— Знаешь, Вердж, у меня точно такое же чувство. Вроде бы нет никакого смысла беспокоиться о том, куда мы едем и что случится. Все равно нет и не может быть ничего лучшего, чем сейчас...

Там у темного павильона ему чуть не припомнился какой-то слух про старину Верджа, и он хотел даже упомянуть об этом, но хоть режь, не мог сообразить, какой такой слух. Теперь сообразил — но это оказалась такая мелочь, что вряд ли заслуживала упоминания. Ему рассказывали, что милый старина Вердж умер.

Он поднес бутылку к губам и приложился от души, и, ей-же-ей, в жизни не доводилось пробовать спиртного и вполонину столь же приятного на вкус. Он передал бутылку другу, снова взялся за саксофон и стал наигрывать, ощущая пьянящий восторг, — а призрак модели «Т» катил, погромыхая, по залитой лунным светом дороге.

Содержание

Утраченная вечность

Марсианин, пер. К. Королева	7
Страшилища, пер. К. Королева	24
Утраченная вечность, пер. О. Битова	70
Смерть в доме, пер. С. Васильева	103
Дурной пример, пер. С. Васильева	125
Свалка, пер. О. Битова	146

Игра в цивилизацию

День перемирия, пер. И. Почиталина	191
Через речку, через лес, пер. И. Можейко	209
Мир, которого не может быть, пер. И. Можейко	218
Денежное дерево, пер. И. Можейко	256
Фактор ограничения, пер. Н. Евдокимовой	291
Игра в цивилизацию, пер. Т. Гинзбург	310
Однажды на Меркурии, пер. Н. Рахмановой	336

Мир «теней»

Мир «теней», пер. К. Кузнецова	359
Ведро алмазов, пер. С. Барсова	400
Земля осенняя, пер. К. Королева	435
Строительная площадка, пер. К. Королева	457
Грот танцующих оленей, пер. А. Корженевского	472
Призрак модели «Т», пер. О. Битова	493

Миры Клиффорда Саймака кн.16 / Пер. с англ.
Рига: Полярис, 1994. — 511 с.

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

**Полное собрание
фантастических произведений в 16 томах**

Книга шестнадцатая

Составитель А. Новиков

Главный редактор А. Захаренков

Ответственный за выпуск Е. Чутов

Редактор А. Александрова

Технический редактор К. Козаченко

Корректоры Е. Ошуркова, А. Хиришфелде

Оператор компьютерной верстки Н. Амосова

Художественное оформление серии: М. Захаренкова

Оформление обложки и форзаца: А. Кириллов

Оформление шмуцтитлов: А. Бибанаев

ЛР № 062455 от 3.10.94

Подписано в печать 27.11.94. Формат 84х108/32

Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.

Усл. печ. л. 26,88. Тираж 15 000 экз. Заказ № 5438.

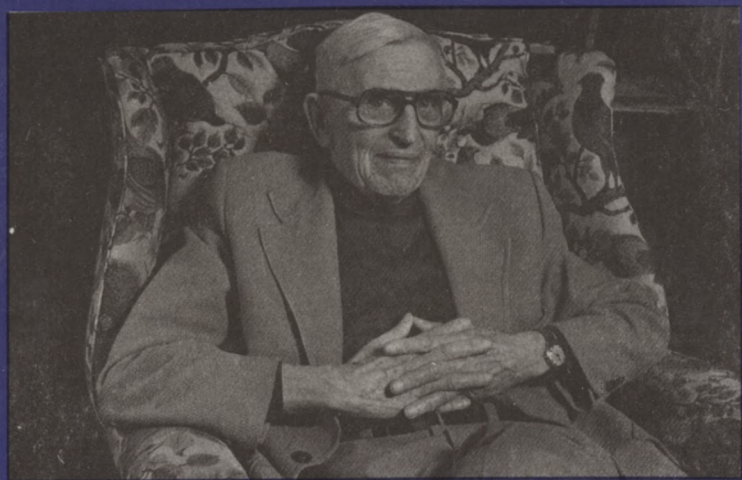
Издательская фирма «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов на
Книжной фабрике № 1 Комитета РФ по печати
144003, г. Электросталь Московской области,
ул. Тевосяна, 25.

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher